УДК 94(470+477) [″18/19″(075.8)
ББК 63.3(2) 521я73
И90

Авторы:
О. А. Яновский (предисловие); **В. В. Сергеенкова** (гл. 2, 3, 5, 7);
Ю. А. Блашков (гл. 1, 4, 5, 8); **И. В. Оржеховский** (гл. 1, 2, 5);
О. И. Ершова (гл. 6); **С. Б. Жарко** (гл. 9);
В. В. Яновская (гл. 10); **С. Л. Луговцова** (гл. 11, 12);
О. В. Бригадина (гл. 13)

Рекомендовано Ученым советом
исторического факультета
23 октября 2007 г., протокол № 3

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *А. М. Лютый*;
кандидат исторических наук, доцент *А. П. Сальков*

История России и Украины (XIX – начало XX в.) : пособие
И90 для студентов ист. фак. спец. 1-21 03 01 «История (по направлениям)». В 2 ч. Ч. 1 / О. А. Яновский [и др.] ; под ред. О. А. Яновского, В. В. Сергеенковой. – Минск : БГУ, 2008. – 367 с.
ISBN 978-985-485-963-7 (ч. 1).

В первой части пособия изложены сведения об исторических событиях и процессах, происходивших в первой половине XIX в.: социально-экономическом и политическом развитии Российской империи, внутренней и внешней политике Александра I и Николая I, Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе российской армии, проектах М. М. Сперанского, движении декабристов, общественно-политической жизни 1830–1840-х гг., положении украинских земель под властью Российской и Австрийской империй, развитии русской культуры. Авторы опирались на новейшие достижения исследований по российской истории.

Для студентов исторического факультета специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)».

УДК 94(470+477) [″18/19″(075.8)
ББК 63.3(2) 521я73

ISBN 978-985-485-963-7 (ч. 1)
ISBN 978-985-485-964-4

© БГУ, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роль России в мировом сообществе настолько велика, что обращение к истории этой страны позволяет до сих пор использовать ее в самых различных, в том числе политических, целях. На любом уровне познания (научном или образовательном) история России XIX – начала XX в. таит в себе массу неожиданной фактической информации, заставляет вникать в сложные построения концептуальных подходов, которыми пестрит историография разных исследовательских школ. К тому же данный период среди других этапов российской истории как никакой иной подвергнут всякого рода интерпретациям – от сугубо научных до конъюнктурно-политических.

Изучение феномена российской государственности крайне привлекательно с научной точки зрения. В принципе не требует доказательств основополагающее утверждение, что именно в XIX – начале XX в. Россия превратилась в многоязычную и пространственно огромную страну-империю. В ней со всей очевидностью обнажились ее характерные, исторически сложившиеся особенности, внутренние противоречия самого различного свойства, в частности, те, что были обусловлены, во-первых, архаичностью общественно-экономических отношений и, во-вторых, характером российского капитализма и колониализма с уже развивавшимися тенденциями деколонизации. Наряду с этим Россия начала определять важнейшие направления развития мирового сообщества, что стало возможным в силу достигнутого достаточно высокого уровня экономического и в целом цивилизационного развития.

Главное же то, что в этот период как бы был подведен итог эволюции важнейших сторон жизни российской государст-

венности, многотрудного формирования и сплочения сообщества десятков народов, этносов, культур. Одновременно с этим отчетливо стали проявляться новые и деформироваться старые политические и общественные устои, набрали темп модернизационные процессы, что породило внутри- и внешнеполитические причины революционных потрясений начала XX в. Более того, все это определило основную гамму проблем и противоречий современной России.

Конечно, представленный в данном пособии период российской истории – это и вершина всего предшествующего исторического пути, и его перевал, за которым, как показало время, открылось многое, что не предполагалось и не предсказывалось ранее никем.

Например, в высшей степени это осознается при анализе самого главного феномена российской истории – многонациональности. На данном благодатном базисе именно в XIX в. наконец в полную силу реализовала себя великая культура, которая привычно называется русской. С одной стороны, она стала плодом общероссийского цивилизационного развития, смешения культурных достояний многих народов империи в горниле традиций и ментальности русского этноса. Огромную роль в этом случае сыграл русский язык, который самым естественным образом, а также благодаря властной политике превратился в важнейший фактор «удерживания» всей российской государственности в сложившихся границах, стал основной формой реализации великой русской культуры. С другой стороны, именно нахождение в составе империи объективно позволило всем другим ее этносам получить и усилить импульсы своей национальной самоидентификации, создать предпосылки для будущих национальных государственностей, что еще больше и сильнее усугубляло иные противоречия российской политической и общественной жизни.

Так, период XIX – начала XX в. характерен бурным ростом национально-освободительного движения, которое имело различные формы и проявления: от течений общественной, интеллигентской мысли до открытых вооруженных выступлений. Он пронизан попытками правительственных и оппозиционных сил решить обострившийся в это время «польский вопрос», совладать в том числе с «украинским» и «белорусским», понять границу между лояльностью и оппо-

зиционностью евреев, разобраться с национально-культурным пробуждением прибалтийских народов, финнов, грузин, армян, некоторых других народов Кавказа, которое неуклонно осенялось идеями политического самоопределения. Новые проблемы подобного свойства стали сразу вызревать на огромных просторах поэтапно присоединяемых среднеазиатских территорий.

Обозначив многонациональность Российской империи, историография чуть ли не автоматически концентрирует свое внимание на изучении в различных плоскостях и проявлениях всех спектров религиозной жизни. Особенно это касается конфессиональной политики самодержавия: от противодействия его «польскому» католицизму или лютеранству прибалтийских народов и немцев Поволжья до противостояния с воинствующим исламом народов Кавказа или безобидными языческими культами народов Сибири.

Стремление к повсеместному внедрению православия (как и русского языка) и почтению к самодержавной форме политического правления естественным образом создало не только базу для шаткой идеологической доктрины российской государственности («уваровская троица»), но и стимулировало процессы, объективно разрушавшие империю как уникальное политическое образование. К тому же эти процессы развивались в России в русле общеевропейского Нового времени, когда она проходила очередной мощный виток своей «вестернизации». Им не смогла противостоять мощная бюрократическая машина, даже когда в тех же «северо-западных землях» империи чиновничьего люда было количественно больше, чем собственно в великорусских губерниях.

Оценивая масштабность российского XIX столетия с точки зрения внутриполитического и общественного развития страны, невозможно обойтись без определения исключительной значимости Великих реформ и, прежде всего, отмены «сверху» крепостного права, долгое время бывшего «визитной карточкой» России. Этот правительственный акт явился как итогом предшествующего, так и прологом будущего развития страны. Реформы олицетворяют буржуазное развитие России не только с позиций достигнутого уровня экономического развития, но и новой социальной стратификации и активизации модернизационных процессов буквально во всех

областях жизнедеятельности россиян, новых черт их ментальности и т. д.

Бесспорен факт, что реформы открыли новые горизонты в общем развитии России. Но они же, точнее их ограниченность и незавершенность, привнесли и новые противоречия, стали питательной средой для роста всех видов и форм общественного протеста, политической оппозиционности. Именно во второй половине XIX – начале XX в. в России стало бурно развиваться теоретико-идейное обоснование национально-освободительных, реформационных и революционных умонастроений и устремлений различных категорий населения. Широкое распространение получили направления, группы, партии, которые на основе подобных доктрин занялись практической подготовкой свержения самодержавия. Реальной силой стал его могильщик – марксизм.

Не менее масштабной в сравнении с внутриполитическими процессами была в 1801–1917 гг. внешнеполитическая стратегия российского государства. Она основывалась как на традициях, заложенных еще Иваном III и закрепленных Петром I и Екатериной II, так и на реалиях межгосударственного общения в полную силу развернувшейся эпохи колониальных устремлений, захватов, войн. С необычайной легкостью стали попираться все нормы международного права, сметаться государственные границы, если речь шла о новых рынках всего и вся.

Россия вошла в XIX столетие, закрепившись на Черном и Балтийском морях, а также обуреваемая идеями освоения Русской Америки и материально-политической реализации итогов морских кругосветных экспедиций. Еще более масштабной была внешнеполитическая стратегия ее визави, которыми становились европейские политические гранды – Франция, Англия, Германия. Дипломатическими и военными комбинациями этих стран против России или в союзе с ней пронизано все время, которое предшествовало, как показала история, Первой мировой войне и революционным потрясениям начала XX в.

Вместе с тем сама Россия на международной арене почти всегда оставалась активным и инициативным соперником и партнером. Не считаться с ее интересами никто не мог, а сама она по-прежнему стремилась целенаправленно их отстаивать. Как и ранее, расширение своих государственных гра-

ниц виделось ей непременным условием национальной безопасности в целом. Эта оправдавшая себя стратегия в условиях бурного буржуазного развития как никогда прежде стала обеспечивать и растущие запросы экономики. В условиях, когда политическая карта мира буквально кромсалась на куски, просторы и богатства российские, в основе своей сформированные за прежние века, не только делали страну конкурентоспособной в капиталистической гонке, но и становились гарантом ее участия в распределении еще не поделенных территорий. Схватки из-за Балкан, Средней Азии и побережья Тихого океана наглядно это демонстрировали.

Одним словом, рассказ о времени, которое предшествовало геополитическим изменениям 1914–1918 гг., – многовекторный и должен содержать значительный объем исторической информации. А она, эта информация, в настоящее время основывается на богатом источниковом материале, хорошо изучена и структурирована, отражена в огромном количестве научных работ историков различных периодов и исследовательских школ. Поэтому данное пособие, которое написано преподавателями кафедры истории России БГУ, является попыткой не только обеспечить студентов-историков подспорьем в системном усвоении ими одного из основополагающих учебных курсов, но и привлечь их к продолжению этой историографической традиции.

Текст авторы стремились сделать таким, чтобы рядом с аксиоматическими положениями присутствовало некоторое возможное для данного уровня познания разнообразие подходов и воззрений. К тому же необходимым и оправданным в рамках учебного курса «История восточных славян» было стремление несколько более подробно оттенить в повествовании об истории России проблематику, связанную со становлением в ее недрах и украинской государственности (вычленение информации и сюжетов по общественному, политическому, культурному развитию украинского народа и территории его проживания). Такой подход вызван тем, что нельзя говорить и писать, лишь констатируя существование в России «украинского вопроса» и при этом не осознавая полноты и особенностей собственно истории украинского этноса, народа, выходившего именно в XIX – начале XX в. на уровень национального самосознания. Была принята во внимание и специфика протекания белорусской истории,

что естественно для учебного материала, используемого в Республике Беларусь.

Содержание первой части пособия изложено традиционно: в нем отражается внутренняя и внешняя правительственная политика, процессы и явления в экономике, характеризуются состояние общества, умонастроения, которые в нем эволюционизировали, развитие культуры.

Деление пособия на две части объясняется тем, что в соответствии с учебными планами российская и украинская история XIX – начала XX в. изучается студентами исторического факультета БГУ на протяжении двух семестров 2-го курса. Кроме учебно-организационного обстоятельства в расчет была взята и научно-смысловая данность: несмотря на несомненную цельность и взаимообусловленность исторических процессов этого периода, именно 1861 год внес в них существенные изменения и определил как новый характер, так и новые причинно-следственные результаты общественно-политического, экономического и культурного развития огромной страны, всех ее важнейших составных частей.

Глава 1

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

ТЕРРИТОРИЯ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ СТРАНЫ. НАСЕЛЕНИЕ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

В начале XIX в. Россия была огромной континентальной страной, включавшей обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии и часть Северной Америки (Аляску, Алеутские острова и часть Северной Калифорнии). К 1860-м гг. на добровольной основе, а также в результате присоединений в ее состав вошли Финляндия, Бессарабия, Царство Польское, Закавказье, Казахстан, Приамурье, Приморье. В 1864 г. русским войскам удалось закрепиться на Северном Кавказе и тем самым завершить завоевание местных горских племен, которое переросло в полномасштабную вялотекущую войну. В целом территория Российской империи за рассматриваемый период увеличилась с 16 до 18 млн км^2.

Как и более ранние, вновь приобретенные Россией в первой половине XIX в. территории существенно отличались своим положением от классических колоний европейских стран, где завоеванные территории не включались в состав государств-метрополий. Колонии считались отдельными территориями и управлялись администрацией, опиравшейся на военную силу. Для них существовали отдельные законодательные установления, ставившие местное население в положение полурабов. В России же такие территории входили непосредственно в состав единого государства, что сопровождалось соответствующими унификаторскими процессами. Вместе с тем все это не исключало учета местной специфики. Внутреннюю автономию в

составе Российской империи имели Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Управление нерусскими народами Сибири осуществлялось на основе принятого в 1822 г. «Устава об инородцах» (разработка М. М. Сперанского). Эти народы пользовались правом управления и суда по своим обычаям (под общие судебные положения попадали только тяжкие преступления).

Наряду с высоким естественным приростом (1 % в год) расширение территории страны стало одним из факторов, обусловившим существенное увеличение численности населения России в дореформенный период: в конце XVIII в. здесь проживало 37 млн человек, после завершения наполеоновский войн – 45 млн, а в середине XIX в. – 69 млн (без Великого княжества Финляндского и Царства Польского). В то же время прослеживались характерные для доиндустриального общества низкие показатели средней продолжительности жизни россиян – 27,3 года, что определялось высокой детской смертностью и периодическими эпидемиями. Территориальное размещение населения оставалось крайне неравномерным. В европейской части России его плотность была значительно больше, чем в азиатской, причем здесь существовали территории с наличием признаков аграрного перенаселения (демографический рост входил в противоречие с традициями экстенсивного развития местного сельского хозяйства и приводил к малоземелью). Однако даже в наиболее густонаселенных районах Российской империи (центральные земледельческие и промышленные губернии) в начале XIX в. плотность населения не превышала 8 человек на 1 км^2 (в Западной Европе – 40–49 человек).

В центральных районах России преобладали русские (43 % от общей численности населения), на западе и юге страны – украинцы и белорусы. В своей совокупности этот восточнославянский «треугольник» составлял ядро российского суперэтноса. В целом же он был исключительно многонационален: в Поволжье и на севере Европейской России жили финно-угорские народы (мордва, мари, коми, удмурты, карелы), в Финляндии – финны; на степных пространствах от Крыма до Дальнего Востока размещалось тюркское население (татары, башкиры, якуты и др.); в Прибалтике проживали литовцы, латыши, эстонцы, в Закавказье – грузины, армяне, азербайджанцы, в Польше – поляки, на юго-западе – молдаване; на Северном Кавказе сосредотачивалось большое число народностей, таких как дагестанцы, чеченцы, ингуши, адыгейцы и др.; на Дальнем Востоке – эвенки, эвены, чукчи и т. д.

Следует иметь в виду, что официального понятия «национальность» в России не существовало. Своеобразной заменой данному по-

нятию выступало вероисповедание, в связи с чем в практической плоскости под «русским» подразумевалась государственная принадлежность (в подобном ракурсе рассматривались понятия «русская армия», «русская культура», «русско-шведская война» и т. д.).

Этническая пестрота состава населения России обусловила его многоконфессиональный характер – существование множества вероисповеданий. Государственной религией являлось православие, которого придерживались русские, украинцы и белорусы, а также представители других народов (в целом до 87 % населения). В западных районах страны основными верованиями было католичество (Польша, территория западноукраинских и западнобелорусских земель) и протестантизм (Прибалтика). Тюркоязычные народы придерживались ислама, кочевые племена Нижней Волги и Забайкалья (соответственно калмыки и буряты) – буддизма. Некоторые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока сохранили языческие верования. В результате вхождения в состав России польских земель получил распространение иудаизм (его ареал был ограничен местами компактного проживания еврейского населения).

Многонациональный характер Российской империи в целом сдерживал общее развитие экономики страны. Вместе с тем некоторые из присоединенных территорий (Польша, Финляндия, Прибалтика) имели достаточно развитые экономические структуры и тем самым напрямую способствовали прогрессу России.

Необходимо отметить, что рост численности городских жителей в рассматриваемый период превышал средний прирост всего населения страны. 9/10 россиян проживали в сельской местности. В 1811 г. в городах насчитывалось 2,8 млн человек, в начале 1860-х гг. – 6,1 млн (при увеличении городского населения за полвека в 2,2 раза его «удельный вес» возрос всего лишь с 6,5 до 8 %). В абсолютном выражении успехи урбанизации – одного из главных индикаторов перехода общества на стадию индустриального развития – в дореформенной России были невелики. В сравнении с европейскими странами численность городского населения в России оставалась весьма незначительной.

За первую половину XIX в. количество российских городов выросло с 630 до 1032. Однако среди них преобладали мелкие административные центры с населением до 5 тыс. человек. Выделялись же, прежде всего, столицы – Санкт-Петербург (за полстолетия численность его жителей увеличилась с 336 до 540 тыс. человек) и Москва (с 275 до 462 тыс. человек), прирост населения которых был обусловлен в первую очередь притоком крестьян из окрестных гу-

берний (в середине XIX в. к крестьянскому сословию относились 54 % жителей Санкт-Петербурга и 58 % жителей Москвы). Сравнительно крупными городами с населением более 100 тыс. человек были Одесса и Варшава. В целом к концу дореформенного периода в России насчитывалось 14 городов с населением в каждом свыше 50 тыс. человек (среди них Вильно, где проживало более 50 тыс.). В Сибири самым крупным городским центром являлся Тобольск (16 тыс. человек). Однако в связи с тенденцией оттока населения из северных городов во вновь возникшие южные и со смещением в соответствующем направлении сибирского тракта значение Тобольска постепенно снижалось.

Многие российские города, в сущности, представляли собой большие села и в разряд городских центров попадали по административному признаку. В то же время было немало крупных торгово-промышленных селений, которые по характеру занятий жителей и внешнему виду являлись настоящими городами. Например, принадлежавший графам Шереметевым крупный центр текстильной промышленности России – село Иваново – превосходил даже губернский город Владимир. К промышленным селам относились также Павлово, Кимры, Вичуга, Метера, являвшиеся собственностью крупных помещиков-магнатов – Паниных, Голицыных, Юсуповых, Воронцовых.

Административно-территориальная структура Российской империи, в основу которой легло «Учреждение для управления губерний» 1755 г., при Николае I получила дальнейшее совершенствование и приобрела характер административной унификации.

В начале XIX в. европейская часть России делилась на 47 губерний и 5 областей: Астраханскую, Таврическую, Кавказскую, землю Войска Донского и землю Войска Черноморского. В последующем количество губерний увеличилось за счет деления некоторых из них, придания подобного статуса областям и распространения губернской системы на присоединенные территории. Так, на положение губерний были переведены Астраханская и Таврическая области. Губернское правление введено в Великом княжестве Финляндском (в начале 1850-х гг. – 8 губерний) и Царстве Польском (в 1837 г. здесь вместо воеводств было образовано 5 губерний). В 1822 г. Сибирь в административном отношении была разделена на Тобольскую, Томскую, Омскую, Иркутскую, Енисейскую губернии и Якутскую область. В 1850-х гг. образованы Камчатская, Забайкальская, Приморская и Амурская области.

Стабилизация административно-территориальной структуры Российской империи привела к тому, что к середине XIX в. в ней на-

считывалось 69 губерний и областей. Они подразделялись на уезды (в Украине и Беларуси – на поветы). В среднем на губернию приходилось по 10–12 уездов. Каждый уезд состоял из двух-трех станов (во главе со становыми приставами), которые включали несколько волостей. Административные границы не всегда совпадали с этническим расселением и экономическим районированием страны.

Некоторые группы губерний (главным образом в национальных окраинах) объединялись в генерал-губернаторства и наместничества, которые управлялись военными генерал-губернаторами и царскими наместниками. Три белорусско-литовские губернии (Виленская, Ковенская и Гродненская) были объединены в Виленское генерал-губернаторство, а три правобережноукраинские (Киевская, Подольская и Волынская) – в Киевское. В соответствии с реформой 1822 г. Сибирь оказалась разделенной на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское с центром в Тобольске (а с 1839 г. в Омске) и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. Статус генерал-губернаторств имели столичные губернии – Московская и Петербургская. Система наместничества уравновешивала автономные начала польской конституции 1815 г. В 1844–1845 гг. образовалось Закавказское наместничество с центром в Тифлисе (Дербентская, Кутаисская, Тифлисская, Шемахинская и Эриванская губернии). В начале XIX в. на юге России были образованы пять градоначальств – в Одессе, Таганроге, Феодосии, Керчи, Измаиле (эти административно-территориальные единицы включали города и прилегавшие к ним территории).

Губернская система управления и взаимодействующие с ней другие местные управленческие структуры России функционировали достаточно успешно и до определенной степени обеспечивали политическую стабильность.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. ПОЛОЖЕНИЕ СОСЛОВИЙ

В России, продолжавшей развиваться в первой половине XIX в. на феодальной основе, сохранялись сословные структуры российского общества – социальные группы, обладавшие разными правами и обязанностями, которые закреплялись обычаями или законами и передавались по наследству. В целом социальная жизнь России в данный период оставалась достаточно традиционной, но вместе с тем в ней появились новые отличительные особенности.

По утвердившемуся ранее принципу население Российской империи продолжало делиться на привилегированные и податные сословия. Первенствующее положение занимало дворянство. В отношении его в дореформенный период действовала восстановленная в полном объеме в начале царствования Александра I «Жалованная грамота» 1785 г. и другие однопорядковые законодательные акты. Вместе с тем согласно проводимой российскими властями социальной политике их положения претерпевали определенные изменения. Так, в 1831 г. была скорректирована (в сторону ограничения) система выборов дворянских корпоративных организаций.

Дворянство состояло из двух категорий – потомственного (передавалось по наследству) и личного. Потомственное дворянство приобреталось по происхождению, выслуге (согласно продолжавшим действовать положениям петровской Табели о рангах), «монаршей милостью» за какие-либо заслуги, а также «пожалованием» соответствующего российского ордена. По традиции в состав потомственного дворянства включалась социальная «верхушка» присоединенных к России в дореформенный период территорий (при этом сохранялся ряд местных особенностей): польские магнаты и шляхта, бессарабские бояре, грузинские тавады и азнауры, мусульманские князья, ханы, беки и мурзы и т. д. Личное дворянство приобреталось путем определенной выслуги, которая предусматривалась Табелью о рангах.

Для сдерживания наплыва «нового дворянства» (к 1825 г. его удельный вес в общей дворянской массе составлял уже 54 %, что угрожало «размыванием» главной социальной опоры самодержавия) власти дважды – в 1845 и 1856 гг. – поднимали «планку» чинов Табели о рангах, позволявшую претендовать как на потомственное, так и на личное дворянство. Было установлено, что только первые степени большинства российских орденов (кроме Святого Георгия и Святого Владимира) давали право на получение потомственного дворянства.

Чтобы ограничить доступ в дворянство лицам из других сословий, в 1832 г. последовало введение привилегированной сословной категории почетных граждан – потомственных и личных. В разряд потомственных почетных граждан зачислялись дети личных дворян и духовных лиц, окончивших академию или семинарию, купцы, состоявшие в первой гильдии 20 лет либо награжденные орденами, ученые, художники. В состав личных почетных граждан включались дети низшего духовенства, лица, окончившие высшие учебные заведения, чиновники XIV–X классов (это вытекало из по-

следовавшего в 1845 г. ограничения системы получения дворянства по выслуге). Принадлежность к немногочисленному сословию почетных граждан освобождала от рекрутской повинности, телесных наказаний и подушной подати.

В середине XIX в. общая численность дворян в Российской империи приближалась к 1 млн человек (за минувшее полстолетие она увеличилась вдвое). При этом более 600 тыс. человек являлись потомственными дворянами (больше половины из них были польскими шляхтичами).

При наличии иных соотносимых с «первенствующим» сословием привилегий (возможность формирования сословного самоуправления, освобождение от обязательной службы, податей, рекрутской повинности, телесных наказаний и др.) потомственные дворяне обладали исключительным правом владения крепостными крестьянами. Однако далеко не все из них смогли воспользоваться им в полной мере, чтобы, обладая высокодоходными поместьями, сделать землевладение своей основополагающей экономической базой.

В 1833 г. (данные 8-й ревизии) среди общей массы потомственных дворян (127 тыс. семей) насчитывалось: беспоместных – 14 %; владельцев поместий, в которых находилось до 20 душ крестьян (мелкопоместные), – 45,9 %; собственников 21–100 душ – 24 %; обладателей 101–500 душ – 13,2 %; хозяев 501–1000 душ – 1,8 % (в их распоряжении до 14,5 % крепостных); владельцев более 1000 душ – 1,1 % (представители известных крупных магнатских родов обладали до 33 % крепостных крестьян).

В целом дореформенному периоду присуще заметное обособление богатого дворянства от среднего и малоимущего. В 1850-х гг. только чуть более 18 тыс. дворян получали от своих имений достаточный доход, чтобы пользоваться финансовой независимостью. Трудности приспособления к новым экономическим условиям (потребность дворян иметь в своем распоряжении свободные деньги, как правило, не подкреплялась умением и желанием – в силу «неприличности» – реализовывать сельскохозяйственную продукцию своих имений на рынке) вели к оскудению дворянских фамилий. Появились дворяне, вынужденные пахать землю вместе с крестьянами. Но со временем все более отчетливой становилась привычка дворян жить не по средствам (стремление «с расходом свесть доход» было характерно, прежде всего, для столичного дворянства). Если к началу XIX в. в залоге находилось не более 5 % крепостных крестьян, то к 1830-м гг. – уже 42 %, а к 1860-м гг. – 65 %.

В дореформенный период дворяне жили в основном уже за счет жалованья за службу. Вместе с тем потребность дворянской службы определялась и психологическими факторами. Власти считали уклонение от нее предосудительным. Служба, являясь составной частью понятий дворянской чести, патриотизма, «первенствующего» сословия, становилась ценностью нравственного порядка. Служебный чин определял практически все стороны жизни дворянина. В начале XIX в. симпатии дворянского общества явно склонялись к военной службе. Однако с течением времени положение стало меняться. Во второй четверти XIX в. статская служба становится доходнее и престижнее, чем военная (фрак берет реванш у мундира). В то же время дворянство оказалось неспособным обеспечить за счет своей среды функционирование разросшегося государственного аппарата (с 1796 по 1857 г. численность чиновничества выросла в 6 раз). В середине XIX в. в составе чиновников было чуть более 35 % дворян. Чиновничьи структуры активно пополнялись разночинцами.

В первой половине XIX в. в России продолжала действовать чисто сословная система комплектования армии. В офицерском корпусе в отличие от государственного аппарата дворяне, составляя его костяк, сохранили ведущие позиции (в середине 1840-х гг. его дворянская составляющая доходила до 75 %). Он, как и российское общество в целом, был разделен на «ранги». Армейскую аристократию составляли офицеры гвардии (при направлении в армию они получали повышение сразу на два чина). Основная же тяжесть службы (в том числе и участие в боевых действиях) ложилась на армейских офицеров. Низшую ступень подобной иерархии занимали офицеры гарнизонных батальонов, инвалидных рот.

Российскую армию в рассматриваемый период отличала значительная текучесть офицерских кадров (в среднем 5–7 лет службы). Многие дворяне воспринимали армию, прежде всего, как возможность быстрого достижения очередных чинов для последующего занятия приличных должностей на гражданской службе.

Для первой половины XIX в. было характерно, что большую роль в российском государственном аппарате и армии играли остзейские немцы (их доля среди высшей бюрократии и командного состава не опускалась ниже трети, а иногда доходила и до половины).

Обозначенная эпоха стала временем поисков «аристократией крови» европейских альтернатив дедовским привычкам и обычаям. Однако они далеко не всегда были успешными. В целом здесь

наблюдалось тесное переплетение «архаизма» и «европеизма», что придавало дворянскому быту черты яркого своеобразия.

К привилегированным сословиям России в дореформенный период относилось и духовенство, которое делилось на две категории – белое (приходские священники и низший клир) и черное (монахи и монахини). Из черного духовенства выходило высшее руководство (архиереи – епископы, архиепископы и митрополиты), которое отрекалось от мирской жизни и не могло иметь собственности, гражданских связей с родственниками и т. д. Общее же руководство всем духовенством осуществляло своего рода «министерство вероисповедания» – Синод с осуществлявшим надзор за его деятельностью обер-прокурором. В начале XIX в. насчитывалось 25,1 тыс. православных храмов, в 1860 г. – 36,2 тыс. Численность приходского духовенства (без семей) в 1825 г. составила 102 тыс. человек, а в 1860 г. – 126 тыс. В 1808 г. действовало 447 православных монастырей (353 мужских и 94 женских), в которых находилось около 5 тыс. монашествующих и до 6 тыс. послушников (лиц, готовившихся к пострижению в монахи). К 1860 г. численность монастырей возросла до 614 (более 8,5 тыс. монашествующих и более 13,2 тыс. послушников). Духовенство было освобождено от рекрутчины, подушной подати и других государственных повинностей. В 1801 г. с духовных лиц были сняты телесные наказания. В последующем приходскому духовенству было дано право приобретать недвижимость в городе и деревне, безвозмездно пользоваться дровяным и строевым лесом из казенных лесных угодий. Земли духовенства были исключены из обложения при сборе земских повинностей.

Для российского духовенства в данный период была характерна его сословная замкнутость. С конца XVIII в. должность приходского священника стала передаваться по наследству (как правило, старшему сыну, окончившему духовное училище или семинарию). Преобразование приходов в наследственную собственность не позволяло дипломированным богословам вытеснить малообразованное духовенство путем выборов. Это вполне соответствовало ориентации властей, прежде всего, на требование политической благонадежности священников, которому традиционное духовенство отвечало в большей степени, нежели «новое».

Сословная замкнутость, специфическое воспитание, браки в своей среде – все это создавало из духовенства тип касты, отторженной от мирского общества, и вело к печальному взаимному отчуждению.

Преодолевая негативные для себя последствия екатерининской секуляризации, в первой половине XIX в. монастыри с помощью царских пожалований и покупки земель снова стали превращаться в крупных земельных собственников. Наиболее значительные из них (Троице-Сергиев, Киево-Печерский, Соловецкий, Александро-Невский, Спасо-Ефимиев) владели по нескольку десятков тысяч десятин земли. Монастыри сдавали в аренду часть земельных владений, мельницы, торговые лавки, занимались промышленной деятельностью, ссужали деньги под проценты, имели вклады в банках.

Материальная обеспеченность приходского духовенства отличалась существенной контрастностью. При наличии относительно богатых приходов (чаще всего приходской притч получал солидный доход от несения служб в крупных городах) большая часть приходского духовенства (особенно сельского) отличалась своей бедностью. Сельские священники вынуждены были вести такие же хозяйства, как и местные прихожане. Они страдали от всевозможных поборов епархиального начальства и чиновничества. Особенно тяжело приходилось им в том случае, если приходы принадлежали помещикам.

Сословный статус свидетельствовал о полупривилегированном положении российского купечества. Принадлежность купцов к трем гильдиям определялась размером минимального капитала, необходимого для получения соответствующего гильдейского свидетельства (в конце первой четверти XIX в. – 50, 20 и 8 тыс. рублей). Купечество освобождалось от подушной подати (вместо этого оно выплачивало ежегодный денежный взнос, размер которого за первую четверть XIX в. увеличился с «классического» 1 до 5,2 % заявленного «по совести» капитала) и телесных наказаний, а купцы 1-й и 2-й гильдий освобождались и от рекрутской повинности. Представители двух первых купеческих гильдий получали право на оптовый и розничный торг (при этом купцам 1-й гильдии разрешалась торговля не только в России, но и за ее пределами), а также на устройство промышленных предприятий. Сфера деятельности купцов 3-й гильдии (до 3/4 от общей массы купечества) ограничивалась мелочной торговлей, содержанием лавок, бань, постоялых дворов.

За первую половину XIX в. численность купечества выросла со 125 до 180 тыс. душ мужского пола (в последнем случае купцы составляли 4,5 % городского населения).

Необходимо отметить, что сословный статус купца всецело зависел от его имущественного состояния: в случае разорения и бан-

кротства он утрачивался. Деятельность торгового купечества основывалась на умении «оборачиваться» и личных способностях. Эти компоненты делового успеха далеко не всегда унаследовались преемниками купца, поэтому продолжительность купеческой династии, занимавшейся торговой деятельностью, составляла два-три поколения. Более устойчивыми были купеческие роды, помещавшие капиталы в производственную сферу.

В начале XIX в. купечество переживало глубокий кризис, сопровождавшийся упадком прежних крупных купеческих династий (сказывалось увеличение налогового бремени, накладывали отпечаток наполеоновские войны). В 1820–1830-х гг. на ведущие позиции выдвинулись более инициативные предприниматели из среды провинциального купечества, «торгующих» крестьян (в том числе выкупившихся на волю крепостных), мещан. Заметной была старообрядческая «прослойка» предпринимательства. Сколачивание крупных капиталов «нового» купечества осуществлялось на винных откупах, подрядах, ростовщических операциях. Многие процветающие предпринимательские династии XIX в. (Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Третьяковы, Бахрушины) связали свою деятельность с демонстрировавшей устойчивые прибыли хлопчатобумажной промышленностью, начиная с организации мелких мастерских или рассеянных мануфактур.

При определенных изменениях купеческого быта «аристократия капиталов» очень осторожно принимала образ жизни «аристократии крови» (здесь наблюдалась взаимная отчужденность). Основная масса купечества по-прежнему соблюдала традиционный уклад жизни и методы ведения дел (строгая домашняя субординация, стремление лично контролировать ход дел, тяготение к покою и т. п.).

В целом картина жизни привилегированных слоев населения России в дореформенный период свидетельствовала, с одной стороны, о постепенном их сближении, с другой – о незыблемости подобных межсословных границ.

Основу непривилегированных (податных) сословий и всего населения страны составляли крестьяне. При наличии многочисленных внутренних подгрупп они состояли из трех категорий: частновладельческих (помещичьих), государственных (казенных) и удельных (принадлежавших царской фамилии). В полном смысле слова крепостными здесь можно назвать крестьян, находившихся в собственности помещиков и удела (дворцового ведомства). Несмотря на абсолютный прирост в 1,5 раза численности ча-

стновладельческих крестьян, которые являлись определяющим демографическим фактором крепостничества, их доля в общей крестьянской массе сократилась с 62 до 48 %, а в составе населения страны – с 40 до 37 %. Устоявшийся в советской историографии стереотип о крепостническом статусе подавляющей части дореформенного крестьянства явно не соответствует российским реалиям того времени. Тем не менее крепостнические устои в России в первой половине XIX в. оставались впечатляющими.

Накануне отмены крепостного права в Российской империи насчитывалось в общей сложности до 23,1 млн помещичьих крестьян (в том числе 1464 тыс. дворовых и 543 тыс. приписных к частным заводам и фабрикам). Вполне крепостническими представлялись ее центральные губернии, а также Литва, Беларусь и Правобережная Украина (50–70 % населения). В северных и южных (степных) губерниях частновладельческие крестьяне составляли от 2 до 12 % жителей. Вместе с тем совсем не было крепостных крестьян в Архангельской губернии, а в Сибири их насчитывалось всего 4,3 тыс. человек (в основном дворовых).

Как и другие податные сословия, помещичьи крестьяне выплачивали подушную подать, которая по-прежнему являлась основным прямым налогом в России, и осуществляли поставку рекрутов. Хотя 25-летняя армейская служба (в 1834 г. ее срок был сокращен до 20 лет) в конечном итоге избавляла от крепостничества, рекрутская повинность считалась самой тяжелой. Крепостные крестьяне, в сущности, находились в полной зависимости от владельцев. (В связи с этим В. А. Федоров заметил, что крепостное право превратилось в «вещное право».) Они могли их продавать (лишь в 1833 г. власти запретили продажу членов крестьянских семей поодиночке, а 1841 г. – продавать крестьян без земли), дарить, закладывать в кредитных учреждениях, распоряжаться крестьянским имуществом, регулировать браки, подвергать телесным наказаниям («но без увечья»), сдавать вне очереди в рекруты, ссылать по своей прихоти в Сибирь (временно – в 1809–1822 гг. – крепостники были лишены такой возможности). Помещики, реализуя свои феодальные права на землю и на внеэкономическое принуждение крестьян, по собственному усмотрению возлагали на них повинности: барщину, оброк, натуральные сборы, различного рода работы.

Государственные крестьяне, которые официально назывались «свободными сельскими обывателями», по численности были соизмеримы с помещичьими: в 1858 г. их насчитывалось около

19 млн человек обоего пола. В рассматриваемый период среди казенных крестьян окончательно закрепились однодворцы (до 2 млн человек обоего пола) – потомки служилых людей, размещенных главным образом в Курской, Орловской и Воронежской губерниях, где находились охраняемые ими засечные черты. При Петре I на них накладывали подушную подать и заставляли отбывать рекрутскую повинность. В 1840 г. однодворцы лишились права владеть крепостными крестьянами, в общей сложности 23 тыс. душ мужского пола. При этом они сохранили на правах собственности свои земельные участки.

В большинстве своем государственные крестьяне сосредоточились в северных и центральных губерниях России, в пределах Левобережной и степной части Украины, в Поволжье и на Урале. Помимо «классических» для податных сословий повинностей (подушная подать, рекрутчина) государственные крестьяне выплачивали в казну денежный оброк и выполняли в пользу государства натуральные повинности (дорожная, подводная, постойная), участвовали в «мирских сборах». Управление государственной деревней осуществлялось вначале Департаментом государственных имуществ Министерства финансов, а с 1837 г. – Министерством государственных имуществ (реформа П. Д. Киселева). С 1801 г. практика раздачи казенных крестьян в частные руки прекратилась (при ближайших предшественниках Александра I дворянам было передано до 1,4 млн душ). Однако при этом действовали такие факторы попадания в другие формы закрепощения, как перевод в военные поселяне, передача в удельное ведомство. До 350 тыс. государственных крестьян, размещавшихся в Литве, Беларуси и в пределах Правобережной Украины, были сданы в аренду (их эксплуатация арендаторами была чрезвычайно жесткой).

«Промежуточное» положение между частновладельческими и государственными занимали удельные крестьяне. Они являлись собственностью императорской фамилии и раньше назывались дворцовыми. Переименование произошло в 1797 г. в связи с образованием в системе государственного аппарата особого ведомства по их управлению – Департамента уделов. В конце 1850-х гг. насчитывалась 851 тыс. ревизских душ, которые проживали в пределах удельных имений 37 губерний (северных, северо-восточных, центральных, поволжских). Причем до половины удельных крестьян сосредотачивались в Симбирской и Самарской губерниях. Все удельные крестьяне находились на оброке. Кроме того, в удельных имениях существовали и натуральные повинности (дорожная, подводная, постойная).

Некоторые члены императорского дома имели непосредственно крепостных крестьян. Ярким примером может быть великая княгиня Елена Павловна (жена великого князя Михаила Павловича), владевшая имением Карловка в Полтавской губернии (54 тыс. крепостных).

В первой половине XIX в. до 3/4 крестьянских хозяйств развивались в рамках традиционной общинной системы (подворное землевладение занимало доминирующее положение лишь в западных губерниях страны). Община (мир) выступала своеобразным арендатором земли у собственника: помещика, казны, удельного ведомства. Крестьяне-общинники пользовались ею на условиях получения равных участков (по числу едоков каждого двора или иным критериям). При этом учитывались качество почвы, рельеф, расстояние от усадьбы. Каждый хозяин получал полосы и на лучших, и на худших землях по жребию и по соглашению. В целях соблюдения равенства решениями крестьянских сходов (собраний общинников-хозяев) могли производиться периодические переделы земли. Они же рассматривали вопросы землепользования, выборов старост, назначения опекунов сиротам и др. Действовала так называемая «круговая порука»: крестьяне должны были помогать друг другу в выплате всех податей и выполнении повинностей. Находясь в зависимости и от владельца, и от общины, крестьяне были «связаны по рукам и ногам».

Характеризуя крестьянство дореформенной России, А. А. Бестужев-Марлинский подчеркивал, что это «бодрый, свежий, разноязычный, судя по областям, народ», который с древнейших времен сохранил «свою поступь, поговорку, свой обычай, свой оригинальный характер».

Другим податным сословием в дореформенной России были мещане – лично свободное население городов. Сам термин «мещане» произошел от утвердившегося здесь в конце XVIII в. польского слова «място» (город). Юридически мещанское сословие было оформлено екатерининской «Жалованной грамотой городам» 1785 г. Мещане платили подушную подать, отбывали рекрутчину и выполняли другие денежные и натуральные повинности (наиболее тяжелой из них была постойная – обязанность принимать на постой «нижних чинов» местных гарнизонов).

В 1811 г. в Российской империи числились 703 тыс., а в 1858 г. – 1890 тыс. мещан обоего пола. Кроме традиционных «городовых обывателей» – владельцев городской недвижимости, торговцев, ремесленников, приказчиков – в мещане часто записывались разо-

ривщиеся купцы и разбогатевшие крестьяне. После выкупа на волю крепостные крестьяне, желавшие перейти в сословие мещан, обязывались приписываться к какому-либо уездному городу, но, как правило, продолжали проживать в своих прежних селениях.

Своеобразное место в социальной структуре дореформенной России занимало казачество. За счет этого полупривилегированного военизированного сословия формировалась иррегулярная конница, которая принимала активное участие в боевых действиях, а в мирное время сосредотачивалась на охране границ. Военнообязанным считалось все мужское население казачьих войсковых округов в возрасте от 18 до 50 лет. Несение военной службы освобождало казачество от рекрутчины, подушной подати и других повинностей. Основанные на обработке земли казачьи хозяйства должны были обеспечить их владельцев всем необходимым для успешного выполнения служебных обязанностей. Кроме того, казачество занималось скотоводством (в основном коневодством), торговлей (в пределах казачьих округов она была беспошлинной), промыслами. Предполагалось, что «душевой» казачий надел должен был составить 30 десятин. Однако эта норма земельных «паев» казаков, особенно в старых, более густозаселенных округах, не соблюдалась. Офицеры казачьих частей уравнивались в правах с армейскими. Их земельная собственность существенно превышала наделы земли рядового казачества (уже на уровне обер-офицерских чинов она составляла 200–600 десятин).

Казачество имело своеобразную систему местного самоуправления – станичный сход, на котором избирался становой атаман. Во главе того или иного казачьего войска стоял наказной атаман, назначавшийся центральной властью. При общем подчинении казачьих войск структурам Военного министерства их возглавлял верховный атаман (по утвердившейся в 1827 г. традиции таковым являлся наследник престола).

В первой половине XIX в. существовало восемь казачьих областей-войск, которые составляли Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское (Уральское), Сибирское, Забайкальское и Амурское казачества. В 1858 г. несли службу около 1,4 млн казаков (в том числе 600 тыс. на Дону).

В этот период официально оформились в особую сословную неподатную категорию населения разночинцы. Известная еще с начала XVIII в. пестрая межсословная группа «людей разного чина и звания» становится достаточно однообразной по характеру своих занятий, положению в обществе, а также и в правовом отношении.

Состав разночинцев – мелких чиновников, учителей гимназий, деятелей науки, литературы и искусства – пополнялся выходцами из крестьянства, мещанства, купечества, духовенства, деклассированного дворянства. В середине XIX в. он включал 24 тыс. душ мужского пола.

Разночинцы не имели достаточной экономической базы. Многие из них жили ниже приемлемого уровня. Неудивительно, что разночинцы легко становились в оппозицию к существующему режиму. Вместе с тем традиционное видение в разночинцах исключительно «деятелей передового общественного движения» не соответствует действительности: подавляющее их большинство верно служило престолу.

Разночинцам было суждено сыграть очень важную роль в истории России. Наряду с дворянами они имели прямое отношение к оформлению в 1860–1870-х гг. российской интеллигенции – людей умственного труда, получивших образование и специальные знания в различных областях науки, техники и культуры и приверженных идее общественного блага (последнее обстоятельство делало интеллигенцию специфическим российским явлением).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В дореформенный период сельское хозяйство продолжало оставаться важной отраслью экономики России. Для социально-экономической жизни страны, а также государственно-политического строя, внутренней и внешней политики, культуры по-прежнему весьма значимым было воздействие природно-климатических и географических факторов. Россия представляла собой северную страну, поэтому земледелие, которое являлось здесь основным занятием населения, велось в очень неблагоприятных условиях (преобладание скудной почвы, неравномерное сезонное и региональное выпадение осадков, сокращение времени проведения полевых работ и т. д.).

За первую половину XIX в. валовые сборы зерна в России выросли на 50 % – со 156 до 234 млн четвертей (в среднем в одной четверти как мере сыпучих тел насчитывалось 8–10 пудов). В 1850-х гг. масса товарного хлеба составляла уже более 390 млн пудов (около 18 % среднегодового сбора зерна), из которых на экспорт шло 70 млн пудов (за полвека вывоз хлеба вырос примерно в 3 раза). До 90 % поставок зерна на рынок осуществляли помещичьи хозяйства. Возмож-

ности крестьянских хозяйств, как правило, позволяли им обеспечивать лишь прожиточный минимум.

Однако такие успехи в сельском хозяйстве России базировались в целом на экстенсивном развитии агросистемы: за рассматриваемый период посевные площади здесь выросли на 53 % – с 38 до 58 млн десятин (преимущественно за счет южных и восточных регионов). Вместе с тем следует иметь в виду, что с учетом демографических тенденций производство хлеба на душу населения в России оставалось на том же уровне. Частым явлением были неурожаи, вызывавшие голод среди определенной части населения и падежи скота. Особенно опустошительными в этом отношении были 1820–1821, 1833, 1835, 1839, 1845, 1848 и 1855 гг. Но это не значит, что Россия на завершающей стадии существования феодально-крепостнической системы вымирала. В 1850-х гг. в Российской империи на душу населения приходилось около 21 пуда (336 кг) хлеба и картофеля. В это время даже завышенная норма использования хлебов составляла 20 пудов на человека. В начале 1990-х гг. Б. Г. Литвак вопреки устоявшемуся в советской историографии мнению сделал вывод, что накануне отмены крепостного права «возможности продовольствования населения страны не уступали современным нормам».

Поступательное развитие сельского хозяйства России в целом базировалось на старой системе и низком уровне агрокультуры. Господствующей системой земледелия было трехполье (яровые – озимые – пар). В то же время в северных регионах при обилии лесных угодий и недостатке пахотных земель трехполье существовало вместе с подсечно-огневой системой. В южных степных районах с обширными земельными пространствами и относительно редкой населенностью применялся залежно-переложный способ ведения земледелия.

Среди сельскохозяйственных культур преобладали «серые» хлеба: рожь, овес, ячмень. Рожь занимала более половины посевов зерновых и была главной продовольственной культурой. Но уже в 1840-х гг. расширились посевы картофеля, который постепенно становился «вторым хлебом» для крестьян. В черноземных губерниях увеличились посевы пшеницы. В Украине внедрялись посевы сахарной свеклы, которая шла на производство сахара и винокурение.

В развитии сельского хозяйства наблюдались и другие новшества. Расширялись посевы технических культур (лен, конопля, табак и т. д.), вместо традиционного трехполья начала вводиться пло-

досменная система с травосеянием. Внедрялись технически более совершенные сельскохозяйственные орудия и механизмы – молотилки, веялки, сеялки, жатки (нередко их конструировали крестьяне-самоучки). Посредством деятельности обществ сельского хозяйства, устройства выставок, издания агрономической литературы власти поощряли введение этих новшеств. Большую роль здесь играло Вольное экономическое общество.

В земледелии все более активно применялся наемный труд: в 1850-х гг. на сезонные сельскохозяйственные работы уходило около 700 тыс. человек (преимущественно в южные степи, Заволжье, а также в Прибалтику).

Явной уступкой новым экономическим процессам стала ликвидация в 1801 г. монополии дворян на земельную собственность (права на покупку земли получили купцы, мещане, государственные крестьяне). Активно пользовалось возможностью приобретения земли крестьянство (до 1848 г. помещичьи и удельные крестьяне покупали ее на имя владельца или соответствующих удельных структур).

В дореформенной России прослеживались углубление специализации отдельных регионов по производству различных видов сельскохозяйственных культур и соответствующее усиление рыночных связей. В степных районах страны все больше внимания уделялось выращиванию пшеницы, в Крыму и Закавказье – виноградарству и шелководству, в нечерноземных губерниях – льноводству, коноплеводству, хмелеводству. Возле крупных городов складывались центры торгового огородничества. «Колыбелью русского огородничества» стали пойменные земли около оз. Неро вблизи г. Ростова Великого (Ярославская губерния), где были выведены новые сорта овощей и около 500 видов лекарственных растений. В Московской, Ярославской, Тверской, Вологодской, Нижегородской губерниях и в Прибалтике возникли центры торгового птицеводства и мясо-молочного хозяйства. В целом же животноводство имело натуральный характер (скот выращивался главным образом «для домашнего потребления»). В Новороссии, Бессарабии, на Северном Кавказе развивалось тонкорунное овцеводство, которым при большой поддержке правительства, заинтересованного в поставке сырья для предприятий по изготовлению армейского сукна, занимались местные крупные помещики. Однако удельный вес предпринимательского сельского хозяйства по-прежнему оставался незначительным.

Постепенное втягивание помещичьих хозяйств в товарно-денежные отношения, утрата ими своего натурального характера со-

провождались изменениями в соотношении форм феодальной ренты. Основным видом повинностей крепостных крестьян являлась патриархальная барщина. Удельный вес барщинных крестьян за первую половину XIX в. вырос с 56 до 71 %. Причем в земледельческих центрально-черноземных, средне- и нижневолжских губерниях, производивших товарную продукцию, на отработочной ренте находилось 80–90 % крестьян. В центрально-промышленных губерниях 2/3 крестьян были на оброке. В местностях с развитым промышленным отходом крестьян (Ярославская и Костромская губернии) оброчная повинность являлась определяющей для 80–90 % крепостных.

Вхождение помещичьих хозяйств в сферу товарно-денежных отношений вело к увеличению эксплуатации крестьян. Связанные с рынком жизненные запросы крепостников постоянно росли и существенно превосходили их уровень в условиях натурального хозяйства. Однако основанные на подобных факторах традиционные утверждения, что в рамках рассматриваемого периода наблюдалось двух-, трехкратное возрастание оброка (около 17–20 рублей с души в 1850-х гг.) и 65%-ное увеличение барской запашки, требуют уточнений. Во-первых, следует иметь в виду нестабильность финансовой системы страны, а во-вторых, необходимо учитывать возможность крестьян компенсировать эксплуататорские издержки с помощью дополнительного отходного промысла (он расширялся опять же в связи с развитием товарно-денежных отношений). Реальное утяжеление крепостнических повинностей в дореформенный период представляется не столь уж значительным. Большинство крестьянских хозяйств продолжало оставаться «середняцким».

Вместе с тем в первой половине XIX в. в России набирал темпы процесс расслоения крестьянства (особенно сильно он проявился в казенной деревне, а также в оброчных помещичьих имениях). Постепенно в крестьянской среде рос слой так называемых «капиталистых» крестьян – ростовщиков, скупщиков, торговцев, предпринимателей. При незначительной численности этой деревенской «верхушки» ее роль была исключительно велика. «Капиталистые» крестьяне могли удерживать в своем подчинении целые округа. В силу своего положения они не были заинтересованы в социальной напряженности на селе. Крепостные «капиталистые» крестьяне шли на большие материальные жертвы, чтобы выкупиться на волю, приписаться в сословия либо купцов, либо мещан. Известный фабрикант С. В. Морозов в 1820 г. приобрел волю у своего помещика Рюмина за 16 тыс. рублей. Несколько десятков

владельцев текстильных предприятий с. Иванова выплатили графу Шереметеву за свою свободу 1 млн рублей и оставили за помещиком всю ранее приобретенную недвижимость (фабрики, леса, земли поступили в их пользование уже на условии высокой арендной платы). Далеко не всегда помещики соглашались отпускать на волю своих крепостных-фабрикантов даже за большой выкуп, поскольку те выплачивали им высокие оброки. Крепостнические «бастионы» явно препятствовали становлению и развитию русского предпринимательства.

Дальнейшее расширение отработочной формы феодальной ренты в дореформенной России вовсе не являлось свидетельством ее большей «рентабельности» по сравнению с оброком, поскольку сопровождалось неуклонным падением производительности барщинного труда. Сочетание подобных тенденций свидетельствовало лишь об углублении процесса разложения феодально-крепостнической системы и возникновении в крепостном хозяйстве в 1830-х гг. кризисных явлений. В условиях возрастания товарности сельского хозяйства увеличивалась возможность превращения крестьянских хозяйств из натуральных в мелкотоварные (это позволяло им существенно укрепиться). В силу данных обстоятельств крестьяне все сильнее тяготились господской работой и откровенно саботировали ее. Производительность труда в помещичьих хозяйствах была в 2 раза ниже, чем при обработке их собственных наделов. Известный славянофил А. И. Кошелев в статье «Охота пуще неволи» (1847 г.) писал: «Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, – ему не дело делать, а день убить». В отношении же работы на своей надельной земле крестьяне четко знали, что «день летний год кормит».

Существенные трудности в дореформенные десятилетия прослеживались и в развитии оброчных помещичьих имений. С 1820-х гг. здесь повсеместно росли недоимки по выплате крестьянами оброка (они в 2–3 раза превышали годовые оброчные оклады). К этому времени крестьянские неземельные промыслы уже стали уступать в конкурентной борьбе мануфактурным (а затем и фабричным) производствам, что снижало доходы крестьян нечерноземных губерний. Платежные возможности оброчных деревень подрывались также дальнейшим нажимом на крестьян со стороны помещиков.

Владельцы имений изыскивали способы повысить их доходность в привычных рамках крепостных отношений. Использова-

лись система «брат на брата» (половина работников крестьянских хозяйств была всецело занята на барщине, а другая – на надельной земле), «уроки» (определение дневной нормы барщинной работы), привлечение в качестве наемных работников крепостных крестьян соседних помещиков. Крайней формой традиционной «рационализации» барщинных хозяйств являлась «месячина» (плата натурой в виде месячного продовольственного пайка и иных жизненно важных принадлежностей при обязанности крепостных крестьян, лишенных полевых наделов, все рабочее время находиться на барщине).

Не более 3–4 % помещиков пытались на практике рационализировать свои хозяйства. Однако осознание ими необходимости более высокой производительности наемного труда наталкивалось на российские реалии узости рынка наемной рабочей силы и сопряженные с этим значительные затраты. Показательное во всех отношениях имение Авчурино помещика Полторацкого (Калужская губерния) существовало за счет других его владений.

Очевидной демонстрацией кризисного состояния помещичьих хозяйств в дореформенные десятилетия (и вместе с тем опровержением известного тезиса П. Б. Струве об их «процветании») стал рост задолженностей их владельцев государственным кредитным учреждениям. Накануне отмены крепостного права они составляли 425 млн рублей (тем самым вдвое превышался годовой доход в бюджете государства).

Проявлением кризиса феодально-крепостнической системы стал и тот обиходный фактор, что средняя урожайность в России в дореформенный период не превышала показатель сам-3–4 (30–35 пудов с десятины). Она была намного меньше, чем в европейских странах (во Франции урожаи были на 40 % выше, в Англии – на 100 %). За всем этим усматривались сущностные процессы. В частности, американский исследователь Р. Пайпс утверждает: «...цивилизация начинается лишь тогда, когда посеянное зерно воспроизводит себя по меньшей мере пятикратно; именно этот минимум (предполагая отсутствие ввоза продовольствия) определяет, может ли значительная часть населения освободиться от необходимости производить продукты питания и обратиться к другим занятиям. В стране с достаточно низкой урожайностью невозможны высокоразвитая промышленность, торговля и транспорт. Можно добавить: невозможны там и высоко развитая политическая жизнь».

Действительно, разложение и кризис феодально-крепостнической системы с очевидностью свидетельствовали, что дореформенная Россия была весьма ограничена в возможностях цивилизован-

ного развития. Причем демонстрация передовыми странами Запада значительных достижений в процессе модернизации, т. е. в переходе от традиционного (аграрного) общества к индустриальному, была чревата для России судьбоносным отставанием. Вместе с тем в кризисных явлениях, которые проявлялись в феодально-крепостнической системе в дореформенные десятилетия, обращали на себя внимание и весьма позитивные факторы. Еще в большей степени, чем в сельскохозяйственном производстве, они проявлялись в развитии промышленности. Здесь стали формироваться капиталистические отношения. В целом разложение и кризис феодально-крепостнической системы можно считать вполне закономерным и прогрессивным явлением.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

В экономике России первой половины XIX в. промышленность играла подчиненную роль. Вместе с тем по темпам роста промышленное производство существенно опережало сельскохозяйственное. В структуре российской промышленности, ее размещении, организации, техническом оснащении, в составе рабочей силы в это время наблюдались неизвестные или почти неприметные ранее явления.

Отличительной чертой экономики дореформенной России являлось неравномерное размещение промышленного производства по территории страны. Основными промышленными центрами были ее центрально-нечерноземные (легкая промышленность) и северо-западные (металлообрабатывающая) губернии, составляющие Центрально-Промышленный район. В начале 1860-х гг. на их долю приходилось до 70 % стоимости промышленного производства (наиболее весомый вклад при этом вносили Петербургская, Московская и Владимирская губернии). Уровень промышленного развития других регионов был значительно ниже (Черноземный центр обеспечивал 6,6 % общей стоимости товаров, Украина – 5,1 %, ранее олицетворявший российскую промышленность Урал – 4,4 %).

Среди отраслей доминирующее положение занимала обрабатывающая промышленность, сориентированная главным образом на выпуск предметов массового потребления. В 1850-х гг. стоимость ее продукции составляла примерно 550 млн рублей. Внутри этой отрасли главной являлась текстильная промышленность (хлопча-

тобумажная, суконная, полотняная, шерстяная, шелковая). Среди ее самостоятельных производств наиболее развитым было хлопчатобумажное, которое в дореформенный период испытывало настоящий бум. После присоединения России в 1807 г. к континентальной блокаде и прекращения подвоза пряжи из Англии здесь началось развитие бумагопрядения, использовавшего в качестве сырья среднеазиатский хлопок (до этого были только бумаготкацкие предприятия, работавшие на английской пряже). За первую четверть XIX в. количество хлопчатобумажных предприятий выросло в 3 раза, а количество рабочих на них – в 10. Для последующего прогресса хлопчатобумажной отрасли особое значение имели введенный в России в 1822 г. протекционистский тариф и последовавшее затем значительное удешевление (вследствие технического совершенствования английских фабрик) импортной хлопковой пряжи. В значительной степени успехи бумаготкацких предприятий были связаны с широким использованием на них вольнонаемного труда и повышением технологического уровня производства. Накануне отмены крепостного права в хлопчатобумажной отрасли было сконцентрировано свыше 54 % всех рабочих-текстильщиков, и она давала 68 % стоимости продукции текстильной промышленности.

В то же время в дореформенный период существенные трудности испытывали суконное и особенно полотняное производства. Суконная отрасль текстильной промышленности базировалась на основе деятельности переданных в свое время в частные руки казенных предприятий в целях удовлетворения потребностей русской армии в сукне и прекращения его покупки за границей. Практика обязательных поставок в казну сдерживала ее развитие. После последовавшего в 1816 г. разрешения работы на рынок суконные предприятия значительно увеличили свое производство.

На положении еще одной старой отрасли текстильной промышленности – полотняной – сильно сказались перемены на рынке сбыта. В результате промышленного переворота в Англии вывоз сюда полотна из России резко сократился. Повлияли также замена английского парусного флота паровым и удовлетворение потребностей англичан за счет более дешевых и красивых местных фабричных тканей. Тяготы российского полотняного производства усугублялись и конкуренцией со стороны хлопчатобумажной промышленности. Если в начале XIX в. она удовлетворяла потребность страны в ситце лишь на треть (остальное ввозилось из Англии), то уже к концу 1820-х гг. ситец почти исчез из списков импортных товаров. От-

носительно дешевые и красивые ситцевые ткани пользовались устойчивым спросом населения.

В тяжелой промышленности России преобладали металлургия и металлообработка. Наблюдавшееся с начала XIX в. перераспределение удельного веса между обрабатывающей и горнозаводской промышленностью сопровождалось кризисом металлургического производства. Здесь основную роль по-прежнему играл Урал, дававший около 4/5 металлургической продукции (кроме того, продолжали действовать отдельные сибирские заводы и расположенные в центральных губерниях Европейской России так называемые «замосковные»).

Главенствующее место Российской империи в поставке железа на международный рынок быстро утрачивалось. Удельный вес страны в мировой металлургии сократился с 12 в 1830 г. до 4 % в 1850 г. Если в начале XIX в. Россия еще экспортировала более 30 % производимого ею металла, то уже в середине 1830-х гг. этот показатель не достигал и 20 %. За первую половину XIX в. производство чугуна в России выросло лишь в 2 раза – с 8 до 16 млн пудов (причем известное движение вперед здесь наметилось лишь накануне отмены крепостного права, что было связано с началом применения на Урале пудлингования). В это же время его производство в Англии увеличилось в 29 раз (с 8 до 234 млн пудов). Преобладание принудительного труда, сочетавшегося с применением архаичного оборудования и использованием устаревших приемов производства (главным источником энергии была вода, поэтому зимой работы свертывались), делало российскую металлургию совершенно неконкурентоспособной по отношению к английской, производившей за счет метода пудлингования значительно более дешевое железо. Она выживала только благодаря жесткой системе таможенных тарифов на ввоз черных и цветных металлов.

Характерным явлением для промышленности России в данный период стало параллельное и взаимосвязанное развитие всех трех форм организации промышленного производства: мелкотоварного, мануфактурного и фабричного. В обрабатывающей сфере мелкотоварное производство, представленное преимущественно крестьянскими кустарными промыслами, а также мелкой городской промышленностью (здесь предпринимателями выступали купцы и мещане), превосходило крупную мануфактурную (впоследствии и фабричную) промышленность и по числу работников, и по объему выпускаемой продукции. В 1850-х гг. здесь производилось 2/3 товаров для массового потребления (ткани, обувь, посуда, домашняя

утварь, сельскохозяйственный инвентарь, строительные детали и прочее). Вместе с тем возникли новые виды промысловой деятельности, обеспечивавшие интересы дворянства и городской «верхушки» (шелкоткачество, изготовление галунов и позументов, кружевное дело), а также художественные промыслы (выделка ковров, выпуск лубочных картин, игрушек, икон).

Крестьянская промышленность сосредотачивалась в центрально-промышленных губерниях (Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Калужская). В первой половине XIX в. здесь на основе традиционных занятий в поисках приработка различными ремеслами сложились целые промысловые округа. В крупных торгово-промышленных селах, обычно являвшихся центрами этих округов, неземледельческие занятия постепенно стали играть в крестьянском хозяйстве главную роль. Такие известные промысловые селения, как Иваново и Тейково Владимирской, Павлово, Ворсма, Богородское, Мурашкино и Городец Нижегородской, Вичуга, Середа, Сидоровское и Красное Костромской, Великое Ярославской, Кимры Тверской, Улома Новгородской губерний, превратились в центры текстильной, кожевенной, металло- и деревообрабатывающей промышленности. Так, в 1840-х гг. с. Иваново (владение графов Шереметевых в Шуйском уезде) давало заработок для 42 тыс. человек и вырабатывало хлопчатобумажных изделий на 23 млн рублей. Характерно, что крестьянские промыслы получили развитие преимущественно в крепостной, а не государственной деревне. Прогрессу этих селений, принадлежавших частным владельцам, способствовало покровительство крестьянским промысловым занятиям со стороны помещиков, заинтересованных в повышении доходности своих имений.

Наряду с общим интенсивным ростом крестьянских промыслов и мелкой городской промышленности в дореформенный период прослеживалась тенденция их массового разорения (сказывалась как собственно внутренняя конкуренция между ними, так и противостояние им крупной промышленности). При этом наиболее предприимчивые мелкотоварные производители накапливали средства и расширяли производство. За счет разорения мелких предпринимателей формировались кадры рабочих для крупных предприятий. Последнее обстоятельство стимулировало вкладывание в промышленное производство купеческих капиталов. В целом мелкотоварное производство стало прочной базой для формирования и усиления позиций капиталистических мануфактур – крупных

предприятий, сориентированных на использование вольнонаемных работников и основывающих свою деятельность на разделении труда и ручной технике.

Помимо капиталистических в первой половине XIX в. в России развивалась и крепостническая мануфактура. Она была представлена двумя типами предприятий – вотчинными, которые открывались в помещичьих имениях и базировались на труде крепостных крестьян, и посессионными, владельцы которых, как и прежде, использовали в качестве рабочей силы закрепленных за мануфактурами работных людей.

Характерной чертой развития крупной промышленности стало постепенное укрепление позиций капиталистических мануфактурных предприятий и соответствующее вытеснение ими мануфактур, развивавшихся на крепостной основе. В 1799 г. на 2,1 тыс. предприятий обрабатывающей промышленности Российской империи было занято 48,2 тыс. (59 %) крепостных (вотчинных и посессионных) рабочих и 33,6 тыс. (41 %) вольнонаемных, в 1860 г. на 15,3 тыс. промышленных объектах соответственно – 103 тыс. (18 %) и 565 тыс. (82 %).

Вместе с тем следует учитывать, что при очевидности роста удельного веса наемного труда численность крепостных работников в обрабатывающей промышленности в дореформенный период выросла в общей сложности в 2,5 раза. Особенно показательным подобный рост был для вотчинных мануфактур: численность рабочих здесь увеличилась с 14,7 до 91 тыс. (в 6 раз). Вотчинная мануфактура, в целом уступая в конкурентной борьбе капиталистическим предприятиям, все же проявляла способность к адаптации в новых условиях, вызванных изменениями в экономике страны.

Помещики стремились компенсировать невысокую производительность труда крепостных крестьян возможностями использования бесплатных ресурсов собственных имений (сельскохозяйственное сырье, лес и т. д.). В этом отношении экономически успешными были попытки основания вотчинных мануфактур не только в «классической» текстильной промышленности, но и в ряде новых отраслей промышленного производства – кожевенной, шелковой, свеклосахарной. Кроме того, действовала система покровительственных мер правительства, стремившегося поддержать помещичье предпринимательство (предоставление дешевого кредита и выгодных заказов казны).

В отличие от вотчинной посессионная мануфактура, олицетворением которой являлись уральские металлургические заво-

ды, с очевидностью демонстрировала полную несостоятельность применения подневольного труда. В 1807 г. владельцам посессионных предприятий разрешили освобождать приписных крестьян от обязательных работ, выделяя при этом из каждой тысячи рабочих по 58 «непременных» работников. Однако подобные начинания не позволили предотвратить упадок посессионных мануфактур. В результате 18 июня 1840 г. власти вынуждены были утвердить инициируемую «снизу» возможность их ликвидации. При этом приписные работники переводились в разряд государственных крестьян, а владельцы посессионных предприятий лишались всех производственных мощностей, которые первоначально получали от казны. Однако даже существенные издержки не смогли остановить предпринимателей: к 1860 г. были ликвидированы 106 из 150 действовавших посессионных мануфактур (количество приписных рабочих за дореформенный период сократилось с 33,5 до 12 тыс. человек).

Уже в начале XIX в. в российской промышленности применялись машины, однако это имело скорее случайный характер. Большая часть значительных достижений русской технической мысли (многие из разработок были сделаны одновременно и даже раньше английских) в условиях господства феодально-крепостнической системы еще долгое время оставались невостребованными или не могли получить должного распространения. По мнению большинства исследователей, переход от ручной мануфактурной техники к машинной в России начался в 1830–1840-х гг., а завершился в 1870–1880-х гг. Соответствующая трансформация мануфактуры в фабрику получила название промышленного переворота или промышленной революции. Это явление имело две стороны: техническую (систематическое применение машинной техники) и социальную (формирование промышленной буржуазии и пролетариата).

Промышленный переворот в России имел свои особенности: он начался в условиях сохранения феодально-крепостнической системы позднее, чем в передовых западных странах, и был довольно продолжительным.

В соответствии с классической английской моделью наиболее интенсивно механизировались отрасли текстильной промышленности и, прежде всего, хлопчатобумажное производство. Здесь наибольшие трудности были связаны с первичной обработкой хлопка и с прядением. В Россию поставлялась готовая английская пряжа, что вело к повышению затрат ее хлопчатобумажного

производства и значительному удорожанию готового ситца. При массовом экспорте пряжи в Англии действовал запрет на вывоз прядильных машин. В силу этого потребовались определенные усилия, чтобы с 1808 г. в России началось самостоятельное бумагопрядение.

Однако наладившая выпуск бумагопрядильных машин Александровская казенная мануфактура в Петербурге оказалась неспособной обеспечить российскую хлопчатобумажную промышленность высококачественной техникой. Перелом наступил лишь в 1842 г., когда английские власти отменили запрет на вывоз из страны бумагопрядильных машин. Если в 1846 г. в России функционировало 70 тыс. веретен, которые приводились в действие паром, то в 1859 г. – 1600 тыс. В начале 1860-х гг. в текстильном производстве насчитывались уже 2 млн механических прядильных веретен и 15 тыс. механических ткацких станков.

Значительных успехов на первом (дореформенном) этапе промышленного переворота добилась сахарная промышленность. К началу XIX в. в России действовало 7 заводов, специализировавшихся на очистке ввозимого с Вест-Индских островов тростникового сахара. В это время в Германии стал применяться способ изготовления сахара из свеклы, оказавшийся весьма перспективным для российских условий. Успехам сахарной промышленности способствовала практиковавшаяся в России с начала 1820-х гг. протекционистская политика, а также поощрение правительством применения в ней передовых технологий. В 1848 г. из 340 сахароваренных заводов только 40 имели паровые установки с вакуумными аппаратами, а к 1881 г. общая численность предприятий сократилась до 238, но из них 237 были паровакуумными.

Другие отрасли промышленности в силу особенностей своего развития демонстрировали разную степень готовности к восприятию технического прогресса. Позднее всего промышленный переворот начался в горнодобывающей промышленности.

Промышленная революция в России стимулировала развитие такой новой отрасли производства, как машиностроение. Среди его первенцев были петербургские литейные предприятия – завод Берда и Александровский казенный завод. В отсутствие глубокой специализации они выпускали пароходы, паровозы, паровые машины, вагоны, промышленное оборудование. В целом к 1860 г. в России было уже около 100 машиностроительных заводов. Только за 1850-е гг. производство машин выросло в 16 раз. Однако развитие машиностроения в Российской империи сдерживалось из-за силь-

ной конкуренции английского производства. Если за 1831–1840 гг. в Россию было импортировано машин на сумму около 7 млн рублей, то в 1841–1850 гг. – на 17 млн, а в 1851–1860 гг. – уже на 84,5 млн рублей. При этом спрос на новую технику зачастую оставался неудовлетворенным. В целом в середине XIX в. на долю машинного производства приходилось до 2/3 продукции крупной промышленности страны.

Осуществление промышленной революции в России в условиях сохранения феодально-крепостнической системы предопределило наличие весьма специфических черт, которые были присущи дореформенным наемным работникам и предпринимателям. Как правило, наемные рабочие одновременно являлись и крепостными людьми, очень сильно связанными с сельским хозяйством. С одной стороны, они зависели от фабрикантов, а с другой – от помещиков, которые могли в любой момент вернуть их в имение. Государственный (казенный) крестьянин, ушедший в город, тоже не был полностью свободен, потому что все еще был связан определенными отношениями с общиной. Крестьянин-отходник, выполняя в течение определенного времени роль «вольнонаемного» работника на мануфактуре, в принципе не противоречил интересам ее владельца. Однако он уже не соответствовал потребностям фабричного производства, заинтересованного в постоянных тружениках.

Русская дореформенная буржуазия происходила по преимуществу из гильдейских купцов или «торгующих крестьян», получивших «билеты» (специальные свидетельства на право торговли) и сумевших основать какое-либо предприятие. В их деятельности также имелись известные трудности, связанные с господством в стране феодально-крепостнических отношений.

Часть исследователей обращают особое внимание на специфику социального фактора промышленного переворота в дореформенной России и подчеркивают его особую важность. В силу этого они склонны связывать начало промышленной революции в стране уже с пореформенным периодом.

ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА

В дореформенной России основными видами транспорта оставались водный и гужевой. Перемещение населения и перевозка грузов осуществлялись в основном по рекам – летом на плоскодонных судах и баржах, которые тянули бурлаки (они составляли

большинство среди 450 тыс. судорабочих), а зимой – по льду, санными обозами. Главной транспортной артерией страны являлась Волга. По волжской водной системе из поволжских и центрально-черноземных губерний в Центрально-Промышленный район и Петербург доставлялся хлеб. Кроме того, Волга играла большую роль в торговых связях России со Средней Азией и Персией. Большое транспортное значение имели также Северная Двина, Западная Двина, Неман, Днестр, Дон, по которым в северные, западные и южные порты перевозились различные виды сельскохозяйственной и промышленной продукции.

В условиях развивавшегося внутреннего рынка относительная дешевизна и простота доставки грузов по воде приводили к повышенному вниманию к водным путям со стороны правительства: значительные средства вкладывались в создание новых каналов, портовых сооружений и речных пристаней, расчистку и углубление рек. Продолжалась эксплуатация Вышневолоцкой водной системы. В 1803 г. появился Северо-Екатерининский канал, соединивший Каму с Северной Двиной, а в 1804–1805 гг. стали действовать Огинский и Березинский каналы, связавшие Днепр с Западной Двиной, Неманом и Вислой. В 1808–1811 гг. были созданы Мариинская и Тихвинская водные системы, которые соединили верховья Волги с Балтийским морем. Сооружение каналов продолжалось и в последующем.

В первой четверти XIX в. в России стало развиваться пароходное сообщение. В 1815 г. по Неве стал курсировать первый пароход «Елизавета». В 1817 г. пароходы появились на Волге и Каме. Большую роль в развитии пароходства сыграл основанный в 1849 г. Сормовский судостроительный завод (близ Нижнего Новгорода). В 1860 г. по рекам, а также Балтийскому, Черному и Каспийскому морям плавало 339 пассажирских и транспортных пароходов.

Дореформенная Россия оставалась страной бездорожья. В весеннюю распутицу местные грунтовые дороги становились трудно проезжими. В 1817 г. Россия приступила к устройству шоссейных дорог. Особенно активный период их создания пришелся на середину 1830–1850-х гг. В это время были построены важнейшие транзитные шоссе (Московско-Варшавское, Петербургско-Московское, Московско-Нижегородское и др.). К 1860 г. протяженность шоссейных дорог в России составляла около 9 тыс. верст, что было ничтожно мало для такой огромной страны.

Самым важным событием в развитии системы транспортных коммуникаций Российской империи (а вместе с тем и промышлен-

ной революции) явилось начало строительства железнодорожных линий. В 1837 г. была построена первая железная дорога длиной в 25 верст между Санкт-Петербургом и Царским Селом, имевшая исключительно «увеселительный» характер. В это время в правительственных кругах высказывались пессимистические прогнозы в отношении перспектив железнодорожного сообщения в условиях необъятных пространств России. В частности, идею «подмораживания» страны, т. е. сдерживания технического прогресса, поддерживал министр финансов Е. Ф. Канкрин, который в целом сделал очень много полезного для поступательного развития российской экономики. Тем не менее железнодорожное строительство продолжалось. Реальное экономическое и стратегическое значение стала иметь сооруженная в 1843–1851 гг. железнодорожная магистраль, которая связала Санкт-Петербург с Москвой. В 1859 г. была сдана в эксплуатацию железная дорога между Петербургом и Варшавой. Всего к 1861 г. в России имелось 1,5 тыс. верст железнодорожных линий. К этому времени сравнительно небольшие по своей территории европейские страны были уже покрыты достаточно густой сетью железных дорог. В Англии их протяженность составляла 15 тыс. верст.

Характеризуя возможности передвижения россиян в условиях неразвитости транспортной системы, Н. Я. Эйдельман отмечал, что Россия – «страна огромная, медленная (в 30–40 раз медленнее и, стало быть, во столько же раз “больше”, чем сегодня)». Слабое развитие путей сообщения серьезным образом тормозило экономический рост России, становилось опасным в военно-стратегическом отношении, что особенно отчетливо проявилось в ходе Крымской войны.

ТОРГОВЛЯ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ФИНАНСЫ

В первой половине XIX в. российская торговля продолжала свое поступательное развитие. Важнейшим условием расширения внутреннего рынка являлся рост промышленности, городов и торгово-промышленного населения. Сказывалось также углубление процесса хозяйственной специализации регионов страны, общественного разделения труда. Основными товарами, которые обращались на внутреннем рынке, были хлеб, скот и изделия крестьянских промыслов. Постепенно все большее значение приобретала продукция крупной обрабатывающей промышленности, в первую очередь текстильной.

Главную роль продолжала играть сезонная торговля, основной формой которой были ярмарки (они продолжались от нескольких дней до одного-двух и даже больше месяцев). В 1840-х гг. их численность доходила до 4 тыс., причем половина приходилась на Украину. Преобладали сельские ярмарки, игравшие немаловажную роль в развитии крестьянских промыслов и втягивании деревни в торгово-денежные отношения. В то же время 64 ярмарочных центра имели обороты свыше 1 млн. рублей каждый. Среди них выделялись Нижегородская (переведена в 1917 г. из сгоревшего соседнего села Макарьева), Ирбитская (в западной Сибири), Контрактовая (в Киеве), Коренная (около Курска), Ростовская (в Ярославской губернии) ярмарки. «Всероссийским торжищем» была Нижегородская ярмарка, обороты которой в середине XIX в. составили 70 млн рублей. Ирбитская ярмарка стала своеобразным центром торговых связей России со Средней Азией. Помимо самого процесса торговли на крупных ярмарках демонстрировались технические новинки, завязывались деловые контакты, создавались товарищества и акционерные общества.

В крупных российских городах и промышленных центрах в это время развивалась постоянная (магазинная) торговля. В Москве, Петербурге и некоторых губернских городах уже были сооружены большие гостиные дворы. При всем этом для земледельческих губерний и национальных окраин России ярмарки по-прежнему имели первостепенное значение.

Противоречивым было положение в сфере внешней торговли. С одной стороны, за полвека ее вывоз вырос в 4 раза, ввоз – в 5 раз, с другой – рост экспорта имел отчетливо выраженный сырьевой характер. В составе вывозимых из России товаров преобладали хлеб (его поставки в Европу увеличились в 3,5 раза), лен, пенька, сало, кожа, щетина, лес, в импорте – промышленные изделия и необходимые для индустриального развития страны оборудование и сырье (машины, инструменты, красители, хлопок-сырец и т. д.). В целом для внешней торговли России дореформенного периода был характерен активный торговый баланс (превышение вывоза над ввозом). В значительной степени он обусловливался отказом правительства от практиковавшегося с 1816 г. фритредерства (свободной торговли) и проведения в последующем целенаправленной протекционистской политики (тарифы 1822, 1828 гг.). Развитию внешнеторгового обмена России препятствовали неустойчивая кредитная система и низкий уровень транспортной инфраструктуры страны.

Главным торговым партнером России являлась Англия, на долю которой в середине XIX в. приходилось 34 % внешнеторгового оборота. За ней шли Германия (11 %), Франция (10 %), Китай (7 %). Примечательно, что для азиатских соседей (Китай, Персия и др.) Российская империя выступала, прежде всего, в роли поставщика промышленных товаров (ткани и металлические изделия), вывозя оттуда чай, хлопок, шелк и другие традиционные товары восточной торговли.

В первой половине XIX в. система финансов России носила нестабильный характер. Государственный бюджет сводился к постоянному дефициту, который покрывался главным образом за счет внешних займов. Тормозящим экономическое развитие фактором являлась неустойчивая система денежного обращения, в которой преобладали инфляционные тенденции. В 1840 г. курс ассигнационного рубля понизился до 27,5 копейки серебром. Предпринятые российскими властями попытки стабилизировать финансы страны вначале успеха не имели. Перелом наступил при Е. Ф. Канкрине, который в ранге министра финансов реорганизовал денежную систему на передовом в ту эпоху принципе серебряного монометализма (1839–1843 гг.). При соответствующих накоплениях средств главной монетной единицей был объявлен серебряный рубль. Бумажные деньги изымались из обращения, обмениваясь в расчете 3,5 рубля ассигнациями за 1 рубль серебром. Вместе с тем в оборот вводились кредитные билеты, которые свободно обменивались на серебро в отношении 1 : 1. В конце пребывания Е. Ф. Канкрина в должности министра финансов (1823–1844 гг.) Россия имела бездефицитный бюджет. Однако Крымская война привела только что начавшие выправляться российские финансы в такой глубокий кризис, что его преодоление растянулось на всю вторую половину XIX в.

В целом при поступательном развитии дореформенной экономики России в середине XIX в. с очевидностью стало прослеживаться ее растущее отставание от Запада, что вызывало необходимость кардинальных социально-экономических и политических реформ. Главное место среди них должна была занять ликвидация крепостного права.

Глава 2
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В 1801–1812 гг.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1801 г. «ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВЫХ ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО»

Политика Павла I вызывала недовольство в кругах дворянства, интересы которого были ущемлены. Одним офицерам-гвардейцам не нравились его попытки усилить дисциплину, другие имели к Павлу личные счеты, третьи видели в нем тирана, душившего любые проблески свободы. К середине 1800 г. против Павла I возник заговор, который возглавил вице-канцлер Н. П. Панин. После его ссылки во главе заговора стал петербургский военный губернатор П. А. Пален. Он сумел склонить на свою сторону наследника престола Александра Павловича, доказывая, что ему грозит судьба царевича Алексея. Александр согласился на дворцовый переворот, но при условии, что Павлу будет сохранена жизнь. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке Петербурга группа заговорщиков, среди которых были представители сановной знати, генералы и гвардейские офицеры, совершила переворот. В результате император Павел I был убит. На престол вступил старший сын Павла I – Александр (1777–1825 гг.). В обнародованном им 12 марта 1801 г. Манифесте говорилось: «Судьбам всевышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца». При известии о смерти Павла I «столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости, – вспоминал один из современников, – восторг выходил даже из пределов благопристойности». Дружный хор торжественных од приветствовал восшествие на престол Александра.

Личность Александра I всегда была загадкой для современников. «Сфинкс, не разгаданный до гроба», – писал о нем П. А. Вяземский. А. И. Герцен называл Александра I «коронованным Гамлетом, которого всю жизнь преследовала тень убитого отца». Мысли и поступки Александра I до сих пор по-разному оцениваются исследователями.

Екатерина II не любила своего сына Павла и даже рассматривала вопрос об отстранении его от престола. Воспитанием Александра руководила сама Екатерина II, и он получил отличное образование. Она пригласила для своего любимого внука лучших преподавателей. Его наставником стал швейцарец Ф. Ц. Лагарп, человек высокообразованный, приверженец идей просвещения, республиканец по взглядам. В должности «главного воспитателя» он состоял при Александре Павловиче 11 лет. Ф. Ц. Лагарп внушал Александру просветительские идеи, знакомил его с понятием «естественное равенство людей», беседовал с ним о всеобщем равенстве, добродетели и долге правителя перед подданными, говорил о преимуществе республиканской формы правления, политической и гражданской свободе, «всеобщем благе». Впоследствии Александр I признавался, что всем, что есть у него хорошего, он обязан Ф. Ц. Лагарпу.

С самого раннего детства Александр рос в атмосфере враждебности екатерининского «большого двора» в Петербурге и «малого двора» отца Павла Петровича в Гатчине. Он вынужден был лавировать между ними, скрывать свои истинные чувства и мысли, стараясь угодить и отцу, и бабке. Обстоятельства заставляли Александра, по меткому выражению В. О. Ключевского, «жить на два ума, держать две парадные физиономии», развивали в нем скрытность, недоверчивость к людям и осторожность. Александр I был скрытен, умен, проницателен, тверд в принятии решений. Он обладал «врожденным даром любезности», умел располагать к себе людей различных взглядов и убеждений. «Сущий прельститель», – говорил о нем М. М. Сперанский. Наполеон, уже будучи на о. Святой Елены, так отзывался об Александре I: «Царь умен, изящен, образован; он легко может очаровать, но этого надо опасаться; он неискренен; это настоящий византиец». Современники отмечали такие черты характера Александра I, как упрямство, подозрительность, большое самолюбие и стремление «искать популярности по любому поводу». Исследователи его биографии усматривали в нем «странное смешение философских поветрий XVIII в. с принципами прирожденного самовластия».

Воцарение Александра I было встречено с восторгом. Многие ожидали от нового императора освобождения от тирании Павла I. Александр I вступил на престол в возрасте 23 лет с определенными сложившимися взглядами. Ему необходимо было учитывать недовольство дворян стеснением своих прав при Павле I, требования времени, дух либерализма, распространившийся в Европе после Великой французской революции конца XVIII в. В Манифесте о вступлении на престол 12 марта 1801 г. было объявлено, что Александр I будет управлять «Богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей Екатерины Великия». Этим подчеркивалась его приверженность политическому курсу Екатерины II, много сделавшей для расширения дворянских привилегий.

Первые годы царствования Александра I оставили хорошие воспоминания у современников. Уже в самом начале он упразднил Тайную экспедицию, занимавшуюся сыском и расправой, прекратил раздачу государственных крестьян дворянам. Александр I восстановил отмененные Павлом I «Жалованные» грамоты 1785 г. дворянству и городам, дворянские выборные корпоративные органы, избавил дворян от телесных наказаний, освободил содержавшихся в Петропавловской крепости узников. Были возвращены из ссылки около 12 тыс. опальных чиновников и военных, объявлена амнистия всем бежавшим за границу от павловских репрессий, смягчена цензура, вновь открывались частные типографии. Александр I заявил, что в основе его политики будет строгое соблюдение законов. Идея законности была тогда главной во взглядах представителей различных направлений общественной мысли – от Н. М. Карамзина до декабристов. Александру I предстояло не только устранить последствия правления Павла I, но и усовершенствовать государственный строй, считаясь с «духом времени». В отличие от стран Западной Европы, развивавшихся в направлении формирования индустриального общества, утверждения парламентских традиций, Российская империя стояла перед необходимостью решения двух главных проблем – ликвидации крепостного права и ограничения самодержавия, введения конституционных начал.

Необходимо было проводить гибкую политику уступок и преобразований. В русле этих намерений и осуществлялась политика Александра I в первое десятилетие его царствования, которую вряд ли следует рассматривать всего лишь как «заигрывание с либерализмом». Это была политика преобразований, особенно характер-

ная для раннего этапа правления Александра I, которая может ассоциироваться с таким явлением, как «революция сверху».

Вскоре по воцарении Александр I выслал из столицы участников заговора 11 марта. В первые годы своего правления он опирался на небольшой круг «молодых друзей», который сложился около него еще до восшествия на престол в 1797 г. Это – П. А. Строганов («первый якобинец» и поклонник Бонапарта), его двоюродный брат Н. Н. Новосильцев (старший из всех, отличавшийся энциклопедической образованностью), молодой граф В. П. Кочубей (который хотя и «не блистал талантами», но был полезен «чиновничьей изощренностью») и А. А. Чарторыйский (бескорыстный, честный, приходившийся двоюродным братом последнему польскому королю Станиславу Понятовскому и мечтавший с помощью Александра I восстановить независимость Польши). Они составили летом 1801 г. кружок, который стали называть Негласным комитетом. Он не имел официального статуса государственного учреждения и собирался в апартаментах императора за чашкой кофе. Первоначально члены кружка говорили о необходимости устранения деспотизма в России, об отмене «рабства» крестьян, о предпочтительности республики. С воцарением Александра I тон их разговоров изменился. Негласный комитет вынашивал замыслы весьма смелых преобразований, но не собирался немедленно проводить их в жизнь, предпочитая изучить состояние дел в стране и осуществить самые неотложные мероприятия. Члены Негласного комитета хотя и понимали необходимость преобразований, однако исходили при этом из соблюдения основ незыблемости абсолютизма. Несмотря на то что комитет был «негласным», о нем знали и говорили многие, да и сам Александр I не делал из него тайны. Старые вельможи сразу окрестили «молодых друзей» «якобинской шайкой», что было явным преувеличением. С июня 1801 по май 1802 г. комитет собирался 35 раз, но в 1803 г., проведя всего четыре заседания, он был закрыт. Негласный комитет фактически наметил программу преобразований.

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

Александр I крайне осторожно подходил к решению крестьянского вопроса. Впервые в истории России в начале XIX в. проблема крепостничества была официально рассмотрена в плоскости ограничения. Однако Александр I всегда помнил о судьбе отца и не же-

лал ссориться с дворянством. С самого начала своего царствования он прекратил практику раздачи казенных крестьян в частные руки. Во время его коронации в сентябре 1801 г. не последовало таких раздач, на что надеялись отдельные приближенные к императору лица. Когда один из сановников обратился к Александру I с просьбой о пожаловании ему имения, тот ответил: «Русские крестьяне большею частию принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать число этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян». Это отнюдь не означало, что казенные крестьяне были гарантированы от перевода их на положение крепостных. В 1810–1817 гг. в связи с тяжелым финансовым положением империи было продано в частные руки свыше 10 тыс. казенных крестьян мужского пола; в Беларуси и Правобережной Украине широко практиковалась сдача их в аренду частным лицам.

В 1801 г. купцам, мещанам и государственным крестьянам было разрешено покупать ненаселенные земли и обрабатывать их с помощью наемной силы. Тем самым ликвидировалась монополия казны и дворян на владение землей.

20 февраля 1803 г. вышел указ о вольных хлебопашцах. Он предусматривал освобождение крепостных крестьян на волю за выкуп с землей целыми селениями или отдельными семействами по обоюдному согласию с помещиком. Помещики и раньше могли отпускать по своему желанию крестьян на волю за выкуп. Указ 1803 г. должен был поощрить помещиков к расширению такой практики, с обязательным условием наделения крестьян землей в собственность. Создавалось новое сословие свободных хлебопашцев, которые не выходили из статуса податного сословия. Они уплачивали подушную подать, несли другие государственные денежные и натуральные повинности, включая и рекрутчину. Практического значения указ не имел: за период царствования Александра I в разряд «вольных хлебопашцев» было переведено менее 0,5 % крепостных (около 47 тыс. крепостных душ мужского пола). Причина этого заключалась не только в нежелании многих помещиков предоставить крестьянам свободу даже за выкуп, но и в связи с тяжелыми финансовыми условиями выкупа. Однако идеи, заложенные в этом указе, впоследствии легли в основу реформы 1861 г.

В начале царствования Александра I появились указы, направленные на ограничение помещичьего произвола и смягчение крепостного права, но все они носили паллиативный характер. В Не-

гласном комитете было высказано предложение о запрещении продавать крепостных без земли. Торговля людьми осуществлялась тогда в неприкрытых, циничных формах. Объявления о продаже крепостных печатались в газетах. На Макарьевской ярмарке их продавали с прочим товаром, разлучая семьи. Император и члены Негласного комитета хотели пресечь подобные явления, но предложение о запрещении продажи крестьян без земли натолкнулось на упорное сопротивление высших сановников. Они считали, что это подрывает крепостное право. Не проявив должной решительности, Александр I отступил. В 1801 г. появился только указ, который запрещал публиковать объявления о продаже дворовых. Правда, сама практика их продажи не запрещалась; в публикуемых объявлениях лишь сообщалось, что такой-то не «продается», а «отдается внаймы». В 1808 г. было запрещено продавать крестьян на ярмарках «в розницу», а спустя год, указом 1809 г., было отменено право помещиков ссылать своих крестьян в Сибирь. Подтверждалось правило: если крестьянин единожды получил свободу, то он не мог быть вновь закрепощен. Крестьянам, незаконно записанным за помещиками, предоставлялось право возбуждать иски о предоставлении свободы. Получали свободу крепостные крестьяне, вернувшиеся из плена или из-за границы. Взятый по рекрутскому набору крестьянин также считался свободным и по окончании срока службы уже не мог быть возвращен к своему владельцу. Крестьяне с дозволения помещика получали право торговать, брать векселя, заниматься подрядами.

В 1804–1805 гг. началось проведение аграрной реформы в Остзейском крае – в Латвии и Эстонии. 20 февраля 1804 г. было издано «Положение о лифляндских крестьянах». В 1805 г. оно распространилось и на эстляндских крестьян. Они объявлялись пожизненными и наследственными держателями своих земельных наделов, за которые обязаны были отбывать владельцу земли барщину или оброк. Ограничивалась власть помещика над крестьянами. «Положение» не распространялось на безземельных крестьян. В Латвии и Эстонии Александр I как бы намечал возможный путь решения крестьянского вопроса в России в целом.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЦЕНЗУРНАЯ РЕФОРМА

В 1803–1804 гг. была проведена реформа народного образования. 26 января 1803 г. был издан указ «Об устройстве училищ». Согласно ему в основу системы образования были положены принци-

пы бессословности, бесплатности обучения на низших его ступенях, преемственности учебных программ с тем, чтобы окончивший низшую ступень мог поступить в высшую. Была перестроена вся система учебных заведений. Теперь на низшей, первой ступени она включала одноклассное приходское училище, на второй – уездное трехклассное училище, на третьей – шестиклассную гимназию в губернском городе. Так складывалась система среднего образования, основным звеном которой была шестиклассная губернская гимназия. Высшей ступенью образования были университеты, к которым приравнивались лицеи. Было создано шесть учебных округов во главе с попечителями, назначаемыми императором. Попечитель выполнял функции надзора и контроля над учебными заведениями в округе. Всем учебным процессом в округах ведали университеты. Они разрабатывали учебные программы, выпускали учебники, имели право назначать учителей в гимназии и училища своих округов. Указ 1803 г. предусматривал меру, стимулирующую получение образования. Один из пунктов указа гласил, что по истечении пяти лет после издания указа «никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище».

Были расширены возможности для получения высшего образования, а также открыты новые университеты. Так, в 1802 г. был создан Дерптский университет (Тартуский), в 1803 г. на базе Главной Виленской гимназии – Виленский, в 1804–1805 гг. на базе гимназий начали работу Казанский и Харьковский университеты. В 1804 г. был основан Петербургский педагогический институт, преобразованный в 1819 г. в университет. Особое внимание правительство уделяло совершенствованию системы военного образования, где главная роль отводилась кадетским корпусам.

В 1804 г. был издан Устав университетов. Он предоставлял университетам значительную автономию. Университетская корпорация выбирала ректора и профессоров, имела собственный университетский суд, предусматривалось невмешательство администрации в дела университетов. Университетские профессора составляли цензурные комитеты, которые должны были осуществлять контроль над книгоиздательской деятельностью. Университеты, согласно уставу, имели четыре отделения: нравственных и политических наук (богословие, правоведение, философия, политэкономия); физических и математических наук (математика, астрономия, физика, химия, минералогия, ботаника, агрономия); врачебных и медицинских наук (анатомия и врачебное дело, ветеринария) и словесных

наук (классическая и современная филология, российская и всеобщая история, археология, статистика и география). В Петербургском педагогическом институте, приравненном к университетам, вместо медицинского было открыто восточное отделение. При университетах создавались пансионы для подготовки к поступлению в университет лиц, получивших домашнее образование или же окончивших уездные училища. Университеты готовили преподавателей гимназий, чиновников для гражданской службы, специалистов-медиков. Наиболее способных из числа окончивших университеты оставляли «для подготовки к профессорскому званию». Престиж университетского образования постоянно повышался.

Первоначально при недостатке преподавательских кадров в университетах, основанных на базе гимназий, обязанности профессоров выполняли учителя этих гимназий. В крупные университеты приглашались иностранные ученые, преимущественно профессора из немецких университетов. К университетам приравнивались привилегированные средние учебные заведения гуманитарного профиля – лицеи. В 1805 г. в Ярославле был открыт Демидовский лицей на средства заводчика А. П. Демидова, в 1809 г. – Ришельевский в Одессе и в 1811 г. – Царскосельский. В 1810 г. начал работу Институт инженеров путей сообщения в Петербурге и в 1804 г. – Московское коммерческое училище. Этим было положено начало высшему специальному образованию. Система народного образования, созданная в начале царствования Александра I, доказала свою прочность.

9 июля 1804 г. был издан Устав о цензуре, который считается самым «либеральным» в России в XIX в. Он был мягким и способствовал появлению новых журналов и расширению круга авторов. Цензуру должны были проводить цензурные комитеты при университетах, состоявшие из профессоров и магистров. Общее руководство цензурными комитетами осуществляло Министерство народного просвещения. Цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением», толкуя спорные места в текстах в пользу авторов. Авторы и издатели могли обжаловать действия цензоров в Главном управлении училищ при Министерстве народного просвещения.

Цензурная реформа Александра I способствовала расширению издательской деятельности. Появился ряд новых журналов и литературных альманахов, увеличилось издание переводов иностранной литературы. По инициативе самого Александра I за счет казны были переведены на русский язык и изданы произведения известных за-

падноевропейских просветителей – философов, экономистов, юристов – А. Смита, Дж. Бентама, Ч. Беккариа, Ш. Делольма, Ш. Монтескье. Позже декабристы на следствии постоянно указывали на этих авторов, из произведений которых они заимствовали «первые вольнодумческие и либеральные мысли». Однако вскоре последовали изменения в цензурной практике в сторону ужесточения. С учреждением в 1810 г. Министерства полиции на него были возложены некоторые цензурные функции и контроль за цензурными учреждениями.

МИНИСТЕРСКАЯ РЕФОРМА

В 1801–1811 гг. было проведено преобразование органов центрального управления. 30 марта 1801 г. был учрежден Непременный (постоянный) совет – совещательный орган при императоре для обсуждения важнейших государственных вопросов. Непременный совет состоял из 12 титулованных сановников, назначаемых императором. Однако этот совет не играл серьезной роли в центральной администрации.

Сенат был восстановлен в своих прерогативах высшего судебно-административного органа и «хранителя законов». В 1802 г. был издан указ о правах Сената, который объявлялся верховным органом в империи, сосредоточившим в себе высшую административную, судебную и контролирующую власть. Ему предоставлялось право делать «представления» по поводу издаваемых указов, если они противоречили другим законам. Однако первая же попытка Сената возразить против царского указа 1803 г. о введении обязательной 12-летней службы дворян, не достигших офицерского чина (указ противоречил «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г.), вызвала резкое недовольство императора, а Сенату было «разъяснено», что он может делать возражения лишь по ранее изданным законам, а не по настоящим и будущим.

В 1802 г. была начата министерская реформа, которая продолжалась в два этапа. Старые петровские коллегии, ликвидированные Екатериной II и восстановленные Павлом I, не отвечали задачам управления страной. Вместо 12 коллегий учреждалось восемь министерств: Военно-сухопутное, Морское, Внутренних дел, Иностранных дел (до 1832 г. оно еще сохраняло свое название Коллегии иностранных дел), финансов, юстиции, коммерции и народного просвещения. В отличие от коллегий министерства не обладали

судебными функциями, они задумывались как органы исполнительной власти. Важным новым принципом стала единоличная власть министра. Министерства управлялись единолично министром, назначаемым императором и лично перед ним ответственным. Ответственность министра перед императором дополнялась необходимостью отчитываться перед Сенатом. Подчеркивалось, что министр не имеет права в своем ведомстве ни вводить новые законы, ни отменять прежние, его власть была «единственно исполнительная». Тогда же Александр I издал указ о восстановлении прав Сената как высшего органа власти.

Учреждение министерств знаменовало собой дальнейшую бюрократизацию управления и усовершенствование его центрального аппарата. Каждый министр имел заместителя (товарища министра) и канцелярию. Предусматривались совместные заседания министров как определенная гарантия от самодержавного произвола, для чего учреждался новый орган – Комитет министров, влияние которого на практике было ничтожным. Министерская реформа создавала четкую иерархическую систему: министерства – департаменты (во главе с директорами) – отделения (во главе с начальниками отделений) – столы (во главе со столоначальниками). Первыми министрами и товарищами министров были назначены как представители старой, екатерининской, знати (Г. Р. Державин, Н. С. Мордвинов, П. В. Завадовский и др.), так и новой, в том числе «молодые друзья» Александра I (Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей, А. А. Чарторыйский, С. М. Воронцов, П. А. Строганов). В стране резко возрастала роль бюрократического аппарата, министерства стали инструментом дальнейшей централизации власти, все нити которой сходились в руках императора. Вместе с тем проведение министерской реформы, основанной на принципе разделения властей, давало возможность говорить о глубоком преобразовании основных принципов государственного устройства Российской империи. Министерства обеспечивали эффективность управления, нисколько не ограничивая прерогативы императора.

Структура и функции министерств в 1802 г. еще не были четко обозначены. Они подробно определялись в утвержденном императором в 1811 г. «Общем учреждении министерств», которое означало завершение министерской реформы. К этому времени число министерств увеличилось до 12. Были добавлены Министерство полиции и приравненные к министерствам Государственное казначейство, Главное управление духовных дел разных исповеданий (не входивших в ведение Святейшего Синода), Главное управление

ревизии государственных счетов и Главное управление путей сообщения (позже преобразованное в Министерство путей сообщения). Упразднялось Министерство коммерции – его функции передавались Департаменту мануфактур и торговли Министерства финансов. Все министры входили в состав Сената. Закон устанавливал точное разграничение функций каждого министерства, единые принципы их структуры и общий порядок прохождения дел в них, проводил принцип строгого единоначалия и подчиненности внутри министерских подразделений.

В каждом департаменте из начальников отделений составлялось общее присутствие. Департаменты представляли министру ежемесячные ведомости о решенных и нерешенных делах. Министр мог в любое время провести проверку вверенных ему структурных подразделений. Власть министра была исполнительной. Он не мог вводить даже по своему ведомству «никакой новый закон, никакое свое учреждение» и не имел права отменять «прежние». В своих действиях он был подчинен только императору и только перед ним был ответствен. Если распоряжения министра противоречили актам, утвержденным императором, то чиновники министерства были обязаны сообщить о том в Сенат, но для привлечения министра к ответственности требовалась санкция императора. Затем специальная комиссия проводила следствие, по результатам которого министр мог быть отстранен от должности императором. Министр подлежал ответственности, если он отменял или что-либо делал в ущерб уставам и учреждениям, предписанным законом, или своим действием принимал такую меру, «которая требует нового закона или постановления». В итоге в России утвердилась далеко не совершенная, но вполне соответствующая духу времени система центральной исполнительной власти.

М. М. СПЕРАНСКИЙ И ЕГО ПЛАН ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

М. М. Сперанский (1772–1839 гг.) происходил из семьи бедного сельского священника. Он окончил Духовную академию в Петербурге и был оставлен преподавать в ней. Выдающиеся способности и исключительное трудолюбие выдвинули его на важные государственные посты. М. М. Сперанский начал государственную службу в качестве начальника канцелярии генерал-прокурора А. Б. Куракина. В 1803 г. он стал директором одного из де-

партаментов Министерства внутренних дел. В 1807 г. Александр I приблизил его к себе, назначив на пост статс-секретаря. После Тильзитского мира 1807 г. М. М. Сперанскому, помимо всего прочего, помог случай – именно тогда, в условиях всеобщего недовольства Тильзитским миром, Александру I понадобились люди с государственным складом ума. Таковым как раз обладал М. М. Сперанский. Это было засвидетельствовано Наполеоном, который, поговорив с ним, предложил Александру I «обменять мне этого человека на какое-нибудь королевство». В 1808 г. М. М. Сперанский был назначен членом Комиссии для составления законов и товарищем министра юстиции. Энергичный, обладающий энциклопедическими познаниями и чрезвычайно работоспособный, он был замечен Александром I. М. М. Сперанский отличался широтой кругозора и строгой системностью мышления. Любой самый запутанный вопрос в его изложении приобретал упорядоченную стройность. В 1808 г. именно ему царь поручил составить план государственного преобразования России. И М. М. Сперанский блестяще справился с заданием.

По поручению Александра I к 1809 г. он подготовил развернутое «Введение к уложению государственных законов» – программу политических реформ, предусматривавших превращение России в конституционную монархию, план превращения Российской империи в правовое буржуазное государство. Согласно проекту население России делилось на дворянство, «среднее состояние» и «народ рабочий» (крепостные крестьяне, мастеровые, прислуга). Политические права получали два первых сословия, владеющие землей или капиталами, в том числе и государственные крестьяне, а остальным предоставлялась возможность перейти со временем в «среднее состояние» и, приобретя недвижимость, стать политически правомочными.

М. М. Сперанский, талантливый разработчик конституционного проекта, руководствовался принципом «разделения властей», а также идеей создания многоступенчатой структуры представительных учреждений. Он подготовил стройную систему высших и местных органов, разделенных по принадлежности к законодательной, исполнительной или судебной власти. Каждый из этих органов, начиная с нижних звеньев, должен был действовать в строго очерченных рамках закона. Создавались представительные собрания на местах и в центре. Центральный представительный орган М. М. Сперанский назвал Государственной думой. Она должна была давать заключения по законопроектам, поступившим на ее

рассмотрение, и заслушивать отчеты министров. Главным законодательным органом являлась Государственная дума (в губерниях, уездах и волостях – губернские, окружные и волостные думы). Высшими органами исполнительной власти были министерства (на местах – губернские, окружные и волостные управления). Высшим судебным органом объявлялся Сенат, которому подчинялись губернские и окружные суды. Выборы в законодательные и судебные органы были четырехступенчатыми, а избиратели должны были обладать определенным имущественным цензом. Вся власть – законодательная, исполнительная и судебная – соединялась в Государственном совете, члены которого назначались царем. Мнение Государственного совета, утвержденное царем, становилось законом. Если в Государственном совете возникало разногласие, царь по своему усмотрению утверждал мнение большинства или меньшинства. Ни один закон не мог вступить в действие без обсуждения в Государственной думе и Государственном совете. Государственный совет служил связующим звеном между всеми ветвями власти и императором. Последнее слово в законодательной и исполнительной деятельности оставалось за монархом.

Таким образом, проект М. М. Сперанского не ущемлял прав самодержца, но внешне делал их более законными. Это не был конституционный проект, но он мог стать таковым при определенных обстоятельствах. Александр I признал труд М. М. Сперанского удовлетворительным и приказал ему составить календарный план проведения в жизнь своего проекта. Однако замыслы императора и государственного секретаря встретили такое сопротивление со стороны правящей бюрократии и консервативного общества, что из всего задуманного М. М. Сперанским в жизнь воплотилось лишь одно. На практике его предложения были сведены к учреждению 1 января 1810 г. Государственного совета – высшего законосовещательного органа империи. За Сенатом окончательно закрепились функции высшей административно-судебной инстанции. Идея формирования двухпалатного парламента – Государственной думы, а также местных представительных органов не была реализована.

Остальные части плана М. М. Сперанского остались на бумаге. Большие надежды реформатор возлагал на меры, связанные с созданием Великого княжества Финляндского. Александр I даровал конституционный статус Финляндии, присоединенной к Российской империи в 1809 г. Автономия Финляндии и ее конституционное устройство создавали совершенно новую государственно-правовую ситуацию в Российской империи: политические права

новых подданных были четко определены и гарантированы законом, что немыслимо было на остальной территории самодержавной России.

М. М. Сперанский и его немногие единомышленники какое-то время надеялись, что финляндский конституционный опыт станет образцом для остальной Российской империи. Однако этого не произошло, и Конституция Великого княжества Финляндского не стала толчком к осуществлению плана государственных преобразований.

На М. М. Сперанского была возложена ответственность за реформирование финансовой системы, которая была расшатана бременем военных расходов и присоединением России в 1807 г. к континентальной блокаде Англии. По его инициативе в 1811 г. был создан Государственный контроль, который воплощал судебно-ревизионную власть. Практические действия М. М. Сперанского в финансовой области свелись к резкому повышению прямых и косвенных налогов и некоторому сокращению государственных расходов. Были увеличены подушный оклад с крепостных крестьян и оброчная подать, собираемая с казенных крестьян, оклад с мещан, гильдейские сборы с купцов, возросли питейные сборы и цена на соль. Меры М. М. Сперанского позволили вдвое увеличить государственный доход, но вызвали повсеместное всеобщее недовольство, в том числе в высшем дворянстве. Еще более усилилось озлобление против него после появления указов от 3 апреля и 6 августа 1809 г. «О придворных званиях» и «Об экзаменах на чин». В соответствии с ними придворные звания объявлялись лишь почетными, т. е. переставали приносить их обладателям жалование, а желающие получить гражданский чин выше 8-го по Табели о рангах обязаны были предоставить университетский диплом или сдать серьезные экзамены преподавателям университетов.

М. М. Сперанский восстановил против себя консерваторов, начиная с Н. М. Карамзина и кончая А. А. Аракчеевым, бывших в милости и у нового царя, и у придворных кругов. Введением в 1810–1811 гг. налога на дворянские имения были недовольны и широкие круги поместного дворянства. Александр I также стал тяготиться умным помощником.

М. М. Сперанский знал о недовольстве придворных, дворянском ропоте и еще в феврале 1811 г. просился в отставку, но его просьба была отклонена. Однако к началу 1812 г., когда неизбежность войны с Наполеоном стала очевидна, Александр I не мог не считаться с настроением дворянства, которое составляло костяк

офицерского корпуса и которое видело в М. М. Сперанском наполеоновского ставленника. Разумеется, это было не так, но М. М. Сперанский действительно злоупотреблял доверием царя.

В марте 1812 г. император вызвал к себе М. М. Сперанского и два часа упрекал его во всевозможных грехах, ни разу, правда, не упомянув об измене отечеству. Когда тот вернулся домой, он застал у себя министра полиции А. Д. Балашова и был тут же отправлен в ссылку в Нижний Новгород. Официальное объявление гласило, что государственный секретарь М. М. Сперанский уличен в связи с Наполеоном, чему не верили даже его злейшие враги. В дворянских кругах его опала была встречена восторженно.

Позже он находился в ссылке в Перми, но в 1814 г. был вызван из нее и назначен сибирским генерал-губернатором. В Петербург М. М. Сперанский вернулся в 1821 г., занимал высокие посты, стал графом при новом императоре Николае I, но это уже был человек, разочарованный в своих проектах.

Таким образом, первый этап попыток правительственных преобразований закончился неудачей. Александру I ясно дали понять, что высшая бюрократия и первое сословие в целом не заинтересованы в коренных реформах. Императору нужно было искать новые нестандартные пути для проведения в жизнь своих замыслов.

ЗАПИСКА «О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ» Н. М. КАРАМЗИНА

Выразителем общественного недовольства стал историк Н. М. Карамзин. В 1811 г. он представил царю записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Н. М. Карамзин стремился доказать, что величие России зависит от могущества самодержавия: Россия «процветала», когда оно было сильно, и «падала», когда оно ослабевало. Он считал невозможным «ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти».

Н. М. Карамзин осуждал «властолюбие неумеренное и незаконное», яркие примеры которого он видел в царствованиях Ивана Грозного и Бориса Годунова. Н. М. Карамзин выступал и против «аристократической гидры» – олигархического правления. Его идеал – самодержавие, опирающееся на строгую законность. С особой силой он обрушился на предложения М. М. Сперанского и некоторых других политических писателей о наделении Сената политическими правами, протестовал против «излишней любви к го-

сударственным преобразованиям» и против «изобретения разных министерств и советов». «Требуем больше мудрости охранительной, нежели творческой, – писал Н. М. Карамзин. – Новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданности, произволу». Не следует, по его мнению, создавать многочисленные законы: «Для старого народа не надобно новых законов». Н. М. Карамзин советовал собрать уже существующие законы, привести их в систему, исключить из них «обветшавшие», утратившие силу. Он считал, что достаточно «50 умных губернаторов» для нормальной работы администрации на местах. В разделении властей он усматривал величайшую опасность: «Две власти государственные в одной державе суть два грозных льва в одной клетке, готовых терзать друг друга, а право без власти есть ничто».

Главный тезис Н. М. Карамзина – сохранение и укрепление самодержавия. Он писал: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья». Государственное устройство России Н. М. Карамзин видел следующим образом: «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми – государь, единственный законодатель, единственный источник властей. Вот основание российской монархии». В дворянстве он видел опору самодержавной власти и выступал в защиту его прав и привилегий. Историк подверг критике политику Александра I, доказывая, что вводимые новшества могут привести к ослаблению самодержавия.

Н. М. Карамзин признавал, что крепостное право есть «зло», но выступал решительным противником его отмены. Он доказывал, что земля, которой пользуются крестьяне, является дворянской собственностью, поэтому освобождение крестьян с землей невозможно, так как оно ущемит коренные интересы дворянства. Освобождение же крестьян без земли, по его мнению, лишено смысла, даже опасно: помещики лишатся средств к существованию, поскольку безземельный крестьянин не в состоянии будет нести повинности; нанесет оно несомненный вред и государству – крестьяне «станут пьянствовать и злодействовать», в стране «воцарится безначалие». Отмена крепостного права лишит царя поддержки со стороны дворянства, которое воспримет эту меру как свое унижение. Без поддержки же дворянства самодержавная власть царя ослабнет. Поэтому, делает вывод Н. М. Карамзин, «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу». В его записке рождалась теория русского консерватизма, отрицающего необходимость каких-либо реформ и преобразований.

Глава 3
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1801–1812 гг.

ОСНОВНЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ АЛЕКСАНДРА I

В течение XVIII в. Россия стала крупной мировой державой, занимавшей важное место в системе международных отношений. Ее внешняя политика учитывала обстановку, сложившуюся в Европе к началу XIX в. К этому времени Россия обладала сильной армией, насчитывавшей около 500 тыс. человек, и развитыми дипломатическими институтами.

В конце XVIII – начале XIX в. в структуре дипломатической службы произошли значительные изменения. В 1802 г. были введены должности министра и товарища министра иностранных дел, которым подчинялась Коллегия иностранных дел. Международные проблемы обсуждались на заседаниях Непременного совета, Негласного комитета, а с 1810 г. – Государственного совета. К этому времени Россия имела постоянные дипломатические отношения со многими государствами Европы, с Османской империей и Соединенными Штатами Америки. Внешняя политика была той областью, где наиболее тщательно оберегались прерогативы царя. Важные дипломатические посты по-прежнему занимали представители высшей русской аристократии. В начале XIX в. усилился процесс проникновения иностранного «служилого» дворянства на русскую дипломатическую службу. Первыми министрами иностранных дел были русские аристократы А. Р. Воронцов, Н. П. Румянцев, немец А. Я. Будберг, поляк А. А. Чарторыйский. В конце XVIII – начале XIX в. в официальной дипломатической переписке французский язык окончательно заменил русский.

Основное воздействие на международную обстановку начала XIX в. оказывала все возраставшая агрессивность Франции. Главным противоречием в международных отношениях начала XIX в. оставалась борьба Англии и Франции за европейскую политическую и экономическую гегемонию.

Воцарение Александра I изменило характер российской внешней политики. Как и в екатерининские времена, она отличалась последовательностью и целеустремленностью, что не исключало гибкости и тактической изворотливости. Александр I был лучшим дипломатом своего времени. Его наставницей была Екатерина II, он учился у А. А. Безбородко и А. Р. Воронцова. Не забывая о собственной безопасности и необходимости поддержания устоев самодержавия, Александр I умело проводил политику, которая в конечном счете соответствовала национальным интересам России.

Свою главную задачу молодой монарх видел в борьбе с «революционной заразой», которую для него символизировали императорская Франция и Наполеон. Здесь царь был принципиален и тверд, хотя нередко ему приходилось встречать непонимание и преодолевать изоляционистские настроения даже в ближайшем своем окружении. Первые дипломатические шаги правительства Александра I свидетельствовали о желании сохранить нейтралитет в этой борьбе. Но по мере расширения наполеоновской агрессии в Европе Россия была вынуждена принимать меры к ее сдерживанию. Обострение российско-французских противоречий было связано со стремлением Наполеона к установлению европейской, а позднее и мировой гегемонии. Противодействие этим планам заставляло Россию стремиться к союзу с Англией, Австрией и Пруссией.

Озабоченный своим упрочением на престоле, Александр I проводил осторожную внешнюю политику, авантюры были не в его характере. После своего вступления на престол он начал придерживаться тактики отказа от политических и торговых договоров, заключенных его отцом. Внешнеполитическую позицию, выработанную им вместе с «молодыми друзьями», можно охарактеризовать как политику «свободных рук», что было разновидностью политики нейтралитета, уклонения от участия в обязывающих военных союзах и коалициях. Россия пыталась, сохранив свое положение великой державы, выступить в роли арбитра в англо-французском конфликте и, добившись уступок, связанных с плаванием в Восточном Средиземноморье российских судов, снизить военную напряженность на континенте.

Политика «свободных рук» оказалась в тех условиях невозможной, и тогда Россия перешла к тактике «многостороннего по-

средничества», которая опять-таки давала ей положение верховного арбитра на континенте. Она заключила договоры с Англией, Австрией и Францией. Помирившись с Англией, царь заявлял, что стремится к европейскому миру. Он не порвал с Францией, с которой в 1801 г. в Париже была подписана секретная конвенция о необходимости совместно решать немецкие и итальянские дела. Договор с Францией означал, что Александр I признает изменения, происшедшие в этой стране после революции. Однако Наполеон быстро сумел отодвинуть Россию на второй план, обещав свое покровительство южногерманским государствам – Бадену, Вюртембергу, Баварии, чьи правители прежде ориентировались на Россию. В 1803 г. им был оккупирован Ганновер, что нарушало нейтралитет Северной Германии. Одновременно наполеоновская дипломатия стремилась разрушить русско-турецкое сотрудничество, провоцируя беспорядки и военные угрозы на Ионических островах, где были расположены российские войска. Нежелание Александра I втягиваться в военные конфликты разбилось о реалии международной политики.

Российско-французские противоречия обострились в начале XIX в. и в восточном вопросе. Этот вопрос как международная проблема возник в середине XVIII в. и был связан с ослаблением некогда могущественной Османской империи, с одной стороны, и усилением колониальной экспансии западноевропейских государств, с другой. С начала XIX в. восточный вопрос на длительный исторический период стал одной из важнейших проблем внешней политики России, так как для нее первостепенное значение имело обеспечение выгодного судоходного режима в проливах Босфор и Дарданеллы. От этого во многом зависели как безопасность черноморских границ России, так и экономическое развитие южных окраин страны. В связи с этим важную роль играли собственно российско-турецкие отношения – государств, имеющих общие сухопутную и морскую границы. За влияние в Константинополе, дружественную позицию Турции русской дипломатии приходилось вести напряженную борьбу. Составной частью восточного вопроса для России были ее взаимоотношения с народами Балканского полуострова и помощь им в борьбе за освобождение от ига Османской империи. Но в целом в начале XIX в. русская программа в восточном вопросе находилась еще в стадии становления.

Александр I и его ближайшее окружение вынуждены были пересмотреть политику «свободных рук». Возглавлявший ведомство

иностранных дел канцлер А. Р. Воронцов считал, что «поправление внутреннего состояния государства важнее, конечно, для нас, всяких новых приобретений». Одновременно он был убежден в необходимости тесного союза с Англией для противостояния наполеоновской угрозе. Его всецело поддерживал брат С. Р. Воронцов, занимавший пост посла в Лондоне. Антинаполеоновские настроения выражали и «молодые друзья» императора, среди которых наибольшим влиянием во внешнеполитических вопросах пользовался А. А. Чарторыйский. Они были убеждены в неизбежности войны с наполеоновской Францией и необходимости тесного союза с Англией. А. А. Чарторыйский, занимавший пост товарища министра иностранных дел, верил, что данный политический курс приведет к восстановлению независимости Польши, что, разумеется, было иллюзией.

Противниками активного участия в европейских делах были такие влиятельные вельможи, как Ф. В. Ростопчин, П. В. Завадовский, Н. П. Румянцев, А. Б. Куракин. Они полагали, что англо-французские противоречия лежат вне национально-государственных интересов России, что Наполеон вовсе не является олицетворением революционного начала и военное вмешательство в европейские дела обременительно для российских финансов.

УЧАСТИЕ РОССИИ В АНТИНАПОЛЕОНОВСКИХ КОАЛИЦИЯХ

Однако главным внешнеполитическим направлением для Министерства иностранных дел России оставались отношения с наполеоновской Францией. Нейтральную позицию в борьбе Франции и Англии Александру I удалось сохранять недолго. Усиление агрессии Наполеона, его настойчивое стремление установить гегемонию Франции в Европе, оккупация Швейцарии, Генуи и другие захватнические акты насторожили российское правительство. Особое недовольство России вызывала усилившаяся активность Франции в Средиземноморье, Морее, Албании, на Ионических островах, в самом Константинополе. Попытка российского правительства создать равновесие сил на Ближнем Востоке путем концентрации войск на Ионических островах встретила резкое сопротивление Наполеона. Отношения между Россией и Францией окончательно испортились после расстрела по приказу Наполеона герцога Энгиенского. Началось складывание третьей антинаполеоновской коа-

лиции. В апреле 1805 г. была подписана русско-английская союзная конвенция, к которой осенью присоединилась и Австрия. Кроме них в состав третьей коалиции вошли Швеция и Неаполитанское королевство. Программа союзников включала возвращение Франции в старые границы, т. е. изгнание ее из Германии, Италии, Швейцарии и Голландии, гарантию независимости захваченных Наполеоном европейских государств, провозглашение принципа легитимности. Внутреннее состояние коалиции внушало большие опасения: слишком сильны были противоречия между ее участниками – Россией и Англией, Россией и Австрией. Для Александра I участие в коалиции было средством воспрепятствования наполеоновской гегемонии в германских землях.

К моменту решающих сражений с французами силы коалиции оказались раздробленными и плохо управляемыми. Талантливый австрийский полководец эрцгерцог Карл воевал в Италии, командующий русской армией М. И. Кутузов слишком зависел от находившихся в его войсках австрийского и российского императоров.

Стратегические планы, разработанные союзниками, оказались бесплодными. Адмирал Нельсон победил при Трафальгаре, что вынудило Наполеона отказаться от мысли о вторжении в Англию. Однако на суше третья коалиция потерпела сокрушительное поражение. Летом 1805 г. начались военные действия в Европе. Армия Наполеона, сконцентрированная еще ранее на побережье Ла-Манша в Булонском лагере и угрожавшая вторжению на Британские острова, выступила против Австрии. Наполеон перебросил свои войска в Баварию, а затем заставил австрийского генерала Макка капитулировать при Ульме 20 октября 1805 г.

Потерпев поражение при Ульме, австрийские войска были вынуждены оставить Вену. Соединение русской и австрийской армий произошло под Ольмюцем (в Чехии), где в то время находилась ставка Александра I. М. И. Кутузов, несмотря на требования обоих императоров продолжать военные действия, предлагал отходить дальше, чтобы собрать все силы союзников и дать возможность эрцгерцогу Карлу зайти в тыл французам. Однако восторжествовало мнение австрийского генерального штаба, поддержанное Александром I. Несмотря на противодействие русского главнокомандующего М. И. Кутузова, было принято решение о генеральном сражении. Оно произошло 20 ноября (2 декабря) 1805 г. близ д. Аустерлиц. Исход боя решила потеря русско-австрийскими войсками Праценских высот из-за желания императоров во чтобы то ни стало атаковать французов. Александр I был

при армии и под огнем, но продемонстрировал полное отсутствие качеств военачальника. В ходе панического отступления австрийский и российский монархи чуть не попали в плен к французам. Армии двух союзнических государств потерпели поражение. В итоге третья коалиция распалась. Австрия подписала с победителем сепаратный мирный договор. Вся южная территория Германии оказалась под властью Наполеона.

Российское правительство стояло перед дилеммой новой войны или мира с Францией. Через полтора месяца после Аустерлица в январе 1806 г. состоялся ряд совещаний приближенных Александра I, а также заседание специального совета при царе, в ходе которых был выработан новый внешнеполитический курс. Мнения высших сановников разделились. Одни настаивали на продолжении борьбы против Наполеона в союзе с Англией, другие предлагали вернуться к политике «свободных рук», осуществлявшейся в первые годы царствования Александра I, третьи считали возможным заключение мира с Францией на условиях раздела Европы на сферы влияния. Однако все они признавали остроту российско-французских противоречий в Европе и на Ближнем Востоке. Конкретным отражением этих споров было одновременное ведение переговоров в Лондоне о новом союзе против Наполеона (миссия Г. А. Строганова) и в Париже – о заключении мира. Переговоры русского поверенного в делах П. Я. Убри с французским министром иностранных дел Ш. М. Талейраном показали, что Франция не намеревается поступиться своими завоеваниями или делить свое влияние с Россией. Конвенция, подписанная Т. Я. Убри в Париже, фактически признавала все завоевания Наполеона, в частности закрепляла его доминирующее влияние в Средиземноморье. В связи с этим она не была ратифицирована Александром I.

Российское правительство взяло курс на продолжение борьбы с Наполеоном. Начались поиски новых союзников в Европе. Александр I стал инициатором создания четвертой антинаполеоновской коалиции, куда вошли Пруссия, Англия и Швеция. Россия не могла координировать действия союзников. Пруссия первой начала военные действия и в течение месяца была разбита. Наполеон вошел в Берлин, где подписал декрет о континентальной блокаде. Декрет запрещал всем союзным и подвластным Франции государствам торговать с Англией, покупать где бы то ни было ее товары и поддерживать с ней любые отношения. Английским судам закрывался доступ в европейские порты. Континентальная блокада должна была сокрушить экономическое могущество Англии.

Оставшись без союзников на континенте, Россия продолжала войну, бои шли в Восточной Пруссии. Наполеон, обращаясь к польской шляхте, обещал восстановление независимой Польши, что давало ему возможность дополнительного воздействия на Россию. Влиятельная придворная группировка, возглавляемая императрицей-матерью Марией Федоровной и А. Б. Куракиным, настоятельно высказывалась за прекращение войны, которую Россия, потеряв союзника, фактически вела в одиночестве.

В 1806–1807 гг. Россия, участвуя в составе четвертой коалиции, а позже борясь с Наполеоном один на один, отстаивает уже не европейское равновесие, а свое положение великой державы. Ведь французский император заявил о том, что вытеснит русских из Европы и установит непроходимый барьер на границах России. В сражениях русских войск с французами под Пултуском и Прейсиш-Эйлау победитель выявлен не был.

Русско-французская кампания развернулась в 1807 г. на территории Восточной Пруссии. Однако 2 июля 1807 г. под Фридландом русские войска под командованием Л. Л. Беннигсена были разгромлены и отброшены за Неман. Наполеон вышел к границам Российской империи.

Военная неудача, непомерные финансовые расходы, сложная политическая обстановка на Востоке (с 1804 г. Россия вела войну с Ираном, а с 1806 г. – с Османской империей), усиление российско-английских разногласий заставили Александра I вступить с Наполеоном в переговоры о мире.

ТИЛЬЗИТСКИЕ ДОГОВОРЕННОСТИ

Встреча императоров состоялась в Тильзите на Немане в июне 1807 г., а 25 июня (7 июля) 1807 г. в Тильзите был подписан мирный договор и соглашение о наступательном и оборонительном союзе между двумя империями. По условиям мира создавалось Варшавское герцогство, внешняя и внутренняя политика которого контролировалась Наполеоном и которое было средством давления на Россию. Оно стало плацдармом для дальнейшего наступления Франции на Россию.

По договору Россия не понесла территориальных потерь, напротив, она получала некоторую свободу действий на своих северо-западных границах, однако влияние ее в Центральной Европе было ослаблено. Территория союзницы России – Пруссии – оказалась значительно урезанной. Она надолго потеряла ранг великой

державы и не могла служить противовесом Франции. Россия теряла свои позиции в Средиземном море, соглашаясь на занятие Францией Ионических островов. Александр I обязался вывести войска из Молдовы и Валахии, передать Наполеону бухту Котор. Таким образом, были утрачены позиции России в Средиземноморье, завоеванные в конце XVIII – начале XIX в.

Однако главным и наиболее тяжелым следствием тильзитских договоренностей двух императоров стало присоединение России к континентальной блокаде Англии, что означало полный разрыв торговых и политических отношений с Великобританией. Эта мера при последовательном ее проведении означала быстрое разорение как поместного дворянства, которое экспортировало в Англию сельскохозяйственную продукцию, так и купечества, торговавшего английскими товарами. Присоединение к континентальной блокаде вело к полному расстройству финансовой системы России, резкому понижению покупательной способности рубля. Прекращение торговли с Великобританией тяжело отразилось на экономике страны и сильно ударило по экономическим интересам дворянства и купечества.

Тильзитский мир вызвал возмущение в российских кругах, Александр I стал крайне непопулярен, он не был уверен даже в ближайшем своем сановном окружении и именно тогда приблизил к себе М. М. Сперанского и А. А. Аракчеева. Аустерлиц, Тильзит были чрезвычайно тяжело восприняты в России. Во-первых, ее армия более ста лет, после Нарвы, не знала поражений в войнах. Во-вторых, был задет престиж страны и ее императора. Недавнего «антихриста» Наполеона Александр I вынужден был теперь называть «государь, брат мой». В-третьих, эти вынужденные соглашения ударили не только по самолюбию, но и по карману россиян, так как Франция не могла как торговый партнер заменить Англию. Именно последняя покупала ранее русский хлеб, лес, пеньку, полотно, кожи, сало и т. д.

А. С. Пушкин недаром называл Тильзит «обидным звуком» для русского слуха. По словам одного из очевидцев событий, «от знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата, все, повинуясь, роптали с негодованием». Положение императора в стране становилось непрочным. Французский посланник в Петербурге писал о том, что ему не ясно, удастся ли Александру I удержаться на престоле до весны 1809 г. В этих условиях российское правительство почти открыто нарушало условия соглашений с Францией. Оно сквозь пальцы смотрело на контрабандную торговлю своих купцов с Англией, поддерживало французских эмиг-

рантов, открыто выражало недовольство существованием на своих границах зависимого от Наполеона польского государства, а главное, непрерывно увеличивало военные расходы, готовясь к неминуемому столкновению с Наполеоном. Затраты России на армию выросли с 53 млн руб. в 1808 г. до 113,7 млн в 1811 г.

Можно согласиться с мнением, что война с Францией «уже была объявлена договором о мире и союзе в Тильзите». Внешняя политика Александра I, особенно после Тильзита, резко осуждалась и широкими кругами дворянства, императора упрекали в слабости и излишней уступчивости Наполеону. Современники ошибались. Обстоятельства иногда вынуждали Александра I идти на компромисс с французским императором, но о подлинном согласии не могло быть и речи. В нарастании русско-французских противоречий, которые, в конце концов, привели к кампании 1812 г., не последнюю роль играла личная вражда Александра I и Наполеона. Из борьбы с величайшим полководцем Нового времени русский царь вышел победителем, чему в немалой степени способствовала его умелая внешняя политика.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1808–1809 гг. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ

После того как шведский король Густав IV Адольф отклонил требование о разрыве с Англией и присоединении к континентальной блокаде, русские войска, согласно условиям Тильзитского договора, вступили в Финляндию. Это мотивировалось необходимостью укрепления границ России на северо-западе. В самой Финляндии были довольно сильны прорусские настроения, так как Швеция тормозила развитие финской национальной экономики и культуры.

Наполеон ссорил Александра I с недавним союзником и достигал своей цели чужими руками. Русско-шведская война, начавшаяся в марте 1808 г., вызывала недовольство у дворянства и, что особенно беспокоило царя, в гвардии. Однако ход военных действий был успешен. В результате этих действий в марте 1808 г. капитулировала пограничная крепость Свартхольм. В апреле шведские силы были оттеснены далеко на север, русские войска вступили в столицу Финляндии – Або. Несколько позднее пал Свеаборг. Русский десант высадился на Аландах и в Готланде. Два корпуса русской армии, которыми командовали М. Б. Барклай де Толли и П. И. Багратион, совершили поход по льду Ботнического залива и перешли на территорию Швеции. Король Густав IV Адольф был

свергнут. В августе 1809 г. в Фридрихсгаме начались переговоры между Россией и Швецией, завершившиеся подписанием в сентябре 1809 г. Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия (включая Аландские острова) отходила к России; Швеция обязалась расторгнуть союз с Великобританией и примкнуть к континентальной блокаде.

В результате русско-шведской войны было создано Великое княжество Финляндское, главой которого стал российский император. Финляндия вошла в состав России как автономное государство, управлявшееся по своим внутренним законам. Боргоский сейм – сословное собрание – утвердил автономное ее положение в составе России. В Великом княжестве Финляндском действовал избираемый четырехсословный сейм, в компетенцию которого входило законодательство по внутренним делам. Кроме того, оно имело свою таможню, доходы княжества шли на внутренние нужды и не вливались в общеимперскую казну. В середине XIX в. княжество получило самостоятельную денежную систему, освободилось от содержания армии и несения других военных расходов. В 1811 г. к нему была присоединена Выборгская губерния. Все это способствовало быстрому развитию экономики Великого княжества Финляндского.

Обустраивая Великое княжество Финляндское, Александр I умело использовал ситуацию для укрепления своего пошатнувшегося международного престижа. Далекая и мало кому известная тогда окраина Европы не имела прежде собственной государственности. По воле российского императора Великое княжество Финляндское получило Конституцию, которая гарантировала незыблемость религии, коренных законов, прав и преимуществ финского народа. В пределах Великого княжества Финляндского российский самодержец выступал как конституционный правитель, опиравшийся на выборный сейм.

Подчеркнутое уважение Александра I к коренным законам Финляндии проистекало не из внутреннего положения этой страны и не было вызвано требованием финского общества. Главным было его желание утвердить свою репутацию в глазах европейского общественного мнения как монарха, который правит, опираясь на законы, политическую традицию и в согласии с народными желаниями. Тем самым он противопоставлял себя Наполеону, который не считался с правами народа и действовал, используя грубую силу. Внешнеполитический расчет Александра I вполне оправдался – именно с ним народы Европы стали связывать надежды на свое освобождение от наполеоновского владычества, видеть в русском царе оплот законности и порядка.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1808–1812 гг.

Русско-французский союз носил временный, компромиссный характер. Соглашение с Наполеоном не одобряла значительная часть русского общества, патриотические чувства которого были уязвлены военным поражением. Особое недовольство выражали помещики и купцы, связанные с экспортом хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. Недовольным оставался и Наполеон, так как Россия по-прежнему стояла на его пути к мировому господству. Однако мир был еще нужен России и Франции. Не желая делить свое влияние в Европе с Россией, Наполеон предложил Александру I план раздела территории Османской империи. Однако переговоры по этому вопросу (1808 г.) явились для Наполеона лишь дипломатическим приемом, с помощью которого он пытался удержать Россию в орбите своей политики. Соглашение не было достигнуто.

В 1808 г. Наполеон и Александр I встретились в Эрфурте. Встреча происходила в иных международных условиях, чем тильзитская. Наполеон, «увязнув» в Испании, направляя все военные и политические ресурсы для того, чтобы удержать в покорности порабощенную Европу, был заинтересован в союзе с Россией. Новая политическая ситуация и твердость, проявленная российским императором в Эрфурте, способствовали заключению соглашения, в котором интересы России были соблюдены в значительно большей степени, чем в Тильзите. Признавались права России на Финляндию, Молдову и Валахию. Русская дипломатия уклонилась от обязательства активно участвовать в войнах Франции против Австрии и Англии. Новая встреча Александра I и Наполеона в 1808 г. в Эрфурте зафиксировала противоречия, которые не находили разрешения.

После Эрфурта политические противоречия между Россией и Францией продолжали обостряться. Российское правительство болезненно реагировало на военное укрепление и территориальное расширение Варшавского герцогства, происки французской дипломатии в Константинополе, полное подчинение Францией германских государств. Политические разногласия усугублялись тяжестью для России континентальной блокады. Торговый дефицит в стране резко возрос и достиг в 1809 г. 157 млн руб. Попытки исправить положение путем расширения торговли с Францией были неудачны, так как Франция не могла обеспечить выгодный рынок для российских товаров.

В этих условиях Россия, не имевшая развитого торгового флота, искала выход в так называемой нейтральной торговле, в использовании для этой цели американских, ганзейских, греческих судов. Нейтральная торговля привела к резкому увеличению ввоза контрабандных английских товаров в Россию. Французское правительство было раздражено этим попустительством. С 1810 г. русско-французские отношения вступили в новую фазу, когда неизбежность будущего разрыва становилась очевидной.

На многочисленные демарши Франции с требованием прекратить нейтральную торговлю Россия отвечала отказом. Еще более обострила русско-французские отношения оккупация Наполеоном в декабре 1810 г. северогерманских земель, в состав которых входило герцогство Ольденбургское – наследственное владение русской императорской фамилии. С 1811 г. как Франция, так и Россия начали деятельную подготовку к новой войне.

Причины войны 1812 г. многочисленны и разноплановы. Главная из них – спор между Францией и Россией, Наполеоном и Александром I о будущем Европы и мира. Оба самодержца имели свое представление о судьбе континента. Для Наполеона она заключалась в установлении французских порядков в европейских государствах, контроля за происходящим в них и в уничтожении Англии как политического и экономического соперника. Александр I видел будущее Европы в религиозном и политическом единстве, создании неких соединенных штатов, в которых Россия и ее монарх будут играть роль наставника и арбитра.

Никаких компромиссов не могло быть между Францией и Россией и по поводу континентальной блокады Англии. Для Наполеона эта блокада являлась ключевым мероприятием в его борьбе с Альбионом. Россия же при всем желании не могла в ней участвовать. Уже в 1809 г. дефицит бюджета по сравнению с 1801 г. вырос в 13 раз, империя стояла на пороге финансового краха.

Не смогли найти согласия тильзитские союзники по германскому и польскому вопросам. Тасуя границы и монархов германских княжеств, французский император задевал родственные чувства российского императора, что не могло не влиять на их отношения. Польский вопрос с конца XVIII в. приобрел особую остроту для российского правительства. «Спор славян» приобрел настолько острый характер, что существование враждебного польского государства никак не устраивало российского самодержца. Наполеон же соглашался уничтожить его только взамен на уничтожение государства прусского. Когда в 1809 г. Наполеон начал войну против

Австрии, союзная ему Россия фактически демонстративно соблюдала нейтралитет. Наконец, в дело вмешались и сугубо личные мотивы. Когда Александр I выразил протест против убийства герцога Энгиенского, Наполеон грубо напомнил ему о гибели Павла I, обвинив императора в отцеубийстве. Позже, во время сватовства Бонапарта к сестрам Александра I, те ответили отказом в оскорбительной форме, что немедленно было доведено до сведения французского монарха. В 1811 г. Александр I установил таможенный тариф, невыгодный для французских товаров. На этом фоне происходило ухудшение русско-французских отношений.

Таким образом, столкновение двух великих держав не могло быть неожиданностью ни для одной из них. Обе стороны наращивали военные силы. В Варшавском герцогстве Наполеон концентрировал «Великую армию», предназначенную для вторжения в Россию. Русская военная агентура во Франции своевременно узнавала обо всех достойных внимания передвижениях наполеоновских войск. Особого внимания заслуживали политические планы Наполеона, который в 1811 г. заявлял: «Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я раздавлю ее».

Дипломатическая и военная подготовка к войне велась задолго до 1812 г. Французская разведка собирала сведения о русских военачальниках и настроениях в западных губерниях, русская же разведка успешно охотилась за мобилизационными планами французов. В Петербурге было подготовлено около 10 планов ведения кампании против Наполеона, причем большинство из них носило отнюдь не оборонительный характер, подразумевая превентивный удар по французской армии на территории Пруссии.

Попытки Наполеона дипломатически изолировать Россию, связать ее войной против пяти государств закончились неудачей. Русско-шведская война завершилась в 1809 г., а надежды, что маршал Франции Ж. Б. Бернадот, ставший наследником шведского престола, развяжет новую антирусскую кампанию, оказались напрасными. С Османской империей благодаря победам М. И. Кутузова России удалось заключить мирный договор в 1812 г. Оставались только Франция и подвластные ей Австрия и Пруссия. На них и была сделана главная ставка французского императора. Решившись на войну с Россией, Наполеон намеревался в приграничных сражениях разгромить основные силы противника и заставить Александра I подписать новый кабальный договор с Францией. Победа открыла бы ему путь к европейскому, а значит и мировому господству, т. е. судьба континента решалась на российских просторах.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX в. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806–1812 гг.

В сентябре 1801 г. в состав Российской империи была принята Восточная Грузия (в 1803–1804 гг. то же произошло с Мингрелией, Гурией и Имеретией). Присоединение этих земель спровоцировало столкновение России с Ираном, также претендовавшим на данные территории. Русско-иранская война растянулась на девять лет (1804–1813 гг.) и завершилась Гюлистанским миром, по которому к России отошла большая часть Северного Азербайджана. Грузинские и Азербайджанские княжества потеряли автономию, которой пользовались в составе Ирана, но получили защиту против внешней агрессии, был положен конец кровопролитным распрям, раздиравшим их.

В начале XIX в. Россия последовательно выступала в поддержку народов Балканского полуострова, томившихся под игом Турции. Широкому национально-освободительному движению на Балканах положило начало сербское восстание 1804 г., руководители которого обратились за помощью к России. Она поддержала сербское восстание дипломатическими демаршами. В 1805 г., в наиболее напряженный момент борьбы между османской армией и повстанцами, в Галацу прибыли русские корабли, доставившие сербам пушки и боеприпасы.

В начале 1806 г. русско-турецкие отношения резко ухудшились. Турция, долго лавировавшая между Россией и Францией, после Аустерлица все более склонялась к союзу с последней. В декабре 1806 г. началась новая русско-турецкая война (1806–1812 гг.), развязанная Турцией при подстрекательстве Франции. Поводом к ней послужило нарушение султаном прежних договоренностей с Петербургом. Порта повела провокационную политику в Дунайских княжествах. Подстрекаемая Францией, которая снабжала их оружием и помогла восстановить крепости на Дунае, она демонстративно закрыла для российских судов черноморские проливы. В октябре 1806 г. русские войска под командованием генерала И. И. Михельсона заняли Молдову и Валахию, а в 1807 г. эскадра под командованием контр-адмирала Д. Н. Сенявина разгромила османский флот в Дарданелльском и Афонском сражениях. На стороне России активно выступили сербы, которые вели борьбу за свою независимость начиная с 1804 г. Однако война приняла затяжной характер.

Турция намеревалась вновь утвердить свое влияние в Дунайских княжествах, которые к этому времени располагали автономией, покончить с национально-освободительным движением в Сербии и других частях Османской империи. В турецком правительстве раздавались голоса о необходимости аннексии Крыма.

В ходе войны окрепли и расширились связи между Россией и Сербией. Сербская армия вела операции в тылу у турок. Весной 1806 г. сербы осадили Белград и в декабре 1807 г. взяли его. Летом 1807 г. между Россией и сербскими повстанцами было заключено соглашение, на основании которого Россия начала оказывать существенную материальную и военную помощь сербскому национально-освободительному движению.

На первом этапе войны Россия не могла вести широкие наступательные операции. Дунайская армия насчитывала всего 40 тыс. человек. Военные действия велись нерешительно, силы затрачивались на взятие и удержание крепостей, оборону правобережья Дуная. Напряженная политическая обстановка в Европе, угроза войны с Францией требовали скорейшего подписания мира с Турцией. В марте 1811 г. командующим Дунайской армией был назначен М. И. Кутузов. Собрав разбросанные ранее по Дунайскому театру военные силы, М. И. Кутузов 22 июня (3 июля) нанес турецкой армии, которая по численности превосходила русскую почти в 2 раза, сокрушительное поражение под Рущуком, а затем окружил и взял в плен турок под Слободзеей (октябрь – ноябрь). Это вынудило Порту пойти на переговоры о мире. Несмотря на противодействие Франции, в мае 1812 г., за месяц до начала нашествия Наполеона в Россию, был подписан Бухарестский мирный договор. К России присоединялась Бессарабия, русско-турецкая граница была установлена по р. Прут. В Закавказье Россия возвращала Турции захваченные в ходе войны территории. Молдова и Валахия в составе Турции получили автономию.

Важное значение для национально-освободительного движения на Балканах имели статьи договора, касавшиеся Сербии. Ей предоставлялась широкая автономия во внутреннем управлении. Россия получила право контролировать исполнение Турцией постановления относительно Сербии.

Бухарестский мирный договор имел большое значение для России: он обеспечил нейтралитет Турции в период Отечественной войны 1812 г. и позволил русскому командованию сосредоточить силы на отражении наполеоновской агрессии.

Глава 4
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ 1813–1814 гг.

Со времен монголо-татарского «шурум-бурум» Русь (Россия) на протяжении столетий не испытывала ничего подобного наполеоновскому нашествию 1812 г. Естественно, фактор Отечественной войны 1812 г. (как и самих наполеоновских войн, участие в которых принесло России испытание давно неведомой горечи серьезных поражений) не мог не сказаться на последующем развитии российского общества. Очень точно сущность происходящего определил А. И. Герцен: «Новая Россия начинается с 1812 года».

Вполне закономерно, что война 1812 г. стала предметом самого пристального внимания исследователей. Так, Н. А. Троицкий констатировал наличие более 15 тыс. специально написанных по этой теме книг и статей, к которым тесно примыкают около миллиона разработок мировой литературы о Наполеоне, содержащих разделы о русской кампании французского императора. Впечатляет также масштабность и разноплановость введенных в научный оборот соответствующих источников. При всем этом невозможно не заметить историографических «зигзагов», обозначившихся в процессе изучения рассматриваемой проблемы. Здесь достаточно напомнить, что в свое время представители формировавшейся советской исторической школы отбросили определение войны 1812 г. как Отечественной, а вернулись к нему благодаря, прежде всего, усилиям Е. В. Тарле только в конце 1930-х гг. В настоящее время историография аспектов Отечественной войны 1812 г. базируется на выявленных в конце 1980 – начале 1990-х гг. многочисленных «белых пятнах», факторах искажения исторических реалий и пред-

принимаемых попытках (в свою очередь, порой достаточно спорных) поиска истины[1]. На общем фоне разрушения иллюзий изученности истории «грозы 12-го года» все большую ценность своей объективностью, подлинной научностью освещения и вместе с тем увлекательностью изложения материала приобретает обобщающее исследование Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (впервые книга выпущена в 1938 г., впоследствии она неоднократно переиздавалась).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ НАШЕСТВИЯ НАПОЛЕОНА В РОССИЮ. ПОДГОТОВКА СТОРОН К ВОЙНЕ

Тильзитские договоренности 1807 г. стали лишь временным компромиссом России и Франции: даже при наличии союзного соглашения страны по-прежнему сохраняли потенциал непримиримых противоречий. Оказавшаяся без союзников, исчерпавшая финансы, одновременно ведущая и другие войны Россия в своем противостоянии Франции остро нуждалась в передышке. Франция в сложившихся условиях, прежде всего, рассчитывала посредством полной экономической блокады сломить сопротивление своего основного врага – Англии, а в последующем реализовать возможность возобновления борьбы с Россией.

Разгром основных противников (Англии как экономического соперника, России как военного) позволял Наполеону реализовать идею своего европейского, а практически и мирового господства. В свое время он утверждал, что мир в Европе возможен только «с воцарением одного императора, одного главы, у которого под начальством будут короли, главы, который распределит все государства между своими наместниками». Тем самым обосновывался замысел создания под эгидой Франции европейской политической системы, базирующейся на конфедеративной основе (общее законодательство, единая денежная система, объединенные вооруженные силы и т. д.).

[1] *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 1988; *Его же*. Отечественная война 1812. История темы. Саратов, 1991; Отечественная война 1812 года (неизвестные страницы) // Родина. 1992. № 6–7 [тематический выпуск журнала].

Естественно, российское государство не могла не волновать перспектива потери государственной независимости и, как исходило из наполеоновских планов, при непосредственном содействии этому со своей стороны. Более того, в рассматриваемый период Александр I был обеспокоен не только проблемой сохранения государственного суверенитета России, сдерживания агрессивных планов Наполеона, но и собственными гегемонистскими намерениями. Правда, они были несоизмеримо меньшими в сравнении с вариантом французского императора, поскольку касались, прежде всего, польских и германских территорий. Здесь показательным было болезненное восприятие российской стороной явных нарушений Наполеоном Тильзитских соглашений в отношении Варшавского и Ольденбургского герцогств.

В общей совокупности многочисленных российско-французских противоречий, ставших причинами войны Франции и России в 1812 г., выделяется ряд ключевых факторов постепенно обостряющегося антагонизма. При исключительной значимости для экономики Российской империи английского рынка прямым следствием ее присоединения к системе континентальной блокады явилось свертывание российско-английских отношений. Активизация торговли с Францией не могла компенсировать утрат: ее объем был в десятки раз меньше. Внешняя торговля Российской империи в 1808–1812 гг. сократилась на 43 %, в целом торговый баланс страны в это время был отрицательным. Разрыв в октябре 1807 г. дипломатических отношений России и Англии сопровождался 50%-ным падением курса ассигнационного рубля (в последующем инфляция продолжала нарастать). Анализируя негативные тенденции, проявившиеся в российской экономике в предвоенный период, Ф. Энгельс отмечал: «Россия могла получать деньги лишь посредством морской торговли и вывоза своего сырья на главный в то время рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой». И Россия, которая до последнего оттягивала практику континентальной блокады, уже в начале 1808 г. вынуждена была пойти на нарушение ее условий: развертывается контрабандная торговля, английские корабли разгружаются в балтийских портах под флагом нейтральных стран (например, США), на которые подобные ограничения не распространялись. То же самое делает и российская сторона в отношении Англии. Вполне обоснованно Ф. Энгельс имел все основания также утверждать, что «эко-

номика оказалась сильнее дипломатии и царя вместе взятых». В конце концов, русское дворянство, будучи кровно заинтересованное в английском рынке, вынудило руководство страны принятием в 1810 г. соответствующего таможенного тарифа закрепить благоприятные условия для вывоза из России хлеба, леса и иного сырья (а все это поглощала, прежде всего, Англия). Одновременно фиксировались высокие пошлины на ввоз из-за границы предметов роскоши и вин: именно они составляли основу французского экспорта в Российскую империю.

В этом можно согласиться с марксистским видением в качестве основных именно экономических факторов углубления противоречий между Россией и Францией в условиях действия Тильзитского договора. Вместе с тем с очевидностью просматривалось, что выветривался дух и других его статей. Хорошо известны прилагаемые французской дипломатией усилия по углублению продолжающихся конфликтов России с Турцией и Ираном. Тем самым Франция стремилась ослабить позиции Российской империи на Ближнем Востоке и одновременно отвлечь ее от решения европейских проблем. Наполеон поднимал вопрос о расширении территории Варшавского герцогства и подавал полякам надежды на восстановление их государства в границах 1772 г. В целом это усиливало опасность нового передела границ в Восточной Европе. При особой геополитической значимости для России польского вопроса за Варшавским герцогством все больше закреплялся статус надежного французского плацдарма у самых границ Российской империи. Кроме того, подобными действиями Наполеон провоцировал рост антироссийских настроений на территориях, присоединенных к России по разделам Речи Посполитой. Продолжался захват Францией земель германских государств, что являлось прямым нарушением существовавших договоренностей. В декабре 1810 г. среди покоренных Наполеоном территорий оказалось Ольденбургское герцогство. Тем самым подрывался международный престиж России и бросался вызов российскому царствующему дому. Романовы и представители Гольштейн-Ольденбургской династии находились в родственных отношениях; в частности, в январе 1809 г. великая княгиня Екатерина Павловна – в опережение возможного сватовства французского императора – была выдана замуж за принца Георга Ольденбургского.

Со своей стороны российское руководство, исходя из идеи дипломатического противостояния Наполеону в рамках Тильзитской системы, стремилось не допустить дальнейшего ослабления Пруссии и

поддерживало Австрию в ее противостоянии с Францией. Уже на уровне эрфуртских переговоров с Наполеоном осенью 1808 г. Александр I продемонстрировал твердость в отстаивании интересов страны, утверждении своей самостоятельности в области международных отношений и нежелании покорно следовать в фарватере французской внешней политики. Встреча в Эрфурте была инициирована Наполеоном, стремившимся в условиях решения Францией задачи завоевания Испании (она усложнялась развертыванием здесь мощного национального движения и повсеместной партизанской борьбы) и возможного выступления против нее Австрии закрепить союз с Россией. На пышно обставленной встрече на немецкой земле французский и российский императоры всячески демонстрировали свою дружбу, но сами переговоры шли тяжело. Здесь в ответ на проявленную Наполеоном несдержанность (по случаю несогласия собеседника Наполеон принялся топтать брошенный на землю собственный головной убор) Александр I спокойно заявил: «Вы – вспыльчивы. Я – упрям. Гневом от меня вы ничего не добьетесь. Давайте разговаривать, рассуждать, иначе я уйду».

30 сентября (12 октября) 1808 г. состоялось подписание Эрфуртской союзной конвенции. Наполеон признавал права России на обладание Финляндией, Бессарабией и Валахией. Одновременно Александр I соглашался с притязаниями Франции на испанские территории. Французский император обязывался не вмешиваться в ход русско-турецкой войны и вместе с тем выступить на стороне России, если Турции станет помогать Австрийская империя. В свою очередь, Россия должна была прийти на помощь Франции в случае объявления ей войны той же Австрией. Подобная поддержка могла принести Российской империи территориальные приобретения за счет австрийской стороны.

Весной 1809 г. Австрия, вдохновленная неудачами наполеоновских войск в Испании, действительно начала войну с Францией. Однако Александр I не стал спешить с выполнением своих союзнических обязательств: выдвинутым к австрийской границе российским войскам было отдано распоряжение всячески уклоняться от участия в боевых действиях. Франция весьма болезненно отреагировала на реалии чисто формального соблюдения союзницей Эрфуртских соглашений. Вместе с тем Наполеон оставался верен себе в стремлении столкнуть между собой другие страны. Австрия потерпела поражение: 30 апреля (12 мая) 1809 г. французскими войсками была занята Вена, а 23–24 июня (5–6 июля) 1809 г. ими одер-

жана решающая победа при Ваграме. Итогом разгрома Австрии стала передача России Восточной Галиции (Тарнопольская область, 400 тыс. населения). При этом к Варшавскому герцогству в противовес интересам Российской империи отошла Западная Галиция: польские земли с населением 1,5 млн человек, входившие в состав австрийских владений. Проявившаяся при осуществлении Наполеоном очередного территориального передела Европы «демографическая» пропорциональность отчетливо свидетельствовала об его антироссийской направленности.

Воцарившийся в октябре 1809 г. мир на европейском континенте (Шенбруннский договор Франции и Австрии) оказался непрочен, поскольку базировался на усилении здесь наполеоновского владычества и вместе с тем далеко не удовлетворенных притязаниях французского императора. Потенциал напряженности международных отношений получил дополнительную подпитку.

Одним из сильнейших катализаторов обозначившегося усиления противоречий между Санкт-Петербургом и Парижем стало общественное мнение России, осуждавшее франко-российский союз и постоянно требовавшее реванша. Аустерлиц и Фридланд больно ударили по национальному самолюбию россиян. Не случайно в окружении Наполеона полагали, что Тильзитский мир «сделали с императором, а не с Россией». Здесь к французскому императору относились как к разрушителю старинных европейских монархий («похитителю тронов»). Сам же союз с Францией оказался совершенно новым для российской внешней политики, традиционно ориентированной на Австрию и Пруссию, с королевскими домами которых Романовы были связаны родственными узами. В конце 1807 г. шведский посол в России Стединг, анализируя сложившуюся здесь политическую ситуацию, отмечал: «Недовольствие против императора более и более возрастает, и на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать... Не только в частных собраниях, но и публичных собраниях толкуют о перемене правления» (за этим стояли ползущие по Петербургу слухи о возможности дворцового переворота в пользу великой княгини Екатерины Павловны). Из-за видения в разработках М. М. Сперанского французского влияния реформаторские начинания Александра I предвоенного периода воспринимались как враждебные и ненужные России.

Серьезный срыв во франко-российских отношениях произошел при предпринятой Наполеоном в начале 1810 г. попытке легитимировать свою власть и вместе с тем решить проблему отсутствия

законного наследника престола. С этой целью он пошел на разрыв со своей супругой Жозефиной (ее возраст не позволял надеяться на благополучное разрешение проблемы наследования) и начал интенсивный поиск возможности породниться с царствующими домами монархической Европы. При этом оптимальным представлялся брак с 15-летней сестрой российского императора великой княгиней Анной Павловной. Однако личная неприязнь Александра I к Наполеону (возможно, порожденная именно общественным мнением), нежелание семейства царя поступиться интересами императорской фамилии, негативное отношение придворных кругов к происходящему привели к отказу на сделанное французским императором предложение: он сопровождался формальной ссылкой на несовершеннолетний возраст потенциальной невесты. Наполеону пришлось довольствоваться браком с австрийской принцессой Марией Луизой. Обстоятельства неудачи российского варианта сватовства французского императора послужили своеобразной «отмашкой флажка» в подготовке сторон к возможной войне. В 1811 г. и в России, и во Франции уже открыто говорили о ее неизбежности.

Прекрасно осознавая, что многие вопросы можно снять заранее, не перенося их решение на поле брани, обе стороны стали активно предпринимать соответствующие дипломатические усилия. В частности, французский император заявлял: «Моя дипломатия должна была сделать для меня половину русской кампании». Он рассчитывал противопоставить России широкую коалицию государств, в которую наряду с Францией и напрямую зависимых от нее стран должны были войти Швеция, Пруссия, Австрия и Турция. Естественно, перед российской дипломатией стояла задача не допустить подобной международной изоляции и, в свою очередь, попытаться организовать очередной антифранцузский альянс.

Безусловным достижением российской внешней политики стала ликвидация дипломатическими средствами более чем очевидной угрозы с северо-запада – со стороны Швеции. И это при том, что у Наполеона были очень веские основания использовать ее военный потенциал в своих интересах. Об этом говорило присутствие в российско-шведских отношениях после войны 1808–1809 гг. проблемы Финляндии и избрание в 1810 г. наполеоновского маршала Ж. Б. Бернадота шведским наследным принцем (у короля Карла XIII не было наследника). Российское руководство успешно использовало то обстоятельство, что Наполеона и Ж. Б. Бернадота

разделяли политические убеждения и даже личные мотивы (последний усматривал в проводившейся французским императором политике прямую угрозу гибели страны, а в возвышении Наполеона – каприз слепой фортуны). Контрастируя с Наполеоном, который обращался со шведским наследным принцем как с вассалом, Александр I стал постоянно демонстрировать признание высокого положения Ж. Б. Бернадота. Важным для Швеции стало предложение России содействовать в присоединении Норвегии (тем самым в значительной степени разрешалась проблема Финляндии). В конечном счете 24 марта (5 апреля) 1812 г. был подписан российско-шведский договор, гарантировавший неприкосновенность территорий обоих государств.

Приближение войны с Францией требовало от России скорейшего завершения войны с Турцией. Опираясь на военные успехи, М. И. Кутузов 16(28) мая 1812 г. заключил с Османской империей Бухарестский мир. Объективная спешка не позволила ему добиться у Стамбула большего – склонить турок к союзному договору. Александр I высказал по этому поводу особое недовольство. Тем не менее деятельность российской дипломатии и в данном случае являла собой очевидный успех: в преддверии наполеоновского вторжения был ликвидирован очаг военных действий на юге, в условиях благожелательного нейтралитета Порты появилась возможность сосредоточить все силы на отражении агрессии с Запада. А. З. Манфред отмечал: «И правая, и левая рука Александра, которые Наполеон рассчитывал сковать, были свободны. Дипломатическая история кампании 1812 г. начиналась для Наполеона с крупных неудач».

В рамках традиций ведения двойной игры, балансирования между основными соперниками, характерных для стран Центральной Европы в течение всего периода наполеоновских войн, относительный успех в дипломатической борьбе за союзников оказался на стороне Франции. Пруссия, убедившись в твердом намерении России не брать на себя инициативы выступления против Наполеона и ведения военных действий за пределами страны, 12(24) февраля 1812 г. заключила с Францией союзный договор. Она обязывалась предоставить Наполеону для войны с Россией 20-тысячный корпус и обеспечить продвижение его армии по прусской территории. В то же время Фридрих Вильгельм III поспешил заверить Александра I: «Мы не совершим зла больше, чем того потребует жестокая необходимость». Возглавивший внешнюю политику Австрийской импе-

рии после франко-австрийской войны 1809 г. К. Л. Меттерних был противником «Тильзитской системы» и, прежде всего, заложенной в ней идеи раздела сфер влияния Франции и России в Европе. По мнению австрийского министра иностранных дел, Российская империя, проявляя повышенное внимание к Дунайским княжествам, что фиксировалось ходом русско-турецкой войны, демонстрировала свое стремление воспользоваться сложившейся ситуацией и укрепиться за счет Австрии (в этом отношении Франция являла для австрийцев «меньшее зло»). Австрийское руководство учитывало, что именно Габсбурги способствовали реализации матримониальных планов французского императора. Это позволяло надеяться на заключение выгодного для Австрии политического союза с Францией. К тому же, как и во франко-прусском варианте, франко-австрийское сближение происходило буквально «под пушками Даву» (определение историка Ж. Сореля). Подписанное 2(14) марта 1812 г. союзное соглашение Франции и Австрии позволило наполеоновской армии пополниться 30-тысячным австрийским корпусом. Вместе с тем российское руководство было извещено, что действие австрийских войск против России будет «по возможности ограничено».

Российской дипломатии фактически удалось нейтрализовать усилия Франции по созданию единой коалиции европейских государств против России. Планы Наполеона зажать ее в полукольцо враждебных стран были сорваны. Установлено, что из-за различных просчетов французской дипломатии наполеоновская армия в войне 1812 г. недополучила более 400 тыс. солдат, а фронт ее наступления сузился до 800 км.

Вторжение Наполеона началось в сравнительно благоприятной для России обстановке и в силу разрешения ею такой проблемы, как расширение круга собственных союзников. В условиях обострения российско-французских отношений проявила инициативу в установлении контакта с Россией единственная страна, сражающаяся с Наполеоном, – Испания. Более того, через ее представителей осенью 1811 г. в Петербурге стало известно о желании Англии «восстановить прежние дружеские отношения» и объединиться с Россией для совместной борьбы против наполеоновской Франции. В последующем инициативу посредничества в российско-английских переговорах взяла на себя Швеция.

В итоге 6(18) июля 1812 г. в Стокгольме между Россией и Англией был подписан договор о мире и дружбе. Одновременно вступа-

ло в силу союзное англо-шведское соглашение. 8(20) июля 1812 г. Россия подписала союзный договор с Испанией. Обе державы, как реально воюющие, обязывались вести «мужественную войну против императора французского». Тем самым было положено начало формированию очередной антинаполеоновской коалиции. В полном объеме констатация Наполеоном возможностей дипломатического аспекта подготовки войны с Россией в 1812 г. содержала следующие соображения: «Моя дипломатия должна была сделать для меня половину русской кампании, а она почти и не думала об этом».

В преддверии войны и Россия, и Франция уделяли большое внимание разведывательной деятельности. Прежде всего, с нею переплеталась дипломатическая практика. Уже во время Эрфуртской встречи свои осведомительские услуги российской стороне предложил бывший наполеоновский министр иностранных дел Ш. М. Талейран (именно он «режиссировал» поведение Александра I во время переговоров с Наполеоном).

Военная агентура России во Франции своевременно информировала руководство страны о численности и всех достойных внимания перемещениях французских войск. Помимо представителей французского посольства в Петербурге соответствующие данные о состоянии русской армии предоставлялись тайными агентами, которые действовали в России под видом торговцев, артистов, монахов. В Российскую империю стали забрасываться фальшивые деньги (эти отпечатанные в Париже 20 млн руб. удалось изъять из обращения только в середине 1820-х гг.). В подготовке обеих стран к войне просматривались своеобразные идеологические происки. Во Франции обращалось внимание на существование так называемого «Завещания» Петра I: фальшивка должна была свидетельствовать о традиционном стремлении России к достижению мирового господства. Официальное руководство Русской православной церкви объявило Наполеона Антихристом. В рамках реалий менталитета народных масс России подобный шаг должен был содействовать подъему патриотизма.

Одновременно со всем этим была развернута усиленная подготовка необходимых средств и сил непосредственно для ведения военных действий. Даже при всей неполноценности созданная Наполеоном коалиция превосходила Россию как по численности населения (почти в два раза), так и по экономическому потенциалу. Впервые Запад сумел так масштабно против нее объединиться.

Путем непрерывных мобилизаций во Франции и среди населения подвластных государств Наполеон поставил под ружье 1200 тыс. человек, из которых 600 тыс. с 1372 орудиями составили так называемую «Великую армию» («La Grande Armee»), предназначавшуюся для войны против России. Во главе «Великой армии» стоял гениальный полководец. Вокруг Наполеона группировался опытный командный состав – маршал Л. Н. Даву, М. Ней, И. Мюрат, Н. Ш. Удино и др. Но еще в 1809 г. погиб Ж. Ланн, во время проведения русской кампании в опале оказался А. Массена, в Испании сражались Л. Г. Сюше, Н. Ж. Сульт, Ж. Б. Журдан, жизненные пути которых также подтверждали, что каждый наполеоновский солдат «носит в своем ранце маршальский жезл». Это не могло не ослабить «Великую армию». Кроме того, эта армия, внушительная по численности, была довольно рыхлой структурой. По определению И. Д. Якушкина, в 1812 г. Россия испытала вторжение «галлов и с ними двунадесять языцы».

Вместе с французами, составлявшими около половины наполеоновской армии, были задействованы также поляки, итальянцы, бельгийцы, швейцарцы, австрийцы, голландцы, немцы и представители других европейских народов. Для них участие в русской кампании Наполеона не входило в сферу национальных интересов и определялось или жестким принуждением, или жаждой наживы. Обстоятельство «разноязычности» существенно сужало потенциал наполеоновской армии и определяло проблематичность ведения затяжных боевых действий.

Необходимость быстрого и решительного успеха в предстоящей борьбе с Россией вынуждала Наполеона выбрать в качестве стратегического традиционный для него вариант «молниеносной» наступательной войны в целях разгрома армии противника в одном-двух генеральных пограничных сражениях и последующей ее капитуляции.

Еще за месяц до начала русской кампании французский император, исходя из распространенной в России идеи контрнаступления, полагал, что как только он форсирует Неман, русские войска вторгнутся на территорию Польши, где и будут разбиты. Поражение сулило России территориальные потери, политико-экономическую зависимость от Франции, однобокое развитие в качестве аграрно-сырьевого придатка Европы. Однако признаваемая исследователями проблема возможного порабощения русского народа никак не соответствовала цивилизационным нормам начала XIX в.

К моменту подготовки боевых действий наполеоновская армия была развернута за Вислой (линия Радом – Кёнигсберг) тремя группами корпусов (около 400 тыс. человек). Они должны были действовать в соответствии с внесенной в стратегический план войны с Россией существенной корректировкой, которая сводилась к стремлению разгромить поодиночке оказавшиеся разрозненными 1-ю и 2-ю русские армии.

Войска левого крыла (220 тыс. человек), находившиеся под непосредственным командованием Наполеона, предназначались для наступления через Ковно на Вильно. Охватывающими ударами они должны были сыграть решающую роль в окружении и уничтожении основных сил противника. Центральная группировка наполеоновских войск (85 тыс. человек) под руководством вице-короля Италии принца Э. Р. Богарне была сориентирована на наступление в полосе между Гродно и Ковно с целью разъединить 1-ю и 2-ю русские армии.

Правое крыло (75 тыс. человек), которым командовал Ж. Бонапарт, движением на Гродно хотело оттянуть на себя 2-ю русскую армию для наступления главных сил. Левый фланг французской армии обеспечивался 32-тысячным корпусом маршала Ж. Э. Макдональда и был выдвинут к Тильзиту для удара в направлении Риги. Правый фланг армии Наполеона, расположенный на территория Галиции, был представлен 34-тысячным корпусом генерала К. Ф. Шварценберга. В тылу, между реками Висла и Одер, составляя второй эшелон «Великой армии», находились резервные войска (около 170 тыс. человек). С учетом того, что на обширном и малонаселенном театре военных действий огромная армия не сможет существовать за счет реквизиций, французское руководство создало на Висле крупные интендантские склады. Все факторы свидетельствовали о тщательной подготовке наполеоновского похода в Россию.

В свою очередь, назначенный в начале 1810 г. военным министром М. Б. Барклай де Толли констатировал: «Россия была в совершенной готовности противостоять алчным намерениям Наполеона». Правда, с этим упорно, а вместе с тем и безосновательно не соглашались советские исследователи. В предвоенный период руководство военного ведомства России разработало программу по перевооружению войск. Благодаря усилиям А. А. Аракчеева, который возглавлял Военное министерство в 1808–1810 гг., по оснащенности артиллерией русская армия не только не уступала, но и

в некотором отношении даже превосходила французскую. Достаточно развитая в то время военная промышленность в целом обеспечивала армию всем необходимым вооружением.

Напряженная работа М. Б. Барклая де Толли над повышением боевой мощи войск включала внедрение новых уставных положений, предусматривавших тактику колонн и рассыпного строя, усиление защиты западных российских границ, строительство укреплений по рекам Западная Двина, Березина, Днепр, создание системы провиантских баз, содержавших полугодовой запас провианта и фуража, увеличение нормы рекрутских наборов, разработку стратегических планов.

Однако тяжелое финансовое положение страны не позволило полностью реализовать подобные меры. Рекрутская система комплектования войск и сопровождавшая ее долгосрочная солдатская служба не давали возможности иметь в мирное время обученный людской запас, за счет которого можно было бы в 1812 г. решить проблему существенного увеличения численности русской армии. Именно в плоскости подобных причинных факторов еще в 1810 г. была предпринята первая попытка организации военных поселений.

В целом в начале войны Россия смогла противопоставить наполеоновскому нашествию 317-тысячную армию: в реальности она уступала задействованным в июне 1812 г. войскам противника в 1,5 раза. При всех издержках военного строительства, которое осуществлялось в России в условиях господства феодально-крепостнической системы, ее армия оставалась одной из сильнейших в мире. Характеризуя русских солдат, Наполеон подчеркивал, что «они храбры, энергичны, легко переносят усталость». Подобным же мужеством отличался и офицерский корпус русской армии. В полной мере в рассматриваемый период раскрылся полководческий талант ее командного состава – М. И. Кутузова, М. Б. Барклая де Толли, П. И. Багратиона, Н. Н. Раевского, А. П. Ермолова, П. Х. Витгенштейна, М. А. Милорадовича, Д. С. Дохтурова, П. П. Коновницына, А. И. Остерман-Толстого и др. Стойкость русской армии усиливалась фактором существенного нравственного преимущества перед противником: она решала задачу защиты Отечества.

Исходя из сложившейся ситуации, российское руководство отклонило прорабатывавшиеся в военных кругах планы ведения наступательных действий, которые должны были развернуться на территории Варшавского герцогства и Пруссии, и избрало на на-

чальном этапе борьбы с Наполеоном оборонительный вариант. В частности, Александр I одобрил план действий русских армий, который был составлен его главным военным советником прусским генералом К. Л. Фулем.

1-я западная армия, сосредоточив у себя основную массу войск, должна была обосноваться в укрепленном лагере в излучине Западной Двины около Дриссы, тем самым прикрывались одновременно петербургское и московское направления. Эта армия должна была принять на себя первый удар противника, в то время как 2-й западной армии предписывалось действовать с юга во фланг и в тыл французов. В последующем предусматривался переход обеих армий в контрнаступление.

Фулевский план страдал схематизмом, поскольку не учитывал реального соотношения сил, особенностей театра военных действий и возможных контрмер Наполеона. В конечном итоге в стратегических планах российской стороны возобладала идея М. Б. Барклая де Толли о необходимости уклонения как можно дольше от генерального сражения и заманивания французской армии в глубь российской территории. Еще в 1807 г. он заявлял: «Если бы мне довелось воевать против Наполеона в звании главнокомандующего, то я избегал бы генерального сражения и отступал бы до тех пор, пока французы не нашли бы вместо решительной победы другую Полтаву» (здесь просматривалось стремление учесть сорванную Александром I попытку подобных действий против французов со стороны М. И. Кутузова в кампании 1805 г.). В записке военного министра «О защите западных пределов России» (март 1810 г.) констатировалась необходимость «продлить войну по возможности» и «при отступлении нашем всегда оставлять за собой опустошенный край».

Использование М. Б. Барклаем де Толли скифского опыта противостояния врагу должно было привести к растягиванию французских коммуникаций, распылению сил «Великой армии» на большой территории и удалению основной массы войск от продовольственных баз. При всем этом можно было рассчитывать на последующее спешное контрнаступление русской армии.

В соответствии с обозначившимися в ходе подготовки к войне обстоятельствами произошло следующее распределение сконцентрированных у западной границы русских войск. 1-я западная армия под командованием генерала М. Б. Барклая де Толли (здесь базировалась ставка Александра I) в составе 127 тыс. человек при-

крывала российскую границу вдоль Немана (200-километровая линия Лида – Вильно). Южнее, в междуречье Немана и Западного Буга (фронт около 50 км), располагалась 2-я армия генерала П. И. Багратиона (49 тыс. человек). 3-я армия генерала А. П. Тормасова (44 тыс. человек) находилась в районе Луцка (территория Волыни). Кроме того, на юго-западе (в Валахии) размещалась «высвободившаяся» в результате окончания войны с Турцией Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова (57,5 тыс. человек). Правый фланг русских войск прикрывал 19-тысячный корпус генерала Ф. Ф. Штенгеля на территории Финляндии. На рижском направлении действовал корпус генерала И. Н. Эссена (20 тыс. человек). Существовали также резервные войска «второй» линии обороны: сосредоточившийся около Мозыря 37,5-тысячный корпус генерала Ф. Ф. Эртеля и стоявший у Торопца 27,5-тысячный корпус генерала Е. И. Миллера-Закомельского.

С учетом 100–200-километровых разрывов между армиями общая линия фронта основных сил русских войск растянулась вдоль западных границ на 600 км (наполеоновская армия концентрировалась в пределах 300 км). Подобное обстоятельство явно способствовало достижению стратегических целей Наполеона.

Однако будет неверным видеть в этом исключительный просчет российского командования. Реалии размещения на исходных позициях русских войск диктовались, прежде всего, объективной необходимостью предотвратить возможность продвижения противника в направлении Санкт-Петербурга, Москвы и Киева.

Достоверные сведения о направлении первого удара французов на Вильно были получены лишь незадолго до их вторжения. Попытка передислоцировать 2-ю армию ближе к 1-й оказалась запоздалой. Сам же факт, что на направлении главного удара противника оказалась самая мощная группировка войск, говорит о правильности стратегических расчетов российского руководства.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Вторжение «Великой армии» на территорию России началось на рассвете 12(24) июня 1812 г. возле Ковно. Сразу же была продемонстрирована масштабность нашествия: бесконечные потоки наполеоновских войск пересекали Неман по четырем мостам в течение четы-

рех дней. В целом численность их первого эшелона составила около 450 тыс. человек. Позднее к Наполеону подошли подкрепления общим числом около 200 тыс. человек.

За два дня до начала русской кампании французский посол в Петербурге Ж. А. Лористон вручил российским властям ноту о разрыве дипломатических отношений. Факт вступления Франции в войну с Россией также был заблаговременно доведен до всех европейских кабинетов. Подчеркнутое внимание к подобным документально зафиксированным обстоятельствам в современной российской историографии (Н. А. Троицкий и др.) опровергает господствовавшую на протяжении более полутора столетий «патриотическую» версию о внезапности нападения Наполеона («без объявления войны»).

Отечественная война 1812 г. была одной из самых непродолжительных, если не самой короткой из войн России, и вместе с тем наиболее кровопролитной и тяжелой. Она не имела ни четко разработанных военных операций, ни тем более явных фронтов. Все свелось к наступлению французской армии на Москву по Смоленской дороге и ее отступлению от первопрестольной в том же направлении (на Смоленск – Вильно). В силу этого основными определяющими вехами «грозы 12-го года» стали отдельные сражения и битвы, результаты которых отражали соотношения сил сторон на каждом этапе войны в конкретных ситуациях.

Вскоре после вторжения Наполеона 1-я и 2-я русские армии оказались отсечены друг от друга французскими корпусами, которые пытались захватить узловые магистрали, чтобы отрезать пути отхода обеим армиям и разбить их поодиночке в приграничных сражениях. Избегая разгрома, М. Б. Барклай де Толли и П. И. Багратион начали отводить свои войска на восток в целях как можно скорейшего их объединения. Наполеон сразу же стал испытывать затруднения в реализации своих стратегических планов. Кроме того, отступление русских армий велось с арьергардными боями, которые сильно изматывали противника. В ряде случаев подобные столкновения воспринимались Наполеоном как начало генерального сражения.

В наиболее тяжелом положении оказалась 2-я армия. Переправившись через Неман, П. И. Багратион попытался идти на Минск. Однако город уже был занят маршалом Л. Н. Даву. Это означало, что противнику удалось обойти 2-ю армию с севера. Шансом на спасение для П. И. Багратиона стали совершенно необоснованная че-

тырехдневная задержка Ж. Бонапарта в Гродно и непозволительно медленное продвижение армии вестфальского короля в дальнейшем. И все же появление французских войск у Слонима свидетельствовало о возможности обхода 2-й русской армии и с юга.

В этой ситуации П. И. Багратион вынужден был повернуть к Несвижу, а затем направиться на восток – к Бобруйску. Данный отход был обеспечен действиями багратионовского арьергарда под командованием донского атамана М. И. Платова, вступившего 27–28 июня (9–10 июля) у мест. Мир в бой с авангардом французских войск Ж. Бонапарта. П. И. Багратион писал: «Насилу вырвался из аду. Дураки меня выпустили».

Достигнув Днепра у Нового Быхова, П. И. Багратион вновь попытался прорваться на соединение с 1-й армией – через Могилев и Оршу. Однако развернувшееся 11(23) июля сражение у д. Салтановка (15-тысячный авангард генерала Н. Н. Раевского атаковал выдвинувшиеся навстречу существенно превосходящие по численности подразделения корпуса Л. Н. Даву) свидетельствовало о невозможности подобного прорыва. В результате П. И. Багратион вынужден был переправиться через Днепр и форсированным маршем двинуться к Смоленску. План Наполеона окружить 2-ю русскую армию или навязать ей генеральное сражение при других обстоятельствах не удался.

После начала военных действий 1-я армия стала осуществлять отход к Дрисскому лагерю. Тем самым расстояние, отделявшее ее от 2-й армии, постепенно увеличилось до 200 км. Оборона против существенно превосходящих сил противника в прижатом к Западной Двине укрепленном центре в Дриссе таила реальную угрозу окружения и гибели 1-й армии. В условиях отсутствия взаимодействия с П. И. Багратионом и прочности дрисских позиций М. Б. Барклай де Толли вынужден был после 6-дневного перерыва (это стало возможным в связи с 18-дневным пребыванием Наполеона в Вильно) 2(13) июля возобновить отход на восток.

Для защиты петербургского направления был выделен 20-тысячный корпус генерала П. Х. Витгенштейна. 6(18) июля в Полоцке Александр I подписал Манифест о формировании народного ополчения. В призыве царя к населению встать на защиту Отечества содержалась ссылка на патриотизм россиян в период польской и шведской интервенций в начале XVIII в.: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, а в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина!».

Благодаря усилиям, прежде всего, А. А. Аракчеева в это же время императору была внушена идея о необходимости его отъезда из армии и сосредоточении усилий на организации всенародного отпора врагу. Тем самым у М. Б. Барклая де Толли появилась возможность реального командования 1-й армией. 11(23) июля (в день битвы у д. Салтановка) ее основные силы достигли Витебска. 13(25) июля у мест. Островно, в 30 км западнее Витебска, состоялся арьергардный бой, в котором французскому авангарду под командованием маршалов М. Нея и И. Мюрата стойко противостояли 4-й корпус генерала А. И. Остермана-Толстого, а затем части генерала П. П. Коновницына. Известной стала флегматичная реакция А. И. Остермана-Толстого на запрос о действиях в условиях огромных потерь: «Стоять и умирать!».

Угроза втягивания в генеральное сражение в связи с подходом к Витебску основных сил Наполеона, очевидность безуспешности попыток 2-й армии пробиться на соединение с 1-й армией через Могилев потребовали от М. Б. Барклая де Толли в ночь на 16(28) июля тихо сняться с занимаемых позиций и продолжить форсированный отход. Для дезинформации противника были оставлены горящие костры.

В конечном итоге 22 июля (3 августа) 1-я и 2-я русские армии соединились под Смоленском, сохранив боеспособность своих основных сил. При значительности потерь их общая численность составляла 120 тыс. человек. План Наполеона рассечь и уничтожить их поодиночке потерпел неудачу.

Почти безостановочное отступление русских войск на центральном направлении сопровождалось ликвидацией уже на начальном этапе угрозы продвижения противника в глубь страны на флангах.

18–20 июля (30 июля – 1 августа) в сражении у с. Клястицы к северу от Полоцка арьергард корпуса П. Х. Витгенштейна под командованием одного из самых храбрых российских полководцев генерала Я. П. Кульнева нанес поражение выдвинувшимся вперед частям французского корпуса маршала Н. Ш. Удино, выделенного Наполеоном для взаимодействия с войсками Ж. Э. Макдональда. Но во время преследования отступавших французов отряд Я. П. Кульнева, далеко оторвавшись от своих, потерпел поражение в столкновении с основными силами противника. В этом бою погиб и сам полководец. Войска Н. Ш. Удино вынуждены были отступить к Полоцку.

В целом же победа под Клястицами позволила остановить наступление французов в направлении Петербурга. Кроме того, Наполеону пришлось в очередной раз пойти на усиление группировки войск на левом фланге за счет переброски с центрального направления корпуса генерала Л. Г. Сен-Сира.

Успех сопутствовал действиям русских войск и на их левом фланге. Располагавшаяся на территории западной части Украины 3-я армия генерала А. П. Тормасова 10(22) июля двинулась на север, выступив против 7-го, саксонского, корпуса генерала Ж. Л. Ренье, угрожавшего южному флангу армии П. И. Багратиона. Воспользовавшись разбросанностью сил противника, русский авангард в сражении у Кобрина окружил бригаду генерала Клингеля и вынудил саксонцев сложить оружие. В результате угроза 2-й русской армии с юга была ликвидирована.

Однако А. П. Тормасов не смог предотвратить соединения основных сил корпуса Ж. Л. Ренье с австрийским корпусом генерала К. Ф. Шванценберга, пришедшего на выручку отступающим саксонцам. 31 июля (12 августа) объединенные войска противника (около 40 тыс. человек) атаковали части 3-й русской армии у д. Городечна. Удержав позиции до наступления темноты, русская армия в организованном порядке отошла к Луцку. На левом фланге русских войск наступило длительное затишье.

Начальный период войны не принес Наполеону ожидаемых результатов. Стратегические замыслы французов сразу же были нарушены. Фактически их вынудили действовать по плану российского командования. Французским войскам пришлось проделать в состоянии полной боевой готовности многокилометровые марши.

Кроме того, начал сказываться фактор пространства. Продвижение в глубь России требовало от Наполеона оставления гарнизонов в занятых городах, выставления охраны для растянувшихся коммуникаций. В ряде случаев даже соединения, не участвовавшие в боях, в продвижении к Смоленску лишились почти половины своего личного состава. В целом же французская армия к этому времени потеряла убитыми, ранеными, больными, отставшими и дезертировавшими около 150 тыс. человек. В условиях замедления темпов наступления Наполеон был вынужден 17(29) июля отдать приказ об остановке находившейся в его непосредственном распоряжении 200-тысячной армии на недельный отдых (в районе Велижа – Могилева).

Одновременно приходили в себя после долгого и трудного перехода и русские войска (их численность составляла около 120 тыс. человек). К моменту объединения 1-й и 2-й армий в их руководстве проявилось существенное несовпадение взглядов относительно характера военных действий. П. И. Багратион настаивал на сражении (и его поддерживали другие генералы), но М. Б. Барклай де Толли не хотел рисковать судьбой армии, численно уступавшей противнику, и в расчете на выигрыш во времени и изматывание неприятеля высказывался за продолжение отступления.

В конечном счете на военном совете было принято решение воспользоваться рассредоточенным положением наполеоновской армии и нанести по ней удар. Однако предпринятое 26 июля (7 августа) наспех подготовленное и нерешительное наступление в направлении Рудни (к северо-западу от Смоленска) оказалось безрезультатным (удар пришелся в «пустоту»). Тем временем Наполеон 1(13) августа переправил свои основные силы на левый берег Днепра южнее расположения русской армии, угрожая занять Смоленск с юго-запада. Он надеялся отрезать ей путь на восток и навязать генеральное сражение. В подобной ситуации начался поспешный отход русских войск к Смоленску. Это стало возможным благодаря упорному противостоянию 27-й пехотной дивизии генерала Д. П. Неверовского французскому авангарду (кавалерия маршала И. Мюрата и корпус маршала М. Нея) под Красным.

Первым непосредственно в битву за Смоленск вступил 7-й пехотный корпус генерала Н. Н. Раевского, который, используя возможности маневра в пригороде и собственно городские укрепления, 4(16) августа успешно отражал атаки войск М. Нея, И. Мюрата, Л. Н. Даву. Это позволило подтянуться к Смоленску основным силам русской армии.

П. И. Багратион считал необходимым дать здесь генеральное сражение, однако М. Б. Барклай де Толли, стремясь сохранить войска до соединения их со стратегическими резервами, настоял на продолжении движения на восток – к Дрогобужу. В арьергардных боях, развернувшихся в Смоленске 5–6(17–18) августа, были задействованы 6-й пехотный корпус генерала Д. С. Дохтурова и 3-я пехотная дивизия генерала П. П. Коновницына (всего около 20 тыс. человек). Им пришлось героически сдерживать жесткий натиск главных сил французской армии (до 140 тыс. человек). Вместе с армией пылающий город покинуло и население.

План Наполеона навязать русской армии генеральное сражение в невыгодных условиях был сорван.

В Смоленске, напоминавшем собой «извержение Везувия» (это скажется во время осеннего отхода французской армии), Наполеон заявил: «Кампания 12-го года окончена». В условиях отсутствия значительных успехов наступления французских войск не только на центральном, но и на других направлениях он предпринял даже практические шаги к подписанию мирного соглашения. Подобное предложение было изложено в письме захваченного в плен русского генерала П. А. Тучкова (Тучкова-3), адресованном брату в действующую армию. Однако ответа со стороны российского руководства не последовало.

Война с очевидностью приобретала затяжной характер. На происходившие события пристальное внимание обращало все российское общество – и военные, и гражданское население. Понятно, что продолжительный отход русской армии вызывал всеобщее недовольство. Очень ярко сложившуюся ситуацию охарактеризовал М. Ю. Лермонтов: «Мы долго молча отступали, / Досадно было, боя ждали...». Действительно, все ждали победного сражения и при этом мало кто обращал внимание на то, что в условиях очевидного неравенства сил в пользу французов тактика постепенного отступления, которой придерживался М. Б. Барклай де Толли, являлась единственно возможной. В свое время К. Маркс отмечал, что отход русской армии стал «делом не свободного выбора, а суровой необходимости».

В условиях, которые сложились после отхода русской армии от Смоленска, основной сторонник «скифского» плана ведения войны против Наполеона – М. Б. Барклай де Толли – оказался в тисках жесткой критики. Иностранное и отнюдь не родовитое социальное происхождение (его предки переехали из Шотландии в Прибалтику еще в XVIII в., родился в семье поручика), открытая враждебность в отношениях к «продажному немцу» со стороны П. И. Багратиона, который имел общероссийское признание, в конечном итоге отступление русской армии – все это искусственно подрывало барклаевский авторитет. Чего стоил только один пример интерпретации в обществе фамилии полководца – «Болтай да и только», в то время как действовала державинская разбивка фамилии главного оппонента Барклая – «Бог-рати-он»).

В поисках истины в отношении М. Б. Барклая де Толли следует, видимо, обратиться к общеизвестной классической характеристике, которую дал ему М. Ю. Лермонтов: «Он был бесспорно лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, ре-

шительный и полный здравого смысла». Интересно охарактеризовал (в пику М. Ю. Лермонтову) действия М. Б. Барклая де Толли А. С. Пушкин: «И долго укреплен могущим убежденьем / Ты был неколебим пред общим заблужденьем». Оценивая сложившуюся на начальном этапе борьбы с наполеоновским нашествием ситуацию, Е. В. Тарле в свое время писал: «У Барклая оказалось достаточно силы воли и твердости духа, чтобы при невозможном моральном положении, когда его собственный штаб во главе с Ермоловым тайком агитировал против него в его же армии и когда командующий другой армией, авторитетнейший из всех русских военачальников, Багратион, обвинял его довольно открыто в измене, все-таки систематически делать то, что ему повелевала совесть для спасения войска».

До последнего времени роль М. Б. Барклая де Толли в подготовке к войне и непосредственно в борьбе против Наполеона в существующих многочисленных исследованиях по истории Отечественной войны 1812 г. с очевидностью недооценивалась. Сейчас же с полной уверенностью можно сказать, что он был прав, руководствуясь в своих действиях одной главной целью – обеспечить отход русской армии в наибольшем порядке с наименьшими потерями, что представлялось необходимым условием будущей победы над Наполеоном.

В сложившейся ситуации вопрос о руководстве русской армии оказался весьма злободневным. Рассмотрение его в плоскости необходимой замены М. Б. Барклая де Толли на кого-то «лучшего» не соответствует действительности. В реальности должна была решаться проблема назначения единого главнокомандующего. В сущности, отъезжая из армии, Александр I оставил этот вопрос открытым. Должность военного министра вовсе не делала М. Б. Барклая де Толли автоматически руководителем всех выставленных против Наполеона военных сил России. По сложившимся российским традициям П. И. Багратион, который имел более продолжительный служебный стаж и тесные связи при дворе, имел на это больше прав.

В результате обсуждения обозначенной проблемы в Чрезвычайном комитете 8(20) августа 1812 г. в должности главнокомандующего русской армией был утвержден 65-летний М. И. Кутузов (по уточненным сведениям он родился в 1747 г.). Александр I прокомментировал данный выбор следующим образом: «Публика желала назначения его. Я назначил его; что касается меня лично, то я умываю руки...». Традиционное историографическое видение за этим отсутствия какой-либо альтернативы М. И. Кутузову и проявления

личной неприязни Александра I к великому полководцу не соответствует реалиям. Обсуждаемый в Чрезвычайном комитете список кандидатур первоначально не включал М. И. Кутузова и был достаточно обширен (Л. Л. Бенигсен, П. И. Багратион, Д. С. Дохтуров, А. П. Тормасов, П. П. Пален). А. Г. Тартаковский отмечает, что в конечном счете члены комитета избрали М. И. Кутузова собственно как «своего человека» (имеется в виду принадлежность полководца к группировке консервативной аристократии и масонам). Н. А. Троицкий оспаривает «неприязнь» Александра I к М. И. Кутузову наличием у последнего именно в это время «высочайших» наград (графский титул, а потом и княжеское достоинство, назначение в 1811 г. главнокомандующим Дунайской армией).

Русский генералитет встретил назначение М. И. Кутузова по-разному. П. И. Багратион не скрывал своего недовольства. М. Б. Барклай де Толли сдал свое номинальное командование весьма спокойно. Однако его «записка» Александру I свидетельствовала, что и в данном случае самолюбие было затронуто: «Избегая решительного сражения, я увлекал неприятеля за собой и удалял его от его источников, приближая их к своим; я ослабил его в частных делах, в которых я всегда имел перевес. Когда я почти до конца довел этот план и был готов дать решающее сражение, князь Кутузов принял командование армией». Это произошло 17(29) августа 1812 г. у Царева Займища (около Гжатска). Причем характерным является то, что М. И. Кутузов стал продолжать стратегическую линию М. Б. Барклая де Толли.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ. ОСТАВЛЕНИЕ МОСКВЫ

Понятно, что отход армии мог быть возможен только до известных пределов: в конце концов, М. И. Кутузову предстояло дать генеральную битву. Она произошла примерно в 120 км от Москвы – около ничем не примечательного до этого с. Бородино (это был четвертый выбор позиции, причем не самый удачный).

Бородинская позиция позволяла на сравнительно узком фронте (3,5–8 км) перекрыть две главные дороги на Москву – Новую Смоленскую и Старую Смоленскую. Холмистое Бородинское поле перерезали небольшие рвы и ручьи. С правого фланга его надежно прикрывала р. Колоча. На высоких курганах можно было создать опорные пункты и укрепить их артиллерией. Пересеченный характер местности, с одной стороны, позволял спрятать от противника

часть войск, с другой – усложнял для Наполеона возможность широких маневров.

В сравнении с правым флангом и центром левый фланг был значительно менее удобен для обороны. Не случайно М. И. Кутузов в донесении Александру I отмечал: «Слабо место этой позиции... с левого фланга, постараюсь исправить искусством».

Готовясь к решающей битве, главнокомандующий рассчитывал на подход 100–120 тыс. резервистов и ополченцев, которых ему обещали дать руководители военного ведомства и московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин. Однако реально все свелось к увеличению русских войск только на 10 тыс. ополченцев и 15 тыс. представителей резерва.

Накануне Бородинского сражения русская армия насчитывала (с учетом 11 тыс. казаков и 28,5 тыс. ополченцев) 154,5 тыс. человек и 640 орудий, французская – 134 тыс. человек и 587 орудий. При этом необходимо заметить, что Наполеоном не была задействована 19-тысячная «старая» гвардия (однако это уже было личное решение французского полководца). Таким образом, численный перевес был на стороне тех, кто готовился к обороне. По всем стратегическим и тактическим канонам успех атаки должен был подкрепляться двух-, трехкратным превосходством сил.

М. И. Кутузов сделал следующее распределение своих войск. На правом фланге и частично по центру размещалась 1-я армия М. Б. Барклая де Толли, где было сосредоточено до 70 % людских ресурсов. Левый фланг занимала 2-я армия П. И. Багратиона, где были возведены земляные тупоугольные укрепления – Семеновские (Багратионовы) флеши. В самом центре бородинской позиции – на кургане – находились войска генерала Н. Н. Раевского и мощная артиллерийская батарея. (Избранная М. И. Кутузовым оборонительная система нередко подвергается жесткой критике современных исследователей.)

Впереди всей позиции – снова же слева, около д. Шевардино, – был возведен редут: сомкнутое пятиугольное укрепление. Шевардинский редут должен был мешать французам вести наступление, что Наполеон прекрасно понимал. Поэтому 24 августа (5 сентября) здесь произошла своеобразная репетиция будущей генеральной битвы: 8 тыс. русских на протяжении целого дня мужественно противостояли 35 тыс. французов, и только угроза обходного маневра противника вынудила их отойти.

Непосредственно Бородинское сражение началось в 5 часов утра 26 августа (7 сентября) и продолжалось двенадцать часов. Все нача-

лось с французской атаки на правый фланг русской позиции, и в скором времени французы заняли с. Бородино. Эпицентр сражения сразу же был перенесен на левый фланг. В течение нескольких часов Наполеон большими силами предпринимал многочисленные атаки на Семеновские флеши и батарею Н. Н. Раевского. Эти укрепления несколько раз переходили из рук в руки, а во время одной из атак был смертельно ранен П. И. Багратион. Ближе к полудню флеши были окончательно захвачены французами, а курганная батарея продолжала обороняться до четырех часов, но, в конце концов, и она была взята противником. В некоторой степени ее падение было отсрочено рейдом в тыл врага кавалерийского корпуса генерала Ф. П. Уварова и казаков генерала М. И. Платова. (Часть исследователей оспаривают положительное значение этого рейда.)

Оценивая ход Бородинского сражения в целом, Н. А. Троицкий заметил, что «Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел». Действительно, при наличии меньших сил французский полководец на всех направлениях атаки имел численное преимущество, вынуждая русских постоянно отбиваться. Еще более удивительным было превосходство французов в маневренности и мощности артиллерийского огня, хотя русская артиллерия на Бородинском поле превышала французскую как по численности орудий, так и по калибру пушек. Под вечер все русские войска были отведены на новую линию обороны, и противник больше не предпринимал попыток их атаковать.

Определение победителя Бородинского сражения на протяжении почти двух столетий являлось острейшим дискуссионным вопросом. Если судить о результатах сражения по «материальным» достижениям сторон, то получается, что Наполеон одержал очевидную победу: французские войска заняли все исходные позиции русских. Здесь даже не помогают ссылки на то, что в ночь с 26 на 27 августа (с 7 на 8 сентября) французская армия была отведена на позиции, которые она занимала накануне сражения, – это не соответствует действительности. Однако при этом Наполеон не смог решить своей главной задачи – разгромить русскую армию. Но и М. И. Кутузов на Бородинском поле не достиг своей цели. Проблема заключалась в недопущении противника в Москву.

В советской историографии предпринимались попытки определить победу русских посредством сравнения людских потерь участников Бородинской эпопеи. Однако делалось это искусственно, благодаря приему использования «лукавой цифири». Так, отмечалось, что французы имели убитыми и ранеными 58,5 тыс. человек

(в том числе 47 генералов), что составляло 43 % личного состава, а русские – соответственно 38,5 тыс. человек (в том числе 23 генерала), или 30 % людских ресурсов. Вместе с тем тяжело было согласиться с подсчетами французских исследователей, сориентированных на обозначение потерь наполеоновской армии в 20–30 тыс. человек.

По мнению А. А. Васильева, который в своих изысканиях использовал французские источники, потери «Великой армии» при Бородино составили 30–34 тыс. человек. Н. А. Троицкий, ссылаясь на официальную делопроизводственную документацию, наработанную российским командованием, считает возможным говорить о 45,6 тыс. убитых и раненых в составе русской армии.

Предпринимались также попытки «найти» победу русского оружия при Бородино с помощью использования оценок сражения главнокомандующими задействованных здесь войск. В частности, Наполеон отмечал: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми. Из 150 сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех». О колебаниях французского императора свидетельствовал и тот факт, что о своей победе он объявил только через пять дней после Бородинского сражения.

М. И. Кутузов был более категоричен. Так, в его донесении Александру I находим: «Сражение было всеобщее и продолжалось до самой ночи, потеря с обеих сторон велика. Войска вашего императорского величества сражались с неимоверной храбростью; батареи переходили из рук в руки. Кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходящими своими силами». В Петербурге такое далеко не во всем соответствующее реалиям послание было воспринято как реляция о победе. Главнокомандующий получил за Бородино звание фельдмаршала и 100 тыс. рублей. В письме к супруге М. И. Кутузов был еще более решителен: «Я, слава Богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Буанапартием».

Отбрасывая все ухищрения советской исторической науки, можно вслед за Н. А. Троицким отметить, что моральная победа русских войск на Бородинском поле была столь значимой, что нет никакой необходимости подтягивать ее до уровня материальной.

Сначала М. И. Кутузов заявил о своей решительности перейти на следующий день в контрнаступление. Однако в условиях суще-

ственных людских потерь и отсутствия обещанного правительством подкрепления он вынужден был продолжить отступление. Причем это был четко организованный отход к Москве. Попытки Наполеона преследовать противника не имели успеха. Более того, под Можайском выделенный для этого отряд И. Мюрата получил ощутимый удар со стороны русского арьергарда, которым командовал генерал М. А. Милорадович.

1(13) сентября 1812 г. в д. Фили, в непосредственной близости от Москвы, состоялся военный совет, на котором в горячих спорах решалась судьба древней российской столицы. Первоначально на совете преимущество было у сторонников обороны первопрестольной. В ходе рассуждений их количество, благодаря усилиям, прежде всего, М. Б. Барклая де Толли, несколько уменьшилось. М. И. Кутузов, возлагая на себя всю ответственность, отдал распоряжение об оставлении Москвы. Основным доводом здесь служила возможность «сберечь армию... и самим уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятеля». «С потерей Москвы не потеряна еще Россия» – это высказывание М. И. Кутузова стало крылатым.

В современных исследованиях отмечаются достаточно серьезные просчеты в действиях русского командования во время отхода армии из Москвы. Вместе с армией город покидало и население. Врагу были оставлены большие запасы продовольствия, значительное количество вооружения, однако французы не смогли в полной мере всем этим воспользоваться. Незавидной оказалась судьба оставленных в Москве 22,5 тыс. раненых, как потом оказалось, в условиях всеуничтожающего пожара.

2(14) сентября французская армия вступила в почти опустевшую Москву: при общей численности ее населения в 277 тыс. человек здесь осталось не более 10–12 тыс. Наполеон был удивлен отсутствием делегации «бояр» с ключами от первопрестольной, как было всегда при вхождении французов в столицы поверженных государств. А. С. Пушкин отозвался на это знаменитыми словами: «Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою».

Наполеоновская армия не нашла в Москве ни покоя, ни отдыха. Уже в самом начале ее пребывания в древней российской столице в разных частях города вспыхнули пожары, которые продолжались почти неделю. Деревянные здания, узкие улочки, замысловатость застройки, сильный ветер – все это привело к уничтожению огнем 3/4 городских построек. Известный московский пожар 1812 г. до настоящего времени вызывает горячие споры на уровне вопроса «кто виноват?». В целом видится, что здесь был задействован ком-

плекс причин. Это и патриотизм москвичей, не желавших что-либо оставлять врагу, и их неосторожность обращения с огнем в условиях поспешности ухода из города, и вывоз вместе с отходящей армией городских противопожарных средств (существовали одновременно распоряжения М. И. Кутузова и Ф. В. Ростопчина), и массовое мародерство французов.

Наполеон не отдавал приказа на разграбление Москвы. Наоборот, он всячески пытался укрепить дисциплину. Для этого проводились демонстративные суровые наказания за грабежи и насилия как в отношении своих войск, так и оставшегося в городе населения. Однако двигателем действий сохранившейся в целости части «Великой армии» оставалась жажда наживы. «Все части войск, – отмечал непосредственный участник грабежа, – были признаны к участию в нем, как будто дело шло об исполнении служебных обязанностей». О масштабности подобного разграбления может свидетельствовать то, что из 290 московских храмов были опустошены 127.

В ситуации разрастания пожара, падения дисциплины французских войск, роста мародерства, расширения партизанского движения, долговременного отсутствия известий о месте пребывания русской армии Наполеон весьма мало походил на победителя. Он трижды, но каждый раз безуспешно, пробовал начать переговоры с Александром I и М. И. Кутузовым о заключении мира или хотя бы перемирия. Главнокомандующий русской армией отказывался от французских переговорных предложений, ссылаясь на отсутствие полномочий. Реакция же российского императора только подтверждала, что имеющиеся исследовательские попытки отыскать в его действиях во время войны 1812 г. недостойные уважения факты не имеют под собой оснований. Несмотря на давление со стороны царского окружения – А. А. Аракчеева, Н. П. Румянцева, А. Д. Балашова, – Александр I твердо придерживался принципов Манифеста о начале войны с Наполеоном от 25 июня 1812 г.: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

До 14(26) сентября Наполеон ничего не знал о местонахождении русской армии. Сначала она организованно отошла от Москвы в направлении Рязани. Однако после нескольких переходов под прикрытием казачьих отрядов, которые имитировали действия арьергарда и продолжали двигаться в избранном направлении, войска под командованием М. И. Кутузова повернули на юго-запад, перешли на правый берег Москвы-реки и вышли на Калужскую дорогу.

В конечном счете они разместились лагерем около д. Тарутино в 80 км от Москвы. Понятно, что большая часть марша осуществлялась ночью. В это время виртуоз преследования И. Мюрат продолжал гнаться за русским «арьергардом». После обнаружения обмана он начал нервные поиски главных сил русской армии.

Видимо, не без оснований исследователи считают тарутинский марш-маневр М. И. Кутузова большим достижением военного искусства, которое само по себе могло дать ему величие гениального полководца. Обозначенные действия главнокомандующего русскими войсками позволяли: выиграть время для отдыха и подготовки к будущему наступлению; прикрыть от французов необычайно важные российские центры – Калугу (запасы провианта), Тулу (оружейный завод), Брянск (литейный двор), в целом земледельческие южные губернии; добиться численного преимущества русской армии над французскими войсками (240 тыс., половину которых составляли казачьи формирования и народное ополчение, против 116 тыс. французов); наладить тесную связь с 3-й армией генерала А. П. Тормасова и Дунайской армией адмирала П. В. Чичагова (они были объединены под общим командованием последнего); прикрыть Петербург (Наполеон не мог пойти на официальную столицу Российской империи, имея в тылу мощную русскую армию). В сущности, рассматриваемые события означали начало перелома в ходе Отечественной войны 1812 г.

Не случайно, уже находясь на о. Святой Елены, Наполеон пожаловался: «Хитрая лиса – Кутузов – меня сильно подвел своим фланговым маршем».

Необходимо отметить, что подготовка русских войск к наступлению (в Тарутинском лагере они получили статус Главной армии) происходила в достаточно сложных условиях. Оставление древней столицы отрицательно отразилось на их дисциплине. Часть «высших кругов» и генералитета (Л. Л. Беннигсен, Ф. В. Ростопчин) плела вокруг М. И. Кутузова интриги. М. Б. Барклай де Толли уехал из армии, получив разрешение в связи с болезнью. Позже он вернулся на службу и принял участие в заграничном походе.

7(19) октября, через 36 дней с момента вхождения в Москву, Наполеон начал выводить из нее свои войска, поскольку убедился, что мирные переговоры с российским руководством невозможны. Исследователи считают, что французский император рассматривал несколько вариантов действий. Однако все они сводились к тому, что необходимо двигаться в направлении Калуги и пытаться

разгромить М. И. Кутузова. Потом уже можно было идти в не опустошенные войной южные регионы России или Украину, а также выводить армию к Смоленску по Калужской дороге, которая раньше не входила в сферу военных действий.

Получив сведения о движении Наполеона, М. И. Кутузов, в свою очередь, осуществил переход от Тарутина к Малоярославцу наперерез французской армии. 12(24) октября здесь произошел жестокий бой, который начался еще до подхода главных сил противника. Небольшой городок восемь раз переходил из рук в руки и в конечном итоге остался за французами. Однако дальнейший ход событий определяли иные обстоятельства: отступив несколько южнее, М. И. Кутузов снова перекрыл путь на Калугу. Поразмыслив, Наполеон впервые в своей полководческой практике уклонился от предложенной ему генеральной битвы. Он начал отступление к Можайску, выводя армию на Старую Смоленскую дорогу. Таким образом, французы вынуждены были отходить из России по уже знакомой, а значит, и опустошенной местности. Целью французского императора окончательно стал Смоленск, где он рассчитывал найти продовольствие и резервы.

Интересно отметить, что вместе с отходом Наполеона на север М. И. Кутузов начал отступать на юг (армии расходились). Очевидно, он предусматривал возможность прорыва французов к Калуге в обход русской позиции. В результате Наполеон получил выигрыш времени порядка трех суток. Этот отрыв от основных сил русской армии позволял ему до самой Вязьмы быть вне пределов ее досягаемости.

РАЗГРОМ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

Поскольку после Малоярославца Наполеон впервые занял позицию особы, которую начали преследовать, то именно эти события необходимо считать началом контрнаступления русской армии. Французский офицер Е. Лабом, характеризуя сложившуюся ситуацию, отмечал: «Наше отступление, начавшееся маскарадом, кончилось похоронным шествием». Действительно, колоссальный обоз в 10–15 тыс. повозок с награбленным в Москве имуществом и 20-дневным запасом провианта придавал французской армии маскарадный вид и, главное, лишал ее маневренности. Между тем Наполеон стремился двигаться как можно быстрее и не только из-за угрозы со сто-

роны М. И. Кутузова, но и по причине событий на периферийных направлениях кампании 1812 г. Дело в том, что в это время на севере успешно действовал корпус генерала П. Х. Витгенштейна. Уже в начале октября он штурмом овладел Полоцком и направился к Витебску. Действующая на юге армия адмирала П. В. Чичагова также оказалась в пределах Беларуси. Ее руководство ориентировалось на продвижение к Минску. Все это было очень опасно для Наполеона.

Несмотря на маскарадный вид, отходящая к Смоленску французская армия еще не утратила своей боеспособности. Фельдмаршал М. И. Кутузов осуществлял марш по Калужской дороге, где русские войска всегда были обеспечены продовольствием и фуражом, ощущали поддержку населения. Поэтому можно считать, что кутузовская тактика параллельного преследования врага, нанесения ему постоянных ударов и постепенного выматывания имела глубокий смысл. Однако даже после Вязьмы, где 20 октября (1 ноября) 1812 г. М. И. Кутузов настиг наполеоновскую армию, удары по ней наносились в основном партизанами и казаками, которые ее буквально облепили.

То, что главнокомандующий русской армией стремился одержать победу над врагом «малой кровью», делает ему честь. Но его излишняя осторожность в действиях не всегда приводила к положительным результатам. При отходе Наполеон разделил армию на четыре колонны, находившиеся в полудневном переходе друг от друга: гвардия, корпуса Ж. А. Жюно и Ю. Понятовского, корпуса М. Нея и Е. Богарне, корпус Л. Н. Даву. Используя это, сводный отряд генерала М. А. Милорадовича под Вязьмой отрезал, в сущности, французский арьергард от основных сил. В этой ситуации Е. Богарне и Ю. Понятовский вернулись назад, чтобы оказать помощь Л. Н. Даву, а вот М. И. Кутузов с большей частью Главной армии, находясь рядом, не решился укрепить отряд М. А. Милорадовича. В результате возможность уничтожения значительных сил противника была упущена.

Во время нахождения Наполеона под Вязьмой произошло резкое понижение температуры до −18 °С. В целом зима 1812 г. была весьма холодной – на 5–8 °С ниже нормы. В дальнейшем мороз доходил даже до −23 °С. Понятно, что это еще больше усложняло отход французов. Вместе с тем все это не дает оснований видеть главными причинами поражения Наполеона в кампании 1812 г. природные факторы, как это делает часть западноевропейских исследователей.

Окончательно вырвав у Наполеона стратегическую инициативу, после Малоярославца М. И. Кутузов, очевидно, рассчитывал

разбить его где-то на подходе к Смоленску. Но этого не произошло. 28 октября (8 ноября) французский император все же смог привести сюда свою обессиленную «Великую армию». Между тем его расчеты на то, что в Смоленске имеются значительные запасы продовольствия и фуража, не подтвердились. Зато реально обозначилась угроза окружения: буквально накануне вхождения наполеоновской гвардии в Смоленск П. Х. Витгенштейн занял Витебск, а П. В. Чичагов в это время оказался уже около Минска. Покидая через несколько дней Смоленск, Наполеон намеревался как можно скорее переправиться через Березину, ориентируясь закрепиться в районе Минска и Вильно.

После Смоленска действия французов уже были мало подобны на организованный отход: началось действительное бегство. В это время М. И. Кутузов разрабатывал план окончательного разгрома французской армии в междуречье Днепра, Березины и Западной Двины. Для этого были весьма благоприятные условия: общая численность русских войск доходила до 120 тыс. человек, тогда как французы имели 30–40 тыс. боеспособных «единиц» и 30–40 тыс. безоружных, больных и деморализованных (своим присутствием они только мешали).

9(21) ноября П. В. Чичагов захватил Борисов и намеревался взять французского императора в плен. Был даже отдан соответствующий приказ хватать всех низкорослых французов. На подходе оказался и П. Х. Витгенштейн. В этой ситуации, казалось, Наполеону некуда было деться. Однако и в этом критическом положении он нашел выход. При помощи реальных действий и обманных демонстраций Наполеон смог избежать окружения и в ночь с 13 на 14(с 25 на 26) ноября начал переправу через Березину около д. Студенка (15 верст «выше» Борисова). Оттепель, ледоход, разлив Березины, непрочность наведенных в экстремальных условиях понтонов – все это делало ее крайне опасной. Подход же русских войск принес французам совсем неутешительные результаты – около 50 тыс. убитых, раненых, взятых в плен, утрата всей артиллерии и обозов. Но окончательного уничтожения французской армии, как планировалось, не произошло.

М. И. Кутузов поспешил обвинить в относительности успехов на Березине П. В. Чичагова, «сухопутного адмирала». В данном отношении он так и вошел своеобразным «козлом отпущения» в анналы советской историографии. При этом совершенно не обращалось внимания на то, что Наполеон использовал на Березине, прежде всего, очередную медлительность М. И. Кутузова. Основ-

ные силы Главной армии находились в это время в трех переходах от д. Студенка.

Несмотря на обозначенные обстоятельства, в целом судьба кампании 1812 г. была уже определена. Беспорядочное бегство французов продолжалось, но это уже не очень интересовало Наполеона. 23 ноября (6 декабря) французский император, оставив остатки своих войск под руководством И. Мюрата, поспешно отъехал из Сморгони в Париж. Безусловно, он ориентировался на продолжение борьбы, для чего требовалось сформировать новую армию. Кроме того, его беспокоили вести о произошедшем во Франции антиправительственном заговоре К. Ф. Мале. На заданный в это время вопрос о состоянии «Великой армии» Наполеон ответил, что «армии больше нет». Действительно, те 30 тыс. французов и «двунадесять языцы», которым посчастливилось вторично пересечь границу Российской империи, уже трудно было назвать даже маленькой частью 650-тысячной «La Grand Armee».

И. Мюрат попробовал еще организовать некоторое сопротивление русским войскам около Вильно, однако его усилия успеха не имели. В конечном итоге М. И. Кутузов получил возможность написать Александру I: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля». 25 декабря 1812 г. (7 января 1813 г.) был издан соответствующий «высочайший» манифест.

В историографии имели место разные подходы в определении характера войны 1812 г. Русскими дворянскими историками была заложена традиция обозначать ее Отечественной войной. Под этим понималось «единение сословий вокруг престола». Советские историки сначала нарушили эту традицию. Веское слово сказали представители так называемой «школы М. Н. Покровского». Однако в конце 1930-х гг. благодаря, прежде всего, усилиям Е. В. Тарле понятие «Отечественная война» относительно военной кампании 1812 г. было восстановлено. При этом основной его смысл перенесен в плоскость подчеркивания активного участия в борьбе с Наполеоном народных масс. На эту особенность обращал внимание еще декабрист И. Д. Якушкин, отмечая, что «все распоряжения и усилия правительства были бы неудачны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двунадесять языцы, если бы народ попрежнему оставался в оцепенении».

В настоящее время можно сказать, что усилия представителей советской исторической школы вместе с выделением особой значимости народного патриотизма всячески приуменьшить вклад в победу над Наполеоном «высших кругов» российского общества и

в целом дворянства (за исключением будущих носителей декабристских идей) являлись безосновательными. В пожертвованных в 1812 г. «на алтарь Отечества» 100 млн рублей просто невозможно выделить их сословные «составляющие». То же самое можно сказать и относительно других патриотических начинаний.

Кроме непосредственного противостояния наполеоновским войскам на полях сражений патриотизм россиян проявлялся и в иных формах. Об этом непосредственно свидетельствовали трудовая деятельность крестьян и работных людей в тылу, организация самообороны населения занятых врагом территорий и прифронтовых регионов (кордоны, дружины, «охранные войска» в несколько десятков или сотен человек), разнообразные пожертвования, а также деятельность ополченцев и участников партизанского движения.

В Манифесте от 6(18) июля 1812 г. в связи с образованием народного ополчения Александр I призывал россиян дать всенародный отпор врагу. Представляя собой своеобразные вспомогательные войсковые формирования, народные ополчения должны были создаваться на территории 16 «фронтовых» и «прифронтовых» губерний. Однако на практике эта «норма» была перекрыта. По разным подсчетам общая численность ополченцев составляла от 300 до 420 тыс. человек. Кроме «классических» организовывались специальные казачьи ополчения на Дону, в Украине и на Урале, а также калмыцкие, башкирские, татарские полки.

Представители свободных сословий зачислялись в состав ополчений на основе добровольности, а крепостные крестьяне – только при согласии помещиков. Крестьяне охотно шли на войну с французами, потому что кроме собственно проявления патриотизма здесь был еще и крестьянский расчет заслужить тем самым свободу. На содержание ополченцев собирались большие денежные пожертвования. В отдельных случаях на средства крупных помещиков и мануфактуристов формировались целые полки (граф М. А. Дмитриев-Мамонов и др.). Народные ополчения приняли участие в ряде сражений с наполеоновскими войсками. Так, на Бородинском поле были задействованы Смоленское и Московское ополчения, в битве под Малоярославцем – Московское, Тульское и Донское.

Партизанское движение периода Отечественной войны 1812 г. было представлено деятельностью армейских и крестьянских отрядов. Они начали создаваться почти одновременно. Нередко их действия были тесно взаимосвязаны между собой. У партизанского

движения образца 1812 г. стоял М. Б. Барклай де Толли. Во время нахождения русских армий в Смоленске он отдал распоряжение о формировании партизанского отряда во главе с генерал-майором Ф. Ф. Винценгероде в составе 1300 человек. Накануне Бородинского сражения уже по инициативе М. И. Кутузова был организован отряд полковника Ахтырского гусарского полка Д. В. Давыдова (50 гусар и 80 казаков). За счет тех же армейских ресурсов и местного населения его состав впоследствии существенно увеличился. Применяя тактику скрытых рейдов по тылам противника, «давыдовцы» успешно действовали между Смоленском и Гжатском.

В Подмосковье сосредотачивался отряд капитана А. М. Сеславина, который предпочитал открытые столкновения с врагами. Одним из самых известных руководителей армейских партизанских отрядов являлся штабс-капитан А. С. Фигнер. Он ориентировался на хитроумные засады и диверсии. Будучи «полиглотом», А. С. Фигнер сам исполнял «роль» французского офицера и даже предпринял попытку пробраться в Кремль и убить Наполеона. Наряду с этим необходимо отметить, что с его стороны проявлялась чрезмерная жестокость в обращении с пленными.

Говоря о деятельности крестьянских партизанских отрядов, М. И. Кутузов отмечал: «Можно без увеличения сказать, что многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами». Крестьянских партизанских отрядов было значительно больше, чем армейских партизанских формирований. Только на Смоленщине действовало около 40 таких отрядов, в состав которых входило до 16 тыс. человек. Среди наиболее крупных объединений значился 6-тысячный отряд Герасима Курина (Богородский уезд Московской губернии), 4-тысячный отряд «нижнего чина» Киевского драгунского полка Ермолая Четвертакова (Четвертака), который действовал в районе Гжатска. Тяжело отличить быль и небыль в отношении подвигов, совершенных руководительницей крестьянского партизанского отряда Василисой Кожиной (Сычевский уезд Смоленской губернии).

Общий реальный урон, нанесенный крестьянами-партизанами, подсчитать невозможно. И прежде всего, здесь следует говорить не столько о материальном, сколько о моральном факторе: партизаны держали противника в состоянии постоянного напряжения. Когда Наполеон, по замечанию Л. Н. Толстого, «в правильной позе фехтования остановился в Москве и вместо шпаги противника увидел поднятую над головой дубину», тогда он два-

жды обратился к М. И. Кутузову с жалобой на то, что участники партизанского движения не считаются с «установленными правилами» войны. На это главнокомандующий русской армией мудро ответил: «Трудно остановить народ, который в продолжение двухсот лет не видел войн на своей земле, народ, готовый жертвовать собой для родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных». Как хорошо известно, «дубина народной войны поднялась со всею своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотой, но целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие» (Л. Н. Толстой).

Современная российская историография признает тот факт, что участие крестьянства в борьбе с Наполеоном не носило поголовный характер. И в Литве, и в Беларуси часть из них приветствовала приход французов. Вместе с тем исследователями делается вывод, что «все это были исключения из общих правил». Подобные тенденции просматриваются и в исследованиях по соответствующей проблематике представителей отечественной исторической науки.

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1813–1814 гг.

После ликвидации наполеоновского нашествия мнения руководящих кругов России в отношении дальнейших действий разделились. М. И. Кутузов осторожничал и вместе с тем не желал окончательным разгромом Наполеона способствовать усилению Англии и, в сущности, выступал против продолжения военной кампании на полях Европы. В то же время Александр I был настроен весьма решительно. Он даже не пожелал использовать возможность предоставления отдыха своим войскам. Уже 1(13) января 1813 г. 100-тысячная русская армия под общим командованием фельдмаршала М. И. Кутузова вступила в пределы Варшавского герцогства и Восточной Пруссии. Ей противостояли около 80 тыс. остатков наполеоновских войск.

В этих условиях российское руководство ориентировалось на проведение наступления широким фронтом с целью нанести противнику ряд последовательных ударов. Кроме проведения собственно военных операций уже в самом начале заграничного похода русской армии ставилась задача формирования и укрепления новой антифранцузской коалиции. Для этого требовалось, прежде

всего, вывести Пруссию и Австрию из войны, а затем склонить их на свою сторону. Предусматривалось, что новая антинаполеоновская коалиция будет сориентирована на возвращение Франции в пределы границ, которые существовали на 1 января 1792 г., а также на формирование такой европейской политической системы, которая не позволила бы ей возобновить завоевания. Вопрос о форме власти в послевоенной Франции российскими властями на этом этапе не поднимался.

Руководство дипломатической «составляющей» заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. Александр I возложил на себя и, как показали последующие события, успешно с ним справился.

Военные действия начала 1813 г. были для русской армии достаточно успешными. Уже 26 января (7 февраля) 1813 г. была взята Варшава, а вскоре армия М. И. Кутузова вышла на рубеж Вислы и тремя потоками продолжила движение в направлении Берлина, Калиша (центральная Польша) и австрийской границы.

В это время между Россией и Пруссией существовали определенные противоречия в вопросах послевоенного европейского порядка. Прусская сторона склонялась к полному возврату всех стран в пределы старых границ. В этом случае Пруссия могла претендовать на польские земли, которые были отобраны у нее при образовании Варшавского герцогства. В свою очередь, российская дипломатия предлагала придерживаться принципа возможности эквивалентной территориальной компенсации. Это позволяло Александру I решать вопрос о польских землях в свою пользу.

В конце концов, Фридрих Вильгельм III был вынужден пожертвовать своими политическими принципами, поскольку большая часть населения Пруссии и армия высказывали желание сражаться против Наполеона. Так, уже в конце 1812 г. корпусной генерал Йорк, действовавший в составе французской армии на рижском направлении, принял самостоятельное решение приостановить военные действия против русских войск. 15–16(27–28) февраля 1813 г. между Россией и Пруссией был подписан Калишский союзный договор, положивший начало формированию 6-й антифранцузской коалиции. Александр I и Фридрих Вильгельм III обещали прилагать усилия для присоединения к ней Австрии.

Вскоре после подписания Калишского соглашения объединенные под командованием М. И. Кутузова союзные войска овладели Берлином. В конце марта 1813 г. они возобновили наступление в направлении Лейпцига, в результате которого была освобождена

территория всей Саксонии. Столичным центром этого королевства являлся Дрезден.

Но даже эти успехи антинаполеоновских союзников не смогли повлиять на позицию, которую занимала Австрия. В это время действия австрийского кабинета олицетворял министр иностранных дел К. Меттерних. Наблюдая за борьбой, которая развернулась на европейских полях, он рассчитывал занять положение нейтрального вооруженного посредничества между Наполеоном и Александром I и в конечном итоге использовать результаты подобного противостояния в свою пользу. Дальше секретных переговоров с Россией Австрия пока не шла.

В апреле 1813 г. положение союзников осложнилось. К этому времени Наполеон смог довести свои силы до 200 тыс. человек и тем самым даже получить некоторое преимущество в людских ресурсах. Существенной утратой для его противников стала смерть 16(28) апреля в Бунцлау (Силезия) фельдмаршала М. И. Кутузова, которого на посту главнокомандующего союзными армиями сменил генерал П. Х. Витгенштейн. Однако в скором времени после ощутимых военных неудач он, в свою очередь, был заменен генералом М. Б. Барклаем де Толли.

Воспользовавшись ситуацией, Наполеон в апреле – мае 1813 г. смог одержать победы в Лютценском и Бауценском сражениях и вытеснить противника с территории Саксонии. Союзные войска вынуждены были отойти в Силезию. Подобные успехи наполеоновских войск вынудили Россию и Пруссию обратиться к посредническим предложениям К. Меттерниха. Французские власти также были заинтересованы в подписании 23 мая (4 июня) перемирия в Плесвице (Чехия), которое продолжалось почти три месяца, но закончилось безрезультатно. Дело в том, что на непосредственных переговорах в Праге французская сторона решительно отклонила требования Александра I и Фридриха Вильгельма III о возвращении Франции к «естественным границам» 1792 г.

Когда военные действия возобновились, 14–15(26–27) августа 1813 г. Наполеон одержал победу в Дрезденской битве. Это вызвало среди союзников настоящую панику. Но в последующем – при преследовании противника – французы действовали неудачно. 17–18(29–30) августа в сражении под Кульмом успех уже сопутствовал союзным войскам.

В сложившейся ситуации К. Меттерних покончил со своими колебаниями, и Австрия, объявив о разрыве отношений с Францией, 28 августа (9 сентября) 1813 г. подписала Теплицкие союзные

договоры с Россией и Пруссией. В это время союзные войска насчитывали около 500 тыс. человек (в том числе 173 тыс. русских), наполеоновские – 440 тыс.

4–7(16–19) октября 1813 г. под Лейпцигом произошла знаменитая «битва народов», в которой Наполеон со своей 175-тысячной армией просто не имел шансов противостоять 220-тысячной группировке войск союзников, возглавляемой австрийским фельдмаршалом К. Ф. Шварценбергом. В конечном счете французский император, проиграв решающее сражение всей кампании 1813 г., был вынужден отойти к Рейну, границам Франции. Таким образом, результатом 1813 г. стало освобождение от наполеоновского владычества всей германской территории.

Как это ни странно, успехи союзников усиливали противоречия, имевшиеся среди участников 6-й антифранцузской коалиции (в нее входили также Англия и Швеция). Австрия, желавшая сохранить Францию в качестве противовеса России, могущество которой с очевидностью возрастало, стала настаивать на возобновлении переговоров с Наполеоном. Усилия К. Меттерниха привели к тому, что в январе – марте 1814 г. был проведен Шатийонский конгресс. Однако попытки союзников в очередной раз урегулировать конфликт с Наполеоном мирным путем ничего не дали. Требования возвращения Франции к границам 1792 г. снова были отклонены.

В 1814 г. военные действия велись уже на территории Франции. В данный момент численное преимущество вооруженных сил союзников было подавляющим: на правом берегу Рейна располагалась 450-тысячная армия, а вдоль левого – только около 160 тыс. человек. При этом весьма отчетливо обозначилось, что каждый из основных участников коалиции ориентировался, прежде всего, на свои интересы.

Понятно, что противоречия в стане союзников отрицательно сказывались на ведении военных действий. В ряде случаев победа оставалась на стороне французов. В подобной ситуации вновь заколебалась Австрия: К. Меттерних вступил в сепаратные переговоры с Наполеоном. Поэтому по предложению Англии 17 февраля (1 марта) 1814 г. состоялось подписание Шомонского трактата, согласно которому Англия, Россия, Пруссия и Австрия образовали так называемый Четверной союз и вместе с тем обязывались не заключать мира с Наполеоном без общего согласия. Секретные статьи трактата определяли принципы системы послевоенного устройства Европы.

18(30) марта 1814 г. после упорного сопротивления капитулировал Париж. В ночь на 25 марта (6 апреля) Наполеоном было подписано отречение от престола, и он был сослан на о. Эльба (Средиземноморье). Возведение на престол Людовика XVIII свидетельствовало, что во Франции произошла реставрация династии Бурбонов. Александр I, сориентированный на малолетнего сына Наполеона и регентство его матери Марии-Луизы, этого не желал.

18(30) мая 1814 г. в Париже между Францией и участниками 6-й антифранцузской коалиции был подписан итоговый мирный договор. Кроме того, в его статьях определялись контуры политической Европы. Но окончательно они должны были закрепиться на конгрессе, открытие которого намечалось в скором времени в столице Австрии.

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Официальное открытие заседаний Венского конгресса произошло 16(28) сентября 1814 г. в присутствии представителей почти всех европейских стран (исключением стала Турция). Понятно, что главную роль среди них должны были играть победители Наполеона – Россия (делегацию возглавлял Александр I), Австрия, Англия и Пруссия. Перед участниками конгресса стояли три основные задачи: возрождение правящих династий в завоеванных Наполеоном странах, создание гарантий невозможности возврата Франции к бонапартистскому режиму и соответственно к захвату чужих территорий, удовлетворение территориальных претензий победителей.

Сопутствующая Венскому конгрессу атмосфера беспрерывных празднеств позволила современникам назвать его «танцующим». Однако реальной его сущностью стала острая дипломатическая борьба. Прежде всего, она была связана с территориальными аспектами – притязаниями России на Варшавское герцогство и Пруссии на Саксонию. Естественно, это не могло удовлетворить Англию и Австрию. Причем главным для них было не допустить усиления России. В силу этого английское и австрийское руководство стремилось образовать антирусский союз, склонив на свою сторону прусские власти. Но в условиях борьбы Австрии и Пруссии за гегемонию в союзе германских государств сделать это было очень тяжело. Российская дипломатия использовала обозначив-

шееся выступление Австрии против передачи Пруссии саксонских территорий в свою пользу. Еще до открытия европейского конгресса в Вене между Россией и Пруссией было подписано секретное соглашение, по которому русские войска в связи с прусскими претензиями на Саксонию должны были покинуть ее территорию.

Таким образом, уже в начале работы Венского конгресса главные победители Наполеона, в сущности, образовали два противостоящих друг другу блока: один – Англия и Австрия, другой – Россия и Пруссия.

Вначале Франция, как проигравшая сторона, была лишена возможности активного вмешательства в ход обсуждения проблем послевоенного обустройства Европы. Однако руководитель французской делегации Ш. М. Талейран отлично использовал чисто техническую неточность в подготовленных к открытию Венского конгресса документах (внимание фиксировалось на возможной антифранцузской направленности фигурирующего здесь термина «союзники») и поставил вопрос о целесообразности присутствия на форуме бурбонской Франции. Вместе с тем всем было понятно, что без нее образовать новую жизнеспособную систему международных отношений невозможно. Сыграла свою роль и талейрановская идея дать всем участникам Венского конгресса такие же права, какие имели страны-победители Наполеона. Все это позволило Франции стать еще одним основным его участником.

Для России это было весьма невыгодно. Дело в том, что Ш. М. Талейран ориентировался на недопущение усиления России. Именно он предложил участникам конгресса использовать в своей деятельности в качестве основополагающего принцип легитимности (от лат. legitimus – законный), что на практике означало необходимость для европейских стран вернуться к прежним формам управления и старым государственным границам. В результате Россия должна была лишиться возможности претендовать на Варшавское герцогство.

Участники конгресса согласились с предложениями Ш. М. Талейрана, но Александр I по-прежнему продолжал настаивать на территориальных притязаниях Российской империи. В это время Россия, демонстрируя дружеские отношения с Пруссией, выводит свои войска с территории Саксонии и, показывая свою решительность в отношении противостоящих ей сил, твердо закрепляется в пределах Варшавского герцогства. Ответом на эти действия российских властей стало подписание Англией, Австрией и Францией 22 декабря 1814 г. (3 января 1815 г.) секретного соглашения. Оно было направлено и против России, и против Пруссии: подписавшиеся стороны

соглашались выставлять в условиях войны против этих стран по 150-тысячному корпусу и не идти с ними на сепаратный мир.

В подобной весьма деликатной для основных участников Венского конгресса ситуации произошло событие, которое, с одной стороны, произвело на них ошеломляющий эффект, а с другой – вынудило пойти на быстрое примирение. В марте 1815 г. Наполеон неожиданно покинул о. Эльба, высадился на французской территории и предпринял попытку триумфального восхождения к власти. В ответ на это в Вене была принята декларация, в которой Наполеон был объявлен вне закона, а также содержался призыв борьбы с ним.

Сглаживание на антинаполеоновской основе всех существующих противоречий среди противоборствующих в рамках Венского конгресса сил привело к тому, что 28 мая (9 июня) 1815 г. был подписан его «заключительный акт».

Согласно итоговому документу этого общеевропейского послевоенного форума, включавшему в общей сложности 121 статью, большая часть территории Варшавского герцогства отходила к России, получив название Королевства (Царства) Польского. Между тем часть польских земель – Познань и Торн – остались за Пруссией, а Краков был определен «вольным городом». Западная Галиция с Тернопольской областью закреплялась за Австрией. Польское население, которое оказалось в составе России, Пруссии и Австрии, должно было получить национальные учреждения, конституционные формы управления (и Александр I в реальности пошел по этому пути). За Россией также закреплялись Финляндия и Бессарабия. Таким образом, российская дипломатия в решении «польского вопроса» все-таки была вынуждена пойти на частичные уступки.

В свою очередь, Пруссия получила только северную часть Саксонии (2/5 общей территории), а ее южная часть оставалась самостоятельной. Реалии ограничений основных территориальных претензий прусской стороны компенсировались присоединением к ее владениям Рейнской провинции и Вестфалии – наиболее значимых по экономическому и стратегическому положению частей Германии.

Помимо польских земель к Австрии отходили Ломбардия и Венеция (северо-восточная Италия), а также Иллирийские области (словенские и хорватские земли).

38 немецких государств и четыре «вольных города» объединялись в так называемый Германский союз, во главе которого стояла Австрия. Получалось, что в складывавшейся «венской» системе послевоенных международных отношений закреплялась политическая раздробленность Германии.

На северо-западе Италии было восстановлено и даже укреплено за счет возврата Савойи и Ниццы Сардинское королевство. Закреплялось также присоединение Бельгии к Голландии. Объединение происходило за счет такой государственной единицы, как Нидерланды. Фиксировалось отделение Норвегии от Дании и передача ее Швеции.

Англия закрепляла за собой часть голландских и французских колоний: среди них о. Мальта, Капская колония на юге Африки, о. Цейлон.

Кроме того, в решениях Венского конгресса обозначался факт определения границ послевоенной Франции условиями Парижского мира 1814 г. Весьма точно сущность происходящего в Вене в свое время определил Ф. Энгельс: «Народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правительств».

Разрешив свои внутренние проблемы, участники Венского конгресса выступили против Наполеона. 6(18) июня 1815 г. при Ватерлоо (в 20 км от Брюсселя) произошла решающая битва подобного противостояния, в которой англо-голландская группировка войск союзников под руководством фельдмаршала А. У. Веллингтона и прусские войска генерал-фельдмаршала Г. Л. Блюхера окончательно разгромили противника. Повторное отречение Наполеона привело к тому, что он был направлен на о. Святой Елены (восточное побережье Африки), где и провел остаток своей жизни (умер в 1821 г.).

В целом можно констатировать, что результатом наполеоновских войн стала закладка основ новой европейской политической системы, которая получила название «венской». Проявившийся при ее формировании и развитии достаточно четкий баланс сил способствовал долговременной стабилизации международной обстановки. В данной ситуации Россия смогла существенно усилить свое положение в ряду ведущих мировых держав.

Глава 5
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1815–1825 гг.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Период царствования Александра I, наступивший после войны 1812 г. и разгрома наполеоновской Франции, традиционно рассматривался и современниками, и в научной литературе как период глухой реакции. Его противопоставляли первой, либеральной, половине правления Александра I.

Действительно, в 1815–1825 гг. во внутренней политике самодержавия резко усиливаются консервативные, охранительные начала. В России устанавливается жесткий полицейский режим, связанный с именем А. А. Аракчеева, игравшего большую роль в управлении государством. Впрочем, А. А. Аракчеев при всем своем влиянии был лишь исполнителем воли монарха, который, однако, не сразу отказался от либеральных начинаний, характерных для первой половины его царствования.

Победа в войне с Наполеоном открывала перед Александром I блестящие возможности для проведения в стране крупных реформ. Реформаторские намерения царя совпадали с общим ожиданием перемен во всех слоях населения. Свободомыслящее дворянство мечтало и вслух говорило о будущей конституции. Крестьяне, отстоявшие Родину в борьбе с врагом, надеялись на отмену крепостного права. Многие народы Российской империи (в особенности поляки) ждали от царя приближения российских законов к западно-европейским, послаблений в национальной политике. С этими настроениями Александр I не мог не считаться.

Но он должен был учитывать и другое: консервативные слои дворянства восприняли победу над Наполеоном как очередное свидетельство превосходства российских порядков над западноевропейскими, ненужности и вредности реформ. Восстановление старых правительств в Европе стало для них сигналом к повороту во внутренней политике. Нельзя было допускать и стремительных перемен, грозивших стране революционным хаосом.

С учетом этого Александр I, не отказываясь от идеи реформ, был вынужден вести их разработку в строжайшем секрете. Новые проекты реформ готовились узким кругом лиц в обстановке полной тайны. Отечественная война и зарубежный поход русской армии стали серьезным испытанием для экономики России. Необходимо было принять меры для выведения экономики страны из кризисного состояния. Александр I и другие наиболее дальновидные представители власти понимали, что коренное улучшение возможно лишь при решении крестьянского вопроса: ограничении и отмене крепостного права.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

30 августа 1814 г. был издан Манифест в связи с победой над Наполеоном. Одних – крепостников – трактовка крестьянской проблемы удовлетворила, других – сторонников отмены крепостного права – взволновала. Манифест содержал перечисление царских милостей, которые касались разных сословий. Относительно крестьян было сказано следующее: «Крестьяне, верный наш народ, да получит мзду от Бога». Однако Александр I понимал необходимость обратиться в ближайшем будущем к крестьянскому вопросу. «Полигоном» для проведения реформы стали западные губернии страны.

Непосредственным толчком для этого явилась инициатива «снизу». Еще в 1811 г. немецкие помещики Прибалтики обратились к царю с предложением освободить их крестьян от крепостной зависимости, но земли им при этом не давать. Прибалтийский регион – Лифляндия, Курляндия и Эстляндия – экономически в значительной степени отличался от всей остальной России. Тут не существовало крепостного права в его крайних проявлениях, а уровень развития товарно-денежных отношений был довольно высоким; местные помещики осознавали и опасность сохранения крепостного строя.

Реформирование прибалтийской деревни началось еще в начале XIX в. Законом 1804 г. за местными крестьянами были установлены определенные размеры повинностей: все зависело от количества и качества земли, которой они пользовались.

23 мая 1816 г. Александр I утвердил новое положение об эстляндских крестьянах. Они получали личную свободу, но земля переходила в полную собственность помещиков. По сути, местные крестьяне становились бесправными арендаторами. На протяжении 14 лет они были лишены возможности свободно перемещаться и выбирать род занятий. В целом положение эстляндских крестьян оставалось очень тяжелым. Вместе с тем отмена крепостного права в Эстляндии открыла принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса в России. Впервые за несколько столетий российской истории был объявлен акт, который не расширял крепостное право, а, наоборот, прекращал его действие на определенной территории страны. Правительственные круги определенно продемонстрировали свою готовность поддержать инициативу «снизу» и действовать при этом довольно энергично.

В 1817 г. вышел указ об отмене крепостного права в Курляндии, а в 1819 г. – в Лифляндии. Условия отмены были те же, что и в Эстляндии. Несмотря на реформу, в Прибалтике сохранялись многочисленные остатки прежних крепостнических отношений.

Вскоре о желании подобным образом решить крестьянский вопрос стали заявлять помещики белорусских, псковских, петербургских и пензенских земель. Одновременно с проведением крестьянской реформы в Прибалтике официальные круги проявили заинтересованность в более широком подходе к проблеме крепостного права. В 1818–1819 гг. ряд важных государственных деятелей – П. Д. Киселев, М. С. Мордвинов, П. А. Вяземский, Д. А. Гурьев – занимались разработкой целостной программы реформы помещичьей деревни.

Император дал секретное указание о разработке общероссийской крестьянской реформы совершенно неожиданному для всех человеку, ближайшему к нему в то время чиновнику – генералу А. А. Аракчееву. Однако такое решение может показаться странным лишь на первый взгляд. А. А. Аракчеев был известен успешным ведением хозяйства в своем имении Грузино (Новгородская область). Ему удалось создать там крупное хозяйство, ориентированное на рынок. А. А. Аракчеев открыл для крестьян Заемный банк, выдававший ссуды на постройку домов, покупку скота. Поощрял он и предпринимательство своих селян. Правилом стало

оказание помощи беднякам. Однако методы создания образцового хозяйства были жесткими: крестьяне строго наказывались за малейшее нарушение и бесхозяйственность. Прибыль от имения была настолько велика, что большие деньги направлялись на постройку дорог, храмов и каменных домов для крестьян, создание парков, конных заводов. В 1810 г. Грузино посетил Александр I, который был просто изумлен результатами, достигнутыми А. А. Аракчеевым.

Поручая А. А. Аракчееву подготовку проекта, Александр I поставил лишь одно условие: реформы должны осуществляться постепенно и «не заключать в себе никаких мер, стеснительных для помещиков». В 1818 г. проект был готов. Для решения крестьянского вопроса А. А. Аракчеев предлагал царю выделять ежегодно по 5 млн рублей на выкуп имений у тех помещиков, которые будут согласны на это. Таковыми могли стать в первую очередь дворяне, которые заложили свои поместья и едва сводили концы с концами. После этого выкупленные земли должны были распределяться между освобожденными крестьянами (по 2 десятины на душу). Наделы были небольшими, что заставило бы крестьян, по замыслу А. А. Аракчеева, «подрабатывать» у помещиков. Его проект вполне мог хотя бы на время устроить и помещиков, и крестьян, но полностью крестьянский вопрос он не решал. Этот проект так и не был осуществлен.

ПОПЫТКИ КОНСТИТУЦИИРОВАНИЯ. ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1815 г.

В 1815 г. Александр I заявил относительно политических реформ, что в ближайшее время его «главнейшие занятия будут по сему предмету». 15 ноября 1815 г. он утвердил Конституцию для присоединенной к России согласно решениям Венского конгресса части Польши (Царства Польского). Польская конституция 1815 г., состоявшая из 165 статей, по сравнению с другими политическими хартиями, которые реально действовали в то время в Европе, была очень либеральной.

По конституции устанавливалась неразрывная связь между Царством Польским и Россией, а также с господствующей тут династией. Российский император одновременно должен был считаться и королем польским. Он, являясь высшей исполнительной властью, руководил Польшей через своего наместника. На эту

должность был назначен уже немолодой генерал Ю. Зайончек, который на последнем этапе восстания 1794 г. являлся заместителем Т. Костюшки. Наместничество Ю. Зайончека было «уравновешено» тем, что главнокомандующим Польского корпуса (польской армии, которая являлась частью российской армии) был назначен великий князь Константин Павлович. Царство Польское получило довольно широкую автономию.

Конституция 1815 г. предусматривала разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Власть российского монарха в Польше ограничивалась в известной мере местным представительным органом с законодательными функциями – сеймом, который состоял из двух палат – Сената и Посольской палаты.

Сенаторы пожизненно назначались монархом. Ими могли быть представители царской фамилии, высшее духовенство, крупные землевладельцы. Посольская палата состояла из 128 депутатов, из которых 77 выбирались дворянами на шляхетских сеймиках, а 51 – на гминных (волостных) и городских собраниях. Депутаты нижней палаты избирались на 6 лет, а через каждые два года предусматривалась ротация трети депутатов. Избирательные права получали все дворяне, достигшие 21 года и обладавшие недвижимой собственностью, а также прочие владельцы недвижимости, фабриканты, хозяева мастерских, профессора, учителя и т. д. Крестьяне к выборам не допускались. Однако по тогдашним меркам избирательная система, установленная в Царстве Польском, носила довольно прогрессивный характер. Так, если во Франции в 1815 г. избирательные права получило 80 тыс. человек, то в Польше при населении, в несколько раз меньшем по численности, чем население Франции, этими правами обладало 100 тыс. человек.

Сейм должен был созываться через каждые два года на 30 дней по инициативе короля, который мог распустить его, продолжить или отсрочить. Законодательная инициатива полностью исходила от императора. Заседания обеих палат проходили гласно. Вопросы решались большинством голосов при открытом голосовании.

Исполнительная власть в полном объеме принадлежала королю, а в его отсутствие – наместнику, которым мог быть только гражданин Царства Польского или член Русского императорского дома. Наместник должен был управлять с помощью Государственного совета Царства Польского, который делился на Административный совет и Общее собрание. В состав Административного совета входили министры и другие лица высшей администрации, назначенные

императором. Члены Государственного совета обладали только правом совещательного голоса при короле (наместнике).

Согласно Конституции правительство состояло из пяти комиссий или министерств: вероисповедания и народного просвещения, юстиции, внутренних дел и полиции, военной, финансовой. Министром мог быть только поляк-католик.

Судебная власть признавалась независимой от исполнительной. Все жители подлежали общим судам. Кроме мировых судей, судов первой и второй инстанций и высшего трибунала в Варшаве устанавливался еще сеймовый суд, разбиравший дела высших сановников.

Конституция 1815 г. утверждала неприкосновенность личности, свободу печати. Польский язык считался официальным языком Царства Польского. Господствующей религией объявлялся католицизм, но равные права были даны и другим вероисповеданиям. Согласно Конституции сохранялась и старая польская государственная атрибутика: национальный мундир, герб Белый Орел, ордена Белого Орла, Святого Станислава и Военного креста.

Царство Польское делилось на восемь воеводств, которые, в свою очередь, – на 77 поветов и 51 гмину. Во главе каждого воеводства стояла воеводская комиссия из назначенных комиссаров во главе с воеводой. В соответствии с Конституцией имелись и органы местного самоуправления – выборные воеводские советы. В городах действовали органы муниципальной власти – магистраты, а в гминах – специально назначенные войты. Государственные должности в Царстве Польском мог занимать только поляк-католик. По площади Царство Польское занимало 127 тыс. км^2, где проживало 500 тыс. человек.

Конституция 1815 г. устанавливала общность внешней политики Российской империи и Царства Польского: в случае войны их вооруженные силы должны были действовать совместно.

Подтверждался декрет 1807 г., который ликвидировал в Варшавском герцогстве крепостное право и давал крестьянам личную свободу с сохранением всей земли в собственности помещиков.

15 марта 1818 г. Александр I выступил с речью на открытии польского сейма. Эта варшавская речь буквально взволновала российское общество, поскольку была программной. Император объявил, что намерен распространить статьи польской конституции «на все страны, моему попечению вверенные». Таким образом, все свидетельствовало о желании власти широко объявить о попытках политического реформирования. «Спят и видят конституцию», –

злорадствовал Н. М. Карамзин, комментируя реакцию прогрессивных людей России на заявление императора.

В советской историографии получил распространение тезис о демагогическом характере варшавского выступления Александра I. Однако с этим нельзя согласиться. Позиция императора в крестьянском вопросе, настойчивость в разработке конституционных планов – все это подтверждало, что в 1815–1820 гг. он действительно являлся сторонником реформирования «сверху» в противовес революционным преобразованиям.

ПРОЕКТ Н. Н. НОВОСИЛЬЦЕВА

Дарование Царству Польскому конституции Александр I рассматривал как первый шаг к введению представительной формы правления в Российской империи. По секретному поручению Александра I один из бывших членов Негласного комитета, глава императорской канцелярии в Польше Н. Н. Новосильцев приступил к работе над проектом конституции для России. Подготовленный им в 1819–1820 гг. документ назывался «Государственной уставной грамотой Российской империи». Проект Н. Н. Новосильцева не получил практической реализации. Впервые о нем в обществе узнали только в 1831 г. Именно тогда его нашли среди других бумаг царской канцелярии в Варшаве польские повстанцы и даже напечатали.

«Уставная грамота» пыталась соединить самодержавие с конституционной системой. Высшая законодательная власть сохранялась за императором: именно он получал право законодательной инициативы. Наряду с этим должен был создаваться Государственный сейм, который состоял бы из двух палат – Сената (сенаторы назначались императором) и Посольской палаты (ее члены избирались). Сейм должен был рассматривать те законопроекты, которые поступали «сверху», и он по отношению к этим проектам получал право «veto». Это значительно ограничивало законодательную власть императора.

По проекту «конституции» Н. Н. Новосильцева руководителем исполнительной власти страны считался также император, а органом центральной исполнительной власти должен был стать Государственный совет и соответствующие министерства.

Россия, согласно «Уставной грамоте», подразделялась на 10–12 наместничеств, а те, в свою очередь, на губернии и уезды, т. е. предусматривался федеративный принцип государственного устройства.

На местах должны были действовать наместнические сеймы, которые формировались на выборной основе.

В соответствии с «Уставной грамотой» выборная система предусматривала всего две курии: от дворянских съездов и «городских обществ». «Уставная грамота» предоставляла гражданам Российской империи свободу слова, вероисповеданий, печати, гарантировала неприкосновенность личности. О крепостном праве в этом документе ничего не говорилось.

Осуществление главных положений «Уставной грамоты» означало бы прорыв России к системе конституционной монархии. Однако курс на реформы сменился продолжительным периодом реакции и консерватизма.

АРАКЧЕЕВЩИНА

К 1821–1822 гг. отказ Александра I от каких-либо преобразований стал свершившимся фактом. Сторонники перемен составляли в правящих кругах ничтожное меньшинство. Сам царь, убеждаясь в невозможности проведения в этих условиях сколько-нибудь серьезных реформ, в своих воззрениях все более эволюционировал вправо. Это был мучительный процесс, завершившийся для Александра I тяжелым душевным кризисом. Отказавшись от реформ, император взял курс на укрепление основ существующей системы. Внутриполитический курс самодержавия с 1822–1823 гг. характеризовался переходом к откровенной реакции.

Уже с 1815 г. практика государственного управления во многом резко контрастировала с либеральными начинаниями монарха, которые задумывались и частично проводились в жизнь. Все более ощутимым фактором российской действительности становилось наступление реакции по всем линиям.

Установившийся в России в начале 1820-х гг. режим «аракчеевщины» получил название от имени его главного проводника – А. А. Аракчеева (1769–1834 гг.), происходившего из семьи мелких помещиков Тверской губернии. Он учился в шляхетском артиллерийском инженерном кадетском корпусе. Благодаря особой старательности в исполнении служебных обязанностей в составе гатчинского войска он добился признательности Павла I, получил много материальных милостей: Грузинскую волость в Новгородской губернии, графский титул («Без лести предан»). С начала царствования Александра I А. А. Аракчеев занимал должность ин-

спектора артиллерии и немало сделал для ее усиления. Уже в 1807 г. появился «высочайший» указ: «Объявляемые генералом от артиллерии графом Аракчеевым высочайшие повеления считать нашими указами». В 1808–1810 гг. исполнял обязанности военного министра, а с 1810 г. – председателя Департамента военных дел Госсовета.

Главная черта характера А. А. Аракчеева – готовность выполнить любое личное поручение императора. Необходимо отметить и наличие у него административных способностей, желания много работать.

«Звездный час» А. А. Аракчеева наступил в конце 1810 – начале 1820-х гг. Занимая официально далеко не самую ответственную должность, он, в сущности, сосредоточил в своих руках руководство Госсоветом, Комитетом министров, собственной его императорского величества канцелярией (с. е. и. в. канцелярия), являлся единственным докладчиком царю по большей части ведомств (исключением можно было считать Министерство иностранных дел).

На то, что в России в начале 1820-х гг. установилась «аракчеевщина», оказали влияние изменения, которые произошли в это время в жизни Александра I. В последние годы жизни у него выросла «охота к перемене мест». По высказыванию одного из его современников, Россия «управлялась с почтовой коляски». В известной эпиграмме, которую приписывают А. С. Пушкину, находим: «Всю жизнь провел в дороге, / А умер в Таганроге».

Заботы, связанные с деятельностью Священного союза, заставляли Александра I много разъезжать по Европе. Однако, когда он находился в России, и тогда он много путешествовал. Например, в 1818 г. император объехал, по сути, всю Европу от Вены до Парижа, кроме того, еще смог побывать в 24 российских городах. На протяжении послевоенного периода Александру I приписывается путь в 200 тыс. верст.

Ученые высказывают удивительное единство, когда определяют «аракчеевщину» как проявление политики крайней реакции, деспотизма, военщины. При этом они ссылаются на современников рассматриваемых событий. Ф. Ф. Вигель, будучи совсем нелиберальных взглядов, в своих «Записках» отмечал, что А. А. Аракчеев «сначала был употреблен как исправительная мера для артиллерии, потом как наказание армии и, наконец, как мщение всему русскому народу». Хорошо известна следующая эпиграмма А. С. Пушкина: «Всей России притеснитель, / Губернаторов мучитель... / Полон злобы, полон мести, / Без ума, без чувств, без чести...».

Понятно, что ждать положительных изменений в условиях «аракчеевщины» не приходилось. Изменения были совсем другого плана. Например, была реорганизована система полицейского надзора. В 1819 г. ликвидировано Министерство полиции. Это обусловливалось существовавшими финансовыми трудностями. Кроме того, было очевидно, что деятельность Министерства полиции дублировалась сотрудниками Министерства внутренних дел. Последнее и сосредоточило у себя основные полицейские функции. Однако этим дело не ограничилось. Сформировались агентурные системы петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича, непосредственно графа А. А. Аракчеева, руководителя военных поселений на территории Украины графа Витта, а также специальная тайная полиция в армии. Наконец, существовали отдельные агенты, которые следили за самой полицией. Доходило до того, что «пасли» даже графа А. А. Аракчеева.

Ряд мероприятий периода «аракчеевщины» привел к усилению крепостного права. Например, 3 марта 1822 г. был снят запрет с возможности помещиков высылать своих крестьян в Сибирь на поселение «за дурные поступки». 1 августа 1822 г. рескрипт на имя руководителя Министерства внутренних дел В. П. Кочубея запрещал в России тайные общества и масонские ложи.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Наиболее ярко сущность «аракчеевщины» раскрывают политика в области просвещения и цензуры, а также режим известных военных поселений.

В 1816 г. во главе Министерства народного просвещения был поставлен обер-прокурор Синода, друг детства Александра I – А. Н. Голицын. Тот факт, что одну из ключевых центральных учреждений страны возглавил известный религиозный фанатик, дал Пушкину возможность заявить: «Голицын – “просвещения губитель”». В следующем 1817 г. в системе просвещения произошли серьезные изменения: соответствующий центральный орган стал называться Министерством духовных дел и просвещения. Как руководитель нового центрального учреждения А. Н. Голицын стал заниматься вопросами не только православной церкви, но и других вероисповеданий (католичества, протестантизма, мусульманства).

Объединенному министерству в качестве главной задачи было предписано «сочетать навсегда науку с религией», иначе говоря,

вносить в систему просвещения религиозные начала. Уже в 1817 г. в правительственных кругах обсуждался вопрос о закрытии почти всех университетов. Ликвидировать университетскую систему не решились, но через некоторое время на нее началось широкое наступление реакции.

Весной 1819 г. в Казань в целях ревизии местного университета был направлен член Главного правления училищ (своеобразный совет при министре) М. Л. Магницкий. Это была своеобразная личность. До войны 1812 г. он активно сотрудничал с М. М. Сперанским, вместе с которым был выслан, но когда в 1817 г. вновь оказался в столице, то уже имел диаметрально противоположные убеждения – реакционера и обскуранта. В результате ревизии был сделан вывод: университет необходимо закрыть и даже публично «разрушить», так как в этом учебном заведении господствовал дух «неблагонадежности» и «вольнодумства». На эти предложения М. Л. Магницкого царь отреагировал следующим замечанием: «Зачем разрушать, можно исправить». «Исправлять» дела в университете было поручено тому же М. Л. Магницкому, который был назначен попечителем Казанского учебного округа.

С его стороны «исправление» было интерпретировано как разрешение на разгром университета. С занимаемых должностей были уволены 11 лучших профессоров (всего же их было 25). Постоянным нападкам подвергался университетский совет. Были уничтожены все книги, которые признавались вредными по своему содержанию. Подверглись проверкам даже конспекты лекций, из которых удалялось все, что могло подорвать основы религии. По сути, в университете установился казарменный режим. По свидетельству современников, нарушение определенных порядков угрожало студентам отдачей в солдаты. Всячески поощрялось угодничество перед руководством.

М. Л. Магницким была разработана специальная инструкция по руководству Казанским университетом, ставшая обязательной и для других университетов. Этот документ подчеркивал, что в основе воспитания и обучения студентов должны лежать два принципа: покорность и религиозность. Все преподавание было пронизано религиозными началами. Иногда дело доходило до абсурда. Например, ректор университета Г. Б. Никольский посвятил свою деятельность доказательству совершенного согласия законов математики с истинной христианской религией. Преподавание всех предметов перестраивалось в духе христианского вероучения, понимаемого весьма примитивно, что никак не могло способствовать развитию религиоз-

ного чувства. Поведение студентов ставилось под мелочную и жесткую административную опеку. Результатом проведенного М. Л. Магницким «исправления» Казанского университета стало то, что научная и просветительская деятельность этого учебного заведения была приостановлена.

В 1821 г. попечителем Петербургского учебного округа был назначен Д. П. Рунич. Это про него язвительный Ф. Ф. Вигель писал, что тот был «более искренен», чем М. Л. Магницкий, «зато уже бессмысленнее его ничто не могло быть». Уже в 1820 г. Д. П. Рунич накинулся на книгу профессора-просветителя А. П. Куницина «Право естественное», в которой с позиций теории общественного договора и естественного права содержалась критика самодержавия и крепостничества. Д. П. Рунич выдвинул доказательства, что исследование А. П. Куницина представляет собой «сбор пагубных лжеумствований». Книга была запрещена, а ее автор был уволен с работы в Петербургском университете и Царскосельском лицее.

В 1821 г. началось наступление на только что учрежденный Петербургский университет. Проанализировав учебный процесс в этом университете, Д. П. Рунич отметил, что дисциплины преподаются тут «в духе, противном христианству, и в умах студентов укореняются идеи, разрушительные для общественного порядка и благосостояния». Получалось, что университет не выполнял одну из главных задач университетского образования: воспитания у студентов убежденности в божественном происхождении и незыблемости монархической власти.

В Петербургском университете события разворачивались по «казанскому сценарию». Были лишены занимаемых должностей ученые, которые являлись гордостью данного учебного заведения, – ректор, известный экономист М. А. Балугьянский, К. И. Арсеньев, К. Ф. Герман, А. И. Галич, Э. В. Раупах. Они были исключены оттуда по обвинению в пропаганде идей Французской революции. Возбужденное «дело петербургских профессоров» было остановлено только в 1827 г., в начале царствования Николая I. М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич были уволены.

«Казанская» и «петербургская» истории в той или иной степени повторились относительно учебных заведений в Нежине, Саратове, Харькове. Всюду охранители требовали ограничить «произвольные умствования», запретить преподавание философии и естественного права. В 1819 г. попечителей учебных округов обязали открыть университетские кафедры богословия.

В этот период были сделаны попытки покончить, как отмечалось в официальной бумаге, с «пагубной системой энциклопеди-

ческого образования» в гимназиях. Дозирование среднего образования свелось к тому, что в 1819 г. из программы обучения были исключены философия, политические науки, коммерция и технология.

В период «аракчеевщины» усилились цензурные гонения. Как известно, предварительная цензура рукописей была введена в России в начале XIX в. Однако цензурный устав 1804 г. был очень либеральным. Вообще цензура возлагалась на Главное управление училищ Министерства народного просвещения. При университетах были созданы особые цензурные комитеты.

С 1817 г. в России начала складываться более жесткая система цензурного контроля, в практику входило предварительное рассмотрение и утверждение текстов рукописей специальными цензорами разных ведомств, а потом и официальными цензурными учреждениями.

Главным критерием оценки идейного содержания печатных изданий и отдельных трудов, как и относительно деятельности учебных учреждений, являлось «христианское благочестие». В 1818 г. с подачи А. Н. Голицына была принята специальная инструкция, запрещавшая печатать материалы, которые затрагивали деятельность административного аппарата и крестьянский вопрос. Практическое выполнение требований инструкции доходило до абсурда: например, запрещалось рецензировать игру актеров императорских театров, так как они находились на «государственной службе». На этом основании не разрешалась критика изданий Академии наук, которая носила титул императорской.

Российская печать и литература были буквально загнаны. Время, когда в России издавались М. Ф. Вольтер, Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, казалось каким-то фантастическим сном. Уровень «цензурной аракчеевщины» может быть определен на примере запрещения книги «О вреде грибов».

Активную деятельность развернули различные кружки религиозного, мистического характера. Особенно выделялось в этом отношении основанное еще в 1812 г. Библейское общество. Оно стремилось объединить представителей различных христианских исповеданий для борьбы с интернациональными идеями прогресса и революции, противопоставив им космополитические религиозные начала. Проявлявшаяся в деятельности Библейского общества и Министерства духовных дел и народного просвещения тенденция к известному уравнению православия с другими исповеданиями вызвала недовольство православного духовенства, не желавшего

поступаться своим привилегированным статусом. В итоге Библейское общество оказалось в опале, а в 1824 г. был восстановлен прежний порядок заведования делами православной церкви и народного образования, которые снова перешли соответственно в компетенцию двух независимых друг от друга инстанций – Синода и Министерства народного просвещения.

В это время широкое распространение в России получили разные секты, кружки, масонские ложи, которые занимались изданием переводной и оригинальной литературы мистического характера, что поддерживалось министерством А. Н. Голицына. Абсурдность деятельности А. Н. Голицына вызывала активное неприятие со стороны различных общественных кругов, к мнению которых царь всегда прислушивался. Например, такой консервативно настроенный человек, как Н. М. Карамзин, точно определил Министерство народного просвещения под руководством А. Н. Голицына как «министерство затмения». В 1824 г. А. Н. Голицына на посту министра сменил А. С. Шишков – человек, известный своими консервативными взглядами, который строго придерживался православия.

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Жесткая и бессмысленная муштра насаждалась в армии. Вполне зримым воплощением утверждавшегося в стране полицейского режима явились военные поселения как наиболее яркое проявление «аракчеевщины». Относительно такой особой организации войск России, действовавшей в 1810–1857 гг., существует немало спорных вопросов. Прежде всего, это вопрос о начальной дате создания военных поселений, который выходит за хронологические рамки «аракчеевщины».

Возникновение военных поселений было обусловлено особенностями социально-экономического и политического развития страны на рубеже XVIII–XIX вв. Первоочередное значение при этом имели следующие факторы: значительное расстройство финансов, необходимость иметь большую и хорошо подготовленную армию, тяжесть ее комплектования за счет рекрутства и вообще ее содержания. Организацией поселений предполагалось достичь самообеспеченности армии продуктами питания и фуражом и тем самым существенно уменьшить государственные расходы на ее содержание (они составляли до 1/3–1/2 всей суммы расходов при огромном дефиците бюд-

жета). Организаторы поселений рассчитывали, что «нижние чины» будут успешно совмещать служебные обязанности с сельскохозяйственным трудом. Далее предусматривался переход к комплектованию армии сыновьями «нижних чинов» – военными кантонистами (поселяне обязательно должны были иметь семьи). Это позволило бы отказаться от рекрутских наборов хотя бы в мирное время.

Существовали и политические мотивы создания системы военных поселений, которые в советской историографии ошибочно выдвигались всегда на первый план. Предполагалось создать из поселян своеобразную военную касту, которая, будучи изолированной от гражданского населения, могла служить самодержавию своеобразной социальной опорой, поскольку была заинтересована в сохранении своего положения.

Военные поселения создавались в государственных имениях. Они состояли из семейных солдат, отслуживших не менее шести лет, и бывших государственных крестьян в возрасте от 18 до 45 лет. Часть поселян получала возможность обзавестись самостоятельным хозяйством и проживать вместе с семьями. Эти поселяне-«хозяева» должны были содержать двух «постояльцев» и обеспечивать их всем необходимым в питании. В свою очередь, «постояльцы» обязывались во всем помогать своим «хозяевам». И «постояльцы», и «хозяева» в свободное от сельскохозяйственной работы время исполняли служебные обязанности. Сыновья «хозяев» – «кантонисты» – с 7-летнего возраста готовились к службе, а потом пополняли ряды «хозяев» или «постояльцев».

Размещение военных поселений проходило лишь на государственных землях, что вызывало многочисленные выступления государственных крестьян, которых превращали в военных поселенцев. С точки зрения экономии военных расходов поселения выполнили стоявшую перед ними задачу. За период с 1825 по 1850 г. было сэкономлено 45,5 млн рублей. Однако создание военных поселений ограничивало возможности свободного развития хозяйства.

Инициатива создания системы военных поселений принадлежала Александру I, а их непосредственная организация была возложена на графа А. А. Аракчеева, который считался главным начальником поселений. Первое поселение – Елецкого пехотного полка – было создано в 1810–1812 гг. на территории Климовичского уезда Могилевской губернии. Военные события 1812 г. временно приостановили создание могилевского поселения. После войны оно возобновилось, однако на территории белорусских земель поселения не при-

обрели широких размеров (всего два пехотных полка). Общие масштабы военных поселений были небольшими: в 1816–1825 гг. на территории Новгородской, Петербургской, Могилевской, Херсонской, Слободско-Украинской и Екатерининской губерний было размещено около 11 % пехоты, 26 % кавалерии.

К концу правления Александра I на положение военных поселян было переведено примерно 375 тыс. государственных крестьян, что составляло около трети русской армии, которую, очевидно, в перспективе предполагалось всю сделать «поселенной». Созданием военных поселений самодержавие рассчитывало решить сразу несколько проблем.

С одной стороны, это позволяло уменьшить расходы на содержание армии, что было чрезвычайно важно при расстройстве финансов в последние годы царствования Александра I. Переводившиеся в разряд военных поселян крестьяне совмещали сельскохозяйственные работы с занятиями военным делом. Таким образом, вооруженные силы переводились на «самоокупаемость». С другой стороны, «поселения» армии должны были обеспечить ее комплектование в мирное время за счет естественного прироста в них. Тем самым в перспективе можно было ликвидировать рекрутчину – одну из наиболее обременительных крестьянских повинностей. В лице военных поселян создавалась особая каста, изолированная от основной массы крестьянства, а потому, как казалось правящим кругам, способная быть надежной опорой существующего порядка. Наконец, перевод в разряд военных поселян казенных крестьян усиливал административный надзор за государственной деревней.

Поселенные войска образовали Отдельный корпус военных поселений, которым командовал А. А. Аракчеев. Жизнь поселян была настоящей каторгой. Они не имели права уходить на заработки, заниматься торговлей или промыслом, испытывали на себе двойные тяготы – солдатской и крестьянской жизни. Их дети с 12 лет отбирались от родителей и переводились в разряд «кантонистов» (солдатских детей), а с 18 лет считались находящимися на действительной военной службе. Вся жизнь военных поселян подчинялась жесткому казарменному распорядку и строжайше регламентировалась. В поселениях царил произвол начальства, существовала система бесчеловечных наказаний.

Военные поселения не оправдали тех надежд, которые с ними связывали правящие круги. Однако Александр I, убежденный в целесообразности «поселения» армии, с упорством отстаивал взятый курс, заявив как-то, что военные поселения «будут во что бы то

ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова».

Часть новгородских и украинских поселений, в конце концов, смогли перейти на частичное или полное самообеспечение продовольствием и фуражом. По сравнению с местными крестьянскими солдатские хозяйства были более зажиточными, имели значительный экономический потенциал. Следовательно, традиционные выводы советской историографии об общей безрезультатности поселений не совсем соответствуют действительности. Вместе с тем следует отметить, что в поселениях существовал жесткий, по сути, военно-феодальный режим. Поэтому постоянные антифеодальные выступления поселян, безусловно, имели под собой основу. Наиболее известным было восстание в 1819 г. Чугуевского и Таганрогского уланских полков в границах украинского центра поселений и выступление в 1831 г. военных поселян в Старой Русе Новгородской губернии. Последнее событие отличалось большой жестокостью со стороны поселян.

Николай I, не поддерживая идеи военных поселений, провел их всестороннюю проверку. Существование таких военных организаций было признано нецелесообразным. Однако сразу пойти на их ликвидацию власти не решились. И все же в 1826 г. было удовлетворено «желание» А. А. Аракчеева покинуть государственную службу «по состоянию здоровья», а в скором времени проведено существенное реформирование поселений пехоты. Служебные обязанности поселян-«хозяев» значительно ограничивались и, самое главное, каждый из них должен был содержать только одного «постояльца».

В 1832 г., после выступления новгородских поселян, произошло очередное реформирование поселений пехоты. Они были преобразованы в округа пахотных солдат. Эта особая категория сельскохозяйственного населения была приближена к положению государственных крестьян, но в отличие от последних подчинялась Военному министерству. Сохранение военной администрации обусловливалось боязнью властей нового взрыва протеста со стороны бывших военных поселян. Кавалерийские поселения просуществовали все отведенное им историей время без существенных изменений. «Эпопея» военных поселений прекратилась в 1857 г., именно тогда началась их постепенная ликвидация. В итоге военные поселяне пополнили категорию государственных крестьян.

Усиление реакции в начале 1820-х гг. ярко проявилось в мерах, направленных на укрепление власти помещиков над крестьянами.

В 1822 г. Александр I утвердил решение Государственного совета «Об отсылке крепостных людей за дурные проступки в Сибирь на поселение». Этим актом восстанавливалось отмененное царем в 1809 г. право помещиков ссылать крестьян в Сибирь. Единственное отличие между прежним порядком, существовавшим до 1809 г., и новым, введенным в 1822 г., заключалось в том, что ранее помещики могли отправлять крепостных на каторжные работы, а теперь – на поселение. В соответствии с разъяснением, последовавшим в 1823 г., судебные инстанции не должны были заниматься делами ссылаемых на поселение крестьян. Таким образом, даже те ничтожные уступки крепостным, на которые Александр I пошел в начальный период своего правления, существенно урезались.

В начале 1820-х гг. претерпела изменения и политика Александра I в отношении Польши. Сейм второго созыва оказался непослушным. Большинством голосов он отверг в 1820 г. представленные на его утверждение законопроекты, как нарушающие конституцию. После этого Александр I вообще не собирал сейм в течение двух сроков, предусмотренных конституцией. Таким образом, в итоге не порядки, установленные в Польше, распространялись на Россию, а, напротив, в Польше постепенно утверждались абсолютистские принципы, господствовавшие во всех прочих частях империи. В таких условиях развития страны Александр I умер в Таганроге 19 ноября 1825 г.

РАССТАНОВКА СИЛ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ ВО ВРЕМЯ ФОРМИРОВАНИЯ «ВЕНСКОЙ» СИСТЕМЫ

Знакомство с соответствующими работами современных исследователей[1] позволяет существенным образом изменить традиционные представления об исключительно антиреволюционной сущности внешней политики российских властей, проводившейся в послевоенный период в рамках инициированного Александром I Священного союза, и увидеть в их действиях, прежде всего, стремление руководствоваться государственными интересами.

Итогом наполеоновских войн стала закладка их победителями так называемой «венской» международной системы. Начало здесь

[1] История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995; *Орлик О. В.* Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 1998; *Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

было положено ходом и результатами Венского конгресса (сентябрь 1814 – май 1815 г.). Соответствующие усилия предпринимались и в дальнейшем.

Ведущая роль на международной арене после Венского конгресса принадлежала членам Четверного союза. Среди его участников были и свои лидеры – Россия и Англия.

Разгром наполеоновской империи привел к значительному росту международного авторитета России и укреплению ее положения в Европе. Она расширила свою территорию за счет земель Варшавского герцогства, а еще раньше – Финляндии и Бессарабии. Российское правительство стремилось использовать результаты победы над Наполеоном в первую очередь для укрепления своих границ, увеличения политического влияния в Европе в целом и на Балканах в частности, закрепления мирных отношений на европейском континенте. В связи с этим «венская» система вполне удовлетворяла российское руководство. Довольно умеренная внешнеполитическая программа России соответствовала реалиям расстановки политических сил на международной арене и внутриполитической ситуации в стране.

Непрочность же положения главного победителя Наполеона на международной арене в послевоенное время подчеркивалась тем, что внешнеполитическое ведомство Российской империи в 1816–1822 гг., в сущности, возглавляли сразу два политических деятеля, которые весьма разнились между собой. Сын обедневшего немецкого дворянина К. В. Нессельроде выделялся, прежде всего, как умелый чиновник (современники шутили, что по особе этого управляющего Министерства иностранных дел Российской империи можно было изучать географию: немецкие отцовские корни дополнялись тем фактом, что его мать являлась дочерью еврейского банкира, а сам он родился на английском судне, направлявшемся в Лиссабонский порт). Он ориентировался на союз с Австрией и всячески подчеркивал свою дружбу с К. Меттернихом.

Что касается другого известного политического деятеля И. А. Каподистрии, то он являлся представителем известного греческого рода, был высокообразованным человеком (в свое время закончил Падуанский университет) и имел выдающиеся дипломатические способности. И. А. Каподистрия был сторонником союза России с Францией. Существовал своеобразный раздел приоритетов руководителей российского внешнеполитического ведомства послевоенного периода: К. В. Нессельроде сосредоточил внимание на европейском направлении внешней политики Российской империи, а И. А. Каподистрия – на отношении России со странами Востока.

Внешняя политика другого лидера Четверного союза – Англии, которая существенно укрепилась по результатам Венского конгресса, – была направлена на фиксацию своего политического авторитета в Европе, усиление преобладающего положения британских товаров на европейских рынках, поиск новых широких рынков сбыта и сфер влияния в других регионах.

Английское Министерство иностранных дел в это время возглавлял твердый консерватор лорд Р. Каслри. Поэтому английский кабинет, ориентируясь на принцип легитимности, поддерживал идею реставрации дореволюционных политических порядков в Европе. Вместе с тем Англия не всегда участвовала в подписании подобных соглашений европейских монархов, что позволяло ей выглядеть в глазах общественности достаточно привлекательной (примером здесь может служить, прежде всего, учредительный акт Священного союза). Необходимо отметить, что на начальной стадии действия «венской» системы и другие главные ее участники использовали либеральную фразеологию и высказывали желание идти на компромисс и уступки общественным силам.

Австрия – еще один победитель Наполеона – не владела ни промышленной, ни морской мощностью, как Англия, ни значительным военным потенциалом, как Россия, поэтому ей тяжело было выступать самостоятельно. В силу этого она находилась в фарватере британской политики (здесь Р. Каслри и К. Меттерниха объединяло желание не допустить усиления России).

Пруссия в рамках традиций своей внешней политики в послевоенный период проявляла колебания: в зависимости от ситуации Берлин мог присоединиться к Вене, разделить точку зрения Лондона, склониться к Петербургу.

В незавидном положении в первые послевоенные годы находилась Франция, поскольку она с очевидностью утратила свое значение великой державы. Дело в том, что после окончательного разгрома Наполеона при Ватерлоо в ноябре 1815 г. был подписан Второй Парижский мир, который сделал соответствующие статьи подобного рода предыдущих актов (Первый Парижский мир, итоговые решения Венского конгресса) более жесткими. Теперь Франция должна была выплачивать контрибуцию в размере 700 млн франков, а также лишалась ряда важных стратегических пунктов и вынуждена была пойти на трех-, пятилетнюю оккупацию своих юго-восточных территорий.

Венский конгресс не смог полностью разрешить весь комплекс международных проблем и противоречий рубежа XVIII–XIX вв.

В качестве примера можно обозначить остроту реалий проблемы германских территорий. Как известно, в Вене была закреплена раздробленность Германии, что неизбежно вело к усилению борьбы за лидерство в Германском союзе между Пруссией и Австрией. Понятно, что эти или иные противоречия должны были учитываться российским руководством при определении приоритетов своего внешнеполитического курса.

14(26) сентября 1815 г. по предложению Александра I российский, австрийский и прусский монархи в Париже заключили так называемый Священный союз. В соответствующем акте провозглашалась идея христианского единения монархов Европы и их подданных: «Во имя пресвятые и нераздельные троицы. Их величества: император австрийский, король прусский и император российский вследствие великих происшествий, ознаменовавших в Европе в течение трех последних лет… объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть пред лицом вселенныя их непоколебимую решимость как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сея святые веры, заповедями любви, правды и мира, которые… долженствуют… непосредственно управлять волею царей и водительствовать всеми их деяниями».

В сущности, получалось, что в международных и внутренних делах государи обязывались руководствоваться заповедями Евангелия. Исходя из текста соответствующего акта утверждения системы Священного союза, можно сказать, что он виделся инициатору как организация, которая должна была регулировать отношения между государствами с правовых и религиозно-нравственных позиций. Однако во всем этом историки искали и в настоящее время продолжают искать в первую очередь политические аспекты, хотя их взгляды на сущность происходившего расходятся.

По традиции главными задачами инициированной Александром I международной организации считаются совместные усилия по сохранению в неприкосновенности европейских границ, зафиксированных постановлениями Венского конгресса, и соответствующая борьба против любых проявлений революционного движения в Европе. Действительно, в «Акте Священного союза» подчеркивалось, что его участники – Александр I, Франц I, Фридрих Вильгельм III – обещали «во всяком случае и во всяком месте… подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». Однако, как сейчас выясняется, подобный подход является упрощенным. Авто-

ры «Истории внешней политики России» вполне обоснованно считают, что изначально российское руководство стремилось использовать Священный союз для поддержки равновесия сил в Европе и противопоставления его Четверному союзу. Кроме того, необходимо учитывать, что еще во время Венского конгресса Александр I высказал мысль о необходимости поставить христианские народы Османской империи под защиту всей Европы. Здесь следует подчеркнуть, что Священный союз виделся как объединение христианских государей для обороны христианских народов.

Западная Европа не восприняла подобную попытку Александра I с помощью Священного союза вступить на путь радикального решения ближневосточной проблемы. В результате она признала Священный союз только как центр противостояния европейскому революционному движению. В этом большая роль принадлежала австрийскому министру иностранных дел К. Меттерниху. Однако даже и в этом ракурсе Священный союз по праву может считаться прообразом международных организаций, оформившихся уже в XX в. (Лига наций, ООН).

Священный союз был открыт для руководителей других европейских государств, и они в скором времени использовали эту возможность. Официально вне пределов Священного союза оказались Англия, Турция, Ватикан. При этом у каждой из сторон были свои мотивы отказа от вхождения в союз. Английский король объявил, что присоединиться к Священному союзу ему не позволяет действующая в стране парламентская система управления. Правда, все это не мешало представителям Англии участвовать в работе конгрессов союза. Турецкий султан рассматривался как нехристианин. Папа Римский усматривал, что католицизм несовместим с «надконфессиональным» христианством.

Механизмом действия Священного союза стали периодические конгрессы, на которых его участники обсуждали злободневные вопросы и принимали соответствующие решения. Александр I ориентировался на идею, что монархи будут собираться для взаимных консультаций не от случая к случаю, а на регулярной основе. Однако Англия выступила против существования подобного постоянного совета. В данном случае с очевидностью проявлялась боязнь англичан тесного единения континентальных монархов под эгидой русского царя.

История Священного союза насчитывала всего четыре конгресса. Первый из них проходил в сентябре – ноябре 1818 г. в небольшом немецком городке Ахене (Аахене). В нем принимали участие

представители только самых могущественных европейских стран – России (делегацию возглавлял Александр I), Англии, Австрии, Пруссии и Франции. Основной в Ахене стала проблема Франции. Кстати, было принято решение вывести войска с французской территории не позднее ноября 1818 г., уточнена сумма контрибуции (265 млн франков).

Острые споры разгорелись по вопросу принятия Франции в Четверной союз. Р. Каслри и К. Меттерних предлагали обновить его в первоначальном виде, что было выгодно и Англии, и Австрии. Российская делегация в противовес англо-австрийскому проекту внесла свои предложения, как организовать «общий союз монархов». Предусматривалось, что постановления Четверного союза должны были иметь силу только в случае новой революции во Франции. Предлагалось уровнять Францию в правах с союзными государствами, приняв ее в Четверной союз, который в последующем должен был трансформироваться в «общий союз» европейских стран.

В предложениях российской делегации Англия и Австрия увидели возможность изменения политического баланса системы международных отношений в пользу России. В результате идея образования «всеобщего союза» европейских стран, основанная на «Акте Священного союза», на Ахенском конгрессе не прошла. 3(15) ноября 1818 г. союзные государства подписали соглашение о вхождении Франции в Четверной союз, а также секретный протокол, в котором (в соответствии с Шомонским трактатом) возобновлялись обязанности Англии, России, Пруссии и Австрии принимать меры «для предупреждения гибельных следствий нового революционного потрясения, которое будет угрожать Франции». «Французский вопрос» обозначил очевидность противостояния России и Англии.

Конгресс в Ахене явился первым крупным событием в истории европейской дипломатии в рамках действия «венской» системы. Ахенские решения в определенной степени укрепили ее основы. Вхождение Франции в Четверной союз можно было считать относительным успехом российской внешней политики (Англии и Австрии стало тяжелее использовать его против России). Вместе с тем предложение Александра I сформировать «всеобщий союз» европейских государств не прошло. Компромиссный вариант ахенских решений в целом свидетельствовал, что англо-австрийская сторона смогла реализовать большую часть своих планов.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ 1810–1820-х гг. И КОНГРЕССОВ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

В конце 1810 – начале 1820-х гг. европейский ракурс внешней политики России стал постепенно утрачивать элементы либерализма и приобретать все более реакционные черты. Пришло время сражаться с европейскими революциями.

В начале 1820 г. вспыхнула революция в Испании. Именно она в силу активного участия в ней военных особенно привлекала будущих декабристов. Согласно решениям Венского конгресса на испанском престоле был восстановлен Фердинанд VII. В стране началось введение абсолютистских порядков, игнорировались положения Конституции 1812 г., в тюрьмах оказались десятки тысяч людей, которые обвинялись в политических преступлениях.

В ответ на действия правительственных сил в Испании усилилась деятельность тайных оппозиционных обществ, активизировались сторонники радикальных средств ведения борьбы с властями, начались волнения. В подобной ситуации в Кадисе вспыхнул мятеж войск, направлявшихся в Латинскую Америку для борьбы с национально-освободительным движением местного населения против испанского господства. Его возглавили офицеры Р. Риего и А. Кирога. Король был отлучен от власти, объявлено действие Конституции 1812 г., в качестве представительных органов стали действовать кортесы.

За Испанией настала очередь Италии. В июле 1820 г. вспыхнула революция в Неаполитанском королевстве, а в 1821 г. – в Пьемонте. В августе 1820 г. волнения охватили Португалию. В 1821 г. греки выступили против вассальной зависимости от Турции.

По инициативе К. Меттерниха в октябре – декабре 1820 г. в Троппау (территория Силезии, современная Опава в Чехии) прошел второй конгресс Священного союза. Здесь рассматривался вопрос о революции в Неаполитанском королевстве, которая стала потенциальной угрозой для австрийских владений в Ломбардии и Венеции.

По складывающейся традиции российскую делегацию в Троппау возглавлял непосредственно Александр I. Официальные заседания очередного конгресса Священного союза чередовались с официальными увеселительными мероприятиями. Однако даже таким способом снять общую напряженность, царившую среди участников форума, не удавалось: в Троппау поступали сведения о дальнейшем распространении революции в Европе.

7(19) ноября 1820 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол, в котором провозглашалось их право на вооруженное вмешательство во внутренние дела других государств (без соответствующего приглашения со стороны их руководства) для подавления там революционных выступлений. Два других участника конгресса в Троппау – Англия и Франция – отказались признать «принцип вмешательства» в такой неограниченной форме, но они дали понять, что не будут препятствовать готовившейся со стороны Австрии интервенции в Неаполь. При санкционировании оккупации Неаполитанского королевства австрийскими войсками Александр I настоял на том, чтобы была зафиксирована неприкосновенность целостности этой страны и возможность для неаполитанского короля даровать своему народу конституцию (последнее не было использовано).

Для того чтобы более удобно было вести переговоры с руководством итальянских государств, участники конгресса в Троппау в начале 1821 г. перебрались в Лайбах (современная Любляна). В январе – марте 1821 г. на Лайбахском конгрессе Священного союза его главные участники, а также представители итальянских государств и Папы Римского обсуждали меры по подавлению революционных выступлений в Неаполе, Пьемонте, Испании и Греции. В частности, во исполнение просьбы местных властей было принято решение направить в Неаполь и Пьемонт австрийские войска. В результате в марте – апреле 1821 г. здесь были обновлены абсолютистские режимы.

Последний конгресс Священного союза прошел в апреле – декабре 1822 г. в Вероне (Италия). Это был самый представительный форум Священного союза: кроме делегаций основных его участников здесь присутствовали итальянские монархи, многочисленные дипломаты. Заседания проходили на фоне развертывания революции в Испании и греческого восстания. Помимо обсуждения собственно условий выступления против участников европейского революционного и национально-освободительного движения на Веронском конгрессе рассматривалась обозначившаяся в это время русско-турецкая конфронтация, а также проблема торговли неграми и судьба испанских колоний в Латинской Америке. Людовик XVIII предложил послать в Испанию и ее латиноамериканские колонии французские войска. На это Александр I патетически отреагировал: «Мой меч к услугам Франции!».

Однако против желания российского руководства оказать помощь французской стороне в разрешении испанской проблемы

выступил представлявший на Веронском конгрессе Англию маршал А. Веллингтон. Франко-российский союз в каком бы то ни было варианте английскому кабинету был не нужен. В конечном итоге идея самостоятельной французской интервенции в Испанию получила одобрение. Осенью 1823 г. испанская революция была подавлена.

В то же время ее «латиноамериканский вариант» не прошел, поскольку английские власти выступили категорически против расширения действий французских войск на испанские колонии. С одной стороны, Англия желала снижения влияния Испании в Латинской Америке, с другой – она боялась появления французских конкурентов на рынках этого региона. При этом Великобритания обратилась за помощью к Северо-Американским Штатам (САШ), предлагая последним координацию действий. В результате в декабре 1823 г. САШ выступили с так называемой «доктриной Монро», хорошо известной по тезису «Америка для американцев».

Веронский конгресс согласился с тем, что Австрия продолжит интервенцию в Неаполе и Сардинии, что было нежелательно для Франции. Участники форума отказались принять греческую делегацию, которая прибыла в Верону, рассчитывая на помощь в борьбе против турецкого господства.

В заключительный день Веронского конгресса был опубликован циркуляр, который подтвердил права Священного союза на вмешательство во внутренние дела всякого государства, где революционное движение может угрожать монархическим основам.

Самым последовательным сторонником Священного союза являлся ставший в 1822 г. канцлером К. Меттерних. В 1824 г. он предложил созвать новый международный конгресс для обсуждения вопроса о заокеанских колониях, которые откололись от Испании. Однако до этого дело не дошло, поскольку в начале 1825 г. английское руководство официально признало Мексику, Колумбию и Аргентину. При этом статс-секретарь по иностранным делам Дж. Каннинг дал понять международной общественности, что в данной ситуации Англию больше интересует проблема установления тесных торговых связей с новыми латиноамериканскими республиками, чем вопрос об их возвращении в испанскую колониальную систему. Таким образом, отходя от принципов Священного союза, Англия уже на данном этапе существования «венской» международной системы отчетливо продемонстрировала приоритетность для себя непосредственно государственных интересов.

Во время восточного кризиса 1820-х гг. Россия также имела возможность обозначить подобные тенденции своего внешнеполитического курса, однако действовала при этом весьма нерешительно.

РОССИЯ И ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 1820-х гг.

Еще в 1814 г. в Одессе было образовано греческое тайное общество «Филики Этерия» («Дружеское общество»), члены которого ориентировались на подготовку выступления против турецкого господства. Весной 1821 г. сначала на территории Дунайских княжеств, а затем и самой Греции вспыхнуло национально-освободительное восстание. Во главе его стал участник Отечественной войны 1812 г. генерал-майор русской армии А. Ипсиланти.

Руководители восстания обратились за помощью к Александру I. Соответствующее послание российский император получил как раз в Лайбахе. Возникшая возможность вмешательства в греческие события давала России шанс укрепиться на Ближнем Востоке, но это, безусловно, вело к столкновению с Турцией. Кроме того, было понятно, что Англия, Австрия и Пруссия не одобрили бы подобные действия российского руководства и тем самым могла бы обрушиться система Священного союза, которая именно в это время стала действовать против революционного и национально-освободительного движения на европейском континенте. Александр I был вынужден отказать в помощи восставшей стороне. Демонстрируя свой отказ, российский император уволил А. Ипсиланти со службы. Одновременно руководству русскими войсками в Бессарабии был отдан приказ направить усилия на сохранение нейтралитета. Турецкий султан был заверен в дружеских отношениях к нему российских властей.

Однако все это было только демонстрацией официальных отношений последних к событиям в Греции. Вся дальнейшая политика России в отношении греческой проблемы выходила за рамки объявленного нейтралитета. Российские власти в своих практических действиях руководствовались и желанием поддержать братьев-христиан в их борьбе против турецкого ига, и стремлением усилиться на Ближнем Востоке, Балканах.

В силу рассматриваемых обстоятельств произошло обострение российско-турецких отношений. Вопреки существующим договоренностям султан под видом борьбы с греческой контрабандой за-

держивает в черноморских проливах русские корабли с последующей конфискацией перевозимого имущества. В Турции происходят аресты купцов из России. Эти действия турецкого руководства наносят удар по российской торговле и в целом по экономике страны. Более того, Турция вводит свои войска в Дунайские княжества.

Нерешительность Александра I во время подобного обострения «восточного вопроса» вызывает очевидное недовольство части царских сановников, которые имели свои интересы на юге страны, были заинтересованы в укреплении южных границ России, развитии черноморской торговли. Понятно, что с их стороны предпринимались попытки лоббировать более решительный восточный курс внешней политики России.

Определенное влияние на внесение изменений в правительственную политику относительно событий в Греции имело настроение российской общественности. Передовая ее часть (примером могут служить участники декабристского движения), безусловно, приветствовала греческое восстание. Выражая общественную поддержку грекам, В. К. Кюхельбекер восклицал: «Друзья! Нас ждут сыны Эллады! – Кто даст нам крылья? Полетим!».

Исходя из всех перечисленных факторов, царское правительство в июне 1821 г. обратилось к турецкому султану с нотой, в которой содержалось требование в течение восьми дней прекратить зверское уничтожение православных, вывести свои войска с территории Молдовы и Валахии, а в последующем строго придерживаться действующих русско-турецких договоренностей. При этом Александр I стремился заручиться поддержкой западноевропейских стран (не случайно уже в обозначенной ноте просматривалась идея донесения до султана требований собственно всех европейских правительств). Виделась возможность получения Россией полномочий Священного союза на восстановление порядка на Балканах (к этому времени уже имелся пример Австрии, уполномоченной на подобные действия в Италии).

Однако европейские державы, прежде всего Англия и Австрия, понимали, что санкционированное вмешательство России в греко-турецкий конфликт могло не только повлиять на разрешение восточного кризиса, но и существенно усилить российские позиции на Балканах. Вполне понятно, что они стремились этого не допустить и ориентировались на скорейшее подавление восстания греков собственно турецкими силами.

Турция, чувствуя подобную поддержку со стороны Европы, проигнорировала российскую ноту. В ответ в июле 1821 г. последо-

вало заявление российского руководства о разрыве дипломатических отношений с Портой. Вскоре русская миссия покинула Константинополь.

Сложившаяся противоречивая ситуация, в которой Россия пыталась разрешить приемлемым для себя образом восточный кризис начала 1820-х гг., вызывала повышенную обеспокоенность западноевропейских стран. В то же время было заметно, что Александр I твердо придерживался мирного урегулирования русско-турецких противоречий и, в частности, греко-турецкого конфликта. Россия никоим образом не желала ни обострять отношения с европейскими партнерами, ни нарушать принципы Священного союза. Получалось, что в реальности она могла рассчитывать в лучшем случае на возможность играть ведущую роль при организации коллективного давления на Порту в урегулировании греко-турецкого конфликта. Однако добиться этого при соответствующей позиции западноевропейских стран было также крайне сложно.

Тем временем греко-турецкий конфликт вступил в новую стадию развития. В январе 1822 г. национальным собранием Греции была провозглашена самостоятельность страны и принята демократическая конституция. Летом того же года в Морее повстанцами была разгромлена 30-тысячная турецкая армия. В ответ со стороны турок последовали новые жестокости. В сложившихся условиях российская дипломатия в своих попытках умиротворить Грецию и Турцию начала испытывать возрастающие трудности. Уже в 1822 г. Россия стала придерживаться более пассивной, нежели в предшествующий период, позиции. Показательным стало то, что все старания И. А. Каподистрии склонить Александра I к военной поддержке греков оказались безрезультатными. Император твердо ориентировался на необходимость всеми средствами избегать обострения международных противоречий, не нарушать существующего в рамках Священного союза и в целом «венской» системы политического равновесия в Европе.

Различия в подходах Александра I и И. А. Каподистрии к принципам проведения внешней политики привели к отставке министра иностранных дел. Это было сделано в форме отправки его в бессрочный отпуск. В 1827 г. И. А. Каподистрия в качестве президента возглавил Греческую республику, а в 1831 г. пал жертвой заговора. С этого времени руководство внешнеполитическим ведомством России полностью сосредоточилось в руках К. В. Нессельроде.

Ситуация, которая сложилась в рамках греко-турецкого противостояния, обсуждалась на Веронском конгрессе Священного сою-

за. Здесь Россия попыталась выступить с декларацией, повторявшей требования ультиматума 1821 г. Однако в силу позиций западноевропейских стран она не могла быть реализована. Западноевропейские страны по-прежнему надеялись, что турки смогут самостоятельно решить проблему подавления греческого восстания. Греческим повстанцам было отказано в праве присутствовать на конгрессе. С подачи К. Меттерниха Австрия, Россия и Пруссия подписали особую инструкцию, осуждавшую национально-освободительную борьбу греков, а также возможность ее проявления среди других европейских народов.

В конце 1822 – начале 1823 г. греческие повстанцы одержали ряд побед над турецкими войсками. К 1824 г. уже стало очевидно, что турки не смогут подавить греческую революцию. Раньше других в международных реалиях разобралась Англия. Воспользовавшись нерешительностью России, английское руководство официально признало греков «воюющей стороной» и стало оказывать поддержку восставшим (в частности, им был предоставлен английский заем).

В конечном итоге для российских властей стало очевидным, что в разрешении восточного кризиса необходимо действовать самостоятельно и именно в собственных государственных интересах. Однако первые действия в этом направлении оказались неудачными. По предложению К. Меттерниха (и в этом чувствовалась относительность проявления российской самостоятельности) в январе 1824 г. Россия опубликовала меморандум. В нем предлагался компромиссный вариант решения греческой проблемы – создание на территории Греции трех княжеств (наподобие Дунайских), которые бы оставались в зависимости от Турции и вместе с тем приобретали покровительство России. Это вызвало недовольство и среди греков, возмущавшихся расчленением страны, и среди турок, которые не принимали открытых претензий Российской империи на владения Порты.

Следующим проявлением активности России в разрешении восточного кризиса в собственных интересах стала инициатива Александра I созвать в июне 1824 г. в Петербурге конференцию участников Священного союза, которая длилась более полугода. Эта конференция завершилась принятием постановления, в котором содержался призыв к турецкому султану допустить вмешательство стран Священного союза «для прекращения смуты на Востоке». Но при этом союзники России подчеркивали, что никакие принудительные меры в случае отказа Порты приниматься не будут.

В ответ на подобную позицию европейских стран российское руководство через своих послов в Вене и Лондоне в августе 1825 г. объявило, что Россия в решении «восточного вопроса» будет руководствоваться собственными интересами. На границе с Турцией началась концентрация русских войск.

Смерть Александра I, ситуация междуцарствия, воцарение нового самодержца – все эти обстоятельства на время сняли остроту проблемы противостояния России и Турции. Тем не менее российско-турецкие отношения, находившиеся в стадии перманентного кризиса, сразу же привлекли пристальное внимание Николая I. Будучи менее искушенным в делах внешней политики, он оказался более решителен, чем Александр I, в использовании подготовленного российской дипломатией плацдарма для перехода России к более жесткому курсу в своей восточной политике. В действиях Николая I сразу же стало просматриваться стремление поднять престиж Российской империи на Балканах и тем самым заявить о себе на международной арене.

Вначале новое российское руководство попыталось урегулировать греческую проблему совместно с европейскими государствами, которые в силу опасений одностороннего выступления России и желания сохранить за собой инициативу согласились с подобными предложениями. Уже в апреле 1826 г. между Россией и Англией был заключен Петербургский протокол. Согласно этому протоколу предусматривалось предоставление Греции прав на «внутреннюю» независимость и одновременно на сохранение здесь верховной власти Турции, а также подтверждалась необходимость выплаты местным населением подати султану. Австрия, Пруссия и Франция приглашались присоединиться к данному русско-английскому соглашению. Безусловно, все это являлось ощутимым успехом российской дипломатии.

На основе Петербургского протокола в июне 1827 г. Россия, Англия и Франция подписали Лондонскую конвенцию, сориентированную на образование автономного греческого государства. Порте предлагалось посредничество европейских стран в разрешении проблемы примирения с греками. При этом предполагались следующие условия: греки находятся в зависимости от султана и выплачивают ему ежегодную подать, управление закрепляется за местными властями при участии турецкой стороны в их формировании.

Государственная служба в России избранного в это время президентом Греции И. А. Каподистрии, наделенного весьма широки-

ми полномочиями, вызвала у турецких властей подозрения, что греко-турецкий конфликт инспирирован Петербургом. В итоге положения Лондонской конвенции Турцией были отвергнуты. В ответ союзники, чтобы воспрепятствовать вторжению турецких войск на территорию Греции, выслали на помощь грекам свои эскадры.

8(20) октября 1827 г. в Наваринской бухте (берега Мореи, полуостров Пелопоннес) произошло сражение объединенного русско-англо-французского и турецко-египетского флотов. Русской эскадрой, включавшей четыре линейных корабля и четыре фрегата, командовал контр-адмирал Л. М. Гейден. Четырехчасовое сражение, несмотря на численное преобладание турецко-египетской эскадры (66 кораблей и 2200 орудий против 26 кораблей и 1676 орудий), закончилось полной победой союзного флота.

Однако и после Наваринской битвы Порта не пожелала пойти на уступки. Это вынудило союзников отозвать из Константинополя свои дипломатические корпуса. Султан Махмуд II считал своим главным врагом Россию, которая виделась основным виновником греческого восстания. В итоге в декабре 1827 г. Турцией была объявлена «священная война» – джихад.

России было сложно незамедлительно ответить на данный вызов Турции. Проводившаяся в это время российскими властями средневосточная политика привела страну к очередной русско-иранской войне (июль 1826 г. – февраль 1828 г.). К тому же русские войска были задействованы и на Кавказе: в 1817 г. началась направленная против горцев многолетняя Кавказская война. В результате царское правительство объявило войну Турции только в апреле 1828 г.

По традиции очередная русско-турецкая война 1828–1829 гг. проходила для российской стороны достаточно тяжело. Она закончилась 2(14) сентября 1829 г. подписанием Андрианопольского мирного договора, знаменовавшего победу русского оружия. К России отошли устье Дуная с прилегающими островами, крепости Ахалцих и Ахалкалаки, восточное (кавказское) побережье Черного моря. В договоре подтверждались ранее полученные ею права свободной торговли во всех областях Османской империи. Проливы Босфор и Дарданеллы объявлялись открытыми для прохода русских и иностранных торговых судов. По Андрианопольскому миру Турция признала присоединение к Российской империи Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, Эриванского и Нахичеванского ханств; фиксировалась автономия Дунайских княжеств (Молдовы и

Валахии), а также Сербии. Получив в рамках Андрианопольских соглашений широкую автономию, Греция в 1830 г. провозгласила свою независимость.

В целом в конце 1820-х гг. в результате усилий российского руководства по разрешению в своих интересах проявившегося в это время восточного кризиса стали обнаруживаться тенденции к усилению позиций России на Балканах, росту ее авторитета среди южнославянских народов, отмечалась стабилизация русско-турецких отношений. Вместе с тем сохраняющаяся острота «восточного вопроса» предопределила это направление внешней политики России в качестве доминирующего и в последующем.

Глава 6
ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ ДЕКАБРИСТОВ

Движение декабристов – феномен общественно-политической жизни России первой четверти XIX в. Понятие «декабризм» тесным образом связано с проблемой зарождения в России освободительного движения. Его появление советские исследователи практически полностью отождествляли с движением декабристов. Согласно ленинской периодизации освободительного движения в России началом первого – дворянского – этапа следовало считать 1825 г., когда состоялось восстание декабристов.

Академик М. В. Нечкина, сделавшая очень много для изучения движения декабристов, полагала, что на данном этапе можно выделить самостоятельный период – 1816–1825 гг. Действительно, попытки изменить основы государственной, экономической и общественной жизни, свидетельствовавшие о зарождении освободительного движения, предпринимались в государстве уже после окончания Отечественной войны 1812 г. В 1814–1816 гг. возникли легальные и нелегальные объединения, ставившие перед собой задачу преобразования России. Современные исследователи датой возникновения декабризма считают 1814 г., соотнося ее с появлением преддекабристской организации «Орден русских рыцарей».

Конец XVIII – начало XIX в. – эпоха политической нестабильности в Европе, начало которой положила Великая Французская революция. Декабристское движение в России – составная часть революционных, национально-освободительных процессов в зарубежных странах в первой четверти XIX в. Революционным его можно назвать, исходя из наличия революционной программы, революционной организации, ведения борьбы за разрешение поставленных задач на основе продуманных тактики и стратегии. Ни

одно из предшествующих движений в России не обладало перечисленными характеристиками. В указанный период декабристы представляли крайне левую ветвь российской общественно-политической жизни.

Следует учитывать, что в западноевропейском регионе сложились более благоприятные условия для развития общественно-политического движения. В Российской империи в начале XIX в. в отличие от стран Западной Европы не сформировался так называемый средний класс. Как следствие, первой особенностью декабристского движения можно назвать его социальный состав: в ряды декабристов вступали преимущественно дворяне, а не представители третьего сословия. В западноевропейских странах существовали идейно и организационно оформленные общественно-политические направления. В декабристские организации входили сторонники различных политических концепций, что порождало идеологические споры даже в рамках одного тайного общества.

В российской историографии декабристы рассматриваются как представители радикального крыла дворянской оппозиции самодержавию, объединявшего преимущественно военную молодежь. Вместе с тем участники движения были тесно связаны с либеральной оппозицией самодержавному политическому режиму в лице государственных и военных деятелей (М. М. Сперанский, П. Д. Киселев, Н. С. Мордвинов, А. П. Ермолов), писателей и поэтов (А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов).

Декабристы не имели поддержки народа и не стремились ее найти. Этой особенностью была обусловлена заговорщицкая тактика участников движения и форма выступления – военная революция. В истории России восстание декабристов является первым открытым организованным военным выступлением против самодержавия.

Как историческое явление, декабризм достаточно многообразен. Он включает идеологию дворянских революционеров, легальную и нелегальную деятельность членов тайных обществ 1820-х гг., вооруженное выступление против существовавшего политического режима, следствие и суд над восставшими, обстоятельства их жизни в условиях каторги и ссылки, в том числе просветительскую работу в Сибири, а также общественно-политическую деятельность в Европейской России после амнистии, объявленной в 1856 г.

Одной из важнейших в декабристоведении является проблема формирования идеологии декабристов. В российской историографии факторы, повлиявшие на процесс развития «вольнолюбивых

идей», разделены на две группы – внутренние и внешние. Советские исследователи на первое место по значимости ставили местные, российские факторы. Сильное влияние на будущих декабристов оказывала социально-экономическая действительность Российской империи начала XIX в. и в первую очередь крепостная система хозяйствования, основанная на рабском труде. Возмущение образованных дворян вызывали военные поселения. Лучшие представители дворянства осознавали отставание России от передовых стран Запада, неизбежность социальных потрясений.

Большое воздействие на умы декабристов имела Отечественная война 1812 г. Более 100 восставших принимало в ней участие, в том числе 65 – в Бородинском сражении. Приобретенный военный опыт способствовал укреплению у будущих декабристов таких черт характера, как самостоятельность, независимость в суждениях, ответственность за свою судьбу и, безусловно, росту патриотизма.

После победы над Наполеоном недостатки российской повседневности стали для многих русских офицеров нестерпимыми, а необходимость проведения реформ – очевидной. Наряду с этим либеральные настроения императора Александра I, характерные для начального периода его царствования, постепенно уступали место консервативным тенденциям, что не могло не разочаровать прогрессивно мыслящих граждан России.

В постсоветский период было переосмыслено значение внешних факторов для формирования декабристской идеологии. Ряд исследователей признает их ведущую роль в этом процессе. Достаточно сильные впечатления получили участники заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., познакомившись с особенностями политической и социально-экономической жизни стран европейского региона. Неизбежное сравнение с российской действительностью говорило не в пользу своего Отечества. В ходе следствия почти все заключенные, участвовавшие в заграничных походах, свидетельствовали о влиянии западных понятий о свободе, конституции, более высокой культуры Запада на формирование «свободного образа мыслей».

Нестабильная международная обстановка в 1820-х гг. заставляла лучшую часть российского дворянства жить ожиданием скорых перемен, ощущать свою сопричастность «великой эпохе». Национально-освободительное и революционное движение в Испании, Италии, Греции оказало огромное влияние на складывание свободолюбивой философии будущих декабристов, причем более сильное, чем опыт Великой Французской революции, уже отдаленной во времени.

Наконец, сыграло свою роль оживление деятельности тайных обществ, распространившихся в Европе в начале XIX в.: немецкого «Тугендбунда», итальянских карбонариев, греческих этериатов, испанских заговорщиков. Показательным можно считать тот факт, что более 80 участников (среди них все лидеры) восстания на Сенатской площади были членами масонских лож.

В основу идеологии будущих декабристов лег ряд прогрессивных идей зарубежных и отечественных мыслителей. Современные исследователи признают, что решающее влияние на формирование мировоззрения декабристов оказали философские теории европейского Просвещения: естественных прав человека, общественного договора и разделения властей, парламентаризма, социальной справедливости, изложенные в книгах европейских просветителей, английских публицистов и другой политической литературе. Источниками формирования идеологии декабристов послужили взгляды российских просветителей второй половины XVIII – начала XIX в.: Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина и др. В мировоззрении будущих участников восстания прослеживаются идеи, популярные в так называемой «околодекабристской», либерально-оппозиционной среде. Юные члены тайных обществ зачастую знакомились с передовыми идеями благодаря старшим товарищам, лидерам движения со сложившимися взглядами и жизненной позицией: П. И. Пестелю, К. Ф. Рылееву, П. Г. Каховскому, А. А. Бестужеву, М. П. Бестужеву-Рюмину и др.

Историки обращают внимание и на значение образовательно-воспитательного процесса в ходе формирования мировоззрения декабристов. Многие отмечают особый дух «вольнодумства», царивший в Московском университете, Царскосельском лицее, некоторых военных учебных заведениях в начале XIX в. Скорее всего, следует вести речь об огромном влиянии образования на развитие нравственно здоровой, независимо мыслящей личности, способной самостоятельно строить свою судьбу.

Не случайно движущим мотивом восставших выступало желание изменить окружающую действительность к лучшему через участие в политической деятельности, внести свой вклад в реформирование государственной системы, улучшить жизнь народа. Процессу формирования идеологии декабристов присущи сложность и противоречивость, вызванные необходимостью учитывать интересы как дворян, так и крестьян. Главными целями, которые были обозначены в рамках движения декабристов, были отмена крепостного права и ограничение самодержавия.

В целом судьба крепостничества и самодержавной формы правления составляла суть всех общественно-политических разногласий в России. В этом заключалось ее отличие от Западной Европы, где в центре теорий в первой половине XIX в. оказался капиталистический строй, его прогрессивность, пути совершенствования либо, наоборот, необходимость разрушения.

Исследователи отмечают неравномерность в развитии социальных, политических и организационных идей декабристов. Дискуссионным остается вопрос о взаимодействии, взаимовлиянии различных идеологических воззрений в рамках декабристского движения. Одни исследователи настаивают на его относительном единстве. В советской исторической науке доказывался тезис об усилении «дворянской революционности», укреплении к началу 1820-х гг. республиканских взглядов в декабристской среде, острой борьбе демократической и либеральной линий. В рамках другого подхода в декабристском движении рассматриваются два течения, представленные сторонниками мирного, реформаторского пути преобразования общества и приверженцами радикальных мер. Кроме того, современные исследователи отмечают умеренность преобразовательных планов, присущих большинству социальных и политических проектов декабристов, положительно оценивая их желание уберечь Россию от резких потрясений.

В своих общих чертах декабристская идеология сложилась в 1822–1824 гг. Этому предшествовал практически десятилетний период идеологических исканий, споров, в том числе в ранних преддекабристских организациях.

В 1810–1812 гг. в училище колонновожатых действовало «Юношеское собратство» из семи человек, которое возглавлял 16-летний прапорщик Н. Н. Муравьев (в будущем генерал Н. Н. Муравьев-Карский). Из этого училища вышли 24 будущих декабриста. Члены «собратства» (среди них А. Н. Муравьев, М. И. Муравьев-Апостол) читали произведения французских просветителей, обсуждали проблемы дальнейшего развития России. Согласно предложению Н. Н. Муравьева, молодые люди планировали создать на о. Сахалине «новую республику», предварительно просветив местных жителей.

После Отечественной войны с Наполеоном в 1814–1815 гг. в среде молодых гвардейских офицеров возникли Семеновская и Священная артели. Под артелями в то время понимались бытовые и хозяйственные товарищества, но Семеновская и Священная являлись уже идейными содружествами. В состав Семеновской арте-

ли входило до 15–20 офицеров. Инициатором ее создания выступил Н. М. Муравьев. У истоков Священной артели стоял А. Н. Муравьев. Она объединила офицеров Генерального штаба (А. Н. и М. Н. Муравьевых, И. Г. Бурцова, П. И. Колошина и др.), а также бывших лицеистов (В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, В. Д. Вольховского и др.). Артель не имела ни программы, ни устава. Ее члены обсуждали несовершенство российской действительности, возможность изменения существующего строя. Александра I беспокоила активность гвардейского офицерства, поэтому вскоре после своего появления артели были запрещены.

В 1814 г. генералом М. Ф. Орловым и графом М. А. Дмитриевым-Мамоновым был основан «Орден русских рыцарей». Его отличали узкоконспиративная форма организации, выраженная масонская обрядность, приверженность к тактике заговора. В орден входили М. Н. Новиков, Д. В. Давыдов, Н. И. Тургенев. Руководители ордена попытались выработать основные принципы нового государственного устройства России. Сохранились наброски конституционных проектов М. Ф. Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова. В неопределенном будущем путем постепенных реформ планировалось осуществить социальные преобразования: отменить крепостное право и феодальные сословия. Самодержавная власть ограничивалась деятельностью Сената, без которого император не имел права издавать новые законы и отменять старые, объявлять войну и заключать мир, вводить налоги. Сенат должен был состоять из 200 наследственных представителей высшей знати, 400 представителей провинциального дворянства и 400 депутатов от других сословий. Для претворения в жизнь данных проектов члены организации считали необходимым захватить государственную власть революционным путем.

Наконец, к преддекабристским организациям следует отнести кружок «Железные кольца», организованный в 1815 г. в Каменец-Подольске поручиком В. Ф. Раевским. В состав кружка вошли офицеры 7-го пехотного корпуса. Своей основной целью члены организации считали борьбу с деспотизмом всеми доступными методами.

ПЕРВЫЕ ДЕКАБРИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Первой декабристской организацией стал «Союз спасения». Его создали в феврале 1816 г. в Петербурге гвардейские офицеры, члены Семеновской и Священной артелей А. Н. и Н. М. Муравьевы,

С. П. Трубецкой, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин. Все они сражались во время Отечественной войны 1812 г., участвовали в заграничных походах русской армии. (После принятия в феврале 1817 г. устава организация получила название «Общество истинных и верных сынов Отечества».) «Союз спасения» представлял собой тщательно законспирированную, строго централизованную организацию. Его члены активно использовали масонские ритуалы, несли ответственность за сохранение тайны. «Союз спасения» – это немассовая организация, в нее разрешалось привлекать после тщательной проверки только единомышленников, причем гвардейских офицеров. Позднее в общество вступили П. И. Пестель, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, Ф. Н. Глинка, М. С. Лунин, М. Н. Новиков, Ф. П. Шаховской, И. А. Долгоруков и др. К осени 1817 г. его численность составила около 30 человек.

Устав «Союза спасения» не сохранился, он уничтожен самими членами из соображений конспирации. Его содержание реконструировали советские историки на основе мемуарных свидетельств участников и показаний в ходе следствия. Устав был разработан в конце 1816 г. Основная часть написана П. И. Пестелем, свой вклад внесли также С. П. Трубецкой и И. А. Долгоруков.

Главная цель «Союза спасения» – ограничение самодержавия путем принятия конституции. Участники организации выступали за конституционную монархию, введение гражданских свобод. Однако было неясно, какими средствами можно достичь этой цели. На основе политических преобразований планировалось отменить крепостное право. Инициативу в этом вопросе, по мысли ее членов, должны были проявить дворяне, обратившись к императору с соответствующим прошением. Со временем участники общества разочаровались в дворянстве, обнаружившем стойкое нежелание лишиться своей «крещеной собственности». Инертность и косность российских дворян привели членов «Союза спасения» к мысли о том, что высшее сословие, получив политические привилегии, откажется отменить институт крепостного права. В этом плане большую надежду давала личность императора, стоявшая над сословиями. Так, в 1818 г. Александр I публично заявил о намерении даровать России конституцию. Стали распространяться слухи о желании императора освободить крестьян. В случае практической реализации этих надежд члены тайной организации планировали поддержать реформаторские начинания царя.

Таким образом, основной задачей «Союза спасения» была подготовка к введению в стране конституционной формы правления.

В организации бытовала точка зрения о том, что самым удобным моментом для этого является смена императоров. По мнению ее членов, способствовать появлению в России конституции могло их продвижение по государственной лестнице, пропаганда своих идей. За все время существования «Союза спасения» так и не было выработано единой тактики, четкой программы действий. Это послужило одной из причин его кризиса, обострившегося после оформления идеи о цареубийстве. Именно в рамках «Союза спасения» была впервые высказана идея насильственного устранения монарха. Возникший план позднее получил название Московского заговора.

В августе 1817 г. императорский двор вместе с гвардией выехал в Москву для проведения торжеств в связи с пятилетием победы в Отечественной войне 1812 г. В составе прибывшей в Москву гвардии оказалось большинство членов союза. Слухи о том, что Александр I собирается восстановить Польшу в границах 1772 г. и объявить ее независимость, подтолкнули участников союза к идее цареубийства. И. Д. Якушкин предложил придать убийству Александра I форму дворянской дуэли: вначале выстрелить в венценосца, затем – в себя. После ожесточенных споров декабристы от этой идеи отказались ввиду своей неподготовленности к перевороту, неминуемому в случае успеха покушения. Стало очевидным, что часть членов, прежде всего П. И. Пестель и А. Н. Муравьев, стремится придать обществу заговорщицкий и более деятельный характер. Данная тактика казалась им правильной в условиях консервативности массы российского дворянства. Однако большинство выступало против решительных мер, насилия, цареубийства, полагая более целесообразным ведение мирной пропаганды. Этот путь был возможен в результате изменения программы общества, расширения его состава.

В итоге разногласия по вопросам тактики, неопределенность средств борьбы, а также отсутствие четкого представления о решении социальных вопросов, в частности отмены крепостного права, привели к кризису «Союза спасения» и его самороспуску. С сентября 1817 до января 1818 г. в Петербурге работало временное переходное «Военное общество». Его предназначение заключалось в сохранении основного состава прежней организации и привлечении новых членов. Выполнив свои функции, «Военное общество» уступило место следующей декабристской организации – «Союзу благоденствия».

Новое тайное общество было основано в январе 1818 г. теми же офицерами, что и «Союз спасения». Это событие произошло в Мо-

скве, куда на время переехал царский двор вместе с гвардией по случаю закладки на Воробьевых горах памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 г.

Вскоре организаторы, которые находились в рядах гвардии, вернулись в Санкт-Петербург. Состав нового общества значительно расширился, достигнув приблизительно 200 человек, но оставался преимущественно дворянским. Среди членов преобладали военные, было много молодежи. Руководил «Союзом благоденствия» состоявший из его учредителей Коренной совет под эгидой председателя, ежемесячно переизбиравшегося. Коренной совет делился на Коренную управу в количестве 30 человек, осуществлявшую общее руководство, и Коренную думу (6 человек), обладавшую исполнительной властью. Ему подчинялись местные управы, которых планировалось организовать более 30. На практике декабристам удалось создать 15 управ: несколько из них – в столице государства, а остальные в Москве, Тульчине, Кишиневе, Смоленске, Нижнем Новгороде, Тамбове и других городах.

В конце 1817 – начале 1818 г. был написан устав «Союза благоденствия», названный по цвету его переплета «Зеленой книгой». Он состоял из двух частей. С первой знакомились все новые члены. В ней ставились цели нравственного совершенствования народа, распространения в обществе просвещения и гуманизма: «Союз Благоденствия в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена».

В уставе определялись четыре направления деятельности: филантропическое, предполагавшее организацию благотворительной работы; просветительское, подразумевавшее расширение влияния членов общества в школьных и просветительских учреждениях; правосудие и общественное хозяйство. Составители «Зеленой книги» использовали устав «Тугендбунда» – возникшей в 1808 г. тайной организации прусского либерального дворянства, буржуазной интеллигенции и чиновничества, которая стремилась к патриотическому воспитанию народа после разгрома Наполеоном Пруссии.

Основной задачей «Союза благоденствия» являлось распространение в обществе идеи необходимости социально-политического переустройства России, иными словами – формирование общественного мнения. Тезис об «общественном мнении, правящем миром», выдвинутый в XVIII в. французскими просветителями,

был широко распространен в европейском освободительном движении на рубеже XVIII–XIX вв. Декабристы рассчитывали, что прогрессивное общественное мнение сложится через 10–20 лет. В итоге российское общество изменится, станет возможной мирная революция, в ходе которой и будет установлена конституционная монархия.

Тактика «Союза благоденствия» представляла собой сочетание конспирации и легальной деятельности, причем последняя считалась основной. Формированию общественного мнения должны были содействовать возникшие вокруг союза различные легальные и полулегальные просветительские, литературные и благотворительные общества. Среди них следует отметить литературные общества «Зеленая лампа», активным членом которого являлся А. С. Пушкин, и «Измайловское общество». Оживилась деятельность литературного кружка «Арзамас». Тесным образом с «Союзом благоденствия» были связаны «Вольное общество любителей российской словесности», «Общество для распространения ланкастерских училищ» (для взаимного обучения) и др.

Практическую деятельность «Союза благоденствия» в целом можно охарактеризовать как просветительскую. Благодаря ей декабристы контактировали с прогрессивными научными и литературными кругами России. Кроме того, члены общества помогали голодающим крестьянам, пытались в некоторых городах склонить дворян к отмене крепостного права, обращались к центральной власти (в качестве примера нужно упомянуть записки и проекты Н. И. Тургенева по крестьянскому вопросу, поданные правительству). В великосветских салонах велась пропаганда против крепостного права, военных поселений, жестокого обращения с солдатами.

Осуществление деятельности на легальной основе позволяло привлечь в организацию больше сторонников. К легальности располагали и конституционные обещания Александра I. Участники «Союза благоденствия» надеялись, что на фоне правительственной программы преобразований им удастся подать петицию о введении конституции. Большинство из них верило в возможность уничтожения крепостного права самой самодержавной властью.

Вторая часть «Зеленой книги» не сохранилась, она уничтожена членами общества во время его роспуска в 1821 г. Эта часть не являлась официально принятым программным документом «Союза благоденствия» и была известна только руководителям общества. В ней провозглашались ограничение самодержавия через приня-

тие конституции, введение гражданских свобод, отмена крепостного права, ликвидация военных поселений и рекрутской повинности. Программные установки «Союза благоденствия» отличало единство социально-политических требований.

По мысли его идейных лидеров, именно освобождение крестьян должно было подготовить страну к введению конституции. В результате социальная цель в союзе стала даже более важной, чем политическая. У его участников появилось осознание того, что конституционная монархия, прежде всего, результат глубоких социальных изменений.

Лидеры «Союза благоденствия» представляли свою организацию не как тайное общество, готовившее насильственный захват государственной власти в целях проведения преобразований, а как «государство в государстве», как организацию, проникшую во все слои общества, незаметно навязывавшую правительству проведение преобразований, создававшую общественное мнение. Уничтожение крепостной зависимости крестьян должно было консолидировать российское общество, сблизить народ и дворянство, что позволило бы подготовить введение политических свобод. Декабристы рассчитывали, что социальное и духовное обновление народа в ходе реформ в судопроизводстве и законодательстве, отмена крепостного права, просвещение крестьян займут около 20 лет. Таким образом, в рамках «Союза благоденствия» удалось преодолеть тактику узкого дворянского заговора, на которую ориентировался «Союз спасения».

Однако среди учредителей «Союза благоденствия» постепенно нарастали разногласия. В обществе фактически выделились два направления – умеренно-либеральное и радикальное. Первое выступало за ликвидацию крепостного права, конституционную монархию, просвещение народа. В рамках радикального направления к началу 1820 г. усилились республиканские настроения. В январе на квартире Ф. Н. Глинки в Санкт-Петербурге состоялось совещание Коренной управы, в котором приняли участие 14 ее членов, среди них Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, М. С. Лунин, П. И. Пестель. Последний настоял на гласном обсуждении вопросов о будущем устройстве государства и судьбе царствующего монарха. Он сделал доклад о формах государственного правления, в котором доказывал преимущество республики перед конституционной монархией. На этом совещании П. И. Пестель впервые предложил установить республику после победы организованного революционного пере-

ворота, а также принять цареубийство как элемент революционной тактики. Многие приняли идею республики, но голосовать за цареубийство отказались. Сторонники республики предлагали организовать заговор с опорой на армию. Обсуждение, когда и как производить переворот, выявило большие разногласия между умеренными и радикально настроенными лидерами.

Таким образом, тактика декабристов постепенно эволюционировала. Им удалось отказаться от идеи организации дворянского заговора и выдвинуть идею военной революции. На совещании П. И. Пестелю и Н. М. Муравьеву было поручено приступить к разработке программных документов тайного общества. Однако попытка П. И. Пестеля навязать «Союзу благоденствия» радикальную программу, добиться его превращения в серьезную конспиративную организацию провалилась. Многие декабристы и после петербургского совещания выступали за конституционную монархию.

Вместе с тем радикальные настроения в союзе продолжали усиливаться. Этому способствовало революционное и национально-освободительное движение в 1820–1821 гг. в странах Южной Европы: Португалии, Неаполе, Пьемонте, Испании, Греции. Декабристам, в частности, было известно, что в Испании главной силой переворота являлась армия. В России в это время усилился реакционный правительственный курс. Александр I окончательно отказался от проведения реформ. В связи с солдатскими волнениями в Семеновском полку в 1820 г. многим декабристам показалось, что армия готова к выступлению. Среди них распространилась уверенность в необходимости уничтожения института крепостного права и самодержавия насильственным путем, которое возможно только силами тайной организации, способной осуществить переворот.

В январе 1821 г. в Москве состоялся съезд Коренной управы, который продолжался три недели. Важным моментом съезда стал призыв М. Ф. Орлова о необходимости организации вооруженного выступления. По его инициативе уже велась антиправительственная пропаганда в частях 2-й армии, в том числе и в ланкастерских училищах. В ходе вооруженного выступления М. Ф. Орлов рассчитывал опереться не только на солдат, но и на военных поселян, а также установить связь с греческими повстанцами. Большинство руководителей региональных управ отклонило это предложение, считая недопустимым привлекать к выступлению широкие слои населения ввиду опасности народного бунта.

В результате обозначившихся разногласий на съезде было принято решение о формальном роспуске «Союза благоденствия». Этот шаг, во-первых, должен был сбить с толку полицию, которая знала о существовании тайного общества благодаря доносу М. К. Грибовского, члена Коренного совета. Он оказался тайным агентом, взявшим на себя организацию тайной военной полиции. Во-вторых, ликвидация «Союза благоденствия» имела целью отсеять всех лишних, т. е. колеблющихся, сомневающихся, членов. Кроме того, участники общества таким способом планировали избавиться от своих наиболее радикально настроенных товарищей, например П. И. Пестеля. Одновременно Московский съезд принял решение создать новую, строго конспиративную организацию.

В конечном итоге кризис «Союза благоденствия» был вызван разочарованием в легальных возможностях социально-политических преобразований, а также программно-тактическими разногласиями среди его членов. В целом деятельность «Союза благоденствия» для декабристского движения имела большое значение. В рамках этой организации удалось преодолеть узкую заговорщицкую тактику, углубить разработку программы социально-политических преобразований. Декабристами была осознана зависимость политических проблем от социальных.

ЮЖНОЕ И СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВА ДЕКАБРИСТОВ

1821–1823 гг. – время становления, численного роста и организационного оформления новых декабристских организаций – Южного и Северного обществ. Как тайные организации они представляли одну из форм перехода от просветительской деятельности к организованной политической борьбе, предшествуя появлению политических партий. Конспирация служила в большей степени средством защиты от внешней угрозы. После 1821 г. в Российской империи ужесточились полицейский надзор и цензура. В условиях усиления внутренней реакции вести пропаганду становилось все труднее.

В 1821–1823 гг. в гвардейских и армейских частях была создана разветвленная сеть тайной полиции. 1 августа 1822 г. был введен запрет всех тайных обществ и масонских лож. Декабристы были вынуждены перейти к более строгой конспирации, разработать тактические планы, рассчитанные не на длительную пропа-

ганду, а на более действенные и быстрые меры. Оба общества осознали необходимость проведения социально-политических преобразований революционным путем. Была высказана идея организации «военной революции» – военного восстания без привлечения широких слоев населения. Декабристы учитывали опыт двух революций: Великой Французской и Испанской. Первая охватила широкие народные массы, унесла огромное количество человеческих жизней, породила якобинский террор, переродилась в диктаторский режим Наполеона. Декабристы были убеждены, что любая революция с опорой на народ рано или поздно приводит к установлению диктатуры. Испанская революция, напротив, проводилась военными – членами тайных обществ – организованно и бескровно.

Южное общество возникло на территории Украины в 1821 г. на базе Тульчинской управы «Союза благоденствия». В марте в Тульчине состоялся съезд находившихся там его членов. В ходе дискуссии решения московского съезда о ликвидации «Союза благоденствия» были признаны незаконными. Депутаты постановили «общество продолжать».

Руководящим органом Южного общества стала Директория. Первоначально она состояла из двух человек (директоров) – полковника, командира Вятского пехотного полка П. И. Пестеля и генерал-интенданта 2-й армии А. П. Юшневского. Позднее в Директорию включили представителя Северного общества Н. М. Муравьева для осуществления связи между тайными организациями. В Южном обществе существовала иерархия членов: братья – мужи – бояре. Вопросами принятия членов в бояре, осуществлением связи между членами общества и управами, назначением председателей управ ведали директора.

К 1823 г. в Южном обществе сложились три управы. Тульчинской руководил П. И. Пестель. Васильковскую управу возглавили С. И. Муравьев-Апостол, командир 2-го батальона Черниговского полка, штаб которого размещался в Василькове, и М. П. Бестужев-Рюмин, прапорщик Полтавского полка. Председателями Каменской управы стали отставной подполковник В. Л. Давыдов (в д. Каменка находилось его имение) и генерал-майор С. Г. Волконский. Южное общество превратилось в строго дисциплинированную тайную организацию. В декабристском движении оно стало самым многочисленным и радикально настроенным.

Ежегодно в первых числах января начиная с 1822 г. в Киеве проходили съезды Южного общества для обсуждения организаци-

онных, тактических и программных вопросов. Самым важным в его деятельности оказался второй съезд, состоявшийся в 1823 г. Он должен был обеспечить единство главных участников заговора. На съезде присутствовали П. И. Пестель, А. П. Юшневский, С. Г. Волконский, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, В. Л. Давыдов.

Участники съезда обсуждали вопросы, касающиеся введения в России республиканского правления, формы будущих демократических выборов, передела земельной собственности, религиозного устройства будущего государства, а также цареубийства и революционной тактики. П. И. Пестель предложил проект, условно делившийся на две части: заговор и революцию. Целью заговора являлось цареубийство, которое должны были осуществить люди, формально не принадлежащие тайному обществу, так называемый «обреченный отряд». Предполагалось уничтожить всю императорскую фамилию, чтобы родственники убитого монарха не смогли предъявить претензии на власть. Революция подразумевала вооруженное выступление армии после цареубийства. На следствии П. И. Пестель показал: «Наше дело в армии и в губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу». Декабрист имел в виду организацию революционного похода 2-й армии на столицу.

Военную революцию П. И. Пестель планировал осуществить в 1823 г. Он и другие члены общества вели активную подготовку во 2-й армии, расположившейся на квартирах на огромном пространстве Киевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерний и Бессарабии. Поскольку основные события должны были осуществиться в Петербурге, то для переговоров с Северным обществом с целью получить его поддержку в феврале 1823 г. в столицу отправились С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов, А. П. Барятинский. Однако члены Северного общества отказались от быстрых решительных действий, испугавшись активности южан.

Северное общество оформилось в Санкт-Петербурге в 1822 г. У его истоков стояла небольшая группа бывших членов «Союза благоденствия» во главе с Н. М. Муравьевым. Согласно Уставу, принятому в 1823 г., конечной целью Северного общества являлась республика. Возглавляла организацию Верховная дума, первоначально состоявшая из капитана Гвардейского генерального штаба Н. М. Муравьева, князя, полковника С. П. Трубецкого и князя, поручика лейб-гвардии Финляндского полка Е. П. Оболенского. Осенью 1823 г. по рекомендации И. И. Пущина в общество был принят

К. Ф. Рылеев – поэт, автор вольнолюбивых и патриотических произведений. Его сразу ввели в высший разряд «убежденных». Вскоре именно К. Ф. Рылеев занял ведущее положение в Северном обществе. Изменился и состав Верховной думы. В конце 1824 г. места С. П. Трубецкого и Е. П. Оболенского заняли К. Ф. Рылеев и штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка А. А. Бестужев.

Северное общество состояло из нескольких управ в гвардейских полках столицы. Существовала также управа в Москве, в которой видную роль играл И. И. Пущин, судья Московского надворного суда, друг А. С. Пушкина. В идеологическом плане в тайном обществе выделились два крыла. Умеренное поддерживало программный документ Северного общества – «Конституцию» Н. М. Муравьева. Радикальное крыло склонялось к программе Южного общества – «Русской Правде». Радикальные взгляды исповедовали К. Ф. Рылеев, братья А. А. и М. А. Бестужевы, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский. В 1824–1825 гг. К. Ф. Рылеев принял в общество группу молодых офицеров армии и флота, которые впоследствии сыграли решающую роль в восстании декабристов.

Участники Северного и Южного обществ считали себя членами одной тайной организации, поддерживали друг с другом тесные контакты. Южное общество, представленное радикально настроенным П. И. Пестелем, а также высланными на юг страны бывшими офицерами Семеновского полка, стояло на более революционных, радикальных позициях. Члены Северного общества придерживались более умеренных, конституционных взглядов. Это нашло отражение в программных документах обоих обществ.

Над «Русской Правдой» П. И. Пестель работал с 1820 г. До нас дошли две редакции документа. Первая была готова в 1822 г., а в 1823 г. принята членами Южного общества в качестве программного документа. Вторая редакция появилась в результате авторских доработок текста в 1824–1825 гг. после того, как «Русскую Правду» обсудили члены Северного общества. Самыми важными для будущего России являлись вопросы о государственном устройстве страны и аграрный.

«Русская Правда» предусматривала установление республиканской формы правления. Российская республика виделась П. И. Пестелю как строго централизованное государство со столицей в Нижнем Новгороде. Административное устройство предполагало деление территории на области, уезды и волости. Право на национальное самоопределение получала только Польша.

Согласно точке зрения автора «Русской Правды» в России должно было появиться разделение властей на законодательную, исполнительную и блюстительную (судебную).

Законодательная власть передавалась Народному вече, формировавшемуся на основе всеобщего и равного избирательного права сроком на пять лет. Планировалась ежегодная ротация 1/5 членов. Народное вече обладало функциями заключения мира, объявления войны, принятия законов. Вместе с тем законы, касающиеся конституционных основ жизни страны, выносились на референдум. Народное вече не могло быть распущено.

Исполнительную власть олицетворяла Державная дума, состоявшая из пяти человек. Кандидаты в члены думы вначале избирались народом, а затем из имеющихся претендентов Народное вече выбирало наиболее достойных. Каждый год состав думы обновлялся на одного человека. Председателем Державной думы и одновременно президентом государства являлся тот член, который занимал должность последний год. Державная дума должна была руководить министерствами и ведомствами.

Блюстительная функция возлагалась на Верховный собор. Она заключалась в наблюдении за соответствием конституции законам, принимаемым Народным вече. Верховный собор должен был состоять из 120 бояр, избираемых народом и утверждаемых Народным вече пожизненно. Член Собора направлялся в каждое министерство (генерал-прокурор), каждую территориальную область (генерал-губернатор) в целях наблюдения за соответствием выносимых распоряжений общим законам. Распорядительная власть на местах передавалась окружным, уездным и волостным наместным собраниям, исполнительная – окружным, уездным и волостным правлениям. Местные органы власти избирались сроком на один год.

«Русская Правда» провозглашала отмену крепостного права и наделение крестьян землей: «Успехи общего просвещения, повсюду более и более распространяющиеся... дух времени, стремящийся к свободе, на законах основанной, – все сие заставляет желать, чтобы рабство было совершенно в России уничтожено». В своей аграрной программе П. И. Пестель, во-первых, стремился подорвать основы крупного землевладения в России, во-вторых, совместить принципы частной собственности на землю и общественного владения ею.

Из земель казны, монастырей, конфискованных помещичьих владений и крестьянских наделов намеревалось создать общественный земельный фонд. Он делился на две части: общественную,

которой распоряжалось волостное общество, и частную. Из общественной части каждый член волости получал в пользование участок. Размер семейного земельного надела зависел от количества домочадцев. Тем самым П. И. Пестель предлагал установить землепользование на основе трудовой нормы.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости в условиях гарантированного землепользования должно было предотвратить появление в России безземельной и бездомной бедноты. При желании семья могла дополнительно купить участок земли из частного фонда. Этот «резерв частных земель» должен был помочь решить проблему нехватки земли в будущем, неизбежную в условиях роста народонаселения.

В целом общественный земельный фонд в проекте П. И. Пестеля представлял собой гарантию благосостояния всех граждан. Сохраняли землю в частной собственности и помещики. У тех из них, которые владели имениями более 10 тыс. десятин, безвозмездно изымалась половина земли, поступавшая в общественный земельный фонд. У помещиков с размером земельных площадей от 5 тыс. до 10 тыс. десятин конфисковывалась половина за частичную компенсацию. У владевших менее 5 тыс. десятин изымалось 50 % земли с выплатой ее стоимости.

«Русская Правда» предусматривала ликвидацию сословных, имущественных, образовательных ограничений. Мужчины, достигшие 20-летнего возраста, получали гражданские и политические права. Провозглашалось равенство всех граждан перед законом: «Довольно долго существовала возможность для некоторых угнетать всех прочих; пора теперь положить решительный конец сему гнусному и неистовому распорядку вещей». В России устанавливались свобода слова, печати, вероисповедания, собраний, занятий, передвижения, неприкосновенность личности и жилища. Планировалось введение суда присяжных. Рекрутская повинность заменялась всеобщей воинской повинностью с 15-летним сроком службы. Ликвидировались военные поселения. Вместе с тем П. И. Пестель предполагал и некоторое ограничение граждан в правах. Запрещалась деятельность обществ, тайных и открытых. Устанавливалась цензура нравов.

«Русскую Правду», по мнению ее автора, следовало рассматривать не в качестве конституции, а в качестве наказа как для народа, так и для временного революционного правительства. После переворота власть получало диктаторское Временное верховное правление сроком на 10 лет. За этот переходный период планировалось приня-

тие конституции, создание конституционных органов, отмена крепостного права, подавление контрреволюционных выступлений и подготовка условий для передачи власти гражданским лицам. Декабристы собирались пригласить во Временное верховное правление таких известных государственных деятелей, как Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, А. П. Ермолов, П. Д. Киселев, Н. Н. Раевский, Г. С. Батенков.

«Русская Правда» – один из наиболее прогрессивных политических проектов своего времени. Но присущий ему радикализм не соответствовал уровню социально-экономического развития Российской империи начала XIX в. Видимо, автор понимал неготовность России к реализации намеченного плана преобразований, поэтому и считал необходимым 10 лет сохранять чрезвычайное правление.

Программные установки Северного общества излагались в проекте Н. М. Муравьева, получившем название «Конституция». Сохранились три ее редакции. Первая отражает работу автора, начатую, по его собственному свидетельству, в конце 1821 г. и продолжившуюся до конца 1822 г. Во второй редакции, появление которой следует приурочить к осени 1824 г., текст дополнен и усовершенствован под влиянием собственных размышлений автора и обсуждения первоначального варианта среди членов Северного и Южного обществ. В дальнейшем Н. М. Муравьев продолжил переработку документа, представив новый вариант на обсуждение тайного общества осенью 1825 г.

Следует отметить, что ни один из вариантов «Конституции» не был принят в качестве официальной программы Северного общества. Каждый из них отражал взгляды части членов общества. Оригинал конституционного проекта был уничтожен накануне ареста Н. М. Муравьева, который, находясь под следствием, восстановил текст по памяти (третья редакция известна под названием «тюремной»).

Согласно «Конституции» по форме государственного устройства Россия должна была превратиться в ограниченную монархию. Должность императора являлась наследственной. Гарантией от произвола абсолютистской власти выступал декларированный в документе принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В отличие от проекта П. И. Пестеля Н. М. Муравьев предлагал федеративный принцип устройства будущего государства, считая его еще одним противовесом усилению центральной власти, возможному формированию деспотии. Одна-

ко это различие покажется не таким глубоким, если учесть, что территориальное выделение субъектов федерации проведено автором без учета национального своеобразия земель страны. Кроме того, полномочия местных органов власти ограничивались всего лишь сферами народного образования и дорожного строительства. В Российскую Федерацию со столицей в Нижнем Новгороде включалось 14 держав и две области (в более поздней редакции – 13 держав и три области), разбивавшиеся, в свою очередь, на уезды и волости. Государственную самостоятельность получала только Польша.

Высшим законодательным органом в стране должно было стать двухпалатное Народное вече. Палата народных представителей (нижняя) состояла из 450 членов (по одному депутату от 50 тыс. жителей мужского пола). Верховную думу (верхнюю палату) образовывали выборные представители от держав и областей – всего 42 человека. Депутаты в обе палаты избирались на шесть лет, каждые два года 1/3 их переизбиралась. Основной функцией Народного веча являлось рассмотрение законопроектов, направлявшихся затем к императору для окончательного утверждения. В случае отклонения монархом законопроекта он мог обрести силу закона, если при вторичном рассмотрении получал одобрение 2/3 состава Народного веча. Законодательная власть в державе принадлежала двухпалатному законодательному собранию – Державному вече. В Палату выборных избирался один депутат от 1 тыс. жителей мужского пола. Количество депутатов верхней палаты – Державной думы – не должно было превышать трети численности нижней палаты. Державное вече избиралось сроком на четыре года, ежегодно осуществлялась ротация 1/4 членов.

Избирательное право, согласно проекту Н. М. Муравьева, получали граждане мужского пола по достижении возраста 21 года, имеющие постоянное место жительства, не состоящие «в услужении», исправно платящие налоги. В отличие от проекта П. И. Пестеля «Конституция» ограничивала избирательное право имущественным цензом. Владение недвижимым имуществом на сумму 500 руб. либо движимым в размере 1 тыс. руб. давало возможность избирать депутатов в представительные органы власти. Гражданин сам мог быть избран в Палату выборных, если обладал недвижимым имуществом на сумму не менее 2 тыс. руб. либо движимым в размере не менее 4 тыс. руб., в Державную думу – соответственно 15 тыс. руб. и 30 тыс. руб., в правители державы и Верховную думу – 30 тыс. руб. и 60 тыс. руб. Во второй редакции «Конституту-

ции» для избиравшихся в нижние палаты Державного вече и Народного вече требование имущественного ценза снималось. Для желавших быть избранными в верхние палаты устанавливался имущественный ценз в 30 тыс. руб. недвижимого или 60 тыс. руб. движимого имущества.

Исполнительную ветвь власти, согласно «Конституции», должен возглавлять император. Он получал право законодательной инициативы, назначал с согласия Верховной думы послов и консулов, министров, судей верховных судебных мест. Император также командовал армией и флотом. Исполнительную власть в державе представляли державный правитель и его наместник, которых назначало Державное вече. Распорядительные и исполнительные функции в уезде выполнял выборный тысяцкий.

Высшим судебным органом в России, по замыслу автора, становилось Верховное судилище. В державах открывалось державное, в уездах – уездное судилище. Низшей судебной инстанцией являлся волостной «совестный суд». Вводился гласный состязательный судебный процесс с присяжными заседателями, правом подсудимого на защиту.

В «Конституции» декларировались отмена сословий, равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности и имущества. Предусматривалось введение свободы слова, печати, собраний, выбора занятий, объединений. Рекрутская повинность отменялась, военные поселения ликвидировались. В России предполагалось сформировать армию смешанного типа, состоящую из постоянного войска и милиционного, созываемого в военное время.

В своем проекте Н. М. Муравьев провозгласил, что «крепостное состояние и рабство отменяются». Автор предложил сохранить помещичье и монастырское землевладение. В первом варианте «Конституции» он планировал освободить крепостных без земли, причем в случае ухода от помещика крестьянин должен был выплатить ему компенсацию. Идея безземельного освобождения вызвала неодобрение у многих членов Северного общества. Во второй редакции автор убрал требование вознаграждения помещику. Крестьянин получал в собственность усадьбу. В третьей редакции было записано, что кроме усадьбы крестьянин наделялся двумя десятинами пахотной земли.

Однако даже последний вариант освобождения содержал неминуемую земельную зависимость крестьян от помещиков. Для обеспечения за счет земледелия потребностей крестьянской семьи в России в начале XIX в. требовалось 6–8 десятин на душу мужского

пола. Таким образом, крестьяне вынуждены были бы арендовать землю у помещиков. Удельные и государственные крестьяне оказывались, согласно проекту Н. М. Муравьева, в лучшем положении. Они получали все земли, которыми владели прежде. Первоначально всем категориям крестьян земля предоставлялась в общинную собственность. В будущем земля должна была стать частной собственностью их владельцев.

Н. М. Муравьев считал, что после революционного переворота в России необходимо было созвать Учредительное собрание, которое и реализовало бы «Конституцию» на практике. Благодаря своей умеренности конституционный проект Н. М. Муравьева в большей степени соответствовал условиям социально-экономического и политического развития Российской империи, чем «Русская Правда». Так, несмотря на приверженность идее республики, Н. М. Муравьев склонился к введению в стране конституционной монархии, учитывая царистские иллюзии народа. Введение имущественного ценза для занятия государственных должностей, по его мнению, способствовало привлечению к управлению Россией в сложный, переходный период самостоятельных, активных слоев населения. В целом «Конституция» Н. М. Муравьева являлась прогрессивным проектом, который, будучи внедрен в жизнь, уничтожил бы ряд феодальных пережитков и ускорил темпы социально-экономического развития страны.

Оба конституционных проекта декабристов не были завершены. В их основу легли принципы «естественного права», выработанные французскими и английскими просветителями. Под «естественным правом» в то время понимались неприкосновенность личности, равенство граждан перед законом, уничтожение сословных различий, свобода слова и совести. Политическая система российского государства в представлении авторов проектов должна была зиждиться на буржуазных принципах представительного правления и разделения властей. В ходе написания своих работ П. И. Пестель и Н. М. Муравьев использовали конституционный опыт европейских государств и США. Несмотря на противоречивость и утопичность отдельных положений, «Русская Правда» и «Конституция» являются выдающимися памятниками политической мысли декабристов.

В 1824–1825 гг. деятельность Южного и Северного обществ активизировалась, возросла их численность. В марте 1824 г. П. И. Пестель оказался в Петербурге для встречи с руководителями Северного общества. Он хотел обсудить перспективу слияния двух организа-

ций, причем на идейной платформе «Русской Правды», первую редакцию которой взял с собой. Более десяти встреч и заседаний вошли в историю декабристского движения под названием петербургских совещаний.

В ходе переговоров объединение обществ не состоялось. Значительная часть северян согласилась с выбором республиканской формы правления. Однако многих, в том числе руководство, не устраивала перспектива установления в России, согласно «Русской Правде», временного диктаторского правления. Они отстаивали идею созыва Учредительного собрания. Так, против введения конституции без Учредительного собрания, путем диктатуры, решительно протестовали К. Ф. Рылеев и близкие ему декабристы. Кроме того, возражение вызвало решение аграрного вопроса, предложенное П. И. Пестелем. С. П. Трубецкой не без оснований считал, что главным препятствием к слиянию обществ был разный характер конституционных проектов. К тому же многие члены Северного общества на личностном уровне опасались диктаторских замашек П. И. Пестеля.

В результате участники переговоров решили создать объединенными усилиями третий проект конституции, который, по словам К. Ф. Рылеева, должен будет представлять нечто общее между «Русской Правдой» П. И. Пестеля и «Конституцией» Н. М. Муравьева. Выбор формы правления предлагалось передать воле народа – через созыв Учредительного собрания. Важным итогом петербургских совещаний стала достигнутая договоренность о совместном выступлении обществ летом 1826 г.

Спустя год после петербургских совещаний Южное общество начало подготовку к вооруженному выступлению. Однако среди руководителей южан выявились разногласия тактического характера. П. И. Пестель настаивал на тщательной подготовке революции, которая должна была состояться в Петербурге и начаться с уничтожения царской семьи. Во время революционных событий в столице П. И. Пестель рассчитывал опереться на созданный весной 1824 г. северный филиал Южного общества, костяк которого составили кавалергарды. С. И. Муравьев-Апостол являлся сторонником немедленной революции – и не в столице, а на юге страны. Во время царского смотра войск он предлагал арестовать Александра I и двигаться с войсками в направлении Киева и Москвы.

В 1825 г. переговоры Южного общества о совместных действиях с нелегальным Польским патриотическим обществом, проходившие с января 1823 г., закончились заключением формального

соглашения. В сентябре 1825 г. к южанам присоединилось Общество соединенных славян. Оно возникло на основе небольшого просветительского кружка «Общество первого согласия», основанного в 1818 г. в Полтавской губернии подпоручиками артиллерии братьями А. И. и П. И. Борисовыми. В 1823 г. в Новоград-Волынске, где стояла их часть, они встретились с политическим ссыльным Ю. К. Люблинским, обладавшим большим опытом конспирации. После знакомства были определены организационные принципы нового тайного общества, получившего свое оригинальное название. Его программными документами можно считать «Клятвенное обещание» и «Правила».

Общество соединенных славян отличалось от Северного и Южного в организационных, тактических и программных вопросах. По своему внутреннему устройству оно являлось тайной организацией, которая постепенно должна была распространиться на весь народ. В течение нескольких десятилетий члены общества планировали просвещать и нравственно воспитывать население. Только после этого считалось возможным осуществление «народной революции», в ходе которой самодержавие будет ликвидировано «без крови». Члены Общества соединенных славян не принимали идею «военной революции», думая, что политический переворот без участия народа приведет к установлению диктатуры. После «народной революции» планировалось создание федеративной республики, в которую вошли бы все славянские народы Восточной Европы (всего 10 славянских государств). Крепостное право упразднялось, предполагалось провести другие реформы.

В условиях российской реальности Общество соединенных славян приняло программу Южного общества и соединилось с ним в виде отдельной Славянской управы, сохранив многие особенности своей прежней организации. Славянская управа насчитывала 52 человека, выходцев из мелко- и беспоместного дворянства, занимавших низшие офицерские должности. Члены управы развернули широкую агитацию среди солдат в целях их подготовки к военному выступлению.

Непосредственная работа по организации революционного выступления началась в Южном обществе летом 1825 г. под руководством П. И. Пестеля. Был определен маршрут продвижения 2-й армии на Петербург (по дороге через г. Каменец-Подольский), реализована схема обеспечения войск продовольствием по пути следования. Заговорщики планировали арестовать находящихся в Тульчине главнокомандующего и начальника штаба 2-й армии и от их имени издать

приказ о движении на Петербург. После получения известия о смерти Александра I 19 ноября 1825 г. в Таганроге П. И. Пестель наметил начало выступления на 1 января 1826 г.

Однако осенью 1825 г. императору, уже имевшему благодаря доносчикам и шпионам информацию о деятельности тайных декабристских организаций, поступили очередные доносы, в которых указывались фамилии некоторых заговорщиков. 10 ноября 1825 г. Александр I, будучи тяжело больным, приказал арестовать нескольких известных властям заговорщиков на юге страны. 1 декабря, уже после смерти императора, в Таганрог пришел донос члена Южного общества А. И. Майбороды, в котором перечислялись имена 46 декабристов Северного и Южного обществ, в том числе почти всех руководителей последнего. 5 декабря 1825 г. во 2-ю армию с приказом начальника Главного штаба И. И. Дибича произвести аресты выехал генерал-лейтенант А. И. Чернышев. 13 декабря взяли под стражу П. И. Пестеля. Сведения о подготовке январского выступления, распространившиеся во 2-й армии, и арест части южан лишали легитимности приказы оставшихся на свободе заговорщиков. Важнейший для восстания фактор внезапности не был использован. Кроме того, не были завершены необходимые приготовления для выступления на Петербург. В результате последующих событий организацию восстания взяло на себя Северное общество декабристов.

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

У исследователей не вызывает сомнений историческая закономерность движения декабристов. Однако в декабристоведении существует точка зрения, согласно которой восстание 14 декабря 1825 г. принадлежит, скорее, к числу исторических случайностей. Сторонники этой версии считают, что выступление могло не состояться, если бы не два обстоятельства. Первое из них – внезапная и скорая смерть Александра I вдали от столицы, которая оттянула время ареста мятежников. Вторым фактором, способствовавшим восстанию, явилась ситуация междуцарствия – династический кризис в Российской империи 19 ноября – 14 декабря 1825 г. Законным наследником Александра I, не имевшего сыновей, являлся следующий по старшинству брат, цесаревич Константин Павлович. Последний неоднократно сообщал брату о своем нежелании царствовать. В 1823 г. был составлен манифест, в котором Алек-

сандр I провозглашал наследником другого брата – великого князя Николая Павловича.

Однако манифест не обнародовали, поэтому он не получил юридической силы. О существовании документа знало только несколько человек. Получив известие о болезни Александра I, вдовствующая императрица Мария Федоровна рассказала Николаю о манифесте. Но против династических претензий Николая выступил ряд высших государственных деятелей, в том числе опиравшиеся на реальную военную силу генерал-губернатор Петербурга М. А. Милорадович, командующий гвардейским корпусом А. Л. Воинов и командующий гвардейской пехотой К. И. Бистром.

Здесь следует заметить, что великий князь Николай Павлович был непопулярен в гвардии. Боевых заслуженных офицеров раздражало его пристрастие к военной муштре, грубость в отношениях с подчиненными. У современников неприятие вызывали педантизм великого князя, злопамятность, мстительность, скупость, жестокость.

Под давлением гвардейских генералов Николай Павлович, получив 27 ноября известие о смерти брата, в этот же день присягнул Константину Павловичу. То же сделали войска и члены Государственного совета. В это время сам Константин Павлович в качестве командующего польской армией находился в Варшаве. Он не передал в Петербург официального отречения, но в личной переписке с Николаем по-прежнему отказывался от престола. В столице стали распространяться слухи об отречении Константина, о завещании покойного императора.

Члены Северного общества благодаря своим связям в придворных кругах были осведомлены о многих из этих событий. Они сочли ситуацию междуцарствия благоприятным моментом для вооруженного выступления. С 27 ноября на квартире К. Ф. Рылеева проходили ежедневные совещания. Северяне осознавали свою неподготовленность к выступлению. Необходимых практических приготовлений до этого времени не велось. Для того чтобы поднять находившиеся в столице гвардейские части, необходимо было вести агитацию. Однако времени на это не осталось. Кроме того, декабристы не рассчитывали найти в солдатской среде отклик на конституционные лозунги, в этом плане они ориентировались на молодых офицеров. Важным фактором победы являлась способность командиров во время восстания повести за собой солдат. Вместе с тем заговорщики не имели опоры в старших чинах гвардии. Члены общества, молодые люди, занимали должности не выше командира роты.

Несмотря на явную нехватку сил и возможностей, декабристы решили готовиться к восстанию, ведь таких благоприятных внешних обстоятельств больше могло и не сложиться. Присутствующие на совещании 27 ноября разработали и второй вариант действий на случай, если трон все-таки займет популярный в гвардии Константин: законсервировать тайное общество и в ближайшие годы попытаться занять важные посты в гвардейских полках и органах государственного управления. В тот момент они еще не знали, что заговор раскрыт и готовятся аресты членов Южного общества.

После 6 декабря 1825 г. совещания стали регулярными и целенаправленными. Отсутствие Константина в столице давало основания надеяться на реальность восстания. Его военным руководителем («диктатором») избрали С. П. Трубецкого, начальником штаба – Е. П. Оболенского. Возник и предварительный план восстания. Верные обществу офицеры должны были убедить своих солдат отказаться от присяги Николаю Павловичу и вывести полки на Сенатскую площадь. Однако руководителям выступления не было известно, на какое количество сил можно рассчитывать. Кроме того, они не обладали важной информацией о дате повторной присяги и времени, ведь агитацию в солдатской массе имело смысл начинать только после ее объявления.

12 декабря 1825 г. Николай Павлович получил из Таганрога донесение о существовавшем заговоре и тотчас принял решение объявить себя императором. Присягу он назначил на 14 декабря. Декабристам день и время присяги Сената (7 часов утра) стал известен 13 декабря. Руководители восстания утвердили окончательный план действий. Согласно ему утром 14 декабря моряки Гвардейского экипажа и измайловцы под руководством А. И. Якубовича должны были овладеть Зимним дворцом и арестовать царскую семью, Финляндский и Гренадерский полки под командованием А. М. Булатова – захватить Петропавловскую крепость. Одновременно планировалось занятие Сенатской площади силами Московского полка и других возмутившихся частей. Сюда же предполагалось постепенно подтянуть остальные полки и вынудить сенаторов издать манифест к русскому народу. В манифесте провозглашалось уничтожение самодержавия, крепостного права, военных поселений, рекрутской повинности, отмена подушной подати, сложение недоимок, декларировались гражданские свободы, сокращение срока солдатской службы.

Декабристы рассчитывали передать власть Временному революционному правительству, а спустя несколько месяцев созвать Вели-

кий собор (Учредительное собрание) для определения политического устройства страны и принятия конституции. В ходе вооруженного выступления заговорщики надеялись на поддержку пяти гвардейских полков и морского экипажа – общей численностью до 6 тыс. человек. Отказаться от задуманного они не могли, так как Николай Павлович благодаря доносу члена Северного общества Я. И. Ростовцева уже знал о восстании, приуроченном к повторной присяге.

В исторической науке нет единства в оценке возможностей военной победы декабристов в день восстания. Одни исследователи утверждают, что выступление было обречено на поражение, контрреволюция все равно взяла бы верх. Другие авторы склонны считать победу восстания вполне реальной. В этом случае правомерно задаться вопросом, имели ли декабристы возможность провести намеченные преобразования. Некоторые историки отвечают на данный вопрос утвердительно, что они имели такую возможность с помощью давления на захваченный государственный аппарат.

Вместе с тем революционное выступление декабристов отличалось от дворцовых переворотов недавнего прошлого, в ходе которых государственный строй не менялся. Эта особенность дает право на существование точки зрения, согласно которой восставшие не сумели бы удержать власть. Тем не менее в авторитарно-деспотических режимах захват высших органов государственной власти практически равносилен овладению всем государственным аппаратом. Подобный тезис высказал еще А. И. Герцен в XIX в. В то же время преобразования, планировавшиеся декабристами, по своему характеру являлись буржуазными. В России на тот момент еще не вызрели предпосылки капиталистического развития. Однако если бы реализовалась даже незначительная часть преобразовательных начинаний, в развитии страны произошел бы большой сдвиг.

С раннего утра офицеры – члены Северного общества – находились в своих частях и агитировали солдат против присяги Николаю, утверждая, что император Константин не отказывался от престола и обещал сократить срок службы до 15 лет. Солдаты охотно слушали своих командиров. Первой выступила, отказавшись приносить присягу, часть Московского полка в количестве 671 человека. Под командованием А. А. и М. А. Бестужевых и Д. А. Щепина-Ростовского около 11 часов солдаты прибыли на Сенатскую площадь и выстроились в боевое каре между Сенатом и памятником Петру I.

В остальных полках, на которые рассчитывали восставшие, события проходили не столь успешно. А. И. Якубович отказался от ру-

ководства захватом Зимнего дворца. Попытка возмутить солдат Измайловского полка, который должен был принять участие во взятии дворца, сорвалась. К 10 часам утра измайловцы присягнули Николаю. Напротив, Гвардейский морской экипаж под воздействием агитации от присяги отклонился. Под руководством Н. А. Бестужева и А. П. Арбузова в количестве 1100 человек экипаж прибыл на Сенатскую площадь около половины второго дня, заняв место между каре и строящимся Исаакиевским собором.

Утром того же дня А. М. Булатов отказался принять под свое командование лейб-гренадеров. Так оказался сорванным план захвата Петропавловской крепости. В 10 часов гренадерский полк был приведен к присяге. Его офицеры, не имея связи с соратниками, полагали, что восстание не состоялось. После появления известий о выступлении Московского полка офицеры А. Н. Сутгоф и Н. А. Панов стали убеждать солдат присоединиться к восставшим. В результате полк в количестве 1250 человек около трех часов дня прибыл на Сенатскую площадь, расположившись на левом фланге со стороны Невы.

Финляндский полк также присягнул Николаю. Однако поручику А. Е. Розену удалось вывести из казарм один батальон, убеждая солдат идти на помощь Московскому полку. Во втором часу дня по приказу А. Е. Розена батальон остановился на середине Исаакиевского моста. Увидев, что на площади еще недостаточно сил, поручик решил не жертвовать людьми напрасно.

Таким образом, перед Сенатом собралось примерно 2870 солдат и матросов. Кроме 19 офицеров, прибывших в составе мятежных войск, здесь находилось еще 16 декабристов. В это время новый император Николай I, которому уже принесли присягу государственные учреждения, стягивал к площади присягнувшие ему части. Правительственные силы, противостоявшие мятежникам, насчитывали около 9 тыс. солдат пехоты и 3 тыс. конных, а также артиллерийские орудия. Выходы с площади были заблокированы.

Император неоднократно пробовал уговорить восставших сдаться. Однако переговоры, проводившиеся М. А. Милорадовичем, великим князем Михаилом Павловичем, митрополитом Серафимом, некоторыми генералами и полковниками, положительного результата не дали. Более того, М. А. Милорадович и полковник Н. К. Стюрлер были смертельно ранены П. Г. Каховским. Несколько кавалерийских атак каре, достаточно вялых, мятежники отбили ружейным огнем, в основном поверх голов. Солдаты с обеих сторон не хотели убивать друг друга. Кроме военных на площади присутство-

вало большое количество зевак, со всей столицы сюда стягивались городские жители, привлеченные слухами об антиправительственном выступлении. В толпе находились рабочие, задействованные в строительстве Исаакиевского собора, которое велось поблизости. Симпатии обывателей были на стороне заговорщиков.

Восставшие части стояли на площади в ожидании дальнейших распоряжений. Однако диктатор С. П. Трубецкой, наблюдая за выполнением всех частей намеченного плана, увидел, что он полностью срывается и, убедившись в обреченности военного выступления, на площадь не явился. Около половины четвертого, потеряв надежду на приход С. П. Трубецкого, восставшие выбрали своим руководителем Е. П. Оболенского. Но в результате такое преимущество заговорщиков, как инициатива и неведение противника в отношении их стратегических планов, постепенно уходило. В конечном итоге восставшие превратились из нападающей стороны в пассивно оборонявшуюся, упустив серию благоприятных моментов повернуть ситуацию в свою пользу. Было решено, не предпринимая атаки, ждать сумерек. По свидетельству Н. А. Бестужева, «бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто на этом поприще раз остановился, уже побежден вполовину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте. Атаки на нас и стрельба наша прекратилась; “ура” солдат становилось реже и слабее».

Находившиеся на площади декабристы надеялись, и не без оснований, что с наступлением темноты часть войск перейдет на их сторону и численное соотношение окажется не в пользу императора. Николай I также понимал реальность подобного развертывания событий, поэтому в начале пятого отдал приказ артиллерии стрелять по восставшим. Н. А. Бестужев вспоминал: «Первая пушка грянула, картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фрунта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонн сенатского дома и на крышах соседних домов... С первого выстрела семь человек около меня упали: я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения – столь жестоко поражала картечь на этом расстоянии... Другой и третий повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места... С пятым или шестым выстрелом колонна дрогнула, и когда я оглянулся – между мною и бегущими была уже целая площадь и сотни скошенных картечью жертв свободы». Командиры

попытались построить солдат на льду Невы, но он не выдержал ударов ядер и раскололся, люди стали тонуть.

К 6 часам вечера все было кончено. Стали производиться аресты членов Северного общества, после чего их свозили во дворец. По официальным данным 14 декабря на площади погиб 1271 человек, в том числе 970 городских обывателей.

Восстание 14 декабря потерпело поражение из-за отсутствия наступательности действий на всех его этапах, пассивной тактики заговорщиков. Для него был характерен невысокий уровень организации, вызванный во многом малым количеством времени для подготовки (несколько дней) и выразившийся в отсутствии необходимого единства и согласованности действий. Декабристам пришлось ограничиться военной демонстрацией. Поставленных целей добиться не удалось.

Члены Южного общества – С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин, – получив известие о разгроме мятежа 14 декабря, организовали вооруженное выступление на территории Киевской губернии. Оно началось 29 декабря 1825 г. в с. Трилесы, где располагалась одна из рот Черниговского пехотного полка, входившего в состав 1-й армии. Здесь С. И. Муравьева-Апостола, уходившего от преследования (многие члены Южного общества уже были схвачены), арестовал командир полка Г. Гебель. Благодаря членам Общества соединенных славян С. И. Муравьеву-Апостолу удалось освободиться. Возглавив роту черниговцев, он захватил уездный г. Васильков, где к восставшим присоединилось еще пять полковых рот. В целом в выступлении, получившем позднее название восстания Черниговского полка, участвовало около 1 тыс. человек (солдат и офицеров).

В ходе восстания С. И. Муравьев-Апостол пытался реализовать свою идею о быстрой бескровной революции по примеру подполковника испанской армии Рафаэля Риего, поднявшего в 1820 г. мятеж в Андалузии, результатом которого стали созыв парламента и восстановление конституции. Рассчитывая увлечь солдат, он познакомил их с текстом составленного ранее в соавторстве с М. П. Бестужевым-Рюминым «Православного катехизиса». В этом революционном по характеру документе развенчивалась идея о богоданности царской власти. «Православный катехизис», зачитанный публично 31 декабря полковым священником, не был воспринят рядовым составом.

Во время похода, длившегося несколько дней, восставшие надеялись на соединение с другими частями, которые возглавляли

офицеры-заговорщики. Тем временем к району восстания были стянуты верные правительству войска, изолировавшие мятежников от контактов с другими полками. Во время движения в направлении г. Житомир 3 января 1826 г. отряд С. И. Муравьева-Апостола встретился с отрядом правительственных войск и был расстрелян картечью в упор. Схваченных руководителей восстания доставили в Петербург.

СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Для расследования дела о восстании 14 декабря в столице была создана Следственная комиссия, почти ежедневно заседавшая в Зимнем дворце. Николай I лично принимал активное участие в следствии, к которому привлекли 579 человек. Из них 316 арестовали, 289 признали виновными.

В ходе следствия большинство декабристов вело себя достаточно откровенно. Подозреваемые стремились донести до императора истинные цели выступления, желали доказать обоснованность и закономерность своих действий. Рассказывая о планах переустройства страны, они настаивали на необходимости проведения реформ, насущной потребности изменения некоторых сторон российской действительности. Следователей же больше интересовали степень причастности заговорщиков к плану цареубийства, вооруженному восстанию в Петербурге и на территории Украины, членство в тайных организациях.

По итогам следствия 121 человека предали специально созданному Верховному уголовному суду, в состав которого вошли члены Государственного совета, сенаторы, высшие военные и гражданские чиновники. В июле 1826 г. суд приговорил пять человек к смертной казни четвертованием. Остальных осужденных разделили на 11 разрядов. 31 человека, судившегося по первому разряду, приговорили к смертной казни отсечением головы, 56 – к различным срокам каторги, 18 – к ссылке, 11 – к разжалованию в рядовые. Впоследствии четвертование было заменено смертной казнью через повешение, отсечение головы – вечной или двадцатилетней каторгой. Остальным приговоренным сократили сроки наказания.

В других городах также работали следственные комиссии, разбиравшие дела о солдатах, причастных к декабристскому заговору, об офицерах Черниговского полка, о членах Польского патриотического общества. Особыми военными судами приговорены к раз-

ным срокам каторги четыре офицера, которые участвовали в восстании Черниговского полка, и 13 членов Общества соединенных славян. Следствие и суд над декабристами представляли собой первый в истории России широкий политический процесс.

В ночь на 13 июля 1826 г. над осужденными декабристами совершили обряд гражданской казни, а утром в Петропавловской крепости были повешены П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, К. Ф. Рылеев и П. Г. Каховский.

Более 120 членов тайных обществ понесли наказание в административном порядке: по повелению Николая I они были посажены в крепости на сроки от полугода до четырех лет, разжалованы в солдаты, переведены в действующую армию на Кавказ или отданы под надзор полиции.

Около 180 солдат, приговоренных к наказанию шпицрутенами, прогнали сквозь строй через тысячу солдат от одного до двенадцати раз. 23 рядовых наказали розгами и палками и сослали в Сибирь. Из остальных был сформирован сводный полк в количестве 2740 человек, переброшенный на Кавказ. Туда же с целью искупить кровью свою вину отправили солдат Черниговского полка.

В Сибирь на каторгу и ссылку выехали 124 декабриста. Вначале они отбывали наказание в Нерчинских рудниках, затем в Читинском остроге, с 1830 г. на Петровском заводе. В 1832 и 1835 гг. сроки заключения декабристов были сокращены. В 1839 г. отбывшие на каторгу перешли на поселение. В Сибири, находясь на поселении, декабристы открывали школы, занимались педагогической и научной деятельностью. Среди местного населения ссыльнокаторжные вызывали сочувствие, пользовались высоким авторитетом.

В 1856 г. Александр II амнистировал оставшихся в живых декабристов. Им разрешили вернуться в Европейскую Россию (без права проживания в Москве и Петербурге). Многие декабристы активно включились в общественную жизнь, участвовали в подготовке и проведении отмены крепостного права и других реформ эпохи Александра II.

Движение декабристов оказало большое влияние на последующее развитие освободительного движения в России. Общественно-политические деятели, принадлежавшие к различным направлениям этого движения, осмысливали и по-своему использовали идейное наследие и опыт декабристов. Участники декабристского движения по праву считаются родоначальниками революционной традиции в России.

Восстание декабристов сопровождалось углублением раскола между правительством и обществом. В царствование Николая I во-

круг трона сплотились консервативные силы, в стране стал усиливаться репрессивный аппарат, росла бюрократизация. В правящих кругах укрепилось подозрительное отношение к самостоятельно мыслящей интеллигенции, нетерпимость к любой оппозиции. Власть боялась проводить серьезные преобразования, ее последующие реформаторские начинания отличались чрезмерной осторожностью и умеренностью. Социально-экономическое отставание России от западных стран не было преодолено. По мнению исследователей Е. Г. Пантина и И. К. Плимака, поражение декабристов в истории России можно рассматривать в качестве огромной национальной трагедии, так как «и по своему идейному уровню, и по своим социальным позициям, и по своим военным и политическим возможностям декабризм представлял такую реальную силу, которая единожды в XIX в. могла резко повернуть в сторону общецивилизационного прогресса тяжелое, заржавленное колесо российской истории».

Глава 7
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

САМОДЕРЖАВИЕ НИКОЛАЯ I

14 декабря 1825 г. на российский престол взошел новый император – 29-летний сын Павла I – Николай (1825–1855 гг.). Личность и деятельность этого государственного правителя получили среди современников, а потом и исследователей не очень положительную оценку. Ф. Энгельс характеризовал Николая I как посредственного человека, «чей кругозор никогда не превышал кругозора офицера ротного масштаба». Подобную же характеристику дал ему и Н. А. Добролюбов: «Солдат по призванию, солдат по образованию, по внешнему виду и по содержанию».

Прямым наследником Александра I до 1823 г. был великий князь Константин Павлович, а Николай Павлович готовился к военной карьере и, являясь главным инспектором по инженерной части, хорошо знал военно-инженерное дело. Он любил архитектуру, хорошо разбирался в литературе и искусстве, являлся неплохим дипломатом. Император был искренне верующим человеком, нетребователен относительно бытовых условий (известно, что он спал на простой солдатской кровати, укрывшись шинелью). В отличие от Александра I Николай I не владел искусством тонкой интриги, действовал всегда прямо и открыто. Он отличался большой работоспособностью.

Однако не всегда даже добрые черты характера императора давали соответствующие результаты. Постепенно в России сложилось положение, когда истиной в последней инстанции считались его собственные представления. Основным качеством, которого он

требовал от подчиненных, стало послушание. Не случайно любимым афоризмом Николая I являлась фраза: «Мне не нужно умных, мне нужны послушные и верноподданные». Во второй четверти XIX в. вместе с возрастанием личной роли монарха в управлении страной наблюдалось усиление централизации, бюрократизации и военизации аппарата государственной власти. Смыслом управления российского императора стало его следующее заявление: «Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни».

Николай I по-своему стремился заботиться о счастье России. Его политика в значительной степени определялась не личными качествами монарха, а обострением противоречий между феодально-крепостнической системой и поднимавшимся на Западе революционным движением. По его мнению, благополучие страны можно обеспечить путем жесткого порядка, исполнением каждым членом общества своих обязанностей, через контроль и регламентацию общественной жизни. На фоне мрачных последних лет царствования Александра I первые политические шаги преемника вызвали определенное оживление в обществе и надежды на то, что Николай I сможет взять на себя роль «революционера сверху». Высказывая общий настрой, А. С. Пушкин в знаменитых «Стансах» сравнивал Николая I с Петром I.

Николай I пытался осмыслить те проблемы, которые остались от предыдущего царствования. По его приказу правитель дел Следственной комиссии по делам декабристов А. Д. Боровков составил «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». Этот документ, в котором были собраны наиболее важные выдержки из проектов программ декабристов, их заявлений, записок, внимательно изучался императором.

В манифесте от 22 августа 1826 г. в связи с коронацией Николая I признавалась необходимость реформ, однако вместе с тем отмечалось, что их инициатором могла стать только самодержавная власть. Именно для разработки законопроектов, а также для оперативного управления страной во второй четверти XIX в. был создан еще один «этаж» государственного аппарата – высшие комитеты. Это были немногочисленные, оперативные объединения, которые обычно имели большие полномочия и в состав которых входили особенно доверенные высшие сановники (В. П. Кочубей, М. М. Сперанский, П. Д. Киселев и др.).

6 декабря 1826 г. был создан первый Секретный комитет. Ему придавалось большое значение. Не случайно во главе комитета был

поставлен председатель Государственного совета В. П. Кочубей, а среди его членов были известные деятели эпохи. Комитет просуществовал до марта 1832 г., но в 1831–1832 гг. он собирался только 7 раз. Членами комитета 6 декабря 1826 г. была разработана программа «разделения властей». Планировалось более точно разделить дела между Государственным советом, Сенатом и Комитетом министров, а также установить большую согласованность в действиях центральных и местных учреждений.

Однако практической реализации предложения Секретного комитета 1826 г. не получили, хотя следует заметить, что благодаря именно ему 6 декабря 1826 г. были сделаны подходы по укреплению сословного строя. Правда, обсуждение крестьянского вопроса в Секретном комитете 6 декабря вылилось только в высказанное мнение ограничить продажу крестьян без земли. Его деятельность явилась, по сути, первой и последней попыткой кабинета Николая I провести общую перестройку существующей в России системы. Правящие круги перешли к политике консервации самодержавного и крепостного строя. При этом усиливался надзор и контроль за государственными учреждениями, создавались новые звенья управления, которые обеспечивали осуществление мелочной опеки над всем обществом, а также проводились репрессивные мероприятия.

С конца XVIII в. в России существовала Собственная е. и. в. канцелярия. Сначала ее функции действительно отвечали названию. Это была личная канцелярия императора, и ее члены подготавливали для царя соответствующие бумаги. Но уже в период военных кампаний 1812–1814 гг. она постепенно приобрела черты общегосударственного высшего учреждения. Во второй четверти XIX в. Собственная е. и. в. канцелярия окончательно превратилась в орган, который связывал императора со всеми правительственными учреждениями по наиболее важным вопросам внутренней политики. Собственно прежние функции канцелярии – подготовка бумаг, увольнение, награждение, пенсионное обеспечение чиновничества – были сосредоточены в ее I отделении (до 1826 г. разделения на отделения не существовало). Созданное в 1826 г. II отделение занималось вопросами кодификации. 3 июля 1826 г. было образовано III отделение, которое стало органом политического сыска и следствия. В функции IV отделения, появившегося в 1828 г., входило управление благотворительными учреждениями и женскими учебными заведениями. V отделение существовало в 1836–1856 гг., оно занималось сначала разработкой реформы государственной деревни, а потом осуществлением контроля над ее реализацией. VI отделение в 1842–1845 гг. готовило реформу управления на Кавказе.

Вместе с возрастанием роли с. е. и. в. канцелярии падало значение Государственного совета, Комитета министров и министерств, Сената. Все учреждения, за исключением военного и морского ведомств, должны были каждое утро представлять сведения о своей деятельности, а также материалы, которые лично должен был рассмотреть император. Все министры к первому числу каждого месяца подготавливали ведомости о получении и исполнении императорских приказов. Особое значение в период правления Николая I приобрела деятельность личной свиты царя. Обычно наиболее важные поручения получали генерал-адъютанты и флигель-адъютанты. Среди этих лиц было много представителей немецкого (остзейского) дворянства из прибалтийских губерний. Николай I говорил: «Русские дворяне служат государству, немецкие – нам».

На местном уровне управления также была заметна бюрократизация административного аппарата. Чиновники губернских органов управления, количество которых все время возрастало, целиком зависели от губернатора. В свою очередь, губернатор полностью подчинялся министру внутренних дел.

УСИЛЕНИЕ РЕПРЕССИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Особое значение в деятельности правительства Николая I имела реформа полицейского аппарата. Она была связана с созданием 3 июля 1826 г. III отделения Собственной е. и. в. канцелярии. Это положило конец существованию в России децентрализованной системы полицейского сыска, когда этим делом занимались четыре-пять учреждений. Инициатором проведения реформы стал А. Х. Бенкендорф. В январе 1826 г. А. Х. Бенкендорф подал на имя Николая I записку – «Проект об устройстве высшей полиции», в котором предлагал создать соответствующее министерство.

В принципе император положительно отнесся к предложенному проекту, но внес в него изменения. В составе Министерства внутренних дел, осуществлявшего с 1819 г. основные полицейские функции, был сохранен Департамент полиции исполнительной, который должен был осуществлять руководство административно-полицейским аппаратом, а также тюрьмами. III отделение – высший орган страны – получало функции высшей политической полиции.

Создание специального полицейского органа в рамках императорской канцелярии, по мысли организаторов, позволяло устано-

вить личный контроль императора за его деятельностью и поднять авторитет полицейского аппарата в стране.

В III отделении действовало пять экспедиций, каждая из которых отвечала за свое направление работы. Первая (секретная) экспедиция следила за «общественной мыслью», осуществляла политический сыск, следствие и контроль над исполнением наказания. Вторая экспедиция занималась делами, которые были связаны с расколом и сектантством, служебными и криминальными преступлениями, кроме политических, а также с рассмотрением прошений и жалоб. В ее распоряжении находились тюрьмы, имевшие общегосударственное значение (Алексеевский равелин Петропавловской крепости, Шлиссельбургская крепость, Суздальский Спасо-Ефимовский монастырь и др.). Третья экспедиция наблюдала за деятельностью иностранцев, проживающих в России, четвертая – занималась крестьянскими делами, в том числе и подавлением восстаний, а также сбором сведений о происшествиях, случившихся на российской территории. Пятая экспедиция, созданная в 1828 г., должна была заниматься надзором за периодическими изданиями и цензурой.

Первоначально штат III отделения состоял из главного начальника и 19 чиновников. В дальнейшем к концу царствования Николая I он увеличился до 40 сотрудников. Исполнительным органом III отделения стал созданный в 1827 г. корпус жандармов. В июле 1836 г. он стал называться Особым корпусом жандармов. Предусматривалось, что шефом корпуса жандармов будет главный начальник III отделения. На эти должности назначались наиболее преданные императору лица. До самой смерти граф А. Х. Бенкендорф был вне конкуренции. В 1844–1856 гг. эти должности занимал А. Ф. Орлов. Ближайшим помощником главного начальника был управляющий III отделением. Долгое время эту должность занимал очень умный и хитрый жандармский деятель Л. В. Дубельт (1839–1856 гг.).

В начале 1850-х гг. Особый корпус жандармов насчитывал 210 офицеров и 5149 рядовых чинов. Страна была разделена на жандармские округа. Сначала их было пять, а потом восемь, причем центр одной из них находился на территории Беларуси – в Витебске. Во главе округов стояли жандармские генералы. Существовала и зарубежная агентура III отделения. Кроме того, III отделение имело широкую внештатную агентуру. Секретными агентами политического сыска, информаторами служили лица разного со-

циального происхождения – от лакеев до генералов и лиц, которые близко стояли у трона. Голубой жандармский мундир стал символом николаевского режима. Генерал А. П. Ермолов насчет этого заметил: «У каждого или голубой мундир, или голубая подкладка, или хоть голубая заплатка».

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОВ

К 1820-м гг. в российском законодательстве собрались десятки тысяч манифестов, указов, положений, нередко противоречивших друг другу. В огромном потоке законодательных документов тяжело разбирались даже специалисты. Начиная с Петра I, делались многочисленные попытки исправить существующее положение. На протяжении XVIII в. верховная власть создала восемь комиссий, которые пытались привести в порядок законодательный материал, а потом разработать и новое сводное уложение. Однако эта задача так и не была решена. Безрезультатной оказалась также деятельность кодификационной комиссии, существовавшей на протяжении первой четверти XIX в.

Николай I хорошо понимал необходимость своевременной кодификации. Она рассматривалась правящими кругами как проявление принципа «законности власти», объявленного в самом начале царствования, и как возможность укрепления существующего порядка. В начале 1826 г. в составе с. е. и. в. канцелярии было создано II отделение, которое и начало заниматься вопросами законодательства. Возглавлял этот орган профессор Петербургского университета М. А. Балугьянский, но действительным двигателем большого кодификационного дела являлся М. М. Сперанский. Он, правда, не входил в состав II отделения, а считался членом Государственного совета по Департаменту законов.

М. М. Сперанский предложил следующий план действий. На первом этапе необходимо было собрать все законы, которые были изданы после Соборного уложения 1649 г., и расположить их по хронологии. Далее следовало провести проверку законодательного материала и на основе этого выделить те законы, которые уже не действовали и противоречили другим законам. И наконец, пересмотреть существующее законодательство с точки зрения современных для того времени требований и составить новое уложение.

Однако император не согласился с предложением разработки нового юридического кодекса, т. е. отказался утвердить третий, са-

мый решающий, этап работы. Таким образом, Николай I приостановил в деятельности II отделения ее реформаторские начала. Работа II отделения превратилась в чисто технические мероприятия, хотя это нисколько не снижает заслуг М. М. Сперанского. Под его руководством до 1830 г. в архивах и государственных учреждениях были собраны и размещены по хронологии многочисленные законодательные акты.

В 1830 г. вышло первое «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах вместе с указателями. В это издание вошло около 31 тыс. документов, начиная с Уложения 1649 г. и по 3 декабря 1825 г. Одновременно в 1830 г. было издано шесть томов второго «Полного собрания законов», включившего акты периода Николая I. В дальнейшем тома издавались погодно. Правда, поспешность работы по составлению первого «Полного собрания законов Российской империи» отразилась на его содержании. В издание не были включены многочисленных акты XVIII в., но в то же время там была помещена и часть незаконодательных документов. Но это нисколько не снижает значения деятельности М. М. Сперанского по кодификации законов. Считается, что в данном случае он сделал для России даже больше, чем в период реформирования 1807–1811 гг. «Полное собрание законов Российской империи» является и в наше время одним из интереснейших и важнейших исторических и историко-юридических источников. Его материалы используются исследователями, работающими в самых разных направлениях.

Для практической деятельности чиновников в 1832 г. был подготовлен «Свод законов Российской империи» в 15 томах. В него вошли только те законы, которые действовали в тот период. Они были расположены по тематико-хронологическому принципу. В первом томе «Свода законов» содержались «Основные государственные законы Российской империи», в которых определялись принципы государственного строя страны. II отделение издало также «Свод военных постановлений» (1838 г.) и ряд местных «Сводов» для Финляндии, Прибалтики и др.

Проведенная таким образом кодификация не внесла серьезных изменений в социальные отношения России того времени. Она должна была законсервировать феодально-крепостнические основы Российской империи. Единая переработка законодательства была проведена и относительно криминальных законов. В 1845 г. было издано «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

УКРЕПЛЕНИЕ СОСЛОВНЫХ ПОЗИЦИЙ ДВОРЯНСТВА

В социальной политике Николай I ставил основной целью консервацию существующей социальной структуры. Для императора было бесспорным, что дворянство должно остаться «первой опорой престола» и носителем соответствующих социально-политических привилегий. Но воспринимать все дворянство как монолитную опору существующей системы самодержавия было уже нельзя.

На протяжении столетий в России действовала сановная оппозиция, которая стремилась ограничить власть самодержца аристократической конституцией. Вместе с тем было видно, что в отличие от «екатерининских» «александровские» старцы, которые заседали в Сенате, уже не могли фрондировать в полную силу. Во-первых, подъем революционной опасности консолидировал их с императором. Во-вторых, усилению позиций императора содействовала централизация и бюрократизация государственного аппарата.

Значительно больше Николая I волновало среднее и мелкое дворянство. Именно их представители составили ядро революционной оппозиции, известной как движение декабристов. Во второй четверти XIX в. проявился процесс расслоения дворянства: вместе с владельцами латифундий и больших денежных капиталов было много обедневших и даже деклассированных дворян. Наблюдался процесс «засорения» дворянства представителями других сословий.

Николай I в своей политике в отношении дворянства выделял два взаимозависимых момента: необходимость укрепления материальной базы дворянства и создание искусственной преграды на пути размывания дворянства за счет представителей других сословий. Исходя из этого он стремился к тому, чтобы отстранить от участия в дворянских корпоративных органах мелкое дворянство, усилить контроль над дворянскими организациями и полностью превратить дворянские выборные органы в придаток местного бюрократического аппарата.

Для усиления материального положения дворянства правительство наделяло обедневшее дворянство землей, давало помещикам денежные ссуды, сокращало срок службы при возведении в чины и продвижении по служебной лестнице и т. д. В 1845 г. был утвержден закон о майоратах, т. е. о заповедных поместьях. Главной целью этого закона была попытка сохранить собственность

дворянских родов и предотвратить их дробление. Сущность его состояла в том, что поместья, в которых имелось не менее 400 дворов или 10 тыс. десятин земли с доходом в 12 тыс. руб. серебром, могли объявляться собственностью всего рода. Это являлось в действительности искусственной мерой: до 1861 г. всего около двух десятков имений были признаны майоратами.

В 1831 г. был издан манифест «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным». В дополнение к «Жалованной грамоте» 1785 г. этот документ определил, что правом участия в дворянских собраниях и выборах служебных лиц теперь могли пользоваться только потомственные дворяне в возрасте 21 года и хорошего поведения. Они должны были также иметь в этой местности недвижимое имущество и хотя бы кратковременно находиться на государственной службе. Чтобы непосредственно участвовать в выборах, необходимо было иметь в границах губернии не менее 100 душ крепостных крестьян или 3 тыс. десятин незаселенной земли (в Петербургской, Московской и части окраинных территорий к участию в выборах допускались дворяне, которые имели ежегодно не менее 2 тыс. руб. дохода). Для участия в выборах через уполномоченных (выборных представителей) нужно было владеть не менее чем пятью душами крестьян или 150 десятинами незаселенной земли. В результате, как предполагалось, престиж дворянских корпоративных организаций возрастет. Сделано это было за счет отстранения от участия в выборах мелких землевладельцев. Кроме того, согласно манифесту 1831 г. дворянское общество официально ставилось под контроль Министерства внутренних дел, что говорило о значительном возрастании контроля местных дворянских собраний со стороны губернатора.

Раньше все чиновники, чьи должности вошли в Табель о рангах, получали дворянство. Первый обер-офицерский чин (XIV класс) давал возможность сразу приобрести потомственное дворянство. На гражданской службе чин XIV класса давал личное дворянство, а чин VIII класса – потомственное. Родовитое дворянство еще в начале царствования Николая I выступило с предложением ликвидировать возможность приобретения дворянского звания по системе выслуги. Данный вопрос рассматривался в Секретном комитете 6 декабря 1826 г., члены которого пришли к выводу, что необходимо отказаться от петровской Табели о рангах и ввести положение о приобретении дворянства «только действием особой монаршей милости» за особые заслуги.

Пойти на отмену принципа выслуги правительство не могло и не хотело, так как это существенно сужало социальную опору самодер-

жавия. В 1845 г. вышел указ о порядке приобретения дворянского звания. Теперь как военные, так и гражданские чины, которые гарантировали приобретение дворянства, были значительно повышены. В соответствии с указом звание потомственных дворян стали присваивать при получении первого штаб-офицерского чина – майора (VIII класса) или чиновника на гражданской службе – статского советника (V класса). Личное дворянство получали лица, которые достигли первого обер-офицерского чина – фендрика (XIV класса) или титулярного советника (чиновника IX класса). В результате доступ к дворянскому званию был значительно ограничен.

Согласно указу 1845 г. чины XIV–X классов гражданской службы могли получать почетное гражданство. Такое полупривилегированное сословие было создано в России еще в 1832 г. Основные принципы этого института были разработаны Секретным комитетом 6 декабря. Почетные граждане подразделялись на потомственных и личных. Потомственное гражданство давалось по рождению (детям личных дворян, а также детям духовенства, которые окончили духовную академию или семинарию), по прошению (купцам 1-й и 2-й гильдий, если они пробыли в гильдиях определенный срок, получили чин или орден, а также художникам и ученым, которые имели ученую степень). Личное гражданство давалось по рождению (детям духовенства, которые не имели образовательного ценза), по прошению (лицам, которые окончили университет или некоторые высшие учебные заведения: Академию художеств, политехнический институт и др.), а на службе – чиновникам, которые по Табели о рангах не имели прав на личное дворянство (XIV–X классы).

Почетные граждане освобождались от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний, получали право принимать участие в городском самоуправлении. В 1858 г. в России было около 21,4 тыс. почетных граждан (при населении 72,6 млн человек).

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Во второй четверти XIX в. крестьянский вопрос оставался одним из самых важных во внутренней политике российского самодержавия. Это обусловливалось общим недовольством крестьянства своим положением. В то время не произошло каких-либо значительных крестьянских выступлений, однако классовая борьба в деревне оставалась одним из важнейших факторов массового антикрепостнического движения в России.

В 1839 г. шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф докладывал царю, что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством». Он советовал Николаю I: «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа». Император видел необходимость отмены крепостного права, но осуществить это он не мог из-за противодействия дворянства и боязни «всеобщего волнения». Поэтому в своей крестьянской программе правительство Николая I опиралось на идею некоторого ослабления зависимости крестьян от своих владельцев с одновременным усилением контроля за жизнью деревни со стороны государства.

Как правило, крестьянский вопрос в период правления Николая I обсуждался в секретных комитетах. Он рассматривался в рамках деятельности Секретного комитета 6 декабря 1826 г. (там поднимался вопрос о запрете перевода крестьян в дворовые, а также о запрете продажи крепостных крестьян без земли). Специальными «крестьянскими» были комитеты 1828, 1829, 1835, 1839, 1842, 1844, 1846, 1847 гг.

В 1835 г. был основан Секретный комитет «для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» под председательством И. В. Васильчикова. Комитет должен был разработать реформу управления государственными крестьянами и подготовить мероприятия по «улучшению быта помещичьих крестьян». Членами комитета были намечены особые «попечительные» мероприятия по улучшению хозяйственного и правового положения государственной деревни. Был разработан также план постепенного безземельного освобождения помещичьих крестьян и постепенного соединения их с государственными крестьянами. Процесс устранения негативных моментов личной зависимости частновладельческих крестьян предполагал три этапа: ограничение времени работы крестьян на помещика тремя днями в неделю; прикрепление крестьян не к личности помещика, а к земле и обязательное выполнение повинностей в соответствии с размером участка, который ему давался; предоставление крестьянину личной свободы с правом свободной аренды помещичьей земли. Таким образом, комитет разработал проект безземельного освобождения крестьян на протяжении неопределенного, продолжительного периода. Деятельность комитета осталась безрезультатной, в 1836 г. он был распущен.

Большое значение в разработке крестьянской проблемы сыграла деятельность П. Д. Киселева. Он являлся убежденным сторон-

ником принципов просвещенного абсолютизма, которые, по его мнению, смогут обеспечить мирный прогресс дворянской империи. В крестьянском вопросе П. Д. Киселев стоял на позиции возможности его разрешения путем законодательного ограничения власти помещиков над крестьянами.

В 1839 г. был создан очередной крестьянский комитет, где обсуждался вопрос о «неудобствах» закона 1803 г. о «вольных хлебопашцах». Землевладельцев не устраивало то, что по закону 1803 г. крестьяне должны были при переходе в сословие «вольных хлебопашцев» получить землю в собственность. П. Д. Киселев, будучи членом этого комитета, не хотел и экономического ослабления дворянства, и безземельного освобождения крестьян. Согласно его предложениям крестьянин по желанию помещика получал личную свободу, но землевладельцы сохраняли право собственности на землю и обеспечивали крестьян определенным наделом на правах постоянного пользования. Крестьянин оставался прикрепленным к земле и за пользование наделом должен был отбывать повинности в пользу помещика (барщину, оброк). Размеры крестьянского надела и повинностей определялись особым договором – «инвентарем». Однако большинство членов комитета 1839 г. с этим проектом не согласились. В результате П. Д. Киселев отказался от попыток определить площадь наделов и размеры повинностей в самом тексте закона. Они должны были рассматриваться непосредственно самими помещиками.

Предложения П. Д. Киселева были положены в основу указа от 2 апреля 1842 г. об «обязанных крестьянах». Закон 1842 г. имел значительно меньшее использование по сравнению с указом 1803 г. За весь последующий период правления Николая I было переведено на положение «обязанных крестьян» только около 24,7 тыс. ревизских душ (из 10 млн крепостных крестьян). В отношении частновладельческих крестьян был проведен еще ряд полумер. Так, в 1847 г. вышел указ о праве крестьян выкупаться на свободу в случае продажи имущества с молотка. Крестьяне выкупались с наделом путем внесения суммы, которая устанавливалась на торгах, или внесения первоначально установленной цены, если покупателей не было. Данный указ вызвал бурю возмущения со стороны помещиков. В результате уже в 1849 г. было принято новое положение о продаже имений на публичных торгах. Крестьяне получали возможность выкупаться только с разрешения помещика.

С середины 1840-х гг. правительство делало попытки утвердить в западных и северо-западных губерниях инвентарную систе-

му, т. е. точную фиксацию размеров крестьянских наделов и повинностей крестьян. Тем самым правительство пыталось противопоставить там друг другу местных помещиков, чаще поляков, и крестьян, в большинстве своем украинцев и белорусов. При этом правительство брало на себя роль защитника крестьян.

15 апреля 1844 г. последовал указ об учреждении в юго-западных и северо-западных губерниях комитетов для рассмотрения «инвентарей». В 1847 г. «инвентари» были введены в Киевском генерал-губернаторстве. Следует отметить, что в ряде случаев они лишь ухудшили положение крестьянских масс. «Инвентарная» реформа еще раз продемонстрировала возможность государственной власти вмешиваться во взаимоотношения между помещиками и крестьянами. Однако ее проведение встретило противодействие местных помещиков. В таких обстоятельствах правительство не рискнуло провести подобные мероприятия на других территориях в полном объеме.

Правительство Николая I занималось разработкой проблем устройства не только частновладельческих имений, но и государственных владений. Как известно, в 1836 г. было создано V отделение с. е. и. в. канцелярии, которое возглавил П. Д. Киселев. Оно приступило к реформированию государственной деревни.

«Реформа Киселева» обусловлена следующими причинами. В результате очень тяжелого экономического положения крестьянских хозяйств в конце 1820 – начале 1830-х гг. был очевиден рост недоимок, что вело к сокращению государственных доходов. В то же время учитывалась и волна крестьянских выступлений. Правящие круги надеялись реформой государственной деревни поднять жизненный уровень крестьян и тем самым обеспечить исправное выполнение ими повинностей. Кроме того, новое устройство государственной деревни должно было стать примером для частных владельцев.

В 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ, во главе которого стал граф П. Д. Киселев. Оно осуществляло общее руководство государственными крестьянами. Создавался громоздкий аппарат управления и на местах. Палаты государственных имуществ осуществляли руководство в границах одной или нескольких губерний, окружное управление – в границах нескольких поветов. Имелись также волостные органы «самоуправления» – волостные сходы. Непосредственно в границах сельских обществ избирались старосты, сотские, десятские.

Содержание многочисленного штата чиновников Министерства государственных имуществ и громоздкого аппарата управления на местах ложилось тяжелым грузом на самих государственных крестьян. Кроме того, серьезной помехой на пути успешного развития казенных имений был очень большой поток разных распоряжений, инструкций. Это сдерживало инициативу хозяев. Вместе с тем Министерство государственных имуществ провело ряд положительных мероприятий: наделение крестьян землей путем переселения из густонаселенных регионов, а также лесом, оказание медицинской помощи, строительство школ, расширение сети запасных хлебных магазинов на случай неурожая, перевод крестьян западных губерний с барщины на оброк, прекращение сдачи государственных владений в аренду частным лицам и др. Однако и после осуществления реформы П. Д. Киселева сущность и формы эксплуатации государственных крестьян феодально-крепостническим государством мало чем отличались от эксплуатации помещичьих крепостных крестьян. Эти взаимоотношения между феодальным государством и государственными крестьянами В. И. Ленин назвал «государственным феодализмом».

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА Е. Ф. КАНКРИНА

К концу царствования Александра I внешний долг России составил 102 млн руб. серебром. В стране было выпущено много бумажных ассигнаций с целью покрыть военные расходы и платежи по внешнему долгу. Стоимость бумажных денег неуклонно падала. Незадолго до своей смерти Александр I назначил на пост министра финансов известного ученого-экономиста Е. Ф. Канкрина, который остался на этом посту и при Николае I. Е. Ф. Канкрин возглавлял Министерство финансов с 1824 по 1844 г. Он являлся убежденным консерватором и не ставил вопрос о глубоких социально-экономических реформах, но считал необходимым укрепление финансовой системы России. Е. Ф. Канкрин провел ряд мер для поощрения предпринимателей, придерживался системы протекционизма, стремился ограничить государственные расходы и увеличить доходы казны за счет повышения прямых и косвенных налогов и других мер. Он старался поддержать выгодный торговый баланс и увеличить доходные статьи бюджета.

В 1839–1843 гг. Е. Ф. Канкрин провел денежную реформу. Основой денежного обращения стал серебряный рубль как «главная

монета». Затем были выпущены кредитные билеты, которые можно было свободно обменивать на серебро. Е. Ф. Канкрин следил за тем, чтобы количество находившихся в обращении кредитных билетов в определенной пропорции соответствовало государственному запасу серебра примерно в соотношении шесть к одному. Денежная реформа, проведенная им, оказала благоприятное влияние на экономику России. Упорядочилось денежное обращение, выросла торговля. Правительству удалось на время стабилизировать денежную систему, но выйти из финансового кризиса оно не смогло. В конце царствования Николая I в связи с возросшими расходами в годы Крымской войны, большими затратами на Кавказскую войну внутренний и внешний долг страны значительно увеличился.

ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПЕЧАТИ

Первыми действиями Николая I на поприще просвещения стало увольнение наиболее одиозных фигур прошлого царствования: попечителя Петербургского университета Д. П. Рунича и члена Главного правления училищ М. Л. Магницкого. В 2 раза было повышено жалованье профессорам и введены зарубежные командировки для ознакомления с опытом и изучения иностранных языков. 6 апреля 1844 г. утверждено «Положение о производстве в ученые степени». Оно содержало правила присуждения степеней кандидата, магистра и доктора на философском, юридическом и медицинском факультетах университетов.

В образовательной политике Николай I руководствовался двумя главными принципами: соблюдением строгой сословности образования и строжайшим контролем за преподаванием. Уже в мае 1826 г. был создан Комитет по устройству учебных заведений, которому поручался пересмотр всех их уставов, приведение в однообразие курсов обучения и определение обязательных учебных пособий. В дальнейшем предусматривалось, что «всякие произвольные преподавания учений по произвольным книгам и тетрадям» будут запрещены. В 1827 г. появился специальный рескрипт на имя министра народного просвещения, который запрещал прием в средние и высшие учебные заведения крепостных крестьян.

Задуманная Николаем I реформа образования имела ярко выраженный социальный подтекст. Император считал необходимым за-

претить крепостным крестьянам обучаться в гимназиях и университетах. «Для сего необходимо, – указывал он, – чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся». Манифестом от 13 июля 1826 г. особое внимание обращалось на нравственное воспитание, а дворянство признавалось оградой «престола чести народной», призванной к «усовершенствованию отечественного природного, не чужеземного воспитания». Построенный на этих принципах новый устав для низших и средних учебных заведений был утвержден 8 декабря 1828 г. Он сохранял трехчленную схему образования (приходское училище – уездное училище – гимназия), но ограничивал контингент учащихся для каждого типа учебных заведений.

Сущность коренной перестройки низшей и средней школы по Уставу 1828 г. заключалась в нарушении преемственной связи между этими ступенями образования, которая была заложена в начале XIX в. Каждый тип школы делался замкнутым и сословно обособленным. Однолетнее приходское училище предусматривалось для детей «самых низших сословий». Тут обучали читать, писать, считать, а также Закону Божьему. Трехклассные уездные училища существовали для детей купечества и мещанства (купцов, ремесленников и других городских обывателей). Здесь изучали русский язык, арифметику, элементы геометрии, историю, географию. Семиклассные гимназии предусматривались для детей дворян и чиновников, готовили их для поступления в университеты. При гимназиях создавались специальные дворянские пансионы (это давало возможность сократить срок домашнего образования, которое тяжело было контролировать; вместе с тем еще более сложным стал приток в гимназии не дворян). Частные учебные заведения, основанные исключительно иностранцами, ставились под строгий надзор попечителей и министра.

С 1833 по 1849 г. во главе Министерства народного образования стоял известный государственный деятель, высокообразованный человек, который в начале карьеры придерживался либеральных, а в это время консервативно-монархических взглядов, – С. С. Уваров. Считается, что он видел свою задачу в том, чтобы «отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории». К концу его руководства министерством в организации и управлении школьным делом усилились сословные и бюрократические основы. Правительство по-прежнему стремилось регулировать социальный состав учащихся на уровне гимназий и университетов, не допуская сюда

представителей «низов». С. С. Уваров писал: «При возрастающем повсюду стремлении к образованию наступило время печись о том, чтобы чрезмерным стремлением к высшим предметам учения не поколебать некоторым образом порядок гражданских сословий». Вообще правительство заявляло о желании «умерить прилив юношества к учебным заведениям высшего разряда».

В тот период резко сократились программы изучения гуманитарных дисциплин, особенная подозрительность проявилась к так называемым «отвлеченным наукам». Узкоспециальное образование начало иметь перевес над общим, а занятия практически полезными предметами – над теоретическими. Однако стране крайне необходимы были образованные специалисты. Практическая направленность образовательного процесса при Николае I привела к расширению специального и технического образования. В 1828 г. в Петербурге был создан Технологический институт. В 1829 г. вновь возрождается Санкт-Петербургский главный педагогический институт, закрытый в 1819 г. в связи с образованием на его базе университета. В 1830 г. создано Архитектурное училище, а в 1832 г. – Училище гражданских инженеров (в 1842 г. они были объединены в Строительное училище). В Могилевской губернии было основано Горы-Горецкое земледельческое училище, преобразованное в 1848 г. в Земледельческий институт. В Москве в 1844 г. открылся Межевой институт. В Петербурге в 1835 г. основано Училище правоведения.

Перестройка высшей школы была осуществлена в 1835 г. на основании «Положения об учебных округах» (от 25 июня 1835 г.) и «Общего устава императорских российских университетов» (от 26 июля 1835 г.). В основе Устава университетов лежали положения «временного устава» Киевского университета Святого Владимира. Он был открыт вместо Виленского университета (закрытого в 1832 г. в связи с польским восстанием 1830–1831 гг.) и должен был стать проводником официальной идеологии во всем юго-западном регионе. По Уставу университетская автономия была ограничена. Университеты лишались значения научных и учебно-административных центров по сравнению с Уставом 1804 г. Они превращались в чисто учебные учреждения, обязанности по управлению которыми перекладывались на попечителей учебных округов. Попечитель должен был проживать в университетском городе (раньше, как правило, в столице). К тому же во второй половине 1840-х гг. начало практиковаться возложение обязанностей попечителя на генерал-губернаторов (Харьковский, Киевский округа).

По Уставу 1835 г. ликвидировался университетский суд. Существенно ограничивались права ученого совета: именно министр имел возможность назначать профессоров по своему усмотрению, если не соглашался с кандидатами, избранными членами совета. Значительно возросла роль попечителя учебного округа. Он даже получил право председательствовать на заседаниях ученого совета. Кроме того, с этого времени административными и хозяйственными делами должно было заниматься особое правление, которое подчинялось непосредственно попечителю, что раньше было в компетенции совета. Большое влияние на университетскую жизнь имело еще одно служебное лицо – инспектор, который обязан был осуществлять «особенный и ближайший надзор за нравственностью» студентов.

В соответствии с новым Уставом университеты состояли из трех факультетов: философского, юридического и медицинского, причем философский имел два отделения: историко-филологическое и физико-математическое. На практике в Петербургском университете не существовало медицинского факультета, а в Дерптском имелся богословский факультет. Одновременно повышалась плата за обучение и вводилась студенческая форма.

Однако Устав 1835 г. содержал и положительные элементы. Например, возобновлялось преподавание философии, которая была запрещена в 1821 г. Вместе с тем обязательным стало преподавание богословия, истории церкви, действующего («николаевского») права. Срок университетского обучения увеличился с трех да четырех лет. Вводилась двухгодичная практика-стажировка молодых ученых из российских университетов за границей.

Большой урон высшему образованию был нанесен во время правительственной репрессии конца 1840 – начала 1850-х гг. Революционные события 1848–1849 гг. в Западной Европе откликнулись в России так называемым «мрачным семилетием» 1848–1855 гг. На ниве просвещения снова возобладали идеи еще александровского министра народного просвещения адмирала А. С. Шишкова, который считал, что «науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру». В 1849 г. встал вопрос о закрытии университетов, и С. С. Уваров был вынужден выступить со статьей в их защиту. Это стоило ему министерской должности.

В 1849–1853 гг. управление образованием перешло к представителю действительной реакции – П. А. Ширинскому-Шахматову. 24 октября 1849 г. новый министр народного просвещения выступил с «Наставлением ректору и деканам юридического и первого от-

деления философского факультетов». Им вменялось в обязанности «иметь постоянный и деятельный надзор за преподаванием всех вообще предметов». На лекциях и экзаменах преподаватели должны были наблюдать «за неприкосновенностью начал, служащих основою государственного быта». Министр предлагал исключить из преподавания обзоры новых политэкономических учений, так как «сенсимонисты, фурьеристы, социалисты и коммунисты играют столь важную роль в современных событиях на Западе Европы. Основная мысль их есть достижение всеми возможными способами безусловного равенства. Объявив непримиримую войну всему, что возвышается над безземельною и бездомною чернью, коммунизм нагло подводит под свой железный уровень все состояния с уничтожением всех отличий породы, заслуг, богатств и даже ума».

Со стороны нового министра народного образования было предписано принимать в ограниченный контингент студентов в первую очередь дворян. На всех факультетах, кроме медицинского и богословского, количество студентов ограничивалось в 300 человек. Прекратилось преподавание философии и государственного права зарубежных стран. Философские факультеты были разделены на физико-математические и историко-филологические. Образованию придавался все более узкоспециальный прикладной характер. Преследовалась всякая просветительская деятельность. «Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением», – отметил в это время известный историк и общественный деятель Т. Н. Грановский.

Однако, несмотря на тяжелые условия, объективный процесс распространения образования не мог быть окончательно остановлен. Социально-экономическая и политическая жизнь страны, которая вступила в период кризиса феодально-крепостнической системы, установления новых капиталистических отношений, требовала образованных чиновников и специалистов.

В итоге в 1856 г. в университетах и лицеях учились 2282 человека, в гимназиях – 19 098 (в 1826 г. – около 7 тыс.), в уездных, приходских и частных училищах – 95 315 человек. В то же время по 10-й ревизии 1857 г. в Европейской России насчитывалось 59,3 млн жителей. Таким образом, несмотря на некоторые успехи в деле развития образования, учебных заведений было совершенно недостаточно для многомиллионного населения России.

Но Николай I понимал необходимость развития науки в связи с общими задачами социально-экономического развития страны. Императорская Академия наук получила 8 января 1836 г. новый

устав и штат, по которому сумма на ее содержание выросла примерно в 2 раза. Структурно она осталась в системе Министерства народного просвещения. Важным событием академической реорганизации было присоединение к Императорской Академии наук Российской Академии наук как одного из ее отделений по рескрипту 19 октября 1841 г. Именно тогда в ней были образованы три отделения: физико-математических наук, русского языка и словесности, историко-политических наук и филологии (с 1844 г. историко-филологическое). Уставом 1836 г. закреплялось создание самостоятельных академических музеев (на базе Кунсткамеры): Азиатского, Ботанического, Зоологического, Антропологического и др. В 1834 г. была образована Временная комиссия для печатания материалов Археографической экспедиции, которая через три года получила государственный статус.

Как и просвещение во второй четверти XIX в., литература и печать также подверглись гонению. В 1826 г. был утвержден новый цензурный устав, который даже самые верноподданные современники считали не иначе как «чугунным». Некоторые острословили, что с новым уставом наступило время «полной свободы молчания». Устав имел 230 статей, которые запрещали, пожалуй, все, что только можно было запретить. Цензоры не могли пропускать никаких произведений, в которых прямо или косвенно «колебалась христианская вера», осуждался монархический способ правления, затрагивались государства Священного союза, выражалось сочувствие революционным событиям. Строго запрещалось высказывание самостоятельных мыслей о каких бы то ни было изменениях. В частности, в статье 167 отмечалось, что «цензоры при рассмотрении всякого рода произведений обязаны всевозможное обращать внимание, чтобы в них отнюдь не вкрадывалось ничего могущего ослабить чувства преданности, верности и добровольного повиновения постановлениям высочайшей власти и законам отечественным».

Этот устав ставил перед собой только одну задачу: «Запрещать издание или продажу тех произведений словесности, наук или искусств, как в целом составе или в частях своих вредных в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан». Подчеркивалось, что политические, государственные, церковно-религиозные вопросы обсуждать в печати строго запрещалось. Устав 1826 г. был настолько подробным и мелочным, что в самое короткое время вызвал против себя множество нареканий. В связи с этим уже в 1828 г. Николай I утвердил новый цензурный ус-

тав. Цензорам предписывалось «не дозволять себе произвольного толкования смысла речи в дурную сторону», не придираться «к словам и отдельным выражениям».

В это время был увеличен цензурный аппарат. Общее руководство им осуществляло Главное управление цензуры Министерства народного просвещения. В его состав вошли не только чиновники этого учреждения, но и представители других ведомств (Синода, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел). Были созданы местные цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Риге, Киеве, Вильно, Одессе, Тифлисе. Несмотря на существование Главного управления цензуры, над всем цензурным аппаратом возвышалось III отделение. Оно активно вмешивалось во все цензурные проблемы. В 1830–1840-х гг. в России широкое распространение получила ведомственная цензура. В сущности, цензуру осуществляли все министерства и даже небольшие ведомства.

Цензурные гонения очень тяжело отражались на передовой общественно-политической мысли, литературе, искусстве, науке. Особым гонениям подверглась массовая литература и периодическая печать. Во второй половине 1830-х гг. в России насчитывалось всего 54 периодических издания. При этом большинство из них составляли официальные «Губернские ведомости», издававшиеся с 1837 г., и журналы разных ведомств. Был закрыт ряд литературно-критических и общественно-политических изданий: в 1830 г. – «Литературная газета» А. А. Дельвига, в 1832 г. – «Европеец» П. В. Киреевского, в 1834 г. – «Московский телеграф» Н. А. Полевого, в 1836 г. – «Телескоп» Н. И. Надеждина. Периодические издания, которые продолжали существовать, в конце каждого года проходили соответственную проверку на «благонадежность». Кроме цензурной фактически существовала и редакторская ответственность за опубликованные материалы. Так, редактор «Телескопа» Н. И. Надеждин за опубликованные материалы был сослан, а цензор отстранен от занимаемой должности.

Примером обскурантистских дополнений к цензурному уставу 1828 г. является инструкция 1837 г., которая требовала параллельной цензуры каждого периодического издания двумя соответствующими специалистами. В случае «недосмотра» цензора могли посадить на гауптвахту, снять с должности, отправить в ссылку. Понятно, что в таких жестких условиях цензоры стремились всячески показать свое служебное рвение.

Революционные события конца 1840-х гг. в Западной Европе, напряженное внутреннее положение в самой России заставили

правительство усилить надзор за цензурными учреждениями. В начале 1848 г. экстренную ревизию положения цензуры осуществил Секретный комитет под руководством князя А. С. Меншикова. По результатам его деятельности высочайшим повелением от 2 апреля 1848 г. был создан Постоянный секретный комитет по делам цензуры для высшего надзора за «духом» и направлением книгопечатания. По фамилии его первого председателя – военного историка Д. П. Бутурлина – он был назван современниками бутурлинским. В комитет вошли М. А. Корф, С. Г. Строганов, П. И. Дегай, Л. В. Дубельт.

Создание бутурлинского комитета явилось ничем иным, как возникновением карательной цензуры. Дело в том, что его члены должны были рассматривать соответствие «духу времени» уже изданных материалов. За почти 8-летний период его существования (до 1 января 1856 г.) было просмотрено более 10,2 тыс. книг, 5,5 тыс. номеров журналов, 56 тыс. номеров газет. Период деятельности бутурлинского комитета (1848–1856 гг.) у современников считался «эпохой цензурного террора». Один из них – цензор А. В. Никитенко – в своем дневнике отметил, что комитет «действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать».

Глава 8

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

УСЛОВИЯ, ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ

Последовавшие почти одновременно суровая расправа над участниками декабристского движения, ужесточение цензурных правил, сосредоточение в рамках III отделения поистине всеобъемлющих полицейских функций свидетельствовали, что Николай I счел необходимым сразу же обозначить желание властей препятствовать возможному росту общественной активности. Улавливая происходящее, А. И. Герцен отмечал: «Шутить либерализмом было опасно, играть в заговоры не могло прийти в голову».

Тем не менее в специфических условиях политической реакции второй четверти XIX в. (по словам того же А. И. Герцена – «внешнего рабства») общественное движение в России, продемонстрировав свою самодостаточность, вышло на новый качественный уровень. Именно в этот период началось размежевание трех идейных направлений: консервативного, либерального и радикального. Их дальнейшее развитие определило интеллектуальный и духовный климат пореформенной России и последующего времени. Обозначившаяся дифференциация общественно-политических течений привела к появлению в 1830–1850-х гг. ряда самостоятельных и самобытных теоретических построений. В конечном счете духовной элите николаевской эпохи удалось сохранить независимость и свободомыслие (по выражению Герцена – «внутреннюю свободу»). Характерной чертой времени стало начало формирования разночинной интеллигенции, принявшей наряду с дворянством активное участие в общественном движении.

Активизации деятельности «думающего меньшинства» российского общества в обозначенный период способствовал ряд объективных и субъективных факторов. Прежде всего, мыслящие люди вне зависимости от их идейной ориентации отчетливо понимали пагубное воздействие на состояние России кризиса крепостнической системы. Сказывалось также влияние опыта социально-экономического развития западных стран, демонстрировавших существенные экономические успехи, и вместе с тем обострение социальных противоречий. Практически невозможно было полностью воспрепятствовать проникновению в Россию будоражащих умы молодежи социальных и философских идей западноевропейских мыслителей. Пример «Философских писем» П. Я. Чаадаева свидетельствовал, что и в самой Российской империи появились теоретические разработки, способные вызвать горячие споры, породить актуальные вопросы. Неготовность российских властей осуществить коренные реформы, их сосредоточенность лишь на упорядочении существующей организации общества, желание сохранить международную стабильность даже посредством превращения царизма в «жандарма Европы» давали основания для расширения круга сторонников радикальных идей. В свою очередь, активизация их деятельности стимулировала активность оппонентов – охранителей и либералов.

Основой идейных споров, развернувшихся в российском обществе в 1830–1850-х гг., стал вопрос о смысле существования России. Не случайно Ф. М. Достоевский писал: «То была эпоха, впервые сознательно на себя взглянувшая». Естественно, в центре внимания спорящих сторон оказались такие российские реалии, как самодержавная власть и крепостное право.

Постановка вопросов о роли России во всемирно-историческом процессе, ее современном состоянии и перспективах развития была вполне законной. Как и раньше, в рассматриваемый период продолжалось приобщение российской общественности к идеям западноевропейских мыслителей. Однако уже в 1820-х гг. вольтерьянство и масонство начали утрачивать свои позиции и вместе с тем стало усиливаться влияние немецкой идеалистической философии. В особенности молодых русских мыслителей привлекала идея Ф. Шеллинга о всемирно-историческом призвании великих народов (пангерманская «окраска» шеллингианства при этом значения не имела). Обозначившаяся в 1830-х гг. «мода» на Г. Гегеля также способствовала постановке вопроса о смысле русского бытия.

Отсутствие в России во второй четверти XIX в. возможности свободной общественной деятельности предопределило специфику

ее форм. Идейными центрами страны в это время становятся столичные салоны (домашние собрания единомышленников), высшие учебные заведения (в первую очередь Московский университет), литературные альманахи и журналы. Большее, чем прежде, общественное значение приобрели художественная литература и литературная критика.

КРУЖКИ КОНЦА 1820 – НАЧАЛА 1830-х гг.

В начале николаевского царствования российскому мыслящему обществу пришлось или снизить свою интеллектуальную активность, или, переосмысливая положительный и отрицательный опыт предшественников, пытаться действовать в трудных условиях политической реакции. Решение подобной задачи взяла на себя в основном студенческая молодежь, сориентированная на организацию малочисленных по составу кружков. Причем в так называемый кружковый период конца 1820 – начала 1830-х гг. особой общественной активностью стала отличаться Москва, которая своим либеральным стилем жизни как бы противопоставляла себя церемонному, наглухо «застегнутому» Петербургу. Главным же центром общественно-политической жизни страны стал Московский университет. Студенческая среда отличалась неоднородностью: здесь были и дворяне, и разночинцы (в основном малоимущие). Однако социальные перегородки в университетской общественной жизни рушились, и можно было свободно обмениваться своими взглядами, мнениями по любым вопросам.

В советской историографии прослеживалось стремление подчеркнуть революционный задор участников студенческих кружков, желание видеть в них сторонников и продолжателей декабристской традиции при отсутствии в целом ясности взглядов. В современной литературе имеют место критические оценки кружковой революционности.

Примером снижения интеллектуальной активности в условиях возможного преследования со стороны властей стали «любомудры» (в «Евгении Онегине» А. С. Пушкин обозначил их «архивными юношами»). «Общество любомудрия» возникло осенью 1823 г. и состояло из представителей молодого просвещенного московского дворянства: князь В. Ф. Одоевский (председатель), Д. В. Веневитинов (секретарь), И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, М. П. Погодин, С. П. Шевырев и др. Признанным идеологом «любомудров»

был принятый в 1824 г. на службу в архив Министерства иностранных дел бывший вольнослушатель Московского университета Д. В. Веневитинов (1805–1827 гг.). Он слыл хорошим музыкантом, живописцем, оригинальным литературным критиком, знатоком античной и новейшей философии, а также талантливым поэтом – «философским лириком».

Само название общества – «любомудры» – подчеркивало отличие взглядов его членов, сориентированных на немецкую философию (и прежде всего, шеллингианство), от взглядов многочисленных сторонников французских философов-просветителей XVIII в. (обозначалось противопоставление романтической «мудрости» просветительскому «разуму»). В определенной степени членов «Общества любомудрия» интересовали и политические проблемы. В частности, А. И. Кошелев отмечал: «Много мы… толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления».

Ситуация существенно изменилась после поражения выступления декабристов. В конце 1825 г. «Общество любомудрия» было номинально распущено, при этом были уничтожены его устав и программа. Продолжавшаяся впоследствии деятельность «любомудров» уже не выходила за рамки литературно-философских вопросов.

Вначале «любомудры» печатались преимущественно в журнале «Вестник Европы», а также в издававшемся В. Ф. Одоевским и В. К. Кюхельбекером альманахе «Мнемозина». Затем по совету А. С. Пушкина «архивными юношами» стал осуществляться выпуск журнала «Московский вестник», вокруг которого они группировались после формального роспуска общества.

Идейное единство «любомудров» сохранялось недолго, постепенно мировоззренческие расхождения между ними все более увеличивались (в целом деятельность «архивных юношей» предваряла славянофильство, но вместе с тем в начале 1830-х гг. такие их представители, как С. П. Шевырев и М. П. Погодин, перешли к отстаиванию российской самобытности в пределах ее правительственной интерпретации, т. е. «теории официальной народности»). Невосполнимый ущерб обществу причинила в 1827 г. смерть Д. В. Веневитинова (жизненные силы душевно хрупкого юноши были подорваны безответной любовью к княгине З. Волконской, нежелательным переводом на службу в Петербург и в конечном счете простудой). Прекращение выхода в 1830 г. «Московского вестника» привело к окончательному распаду кружка «любомудров».

Настороженность Николая I в отношении Московского университета зародилась уже во время его пребывания в Москве осенью 1826 г. по случаю коронации. Из доноса властям стало известно о распространении крамольной поэмы «Сашка», автором которой являлся студент университета А. И. Полежаев. Вступая в своеобразную творческую полемику с А. С. Пушкиным (самым крупным литературным событием 1825 г. стала первая глава «Евгения Онегина»), А. И. Полежаев описал похождения своего автобиографического героя, демонстративно противопоставляя его Онегину. При создании «Сашки» широко использовались приемы такого вольного и демократического жанра, как «ироикомическая» поэма. Причем характерные для этого жанра сцены буйства, разгула, прелюбодеяния А. И. Полежаев описал с вызывающей откровенностью.

Вместе с тем полежаевский натурализм имел агрессивную политическую окраску, поскольку был проникнут идеей отрицания устоев современного общества и его морали. Поэт нападал на рабские обычаи, чинопочитание, университетские порядки. Обращаясь к образу Отчизны, А. И. Полежаев спрашивал: «Когда тебе настанет время / Очнуться в дикости своей, / Когда ты свергнешь с себя бремя / Своих презренных палачей?». Николай I сам расследовал обстоятельства появления поэмы «Сашка» и распорядился отдать ее автора в солдаты.

Во второй половине 1826 г. в Москве возник кружок во главе с выпускником Московского университета П. И. Критским (среди шести членов кружка и 13 «прикосновенных» – студентов и мелких чиновников – оказались также М. И. и В. И. Критские). Отсутствие устава и программы не позволяет достаточно четко определить цели данной организации. Тем не менее следственные материалы разгромленного властями в августе 1827 г. кружка братьев Критских свидетельствуют о проявлявшемся здесь интересе к декабристам, об ориентации участников на ограничение самодержавия, просвещение «черни», недопущение иностранцев на высшие государственные посты, сокращение срока солдатской службы до 10 (или 6) лет, всемерное развитие национальной промышленности и распространение народных обычаев.

На собраниях кружка обсуждались (но не были одобрены) планы цареубийства, а также намерения организовать «бунт» посредством распространения «возмутительных воззваний». Практические действия кружка братьев Критских свелись к попытке вести пропаганду среди студентов университета, чиновников, «нижних

чинов» и офицеров Московского гарнизона (при этом прослеживались элементы мистификации: пропагандисты утверждали, что «их партия довольно значительна как в Москве, так и в Петербурге и Сибири»). С деятельностью данной организации обычно связывают появление на Красной площади в день коронации Николая I прокламаций, в которых осуждалось монархическое правление и содержался призыв к его свержению.

В июне 1831 г. был разгромлен кружок еще одного воспитанника Московского университета, отставного губернского секретаря Н. П. Сунгурова. К следствию были привлечены 26 человек (студенческая масса, включавшая обучавшихся в университете поляков, мелкие чиновники, офицеры). В качестве цели сунгуровского общества фигурировало требование установить в России конституционно-монархический строй. Участники кружка составили совершенно нереальный план овладеть арсеналом, раздать оружие народу, «возмутить фабричных людей и всю чернь московскую», в конечном счете захватить власть в Москве и вызвать сюда представителей губерний «к рассмотрению конституции». В советской историографии делались искусственные попытки уловить в подобных химерических намерениях сунгуровцев стремление «опереться» на народные массы.

Следует отметить суровую расправу властей над участниками организации, по существу, не успевшей утвердиться в своей антиправительственной деятельности. Члены кружка братьев Критских были заключены в Шлиссельбургскую крепость и тюрьму Соловецкого монастыря, а «прикосновенные» высланы из Москвы и отданы под надзор полиции. Наиболее активных участников кружка Н. П. Сунгурова приговорили к отправке на каторжные работы, остальных – к определению в солдаты. Правящие круги в очередной раз продемонстрировали твердую решимость жестко бороться со всяким проявлением «крамолы». В 1830-х гг. попытки «кружковых» форм идейного общения и антиправительственной деятельности предпринимались и в провинции – во Владимире, Нежине, Курске, на уральских заводах. По примеру «центра» они решительно пресекались местными властями.

Стремление царизма всеми возможными способами приблизить идейную жизнь в России к «точке замерзания» привело к тому, что «статус» тайных организаций вынуждены были приобретать даже просветительские кружки. Их деятельность заслуживает внимания потому, что участниками кружков являлись многие знакомые фигуры русской общественной мысли XIX столетия.

В 1829 г. «казеннокоштным» студентом словесного отделения философского факультета Московского университета стал родившийся в Свеаборге в семье флотского лекаря В. Г. Белинский (1811–1848 гг.). В конце 1830 г. вокруг него сложился дружеский студенческий кружок – «Литературное общество 11-го нумера» (собирались в комнате № 11 университетского пансиона). На еженедельных литературных встречах участники кружка беседовали о текущих политических событиях, обсуждали новинки художественной литературы и журнальные статьи, озвучивали собственные литературные опыты.

В начале 1831 г. на одном из подобных «учено-литературных диспутов» В. Г. Белинский прочел свою драму «Дмитрий Калинин», посвященную судьбе крепостного юноши. Это весьма посредственное в художественном отношении произведение (его наполняли длинные и скучные монологи главного героя) было проникнуто антикрепостническими настроениями. Встретив сочувственный отклик у членов кружка (они намеревались поставить пьесу на сцене студенческого театра), драма была запрещена властями как «безнравственная», а автору было сделано строжайшее внушение.

Результатом этих событий стали нервный срыв и тяжелая болезнь В. Г. Белинского. В сентябре 1832 г. попавший в разряд «неблагонадежных» молодой литератор был исключен из университета. Традиционно считавшиеся формальными мотивы исключения В. Г. Белинского – «по слабому здоровью» и «по ограничению способностей» – все же имели под собой определенную реальную основу: будущий великий литературный критик все три студенческих года числился на первом курсе, так как много болел, а также, увлеченный литературой и театром, пренебрегал занятиями. Его уход из университета привел к прекращению деятельности кружка.

Сильно бедствующему В. Г. Белинскому пришлось заниматься корректорской работой, переводами, частными уроками. Большое внимание уделялось самообразованию. В 1833 г. он стал сотрудником журнала «Телескоп» и газеты «Молва» Н. И. Надеждина. В это же время В. Г. Белинский вошел в состав кружка Н. С. Станкевича, являвшегося на всем протяжении своего существования (1831–1837 гг.) одним из главных центров идейной жизни России.

Выпускник Московского университета 1834 г. Н. В. Станкевич (1813–1840 гг.) был известен как видный общественный деятель, философ, поэт. Испытывая влияние немецкой классической философии, важнейшей движущей силой исторического процес-

са он считал просвещение, а основной задачей формирующейся интеллигенции – пропаганду идей гуманизма. Свойственные Н. В. Станкевичу широта взглядов, терпимость, личное обаяние привлекали к нему молодых людей, которые впоследствии стали придерживаться разных убеждений. Среди членов кружка Н. В. Станкевича, подчеркивающих свою аполитичность и увлеченность немецкой идеалистической философией (шеллингианством и гегельянством), были будущие славянофилы К. С. Аксаков, И. В. и П. В. Киреевские, западники Т. Н. Грановский и В. П. Боткин, перешедший от западничества к охранительству М. Н. Катков, склонный к революционным идеалам М. А. Бакунин. Оценивая роль Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановский отмечал: «Его влияние на нас было бесконечно и благотворно». Закономерно, что в связи с отъездом Н. В. Станкевича в 1837 г. для лечения за границу кружок прекратил свое существование.

В «Былом и думах» А. И. Герцен признавался: «Между нашим кругом и кругом Станкевича не было большой симпатии. Им не нравилось наше почти исключительно политическое направление, нам не нравилось их почти исключительно умозрительное. Они нас считали фрондерами и французскими, мы их – сентименталистами и немцами».

На кружковый период приходится начало активной деятельности А. И. Герцена (1812–1870 гг.), представлявшего одну из самых колоритных фигур на российском общественно-политическом «небосклоне» XIX в. Известный революционер с долей либерализма, писатель, философ, публицист являлся внебрачным сыном родового московского барина И. А. Яковлева (вынужден был носить вымышленную фамилию: от немецкого Herz – сердце). В детстве состоялось знакомство А. И. Герцена с дальним родственником Н. П. Огаревым (1813–1877 гг.). Значительное влияние на жизненную позицию ставших соратниками и удивительным образом дополнявших один одного А. И. Герцена и Н. П. Огарева оказали декабристы. Юношеская клятва в вечной дружбе и неизменном решении отдать свою жизнь борьбе за свободу («отомстить за казненных») предопределила направленность их общественно-политической деятельности.

Осенью 1831 г. вокруг обучавшихся в Московском университете А. И. Герцена и Н. П. Огарева сложился студенческий кружок. Его деятельность А. И. Герцен описал в 6–12-й главах «Былого и дум». Собрания кружка с обсуждением политических проблем сочетались с дружескими вечеринками. Постепенно внимание

А. И. Герцена и Н. П. Огарева сосредоточилось на изучении трудов французского социалиста К. А. Сен-Симона и его последователей (сенсимонизм ориентировался на утопический план создания рационального общественного строя – «промышленной системы» – посредством утверждения «новой» религии). В 1834 г. одна из студенческих пирушек закончилась арестом А. И. Герцена и Н. П. Огарева по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни». После длительного разбирательства «за непозволительный образ мыслей» А. И. Герцен был выслан сначала в Пермь, Вятку, а затем во Владимир, Н. П. Огарев – в Пензенскую губернию (в имение отца).

В середине 1830-х гг. стал наблюдаться спад общественного движения. Однако он был прерван знакомством широких кругов российской общественности с цельной историко-философской концепцией П. Я. Чаадаева – его первым «Философическим письмом» (по словам А. И. Герцена, это был «выстрел, раздавшийся в темную ночь»).

ФЕНОМЕН ИСТОРИОСОФИИ П. Я. ЧААДАЕВА

В 1908 г. Г. В. Плеханов писал: «О Чаадаеве уже не однажды заходила речь в нашей литературе, но, вероятно, еще долго нельзя будет сказать, что уже довольно говорили об этом человеке». Действительно, о крупном и оригинальном мыслителе, «первом русском философе» по-прежнему спорят и размышляют. Оценки специалистов деятельности П. Я. Чаадаева, его личности резко расходятся: он выступает и выдающимся деятелем освободительного движения, сыгравшим важнейшую роль в развитии революционных идей в России, и крайним, воинствующим западником, проводником западных духовных ценностей, и бывшим декабристом, ставшим мистиком и консерватором, и чисто религиозным мыслителем, погруженным в свой внутренний мир. Причина подобной разноголосицы кроется в неоднозначности мировоззрения и сложности судьбы мыслителя.

П. Я. Чаадаев (1794–1856 гг.) происходил из старинной московской дворянской семьи. В 1808–1811 гг. он обучался в Московском университете, а затем являлся участником Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии. Связь П. Я. Чаадаева с масонами и близость с декабристами не имели для него определяющего значения. Переломным моментом в судьбе блестящего гвар-

дейского офицера и, по словам А. С. Пушкина, «молодого мудреца» стала поездка в 1820 г. к Александру I, находившемуся на конгрессе Священного союза в Троппау, в целях доставки известия о возмущении Семеновского полка. Последовавший вскоре уход П. Я. Чаадаева со службы накануне назначения его флигель-адъютантом императора до настоящего времени не получил удовлетворительного объяснения.

В 1823–1826 гг. П. Я. Чаадаев путешествовал по Западной Европе (во время пребывания в Германии Ф. В. Шеллинг отозвался о нем как об одном из умнейших русских людей). Во время заграничной поездки он, в сущности, превратился в своеобразного философствующего мистика. Этому вполне соответствовал затворнический характер его жизни после возвращения в Россию. Результатом напряженной духовной работы затворника стал цикл «Философических писем» (1829–1831 гг.). Изложенная здесь историософская позиция, по определению известного литературоведа, исследователя общественной мысли М. О. Гершензона, представляла «социальный мистицизм».

Первое «Философическое письмо», содержащее основные чаадаевские идеи, датировано 1 декабря 1829 г. Поэтому имеющие место попытки видеть в П. Я. Чаадаеве непосредственного оппонента апологетов «теории официальной народности» не соответствуют действительности (появление «письма» в печати в 1836 г., т. е. уже после озвучивания уваровской триады, представляло чисто «технический» момент). Идейные изыскания П. Я. Чаадаева вполне самодостаточны. Чаадаевская историография может рассматриваться как поиск «будущих судеб» России. Предложенная им система историко-философских раздумий опиралась на «истину христианского учения» (в сущности, она являлась результатом изучения католического верования и шеллинговской философии).

Основной смысл «Философических писем» сводился к анализу прошлого, рассмотрению настоящего и проецированию будущего России, попытке определения ее исторической роли. По словам А. И. Герцена, из всего этого получился «мрачный обвинительный акт против России». П. Я. Чаадаев противопоставил Россию и Европу как «производные» от двух различных религий – православия и католичества. Европа характеризовалась им как воплощение прогресса, результата деятельности волевых, активных людей, воспитанных на традициях католичества, а Россия рассматривалась как символ неподвижности, застоя, результат излишне аскетического православия, унаследованного от умирающей Византии.

Эти факторы в конечном счете определили реально осязаемую особенность, оторванность России от общеевропейской цивилизации. «Глядя на нас, – писал П. Я. Чаадаев, – можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили... Мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь... Если бы дикие орды, возмутившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем устремиться на Запад, нам едва ли бы была отведена страница во всемирной истории. Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, нас и не заметили бы... По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитывать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения всех народов».

Появление в 1836 г. в журнале «Телескоп» Н. И. Надеждина долгое время распространявшейся в списках чаадаевской рукописи стало возможным только благодаря недосмотру цензурного ведомства: цензор А. В. Болдырев (ректор Московского университета) подписал соответствующее разрешение за ломберным столом.

Николай I расценил одну из самых скандальных публикаций своего царствования (пожалуй, с ней можно сопоставить только преданный широкой огласке участниками польского восстания 1830–1831 гг. проект конституции Н. Н. Новосильцева и книгу маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 г.») как «смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного». П. Я. Чаадаев относительно России отмечал: «Прошлое ее бесполезно, настоящее – тщетно, а будущего никакого у нее нет». Подобный вывод мыслителя представлялся дерзким вызовом официальной идеологии, а следовательно, и российским властям в целом. Правительство сурово расправилось со всеми, кто был причастен к выходу «Философического письма»: П. Я. Чаадаева объявили «сумасшедшим» и отдали под медико-полицейский надзор, «Телескоп» был закрыт, а Н. И. Надеждин лишен права заниматься издательской и преподавательской деятельностью и выслан в Усть-Сысольск, А. В. Болдырев отстранен от должности.

А. И. Герцен очень четко уловил смысл появления возможности знакомства широкой общественности с «Философическим письмом»: «На минуту все, даже сонные и забытые, отпрянули, ис-

пугавшись зловещего голоса. Все были изумлены, большинство оскорблено, человек десять громко и горячо рукоплескало автору». Воздействие П. Я. Чаадаева на русскую общественную мысль определялось не заимствованием у него тех или иных идей («чаадаевщина» отрицалась даже друзьями мыслителя), а тем, что он дал мощный толчок ее развитию, остро поставив ряд проблем – Россия, ее история, настоящее, будущее. «Философическое письмо» стимулировало их более общую социологическую постановку. Ярким примером этого стало формирование позиций славянофилов и западников.

Всеобщее невосприятие «социального мистицизма» П. Я. Чаадаева вынудило его пересмотреть свои взгляды. При тех же религиозно-философских построениях мыслителем был сделан иной вывод о назначении России. Он предсказал ей великое будущее, поскольку оторванность от культурных традиций Запада позволяет родной стране учиться на чужих ошибках, отбирать и претворять в жизнь лучшие зарубежные идеи, принципы и установления. В частности, в «Апологии сумасшедшего» (1837) отмечалось: «Мы пойдем вперед и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам». По словам М. О. Гершензона, свое двадцатилетие, последовавшее за публикацией «Философического письма», П. Я. Чаадаев «прожил жизнью мудрых в размеренном кругу однообразных интересов, привычек и дел». Как человек, сказавший свое слово в истории России, он имел на это полное право.

ОХРАНИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ГЕНЕРАЦИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ «ТЕОРИИ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ»

«Философические письма» П. Я. Чаадаева, в сущности, представляли собой оригинальное творение мыслителя кабинетного типа. Специфика авторского подхода к оценке итогов и перспектив развития России предопределила невозможность их положительного восприятия консервативным в своем большинстве российским обществом. Вместе с тем уже в начале 1830-х гг. была сформулирована цельная идеологическая доктрина, базировавшаяся именно на принципах консерватизма, – «теория официальной народности» (подобное название впервые употребил в 1872 г. А. Н. Пыпин).

Это свидетельствовало о том, что усилиями представителей правительственных структур консервативное направление в идейном отношении оформилось раньше других течений общественной мысли России. Большая заслуга в этом принадлежала С. С. Уварову (1796–1855 гг.), являвшемуся вначале товарищем министра народного просвещения, а в 1833–1849 гг. – непосредственно руководителем системы образования. В современной историографии (исследования Е. Л. Рудницкой и др.) четко прослеживается отход от стереотипа, согласно которому автор идеологической платформы николаевского царствования – только ловкий и хитрый приспособленец, беспринципный карьерист. Действительно, являясь одним из просвещеннейших людей в кругах высшей правительственной бюрократии, С. С. Уваров преданно служил режиму. Но в то же время он много сделал для русского просвещения (авторские разработки в области гуманитарных дисциплин, усилия по открытию университетов в Санкт-Петербурге и Киеве, внимание к развитию технического образования).

С. С. Уваров, тонко уловив отказ Николая I от первоначальных реформаторских намерений и ставку императора на постепенность изменений при незыблемости государственно-политического и социального порядка, предложил своеобразное теоретическое обоснование подобного правительственного курса. В марте 1832 г. он обратился к Николаю I с идеей необходимости «постепенного изменения через институты народного просвещения умонастроений большинства подданных империи, осуществляя таким образом формирование будущего России».

Важное значение в разработке соответствующей программы деятельности имела проведенная С. С. Уваровым ревизия выделявшегося своей общественной активностью Московского университета. В его отчете на имя императора (ноябрь 1832 г.) констатировалась заряженность местного студенчества «понятиями, заманчивыми для умов незрелых и, к несчастью Европы, овладевшими ею», и вместе с тем сохранившаяся возможность «образовать в большом числе оных полезных и усердных орудий правительства». С. С. Уваровым был сделан следующий вывод: «Я не думаю даже, чтобы правительство имело полное право судить слишком строго о сделанных, быть может, ошибках со стороны тех, коим было некогда вверено наблюдение за сим заведением, но я твердо уповаю, что нам остаются средства сих ошибок не повторять и постепенно завладеть умами юношества... привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из трудней-

ших задач времени образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и с теплою верою в истинно русские хранительные начала Православия, Самодержавия и Народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества». Поставленная С. С. Уваровым сверхзадача – усвоение цивилизационных достижений Европы при отрыве от породившей их системы общественных ценностей (Я. А. Гордин: «Вырастить людей одновременно европейски образованных и азиатски преданных власти») – впечатлила Николая I.

Истоки первых двух элементов формулы «самодержавие – православие – народность» прослеживались в ряде предшествующих материалов (в записке «О древней и новой России» Н. М. Карамзина, в подготовленном М. М. Сперанским манифесте от 13 июля 1826 г., возвещавшем о казни, совершенной над декабристами). Традиционно считалось, что в предложенном С. С. Уваровым единстве трех понятий «народность» представляла лишь лицемерное прикрытие главного элемента триады – «самодержавия».

Однако подобное преувеличение политического содержания «теории официальной народности» представляется необоснованным. Уваровский принцип «народности» вполне логично вписывался в общеевропейское идейное движение того времени и был достаточно самовыразительным. Национальное возрождение и становление являлись неотъемлемыми факторами исторического бытия посленаполеоновской Европы и нашли свое идейное выражение в романтизме, восторжествовавшем в исторической мысли, философских разработках, литературных произведениях. В России же выражение национальной идеи посредством обращения к понятию «народность» взяла на себя абсолютистская власть. Значимость подобной инициативы С. С. Уварова подтверждалась тем, что за «народность» в 1830–1850-х гг. выступали все направления русской общественной мысли (однако каждое из них при этом ориентировалось на совершенно различное содержание этого понятия).

На привитии широким массам убежденности, что «Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить», была сконцентрирована вся мощь правительственного административного и идеологического аппарата. Запрограммированная властями интерпретация смысловой нагрузки уваровской триады осуществлялась через правительственные документы, соответствующие научные разработки, официальную печать. Широко были задействованы церковь и система образования.

Главным вдохновителем «теории официальной народности» стал Николай I. Помимо министра народного просвещения С. С. Уварова основными разработчиками постулатов официальной идеологической платформы считались историки М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов, филологи С. П. Шевырев и О. И. Сенковский, журналисты Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, беллетристы М. Н. Загоскин и Н. В. Кукольник. Глашатаи «официальной народности» располагали значительным числом авторитетных периодических изданий (журналы «Сын отечества» Ф. В. Булгарина, «Москвитянин» М. П. Погодина, «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского, «Московский наблюдатель» С. П. Шевырева, газета «Северная пчела» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча).

Согласно видению проводников официальной идеологии николаевской эпохи русский народ по складу своего национального характера резко отличается от европейцев. Это отличие было порождено влиянием православной церкви, в лоне которой народные массы получали духовное развитие. В частности, в 1843 г. в отчете по случаю десятилетия пребывания в должности министра народного просвещения С. С. Уваров писал: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть».

Европейские народы, желая получше обустроить свою земную жизнь, бунтовали, свергали неугодных им правителей, меняли свое государственное устройство. Русский же народ постоянно оставался совершенно аполитичным, стремился приблизиться к высоким идеалам смирения, доброты, милосердия. Поэтому он навсегда избрал тот государственный строй, который вполне соответствовал подобным стремлениям.

Именно самодержавная власть, отечески опекая россиян, взяла на себя все тяготы управления страной. Значительные усилия в доказательстве исконности в России самодержавия прилагались М. П. Погодиным. Он считал, что на Западе государственность сложилась в результате завоевания, в России же возникла мирным путем. В том же юбилейном министерском отчете в отношении главного «звена» идеологической триады С. С. Уваров утверждал: «Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное воспитание и с ним развиваться». В связи с этим вполне за-

кономерным выглядело обретение Россией в 1833 г. своего нового национального гимна «Боже, царя храни!» (текст В. А. Жуковского, музыка А. Ф. Львова). По мнению С. С. Уварова, «народность» представляет «не менее важное, не менее сильное», чем «самодержавие» и «православие», еще одно «национальное начало». При этом виделось отсутствие в России социальной розни, «единство» народа и «единение» его с царем.

По «теории официальной народности» николаевская Россия должна была восприниматься как идеал существования россиян. Соответственно отсюда вытекала необходимость сохранения всех существующих порядков, включая и крепостное право. А. Х. Бенкендорф, отрицая, в сущности, стержневые выводы первого «Философического письма», утверждал: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Однако далеко не все представители российской общественности желали соглашаться с подобными соображениями. В процессе выработки своего отношения в равной степени к «чаадаевщине» и «уваровщине» четко обозначилось становление российского либерализма как самостоятельного направления в общественной жизни страны.

ЛИБЕРАЛЬНО-ОППОЗИЦИОННОЕ ИДЕЙНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. СЛАВЯНОФИЛЫ И ЗАПАДНИКИ

Определяющим фактором проявившегося в 1840-х гг. в России либерального идейного течения стало противостояние его основных представителей – славянофилов и западников. Нахождение в либеральном лагере «друзей» – «врагов» (подобным определением А. И. Герцен подчеркивал наличие у славянофилов и западников не только мировоззренческих расхождений, но и многочисленных точек соприкосновения), безусловно, существенно обогатило общественную жизнь страны в это «замечательное десятилетие» и в николаевскую эпоху в целом.

Первыми проявили себя славянофилы. Точкой отсчета здесь стал обмен мыслями между двумя виднейшими идеологами славянофильства. В 1839 г. А. С. Хомяков (прозванный «Ильей Муромцем» славянофильства) ознакомил общественность (это произошло на традиционном салонном уровне Москвы) с запиской «О старом и новом», а И. В. Киреевский выступил со статьей «В ответ Хомяко-

ву». Основой сформулированной ими в общих чертах славянофильской концепции стала постановка вопросов (и попытка нахождения на них ответов) о приоритетности «старой» и «новой» России, о значимости «коренных начал» страны, о степени влияния на «ее теперешнюю организацию» тех или иных «чуждых стихий». Уже этим обозначался отход от характерной и для П. Я. Чаадаева, и для сторонников официальной идеологии концентрации внимания на противопоставлении России и Запада.

Окончательно славянофильство как одно из либерально-реформаторских направлений в общественном движении России сформировалось в 1845 г., когда был опубликован ряд славянофильских статей в «Москвитянине» (в это время М. П. Погодин, у которого уже давно не ладились дела с изданием единственного «толстого» журнала в Москве, передал его И. В. Киреевскому). В целом же переход от практики распространения своих идей посредством салонных дискуссий по литературным, философским и общественным вопросам к использованию значительно более широких возможностей периодической печати для славянофилов растянулся на длительный период.

Собственно славянофильскими стали выходивший в 1856–1860 гг. в Москве журнал «Русская беседа» (издатель – редактор А. И. Кошелев), а также газеты «Молва» (1857) и «Парус» (1859). Подобную проблему западники решили более успешно, обеспечив себе тем самым определенное пропагандистское преимущество. Уже на раннем этапе общественной трибуной западников стали журнал А. А. Краевского «Отечественные записки», редактируемая Е. Ф. Коршем газета «Московские ведомости», позднее – литературно-политический журнал «Русский вестник».

Славянофильский кружок объединял сориентированных на либеральные ценности представителей старых дворянских родов, по традиции получавших хорошее домашнее воспитание, а затем обучавшихся в Московском университете (это были поэты, историки, экономисты, литературные критики). Кроме того, их идейные увлечения тесно переплетались с родственными и семейными связями. Помимо зачинателей славянофильства (а взгляды А. С. Хомякова и И. В. Киреевского стали не только изначальным, но и наиболее полным и цельным выражением соответствующей доктрины) видную роль в кружке играли К. С. и И. С. Аксаковы, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Д. А. Валуев, Ю. Ф. Самарин, князь В. А. Черкасский.

Понятие «славянофилы» (букв. «славянолюбы») появилось в 1809 г. (введено А. С. Шишковым). Использованный западниками

в пылу полемики в отношении своих оппонентов термин окончательно утвердился лишь в середине 1850-х гг., вытеснив все другие относящиеся к ним понятия – «восточные», «восточники», «славянисты», «староверы» и др. Сами славянофилы первоначально не принимали это название, считая себя «русеолюбами», или «русеофилами», и тем самым подчеркивая, что их интересуют преимущественно судьбы России, русского народа, а не славян в целом.

Неточность названия идейного направления мешала верному восприятию общественностью учения славянофилов. Нередко попытки «судить по словопроизводству» (П. А. Вяземский) приводили к тому, что славянофильству приписывались ксенофобия, неприязнь к Западной Европе, национальная ограниченность, приверженность к домостроевским порядкам. Немаловажное значение случайность обозначения имела и для западников. Как и в славянофильском «варианте», все прочие названия в отношении западников – «европейцы», «европеисты», «нововеры» и др. – были вытеснены в середине 1860-х гг. Даже после окончательного закрепления понятия «западничество» вдумчивые современники сомневались в его адекватности. Западников ошибочно (по «словопроизводству») обвиняли в слепом преклонении перед Западной Европой, космополитизме, отсутствии чувства национальной гордости, презрении к народу. Славянофилы, используя термин «западничество» при оценке своих идейных противников (по признанию Н. М. Языкова – «не наших»), придавали ему несколько уничижительный оттенок.

Западничество как идейное течение возникло на рубеже 1830–1840-х гг. Нередко первым западником представляется собственно П. Я. Чаадаев. В 1841–1842 гг., несколько позднее славянофильского, сложился московский кружок западников. В него вошли заметные в научном, литературном и общественном мире представители дворянской интеллигенции (историки, правоведы, публицисты, писатели) – Т. Н. Грановский, В. П. Боткин, Е. Ф. Корш, К. Д. Кавелин, Н. Х. Кетчер, М. Н. Катков, П. Н. Кудрявцев, позднее Ф. И. Буслаев, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев. На московские споры отреагировало западничество Петербурга, которое возглавил В. Г. Белинский (К. Д. Кавелин: «Царил в кружке самодержавно»). Он отмечал, что в сравнении с московским петербургское западничество (П. В. Анненков, оказавшийся на короткое время в столице К. Д. Кавелин, А. А. Комаров, М. А. Языков, И. И. Маслов, И. И. Панаев) было более принципиальным и бескомпромиссным. Подобная позиция не могла не препятствовать намечавшемуся сближению «друзей-врагов».

Главным вектором полемики, развернувшейся между славянофилами и западниками при выстраивании соответствующих исторических концепций и попытках создания политических программ, стала позиция «Россия – вне Европы». Особую значимость она приобрела в связи с прогнозированием оппонентами будущего страны.

Славянофильство относило положение «Россия – не Европа» в российский «актив». Его представители опирались на идею, что у каждого народа своя судьба, сущность которой определяется «народным духом». Обозначая себя «почвенниками» (А. С. Хомяков) или «самобытчиками» (А. И. Кошелев), славянофилы стремились подчеркнуть, что их основная цель – обоснование и отстаивание самобытного пути развития России (по сравнению не только с Западом, но и с Востоком). Подобная убежденность базировалась на наличии у русских основополагающих ценностей (они же – исторические ориентиры) – православной веры и крестьянской общины.

С православием как истинным видом христианства, глубоко проникшим в сознание русского человека, ставшим «духом народа», славянофилы связывали господство в России принципа «внутренней правды». Уникальным преимуществом православной культуры и русской духовной жизни они называли органическое единство рассудка и эмоций (на Западе, утратившем целостность христианской веры в период Реформации, ощущалось преобладание материальных расчетов над духовными – «внешней правды»). Однако, по утверждению идеологов «славян», в связи с европеизацией культуры и подчинением церкви светской власти в эпоху реформ Петра I позиции православия, очищенного от западных влияний, способного стать основой «внутреннего устроения личности» и, следовательно, морально-нравственного преобразования всего общества, оказались под угрозой.

К числу чрезвычайно значимых устоев славянофилы относили традицию согласия («соборности») в общественном устройстве России (А. С. Хомяков: «Единство в многообразии»). Врожденное чувство единения, способность русского человека жертвовать своими интересами ради общих лучше всего воплощаются в крестьянской общине, союзе «людей, которые отреклись от своего эгоизма, индивидуальности и которые выражают общее согласие» (К. С. Аксаков). Община с присущим ей коллективным владением землей должна сохраниться и в будущем (в данном отношении судьба России четко ассоциировалась с отменой крепостного права, утверждение которого «славяне» приписывали Петру I). Она имеет зна-

чение не только как привычная форма организации народного быта, но и как гарантия избавления от частнособственнических тенденций, индивидуализма, обнищания, «язвы пролетариата» и в конечном счете от социальных потрясений, общественных неурядиц. А. С. Хомяков утверждал: «Общим есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его – не останется ничего; из его же развития может развиться целый гражданский мир».

Славянофилы переносили принцип «соборности» и на политическое устройство допетровской России, в которой существовал союз «земли» (народа) и «государя». Они считали, что на Руси государство возникло в результате добровольного призвания варягов и в отличие от европейских вариантов (здесь превалировал принцип завоевания) не несло в себе изначального антагонизма.

Предполагалось, что для возвращения к традиционному и гармоничному типу развития в России должна быть восстановлена практика постоянного созыва совещательных земских соборов, а также реализовано требование свободы слова и печати (тем самым обеспечивалась свобода выражения общественного мнения). При этом исключалась возможность ограничения самодержавия какими-либо конституционными рамками. Идеологи славянофильства были убеждены в политической индифферентности русского народа (по природе «негосударственного»), который должен был предоставить монарху всю полноту власти. В свою очередь, самодержец должен править, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь народа и считаясь с его взглядами. Подобные теоретические построения славянофилы облекали в формулу: «Сила власти – царю, сила мнения – народу».

В условиях представления славянофилами, исполненными любовью ко всему русскому, программы общественного переустройства, изначально основанной на самобытности исторического развития России, его отличии от западноевропейского, именно Москва (своего рода средоточение святости, противовес подчиненному идее государственности Петербургу) воплощала для них связь с внешними духовно-религиозными традициями допетровской эпохи и стала идейным центром славянофильства.

При всей специфичности славянофильства было бы ошибочным считать его представителей ретроградами, зовущими Россию назад, к допетровским порядкам. Славянофильская программа была сориентирована на поступательное развитие страны, но не по тому пути, который был избран Петром I, внедрив западные порядки и обычаи.

В сущности, славянофилы приветствовали все достижения современной им западноевропейской цивилизации. Но наряду с этим они считали нужным обойтись без ломки коренных устоев, традиций и обычаев русской жизни. При подчеркнутом невосприятии буржуазного строя (с его «язвой пролетариата», падением нравов и прочими негативными реалиями) славянофилы выступали сторонниками экономического прогресса. С их стороны приветствовалось начавшееся в России железнодорожное строительство, внедрение машин, применение в сельском хозяйстве и промышленности наемного труда. Славянофилы уделяли большое внимание распространению просвещения. Они оставили богатое наследие во многих областях гуманитарного знания – философии, литературе, истории, богословии, экономике.

Правительство относилось к славянофильской оппозиционности весьма настороженно. Немедленно пресекались все начинания славянофилов в издании газет и журналов. Резкость высказываний с их стороны была чревата заточением в Петропавловскую крепость. В условиях усиления гонений со стороны властей в период «мрачного семилетия» славянофилы были вынуждены временно свернуть свою деятельность. Вместе с тем в конце 1850 – начале 1860-х гг. А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский стали активными участниками подготовки и проведения крестьянской реформы.

В противовес славянофилам в основе концепции западников лежало признание независимости общечеловеческих ценностей от национального происхождения последних и соответствующего их приоритета в историческом развитии России. Они полагали, что мировая цивилизация едина и вычленение из нее какой-нибудь страны ведет не к благу, а к загниванию. У спорящих сторон был общий подход к российскому прошлому, казавшемуся им принципиально отличным от европейского Средневековья. Но противостоя славянофилам, западники «идеализировали» Древнюю Русь в «отрицательную сторону» (определение исследователя Н. П. Колюпаева).

В западнической трактовке Россия вплоть до петровских реформ не принимала участия во всемирной истории, по сути находясь на обочине исторического развития человечества. Лишь благодаря титаническим усилиям Петра I она стала субъектом всемирно-исторического процесса и одновременно получила шанс догнать и превзойти западноевропейские страны.

Общепризнанный лидер западничества профессор Московского университета Т. Н. Грановский в пользующихся повышенной по-

пулярностью публичных лекциях по истории средневековой Европы (цикл 1843–1851 гг.) подводил слушателей к выводу о неизбежности в России тех процессов (прежде всего, отмены крепостного права), которые уже прошли в Западной Европе. В обращении к студенчеству он отмечал, что молодому поколению «предстоит благородное и... долгое служение нашей великой России – России, преобразованной Петром, России, идущей вперед и с равным презрением внимающей и клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, и старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются перед кумиром, созданным их праздным воображением». Особа Петра Великого занимала в концепции западников ключевое место, поэтому любая критика его встречала с их стороны чрезвычайно болезненную реакцию. Западники не были склонны углубляться в проблему «цены» петровской модернизации России.

Рассматривая деятельность Петра I как первую фазу обновления страны («спас Россию»), представители западничества считали, что и вторая его стадия должна начаться проведением реформ «сверху». Деятельность монарха-реформатора представлялась им альтернативой пути революционных потрясений (в этом отношении большие надежды были связаны с восхождением в 1855 г. на трон Александра II). Развивая соответствующую установку на пассивность русского народа и проявление верховной властью инициативы в проведении всех изменений в жизнедеятельности российского общества, представители западничества (профессора истории и права С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Нигерин) стали основоположниками так называемой «государственной школы» в русской историографии (основой здесь стали взгляды Г. Гегеля, считавшего государство творцом общественного развития).

Западники негативно воспринимали полицейско-бюрократические реалии николаевской России (В. Г. Белинский: «Родная действительность ужасна!»). Основной чертой существующего строя они считали беспредельность власти и ничтожность личности перед ней. Представители западничества выступали за конституционно-монархическую форму правления западноевропейского образца (в этом отношении для них казались идеальными парламентские порядки Англии и Франции). Ограничение самодержавия должно было сопровождаться политическими гарантиями свободы слова, печати, гласности суда, неприкосновенности личности.

Как и славянофилы, западники, безусловно, отрицательно относились к крепостному праву, призывая к скорейшей его отмене «сверху». Однако они выступали и против общинного владения землей, отстаивая принцип частной собственности («Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства» экономиста Д. М. Струкова, «Обзор исторического развития сельской общины» Б. Н. Чичерина и другие разработки). В противоположность славянофилам, которые признавали примат веры, западники решающее значение придавали разуму, утверждая самоценность человеческой личности как его носителя. Западническая идея свободы личности противопоставлялась славянофильскому положению корпоративности («соборности»).

Взаимоотношения славянофилов и западников были преисполнены драматизма. При разности мировоззренческих позиций и в то же время при наличии множества точек соприкосновения они вплоть до середины 1840-х гг. воспринимали себя как единое «образованное меньшинство», стремящееся пробудить общество от «умственной апатии». В условиях николаевской России это было возможно, прежде всего, в литературных салонах обеих столиц. При всем том, что через своих агентов III отделение было хорошо осведомлено обо всем происходящем, откровенность в обмене мнениями, которая просматривалась здесь, была недопустима ни в публицистике, ни в университетских лекциях.

Специфика салонных дебатов заключалась в том, что они собирали не только спорящих, но и значительное число зрителей (вольных или невольных). А. И. Герцен, особенно отличавшийся в полемическом задоре, отмечал, что просвещенная элита московского общества съезжалась в салоны, чтобы посмотреть, «кто кого отделает и как отделают его самого». Он объяснял подобную притягательность тем, что «тут важно невольное сознание, что мысль стала мощью, имела почетное место, вопреки высочайшему повелению». В свою очередь, А. С. Хомяков в отношении салонных споров был более критичен: «Ежедневное повторение одних и тех же бесед очень похоже на оперу в Италии: она идет целый год, и слушателям не скучно».

В 1845 г. произошел конфликт, разрушивший сложившееся во взаимоотношениях западников и славянофилов равновесие «дружбы – вражды». Первоначальным толчком к разрыву отношений между кружками послужили стихи Н. М. Языкова «К не нашим» (конец 1844 г.), в которых содержались нападки на А. И. Герцена, Т. Н. Грановского и П. Я. Чаадаева. За этим последовала серия вза-

имных претензий, и обозначившийся раскол уже «по всей линии» (словесная перепалка едва не привела к дуэли между Т. Н. Грановским и П. В. Киреевским) развел представителей «образованного меньшинства» по враждебным лагерям.

Одновременно обнаружилась тенденция нарушения единства собственно западнического кружка. Начало идейным расхождениям здесь положила эволюция мировоззренческих позиций А. И. Герцена в сторону материализма и атеизма (базовой основой западничества продолжало оставаться гегельянство). В 1845 г. подобное противостояние обозначилось на уровне его споров с Т. Н. Грановским. Последовавший вскоре отъезд А. И. Герцена за границу окончательно оторвал его от единомышленников по западническому кружку. Невосполнимой потерей для западников стала смерть Т. Н. Грановского в 1855 г. Вскоре западнический кружок начал распадаться.

На рубеже 1850–1860-х гг. тяжелейшие утраты в стане авторитетных лидеров понесли и славянофилы (скончались братья И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков). В сложившейся ситуации славянофильство вступило в полосу затяжного кризиса, окончившегося распадом «московского» направления в середине 1860-х гг.

Славянофильские позиции получили свое развитие в «веховской» концепции (авторами статей изданного в России в 1909 г. сборника «Вехи» были Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и др.). Своих приверженцев в последующем имело и западничество (подобную ориентацию воплощали П. Н. Милюков, Н. И. Кареев, А. А. Кизеветтер, В. И. Вернадский и ряд других известных общественных деятелей).

РАДИКАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ «АПОГЕЯ САМОДЕРЖАВИЯ»

На рубеже 1840–1850-х гг. в России складывалось революционно-демократическое (радикальное) направление общественной мысли. Наиболее видными его представителями являлись В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, «левое» крыло петрашевцев, а также некоторые из участников украинского Кирилло-Мефодиевского общества. В основе разрабатывавшейся в условиях России революционно-демократической теории лежали новейшие фило-

софские и политические идеи, распространившееся в Западной Европе. Как и представители других направлений общественной мысли в России (прежде всего, либерального), революционные демократы в обосновании своих общественно-политических позиций широко использовали достижения немецкой классической философии (труды И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Л. Фейербаха).

Но если либералы в своем стремлении идти по пути прогресса опирались и на реальные достижения западных государств, и на российскую историческую традицию, то радикалы оценивали действительность с точки зрения идеала совершенного общества. Во второй четверти XIX в. на Западе возникли различные версии подобного идеала. Реальным проблемам тогдашнего индустриального общества, его различным социальным контрастам, нищете и неполноправности широких слоев населения в качестве вариантов их радикального преодоления были противопоставлены идеи социализма (А. Сен-Симон, Ш. Фурье). В их основе лежали простые и привлекательные положения: неприятие принципа частной собственности, критика буржуазных отношений и вера в возможность построения общества с отсутствием эксплуатации человека человеком.

Обличая подражательность русского общества, переменчивость в России общественных настроений, А. С. Хомяков отмечал, что тех здесь, кто являлся властителями дум немецких философов (они в свое время сменили французских энциклопедистов), готовы потеснить «тридцатилетние социалисты». При этом лидер славянофилов ошибочно полагал, что социализм в России «мертв», хотя пример кружка А. И. Герцена и Н. П. Огарева свидетельствовал, что уже с 1830-х гг. он стал распространяться и в Российской империи. Объективной основой подобного интереса к социалистической идее была совокупность глубочайших социальных противоречий, порожденных эпохой кризиса феодально-крепостнической системы и формирования в России раннебуржуазных отношений.

В условиях николаевской России пропаганда идей, кардинально разнящихся с официальными идеологическими устоями, была возможна, прежде всего, посредством литературной деятельности. «У народа, – писал А. И. Герцен, – лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он и заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести». Не случайно, большой общественный резонанс имели такие произведения, как «Ревизор» и «Мертвые души» Н. В. Гоголя с их острой

сатирой на бюрократически-чиновничьи нравы дореформенной России, «Сорока-воровка», «Доктор Крупов», «Кто виноват?» А. И. Герцена, обличавшие крепостнические порядки, бесправие и унижение личности.

В полной мере возможности подцензурной печати 1830–1840-х гг. в изложении собственной позиции были использованы известным литературным критиком и публицистом В. Г. Белинским. При всей сложности и противоречивости своей мировоззренческой эволюции он стал одним из основоположников русской революционно-демократической идеологии.

После исключения в сентябре 1832 г. из университета В. Г. Белинский бедствовал, зарабатывая репетиторством (среди его учеников – К. Д. Кавелин), мелкой журнальной практикой (главным образом переводами с французского языка). Постепенно он стал ведущим критиком журнала «Телескоп» и газеты «Молва» Н. И. Надеждина (первое крупное критическое сочинение – опубликованные в 1834 г. «Литературные мечтания. Элегия в прозе»). После закрытия «Телескопа» важнейшими этапами в литературно-критическом творчестве В. Г. Белинского стали переезд в 1839 г. в Петербург и руководство критическим отделом журнала «Отечественные записки» А. А. Краевского, затем разрыв с этим изданием и с осени 1846 г. работа в качестве ведущего сотрудника журнала «Современник» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева.

Получив известность как обозреватель литературной и художественной жизни страны, В. Г. Белинский постепенно стал, как в свое время Н. М. Карамзин, подлинным властителем дум для значительной части «думающего меньшинства» российского общества. На его статьях воспитывалось не одно поколение. И. С. Аксаков отмечал: «Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни».

Сила критика заключалась в его умении убеждать. Хорошо знавший В. Г. Белинского А. И. Герцен писал: «В этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура. Да, это был сильный боец». Для критических статей «неистового Виссариона» была характерна повышенная эмоциональность («страстность»).

Негативное восприятие российских реалий общественной жизни и вера в светлые перспективы у зрелого В. Г. Белинского сопровождались положением: «Отрицание – мой Бог». Подобная позиция утверждалась в его литературно-критическом творчестве.

Полностью отбрасывая христианский принцип любви к ближнему, В. Г. Белинский постулировал «любовь к дальнему», к некоему абстрактному «человеку» и «человечеству». Такой своеобразный «гуманизм» приводил к тому, что в восприятии критика критерием значимости любого вида творчества выступала пресловутая «социальность».

Все произведения рассматривались В. Г. Белинским, прежде всего, с точки зрения идейной направленности, жизненной позиции авторов, а их собственно художественные достоинства имели лишь второстепенное значение. В конечном счете в погромно-разгромной по своей сущности критике «неистового Виссариона» даже А. С. Пушкин, который ранее славился выше всех остальных российских литераторов (цикл 1843–1846 гг. из одиннадцати статей «Сочинения Александра Пушкина» – особое место в творческой биографии В. Г. Белинского), стал восприниматься «вчерашним днем». В целом критик вполне может рассматриваться как родоначальник пресловутого принципа «партийности искусства», сыгравшего весьма отрицательную роль в развитии культурной жизни советского общества.

В идейной эволюции В. Г. Белинского прослеживаются сопряженные с крайностями поиски и сомнения. Из кружка Н. В. Станкевича (вступил в него в 1833 г.) им был вынесен повышенный интерес к классической немецкой философии, в первую очередь к гегельянству. Исходя из формулы Г. Гегеля «все разумное действительно и все действительное разумно», В. Г. Белинский со свойственным ему максимализмом стал оправдывать николаевское царствование как историческую данность. При этом усматривалась бессмысленность какого-либо протеста против самодержавного строя и крепостного права (статьи 1839–1840 гг. «Бородинская годовщина», «Горе от ума», «Мендель – критик Гете»). Идейный кризис в основном завершился осенью 1840 г. С беспощадной самокритичностью В. Г. Белинский в это время писал В. П. Боткину: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью!»

Порвав со своим «примирением», в последующем он не только выступал с резкой критикой существующего в России общественного устройства, которое представлялось ему уже крайне несовершенным, но и вследствие знакомства с сочинениями французских социалистов предполагал возможность его переустройства (причем у него наблюдалась то готовность «любить человечество по-маратовски», то использовать путь насилия). В. Г. Белинский признавал, что мысль о социализме «стала... идеей идей, бытием бытия,

вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания». В его статьях, опубликованных в «Современнике», он выступал как один из признанных духовных вождей зарождавшегося в России революционно-демократического лагеря.

Наиболее ярко общественно-политические взгляды зрелого В. Г. Белинского выражены в знаменитом «Письме к Гоголю» (написано в июле 1847 г. в Зальцбрунке во время заграничной поездки, связанной с лечением). Поводом к написанию своеобразного политического завещания известного критика стали обстоятельства появления в январе 1847 г. книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Это религиозно-философское произведение отражало новые настроения писателя, которые кардинально отличались от прежних позиций автора «Ревизора» и «Мертвых душ» (Н. В. Гоголь критически оценивал свою литературную деятельность, проповедовал великую христианскую добродетель – смирение и отказывался выступать с осуждением общественных порядков).

Появившуюся в февральском номере «Современника» отрицательную рецензию В. Г. Белинского Н. В. Гоголь расценил как проявление со стороны ее автора личной неприязни к себе. Это и побудило В. Г. Белинского написать свое знаменитое зальцбрунковское послание автору «фантастической книги» (в сотнях списков «Письмо к Гоголю» разошлось по России и вызвало широкий общественный резонанс). Осуждая позицию Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (оправдание деспотизма и крепостничества), В. Г. Белинский писал о знаковой роли русских писателей, в которых общество видит «своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности».

В «Письме к Гоголю» николаевская Россия предстает страной, где «люди торгуют людьми», где «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Логика содержания «Письма к Гоголю» должна была привести его автора к самым радикальным выводам. Однако изложенная здесь преобразовательная программа была весьма умеренной: «Самые живые, современные национальные вопросы России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого исполнения хотя бы тех законов, которые уже есть».

К чести Н. В. Гоголя он в условиях тяжелой болезни В. Г. Белинского не стал отвечать на излишнюю запальчивость «неистово-

го Виссариона» (в «Письме» знаменитый писатель был назван «проводником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов»). Между тем исторический опыт показывает, что проповедуемую Н. В. Гоголем идею религиозного самосовершенствования как основного пути борьбы с недостатками общественного устройства нельзя отбрасывать (становясь добрее к другим людям и требовательнее к себе, человек реально улучшает окружающий мир).

В конце жизненного пути (попытки лечения обострившегося туберкулеза были малоэффективными) во взглядах В. Г. Белинского вновь наметился радикальный поворот: рухнули надежды относительно революционности русского крестьянства, исчезло «мистическое верование в народ». В феврале 1848 г. в письме П. В. Анненкову он отмечал: «Где и когда народ освободил себя? Всегда и все делалось через личности». Перспективы переустройства России В. Г. Белинский все больше стал связывать не с революцией, а с реформами («России нужен новый Петр Великий»).

Властями вынашивались планы заточения В. Г. Белинского в Петропавловскую крепость, но в мае 1848 г. он скоропостижно скончался. В связи с его смертью управляющий III отделением Л. В. Дубельт писал: «Рано ушел. Мы бы его сгноили в крепости».

В полной мере репрессивно-карательная политика российского самодержавия в отношении представителей радикального направления общественной мысли в условиях «мрачного семилетия» проявилась в разгроме кружков петрашевцев, деятельность которых свидетельствовала, прежде всего, о том, что социалистические идеи (в данном случае фурьеризм) находили в России все больше сторонников.

Созданный в середине 1840-х гг. выпускником Александровского (Царскосельского) лицея, чиновником Министерства иностранных дел М. В. Буташевичем-Петрашевским (1821–1866 гг.) своеобразный полулегальный клуб объединял мыслящую молодежь – мелких чиновников, учителей, студентов, гимназистов, журналистов, литераторов, офицеров, деятелей искусства. Среди посетителей «пятниц» М. В. Петрашевского, имевших огромную популярность в Петербурге, были писатели М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, поэты А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, критик В. Н. Майков, мыслитель Н. Я. Данилевский, художник П. А. Федотов, композиторы М. И. Глинка, А. Г. Рубинштейн, географ П. П. Семенов-Тян-Шанский и другие видные представители российской науки и культуры. Проводившиеся в течение четы-

рех «сезонов» – с зимы 1844/45 года до весны 1849 г. – подобные периодические встречи с обсуждением литературных, философских вопросов, а также социально-экономических и политических проблем постепенно становились основополагающими и являлись основной формой деятельности петрашевцев.

Помимо собственно центрального кружка в их среде стали появляться и другие кружковые объединения – Н. А. Момбелли, В. Н. Майкова – В. А. Милютина, С. Ф. Дурова – А. И. Пальма, А. Н. Плещеева, Н. С. Кашкина, П. Г. Шапошникова (все они ориентировались на проведение периодических собраний своих членов). Произошедшее отмежевание обусловливалось в первую очередь пестротой состава участников «пятниц» М. В. Петрашевского и соответствующим несовпадением их интересов. Сказывалось и невосприятие частью петрашевцев излишней эксцентричности характера своего лидера (шокировало появление М. В. Петрашевского на публике в женском платье и другие его поступки).

В отличие от центрального кружка группа С. Ф. Дурова – А. И. Пальма стремилась придать своей деятельности литературно-художественную и музыкальную направленность (осуществлявшееся при этом знакомство с запрещенными произведениями делали и ее достаточно радикальной). Что касается собраний у Н. С. Кашкина, то здесь помимо штудирования трудов Ш. Фурье (считалось, что лучше делать это в малочисленной группе) главной линией стали научные дискуссии.

Ни один из кружков петрашевцев не стал реально оформленной организацией, которая имела бы выборное руководство, устав и программу. Организационные усилия кружковых лидеров позволили лишь несколько упорядочить их заседания. Они стали более четкими и эффективными за счет выборов председателя, выделения основного докладчика и регулирования обсуждения рассматриваемых проблем. Под влиянием европейских революционных событий 1848–1849 гг. некоторые члены собственного кружка М. В. Петрашевского задумывались о создании тайного общества. Однако практические действия в этом направлении так и не были осуществлены. Потом следствие по делу петрашевцев признало, что их собрания «не представляли собой организованного тайного общества» (одним из самых существенных «криминалов» для вынесения им сурового приговора стало знакомство участников подобных встреч с текстом «Письма к Гоголю»).

Петрашевцы являлись приверженцами учения Ш. Фурье, который, делая основной упор на общественную организацию труда,

социальную гармонию и полное удовлетворение материальных и духовных потребностей личности, убеждал человечество расселяться коммунами в комфортабельных домах – фаланстерах. Предпринятая самим М. В. Петрашевским попытка воплотить в жизнь идеи своего кумира и создать в собственном имении ячейку будущего социалистического общества окончилась неудачей: накануне переселения крестьяне сожгли отстроенный для них фаланстер (в сущности, барак). Петрашевцы были увлечены также и сенсимонизмом.

Для М. В. Петрашевского социализм был не «прихотливой выдумкой причудливых голов, но результатом развития всего человечества». Как отмечали члены следственной комиссии, он «доводил посетителей своих до того, что они если и не все делались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в своих верованиях и наклонными к преступному направлению». Видную роль в знакомстве посетителей «пятниц» с социалистическими идеями играли также представители ближайшего окружения М. В. Петрашевского – Д. Д. Ахшарумов, С. Ф. Дуров, Н. С. Кашкин, Н. А. Момбелли, Н. А. Спешнев. Участники кружка вскладчину создали первую в России коллективную библиотеку, состоящую преимущественно из книг по гуманитарным наукам (среди них были запрещенные сочинения Ш. Фурье, Ж.-Ж. Руссо, А. Смита, Л. Фейербаха, Ж. Сисмонди, Л. Блана и других авторов). Для многих именно она служила «главной заманкой» для посещения «пятниц».

Уже на раннем этапе деятельности петрашевцы спроецировали свое знакомство с основами европейских социалистических учений и новейших философских систем на их пропаганду в самой широкой социальной среде. Для этого было использовано предпринятое штабс-капитаном Н. С. Кирилловым издание «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Благонамеренный книгоиздатель (издание было посвящено великому князю Михаилу Павловичу) совершенно не разбирался в сущности предпринятого петрашевцами первого опыта печатной пропаганды «крамольных» идей (в словаре излагались также положения конституции революционной Франции).

Реальным руководителем издания, научным редактором и автором основных статей вышедшего в 1845 г. первого выпуска «Карманного словаря иностранных слов…» (он охватывал буквы «А» – «М») стал В. Н. Майков. Содержание ряда его статей свидетельствовало об очевидной радикальности проводимого петрашевцами книгоиздательского мероприятия.

Например, в отношении понятия «анархия» в «Карманном словаре иностранных слов...» можно найти следующее определение: «Так называется отсутствие законного правления в государстве или уничтожение в нем той власти или властей, которые блюдут за сохранением прав каждого лица и за исполнением законов, их охраняющих. Из этого видно, что анархия иногда господствует и в таком государстве, где, по-видимому, существует и стройность, и порядок в управлении, но в сущности нет ни прочных постановлений, ни строгого выполнения их... Деспотизм. Правление, в коем безмерная власть государя приходит вся к тем, кого он ею облекает, а эти правители, не имея никаких правил, действуют согласно собственным прихотям, содержат народ в постоянном страхе казнями. В этом правлении нет суда и расправы. Повелителю вздумалось, повеление дано и – дело кончено!». В. Г. Белинский оперативно откликнулся на первый выпуск «Карманного словаря иностранных слов...» похвальной рецензией и советом «покупать его всем и каждому».

В 1846 г. непосредственно под руководством М. В. Петрашевского был подготовлен еще более «крамольный» по содержанию второй том словаря (доведен до буквы «Р»). Однако уже после выхода книги из типографии она была запрещена цензурой (разошлось несколько сотен экземпляров). Впоследствии по распоряжению «Комитета 2-го апреля» стала срочно изыматься и сохранившаяся в продаже часть тиража первого выпуска издания, в котором социализм выступал как общественное устройство, согласное «с потребностями природы человеческой». Подчеркивая значимость предпринятого петрашевцами книгоиздательского мероприятия, А. И. Герцен отмечал, что «Карманный словарь иностранных слов...» «удивил всю Россию».

Выйдя на уровень возможности применения идей утопического социализма к России, петрашевцы с зимы 1846/47 года перешли к обсуждению насущных политических проблем, к критике российских самодержавных и крепостнических реалий. В связи с этим наиболее умеренные по взглядам члены кружка отошли от него. Вместе с тем он пополнился новыми, более радикальными в сравнении с общей массой посетителями «пятниц» (И. М. Дебу, Н. П. Григорьев, А. И. Пальм, П. Н. Филиппов, Ф. Г. Толь). Группу наиболее решительно настроенных петрашевцев возглавил «неслужилый помещик» Н. А. Спешнев. Он ориентировался на насильственные меры реализации программы свержения самодержавия, ликвидации крепостничества и последующих демократических преобразований (разрабатывался план «произвести бунт внутри России через

восстание крестьян»). Сподвижники Н. А. Спешнева намеревались, «не щадя себя, принять полное открытое участие в восстании и драке» (собственно с этой целью и задумывалось создание тайного общества).

Политическим идеалом для радикального крыла петрашевцев выступала республика с однопалатным парламентом и системой выборности всех правительственных органов. Предусматривалось федеративное устройство будущей России с предоставлением широкой местной автономии, основанной «на законах, обычаях и правах народов». Реализация программы демократических преобразований должна была обеспечить полное равенство всех перед законом, распространение избирательного права на все слои населения, введение свободы слова, печати, передвижения, вероисповедания. Согласно детально разработанной системе судопроизводства будущей России гарантировались независимость суда от гражданской власти, несменяемость судей в административном порядке, гласность судопроизводства, учреждение адвокатуры, введение института присяжных заседателей. Антикрепостническая позиция радикальной части петрашевцев предполагала прямое, безвозмездное и безусловное освобождение крестьян с тем наделом земли, который они обрабатывали.

Умеренное крыло петрашевцев (к нему принадлежал и сам М. В. Петрашевский) допускало возможность мирного пути достижения целей. Непосредственно у М. В. Петрашевского они преломлялись в идее конституционной монархии и освобождения крестьян «сверху» с наделением их на безвозмездной основе землей, которой они владели.

В условиях вынашивания планов создания тайной организации и подготовки вооруженного восстания (Н. П. Григоровичем была составлена соответствующая прокламация к «нижним чинам» армии – «Солдатская беседа») деятельность петрашевцев была прервана властями. Основой для начавшегося в ночь на 23 апреля 1849 г. ареста «злоумышленников», хотя и не перешедших опасную грань, которая отделяла «заговор идей» от «заговора действий», стало многомесячное наблюдение за их действиями внедренного в систему «пятниц» М. В. Петрашевского агента П. Д. Антонелли. Он в свое время очень недолго был студентом восточного отделения столичного университета.

Всего к следствию по делу петрашевцев привлекли 122 человека. Несмотря на то что при этом был обнаружен лишь «заговор идей», военный суд вынес им обвинение в замыслах на ниспровержение го-

сударственного устройства и на «совершенное преобразование быта общественного». По судебному приговору 21 человек (в том числе и Ф. М. Достоевский) был приговорен к расстрелу (одновременно суд рекомендовал царю смягчить их участь). Создавая видимость раскрытия серьезного антиправительственного заговора (совершенно другим образом в свое время официально представлялось движение декабристов), российские власти демонстрировали Европе, в которой полыхали революции, решительность в борьбе с «крамолой». В их действиях обнаруживалось и стремление запутать потенциальную оппозицию.

Николай I не решился утвердить смертный приговор, тем не менее приговоренные вынуждены были пережить страшные минуты ожидания надвигавшейся смерти. 22 декабря 1849 г. на Семеновской площади Петербурга в присутствии трехтысячной толпы в отношении осужденных петрашевцев была устроена показательная инсценировка смертной казни. Уже после оглашения смертного приговора, облачения приговоренных в саваны и взятия солдатами ружей на изготовку фельдъегерь доставил царский указ о замене расстрела каторгой, ссылкой в Сибирь и разжалованием в солдаты. Позже Ф. М. Достоевский вспоминал: «Приговор смертной казни расстрелянием, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку, почти все были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно-страшных минут ожидания смерти». Суровость мер, примененных к петрашевцам, поразила даже вполне благонамеренных людей. После декабристов это был самый значимый процесс в России. Как и другие политические узники, петрашевцы были амнистированы в августе 1856 г. при коронации Александра II.

Еще одним ярким и в то же время весьма своеобразным примером «заговора идей» в николаевской России, который вызвал репрессивную реакцию властей (в несколько смягченном в сравнении с петрашевцами варианте), стала деятельность в Киеве в 1846–1847 гг. Кирилло-Мефодиевского общества (или братства). В ней отразилось растущее в Украине, как и в других регионах Российской империи, национальное самосознание, а вместе с тем и протест со стороны местной интеллигенции против общего ужесточения политического режима и национальной политики властей. Это были представители дворянской и разночинной молодежи, группировавшейся вокруг Харьковского и Киевского университетов, Нежинского и Одесского лицеев.

В 1830–1840-х гг. проявился повышенный интерес украинцев к прошлому своей Родины, народному искусству. В данный пери-

од главной проблемой общественного движения в Украине стало предоставление права свободного изучения и использования местным населением украинского языка. В рамках проявившихся тенденций появились украинские альманахи. В Харькове и Полтаве местные театральные труппы поставили свои первые спектакли. В 1843–1845 гг. действовал сориентированный на идею национального возрождения кружок «Киевская молода». По свидетельству одного из современников, в это время среди киевского студенчества наблюдалось «страшное волнение умов и готовность на самые эфемерные затеи».

В подобной обстановке роста национального самосознания в декабре 1845 – январе 1846 гг. группой прогрессивно настроенных украинских интеллигентов и была предпринята попытка создания тайной политической организации, получившей свое название в честь славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Инициаторами выступили профессор русской истории Киевского университета Н. И. Костомаров, выпускник Дерптского университета, чиновник канцелярии киевского генерал-губернатора Н. И. Гулак и бывший студент Киевского университета В. М. Белозерский. В апреле 1846 г. в Кирилло-Мефодиевское общество вступил выдающийся украинский поэт и художник Т. Г. Шевченко (бывший крепостной, который в 1838 г. был выкуплен за деньги, полученные от реализации специально написанного для этого К. П. Брюлловым портрета В. А. Жуковского).

В целом в Кирилло-Мефодиевском обществе выделялись два направления. Представители умеренного направления, возглавляемого Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишем и В. М. Белозерским, отрицали насильственные действия, выступали сторонниками разрешения сословных противоречий и достижения социальной гармонии в обществе мирным путем – посредством распространения просвещения и христианского воспитания молодежи. Революционно-демократическое направление, к которому примыкали А. А. Навроцкий, Н. И. Гулак и Н. И. Савич, возглавлял Т. Г. Шевченко.

Программные документы кирилломефодиевцев (разработаны главным образом Н. И. Костомаровым и В. М. Белозерским) – «Устав общества святых Кирилла и Мефодия» и «Книга бытия украинского народа», иначе называемая «Законом Божием», – свидетельствовали о противоречивости их идеологии и основополагающих позиций. Члены Кирилло-Мефодиевского общества определили свое отношение как к прошлому Украины, так и к существующей действительности.

В «Законе Божием» в рамках идей христианского демократизма явно идеализировались былые украинские вольности (в § 76 в духе «казакофильского романтизма» отмечалось: «Не любила Украина ни царя, ни пана и составила у себя казацство, т. е. братство, куда каждый, вступая, был братом других – был ли прежде господином или рабом, лишь бы он был христианином; и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собрании»).

В том же идеализированном виде самобытности украинского народа преподносилась история Украины: это многовековая борьба за сохранение свободы и равенства, сначала с польскими панами и иезуитами, а затем с русскими царями (особенно нелестно характеризуется в «Книге бытия украинского народа» Екатерина II, уничтожившая казацкую вольность и введшая на украинских территориях крепостничество) и дворянами, стремившимися поработить украинские земли. Настоящее Украины члены Кирилло-Мефодиевского общества представляли в чрезвычайно мрачном свете (§ 107 «Закона Божия» гласил: «И царствует деспот над нами – тремя славянскими народами, правит ими посредством немцев, заражает, калечит, унижает природу славянскую»).

Характеризуя антисамодержавную позицию кирилломефодиевцев, начальник III отделения А. Ф. Орлов отмечал: «Эта рукопись под названием “Закон Божий” заключает в себе 109 параграфов самого преступного содержания; в ней текстами священного писания, превратно истолкованного, и примерами из истории же, ложно понятыми, доказывается, что царская власть противна законам божеским и природе человеческой, что люди все равны и должны управляться только старейшинами, что от монархического правления происходят одни лишь бедствия и страдания, и что славянские племена могут быть благополучны только, когда над ними не будет никакой установленной людьми власти».

Красной нитью в программных документах Кирилло-Мефодиевского общества проходят отрицательное отношение к крепостному праву, требование равенства всех сословий. Вместе с тем во взглядах членов Кирилло-Мефодиевского общества (особенно его радикального крыла) достаточно сильно проявились идеи украинского сепаратизма. В «Законе Божием» содержалось утверждение, что «Украина сделается независимой Речью Посполитой в союзе славянском».

В целом, возрождая традиции декабристского Общества соединенных славян, кирилломефодиевцы ставили своей главной целью борьбу за социальное и национальное освобождение всех славян-

ских народов и создание всеславянской демократической федерации (подобные идеи пропагандировались в заготовленных прокламациях «Братьям украинцам» и «Братьям великороссиянам и полякам»). При этом особая роль в ней отводилась опять же Украине («той быть во главу угла»).

По замыслу руководства Кирилло-Мефодиевского общества в государственном и общественном устройстве славянских народов должны были претворяться в жизнь идеи христианского социализма. Будущая славянская федерация (предусматривалось вхождение в нее Украины, России, Польши, Чехии, Сербии, Болгарии) виделась состоящей из 17 штатов (в частности, Беларусь выступала здесь в качестве самостоятельной «единицы»). В федеральном центре – Киеве – должны были находиться резиденция общеславянского собора – двухпалатного выборного сейма, созываемого один раз в четыре года. Предполагалось создать сеймы (созываются один раз в год) и в каждом штате. Верховная власть должна была принадлежать президенту (избирается на четыре года), а также министрам иностранных и внутренних дел.

Деятельность Кирилло-Мефодиевского общества привлекла внимание III отделения и оказалась недолговременной. В марте 1847 г. по доносу провокатора большая часть членов была арестована. Вынесенный вскоре в административном порядке приговор (с учетом деликатности затронутой в ходе следствия славянской проблемы власти стремились избежать огласки дела о Кирилло-Мефодиевском обществе в рамках судебного процесса) предусматривал различные меры наказания. Наиболее суровой расправе подвергся Т. Г. Шевченко, которому вменялось в вину, прежде всего, то, что он «сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания» (во время следствия он отрицал и сам факт существования общества, и свое участие в нем).

По распоряжению Николая I Т. Г. Шевченко был направлен рядовым в Оренбургский корпус «с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». В списке амнистированных Александром II Т. Г. Шевченко не оказалось. Стоило больших усилий, чтобы в 1857 г. он все же вернулся из ссылки. Н. И. Костомаров, который во время следствия утверждал, что все рассуждения кирилломефодиевцев касались лишь идеи единения славянских народов под эгидой российского императора и не затрагивали образа правления в России, был заключен на один год в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Саратов (позднее он получил возможность продолжить преподавательскую и научную деятельность).

Фактором усиления в николаевскую эпоху общественной активности на национальных окраинах Российской империи стала деятельность по сохранению местных традиций Курляндского общества для изучения литературы и искусства, Латышского литературного общества, Эстонского ученого общества. В Грузии энергичную общественную деятельность вели Н. М. Бараташвили, А. Г. Чавгадзе, Г. Д. Орбелиани. Особое место в обозначенном процессе занимает подготовленное тайными политическими обществами национально-освободительное восстание в ноябре 1830 – октябре 1831 гг. в Царстве Польском, а также на территории Литвы, западной части Беларуси, Правобережной Украины.

Вдохновляясь идеями западноевропейских мыслителей, сторонники социализма в России постепенно шли к созданию собственной теории. Основы русского, или общественного, социализма А. И. Герцен впервые сформулировал на рубеже 1840–1850-х гг. Это стало результатом сложной эволюции его мировоззренческих позиций и в целом перипетий жизненного пути.

Пребывание в 1835–1839 гг. в ссылке обогатило А. И. Герцена знаниями о провинции, народной жизни (в Вятке служил в канцелярии губернского правления, редактировал «Прибавления» к «Владимирским губернским ведомостям»). В начале 1840 г. А. И. Герцен был зачислен в канцелярию Министерства внутренних дел, что позволило ему в условиях проживания в столице сблизиться с представителями петербургских литературных кругов (особенно с В. Г. Белинским). Однако в 1841 г. «за распространение неосновательных слухов» (полиция перлюстрировала герценовское письмо с резким отзывом о «душегубстве» петербургского будочника – полицейского сторожа) А. И. Герцен был выслан на службу в Новгород. Возвратившись в 1842 г. в Москву (и при этом оставаясь под полицейским надзором), он оказался в центре литературных и философских дискуссий славянофилов и западников (в московском кружке «европейцев» занимал левый фланг).

В написанных в это время основных философских работах (цикл «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы») А. И. Герцен предстал как последовательный материалист и сторонник социалистического строя, воплощавшего единство человеческого бытия и разума. Естественно, оппозиционный общественный деятель с такими убеждениями в дореформенной России не мог найти достойного применения своим творческим силам.

Не выдержав удушающей атмосферы николаевского царствования, в начале 1847 г. А. И. Герцен вместе с семьей выехал за границу

(этому предшествовали многолетние хлопоты в получении соответствующего разрешения). Причем ему удалось перевести туда доходы от громадных имений, унаследованных от умершего отца (власти пытались предотвратить это, но А. И. Герцен прибег к посредничеству банкирского дома Ротшильдов, и русское правительство, нуждаясь в кредитах, вынуждено было отступить). В результате А. И. Герцен получил средства для того, чтобы посредством основания в 1853 г. в Лондоне «Вольной русской типографии» наладить свою широкомасштабную издательскую деятельность, содержащую жесткую критику николаевского режима и направленную на распространение в России идей освободительного движения (с 1856 г. к систематическому изданию за рубежом русской бесцензурной литературы и налаживанию каналов ее переброски в Российскую империю активно подключился Н. П. Огарев).

А. И. Герцен уезжал за границу с верой в революционный способ преобразования старого общества. Концепции европейского утопического социализма представлялись ему важнейшим достижением современной социальной мысли, которое следует немедленно воплотить в жизнь. Однако герценовские надежды на то, что Европа стоит на пороге социалистических перемен, не оправдались. Европейские реалии и, прежде всего, поражение революций 1848–1849 гг., очевидцем которых был А. И. Герцен, породили в нем глубокий пессимизм в отношении существующих на Западе общественных устоев (виделось, что европейцы погрязли в формальном равенстве, индивидуализме, стяжательстве) и революционного потенциала западноевропейских стран, находившихся на капиталистической (по мнению мыслителя, тупиковой) стадии развития.

И все же он не отказался от собственно социалистических идеалов, проецируя их уже на Россию. Результатом мучительного поиска выхода из тупика (положение усугублялось семейными неурядицами) стало появление в 1849–1853 гг. ряда герценовских работ – «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия», «Русское крепостничество» и других, в которых были изложены положения теории «русского социализма». Кардинальные изменения мировоззренческих позиций А. И. Герцена базировались на соединении им социалистической доктрины с идеями славянофильства.

Анализируя ход исторического развития, мыслитель пришел к выводу, что в силу отставания от Западной Европы и наличия судьбоносных особенностей Россия пойдет иным путем, чем Запад. Он утверждал, что «молодой» русский народ, в отличие от «старых» европейских наций еще не сказавший своего слова, именно сейчас

выходит на историческую арену со своим идеалом общественного устройства. Таким идеалом является традиционная крестьянская община. Она должна стать основополагающей «ячейкой» социализма, непосредственно к которому, минуя капиталистическую стадию развития, перейдет Россия.

Основными факторами построения здесь социалистического общества виделись крестьянская идея равного права всех людей на землю в рамках общинного землевладения (именно это представлялось ему гарантией того, что в России не будет пролетариата и, следовательно, капитализма, пороки которого разъедают Европу), мирское самоуправление и природный коллективизм крестьянских масс. Узрев в крестьянской общине социалистическое будущее России, А. И. Герцен в то же время утверждал, что простое наличие общинных порядков не может произвести социалистического переворота (сами по себе они подавляют личность крестьянина, сдерживают его инициативу). Новое общество может возникнуть лишь в результате слияния общинных факторов с социалистическими идеями. Крестьянин должен в полной мере осознавать преимущества и справедливость социалистического строя.

Главными условиями для построения в России социалистического общества А. И. Герцен считал освобождение крестьян от крепостничества и ликвидацию самодержавного политического строя. В выборе средств ликвидации подобных препятствий с его стороны проявлялись колебания. Одно время мыслитель ориентировался на социальную революцию и считал, что Россию надо «звать к топору». Однако в конечном счете основополагающим стал вывод, что стране необходим не «топор», а лишь «метла». Осознавая всю опасность «крестьянской революции», которая в условиях России с неизбежностью приняла бы формы всеразрушающего бунта, А. И. Герцен стал рассчитывать на радикальные реформы «сверху» под давлением общества.

Как и западноевропейские аналоги, «общинный социализм» А. И. Герцена был красивой, но утопической мечтой. Тем не менее герценовская доктрина, получив дальнейшее развитие (идеологами «русского социализма» выступили Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. А. Бакунин), стала знамением целого поколения русских революционеров.

Характеризуя условия, в которых развивалось общественное движение России во время царствования Николая I, А. И. Герцен отмечал: «Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного импера-

торским скипетром». Казалось бы, в условиях политики консервации существующих порядков, наступления на печать, систему образования, чрезмерной опеки государством общественной жизни уровень ее активности должен был снизиться. Однако в реальности именно во второй четверти XIX в. проявляется тенденция утверждения многообразия общественно-политических течений. В это время в России рождается значительное количество философских и политических концепций, дальнейшее развитие которых продолжалось на протяжении всего XIX столетия и значительно обогатило русскую культуру.

Глава 9
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

После внезапной смерти Александра I и отречения наследника престола великого князя Константина Павловича престол Российской империи занял третий сын Павла I – Николай (1825–1855 гг.). В годы его царствования основные направления внешней политики Российской империи несколько изменились. Так, если в силу исторических причин (в первую очередь затянувшихся наполеоновских войн) европейское направление в первой четверти XIX в. было основным для России, то в период царствования Николая I центральное место занял так называемый «восточный вопрос». Решение этого вопроса предусматривало укрепление влияния России в ближневосточном регионе, оказание поддержки национально-освободительному движению балканских народов против турецкого владычества, обеспечение максимальной безопасности южным границам империи, достижение выгодного режима черноморских проливов и расширение торговли.

Отношения с европейскими государствами по-прежнему занимали важное место в политике Николая I. Европейское направление внешней политики в этот период предполагало, прежде всего, решение вопроса о борьбе с революционной опасностью в Европе, а также поиск поддержки в решении «восточного вопроса». С этой целью Николай I стремился к возрождению Священного союза (фактически он распался в 1830–1831 гг.) и поддерживал тесные отношения с монархами Пруссии и Австрии. Так, например, Россия приняла участие в подавлении революционного выступления в

Венгрии (совместно с австрийской армией) и тем самым превратилась в «жандарма Европы».

Кроме того, ко второй четверти XIX в. в правящих кругах России созрело понимание необходимости закрепления своих позиций и на Кавказе. Так, кавказское направление в политике ставило главной целью закрепление Кавказа и Закавказья в составе Российской империи и обеспечение тем самым безопасности своих южных границ. Важной задачей являлась также помощь национально-освободительной борьбе армянского народа против иранского владычества.

Более того, к этому времени большое значение приобрело американское направление, которое предполагало дальнейшее расширение российских владений в Америке за счет испанских земель в Калифорнии (по соглашению с испанским правительством). С этой целью в Калифорнии в 1812 г. Российско-американская компания (РАК) основывает крепость (форт), а затем и селение Росс. Однако американское направление не увенчалось успехом, и в 1841 г. форт Росс был продан.

Международные отношения во второй четверти XIX в. завершает Крымская война 1853–1856 гг., которая явилась итогом противостояния России, Франции и Англии в «восточном вопросе». Николай I и его окружение недопонимали, что в результате быстрого промышленного развития чрезвычайно возросла военная мощь Англии и Франции и они стали опасными противниками для России.

Причинами этой войны являются следующие. Россия стремилась разгромить Турцию, захватить черноморские проливы Босфор и Дарданеллы и расширить свое влияние на Ближнем Востоке. Турция, за спиной которой стояли Англия и Франция, хотела захватить Крым и Кавказ. Англия и Франция желали вытеснить Россию из черноморского региона, не допустить ее в Средиземное море и укрепить свое влияние в европейских владениях Турецкой империи. Итогом этой войны явилось тяжелое поражение России, которое было вызвано ее значительным экономическим отставанием от высокоразвитых Англии и Франции. Видимое могущество крепостнической николаевской России рухнуло.

РУССКО-ИРАНСКАЯ ВОЙНА 1826–1828 гг. ТУРКМАНЧАЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

После того как Грузия в 1801 г. добровольно присоединилась к России, границы Российской империи стали непосредственно примыкать к Армении, а надежды армянского народа на помощь со

стороны России окрепли. Во время первой русско-иранской войны 1804–1814 гг. армянское население оказало значительную помощь русским войскам. Однако осада русской армией города-крепости Ереван оказалась неудачной, и по Гюлистанскому мирному соглашению 1813 г. Ереванское ханство осталось в составе Ирана.

После завершения этой войны иранский шах не оставил замысла вернуть себе владения на Кавказе. В июле 1826 г. иранская армия вторглась в Северный Азербайджан (который уже входил в состав России), но вскоре она была разбита русскими войсками.

Перейдя в контрнаступление, армия России вошла в пределы Ереванского ханства, осадила и захватила в октябре 1827 г. Ереван. Русские войска под командованием А. П. Ермолова освободили Закавказье от войск шаха и перенесли военные действия на территорию Ирана. Шахское правительство было вынуждено просить мира, который и был заключен в селении Туркманчай. По этому мирному договору Ереванское ханство (Восточная Армения) было присоединено к России. Ирану запрещалось иметь на Каспийском море военный флот, а российские корабли могли свободно по нему плавать. Согласно договору армянскому населению Ирана гарантировалась свобода переселения в Восточную Армению или Россию. Кроме того, Иран был обязан выплатить России контрибуцию в сумме 20 млн рублей.

Значительную роль в заключении этого договора сыграл известный российский писатель и дипломат А. С. Грибоедов. Он и руководимая им российская дипломатическая миссия в Иране оказали значительную помощь армянскому населению Ирана в переселении его в Восточную Армению и Россию. Но в январе 1829 г. в Тегеране произошло нападение иранских фанатиков на российское дипломатическое представительство, в ходе которого А. С. Грибоедов и почти все послы погибли. Вскоре в Петербург прибыло представительное посольство от иранского шаха, которое принесло извинения от его имени, а также преподнесло в дар российскому императору Николаю I один из крупнейших в мире ограненных алмазов – алмаз «Шах» (в настоящее время хранится в Оружейной Палате Московского Кремля). Николай I удовлетворился личными извинениями шаха и «предал вечному забвению тегеранское происшествие».

Присоединение Восточной Армении к России спасло значительную часть армянского народа от угрозы физического истребления. Трагично сложилась судьба армян в Западной Армении, которая оставалась в составе Османской империи. Они подверглись насильственному выселению и истреблению. По итогам вой-

ны с Ираном (1804–1813 гг.) Северный Азербайджан согласно условиям Гюлистанского мира (1813 г.) отошел к России. После русско-иранской войны (1826–1828 гг.) к Российской империи была присоединена Восточная Армения, т. е. Ереванское и Нахичеванское ханства, а после войны с Турцией (1828–1829 гг.) – крепости Ахалцих и Ахалкалаки.

«ГРЕЧЕСКИЙ ВОПРОС». РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828–1829 гг. АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР

Около четырех веков Греция была под властью Османской империи, и все это время греческий народ не прекращал своей борьбы с турецким владычеством. В стране успешно действовали отряды греческих партизан, которых турецкие власти называли «клефтами», т. е. ворами. В 1820-х гг. сложилась кризисная ситуация в «восточном вопросе», которая была вызвана греческой войной за независимость 1821–1830 гг. Непременной составной частью этого «восточного вопроса» была национально-освободительная борьба балканских и придунайских княжеств против Турции. Однако эти народы стремились к самоопределению, что никак не совпадало с желаниями крупных европейских стран разделить между собой земли одряхлевшей Османской империи и овладеть восточными рынками.

Российская дипломатия использовала борьбу балканских народов в целях создания независимых славянских государств, что усилило бы позиции России на Востоке и помогло бы ей утвердиться на Балканах, а также позволило бы ей контролировать проливы Босфор и Дарданеллы, которые соединяют между собой Черное и Средиземное моря. Россия была черноморской державой, и контроль над этими проливами имел для нее огромное значение, так как обеспечивал безопасность ее южных границ.

В 1814 г. в Одессе группа греческих эмигрантов-патриотов создала тайное общество «Филики Этерия» («Союз друзей») для борьбы за освобождение Греции. Во главе его в 1820 г. встал Александр Ипсиланти (российский генерал, участник войны с Наполеоном, адъютант Александра I). Вскоре в Греции в массовом количестве возникли ячейки этого общества. В феврале – марте 1821 г. на греческой земле вспыхнуло восстание, подготовленное этим общест-

вом, которое возглавил А. Ипсиланти. Уже в конце 1821 г. значительная часть Греции оказалась в руках восставших. В январе 1822 г. Национальное собрание страны провозгласило Грецию независимым государством и создало национальное правительство.

Турецкий султан бросил против восставших значительные военные силы, а по всей Османской империи прокатилась волна греческих погромов. Так, турецкие власти устроили страшную резню на острове Хиос, где из 100-тысячного населения острова уцелело около 2 тыс. человек, а в Константинополе турки-фанатики повесили греческого патриарха Григория V и подвергли разрушению церкви города.

Борьба греческого народа вызвала сочувствие во всем мире. В пользу греков собирали деньги, на помощь им устремились добровольцы, одним из которых был английский поэт Дж. Байрон (умер в Греции, он считается национальным героем этой страны). Общественность России, Англии, Франции решительно требовала положить конец насилиям турецкой армии, а греческие повстанцы обратились к российскому правительству с просьбой о военной помощи.

Николай I решительно вмешался в «греческий вопрос», чтобы использовать эту ситуацию для укрепления своего влияния на Балканах и ослабления Турции. Правительства Англии и Франции, опасаясь, что Россия одна одержит победу над Турцией и ей в итоге достанутся все выгоды от победы, присоединились к ней. Летом 1827 г. три державы – Англия, Франция, Россия – подписали между собой Лондонскую конвенцию, направленную против Турции. 26 октября 1827 г. соединенная российско-англо-французская эскадра атаковала в Наваринской бухте (юго-западное побережье полуострова Пелопоннес) турецкий флот. В ходе этого сражения около 100 турецких кораблей и 7 тыс. турок были уничтожены. Это сражение явилось успешной вооруженной демонстрацией силы стран-союзниц.

Однако султан и после разгрома своего флота отказался прекратить военные действия в Греции, вследствие чего в апреле 1828 г. Россия объявила войну Турции. Военные действия проходили одновременно на р. Дунай и на Кавказе. Уже весной 1829 г. в ходе этой войны произошел перелом в пользу России, войска которой прорвались через Балканские горы. В августе 1829 г. они вступили в Адрианополь (в 200 км от Константинополя). Вскоре, в сентябре 1829 г., в Адрианополе между Россией и Турцией был заключен

мирный договор. По этому договору Россия получила устье р. Дунай с прилегающими островами, восточное побережье Черного моря от г. Анапа до г. Поти и крепости Ахалцих и Ахалкалаки.

Турция подтверждала отказ от претензий на ранее отошедшие к России земли Кавказа. Проливы Босфор и Дарданеллы провозглашались свободными для прохождения торговых судов всех стран, а российские подданные могли свободно вести торговлю в границах Османской империи. Турция признала право Греции на автономию (самоуправление). В 1830 г. Греция получила полную независимость. Договор подтверждал автономию Сербии, а болгарское население получило право эмиграции в Россию. Кроме того, Турция обязалась выплатить России 33 млн рублей контрибуции, а до завершения выплаты российские войска занимали территории Молдовы и Валахии.

Победа России в войне с Турцией 1828–1829 гг. и заключение Адрианопольского мирного договора значительно укрепили ее позиции на международной арене, способствовали дальнейшему развитию торговли и мореплавания, а самое главное, началось освобождение балканских народов от турецкого владычества. Еще более укрепил внешнеполитические позиции России Ункяр-Искелесийский союзный договор между Россией и Турцией, который был заключен в 1833 г. сроком на 8 лет. Этот договор явился следствием помощи России Турции в ее борьбе с Египтом – составной частью Турецкой империи того времени. Данный союзный договор, во-первых, подтверждал все условия Адрианопольского мира, а во-вторых, обе стороны обязались оказывать друг другу военную помощь и поддержку в случае нападения на одну из сторон третьего государства.

Однако заключение этого договора вызвало крайне негативную реакцию со стороны западноевропейских государств, особенно Англии и Австрии. В течение нескольких лет проходила острая дипломатическая борьба, итогом которой явилось заключение Лондонской конвенции в 1841 г., в соответствии с которой вместо двустороннего российско-турецкого союза вводилась коллективная опека над Турцией европейских государств (России, Англии, Австрии, Пруссии). Таким образом, Россия была лишена самостоятельности на Ближнем Востоке, а российско-турецкий мирный договор 1833 г. был сведен на нет этой Лондонской конвенцией. Заключение конвенции 1841 г. означало дипломатическое поражение России в ее политике на Ближнем Востоке.

ВОЙНА НА КАВКАЗЕ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ К РОССИИ

Отношения с горскими народами Северного и Западного Кавказа складывались сложно. Веками горцы Кавказа отстаивали свою независимость от иноземных захватчиков. Султаны Турции распространили свою власть от берегов Атлантического океана до Персидского залива, покорив народы многих стран Африки и Азии, а захватить и покорить Кавказ так и не смогли. Еще в XVI в. они захватили ряд пунктов на Черноморском побережье Кавказа, построили там крепости, оставили в них гарнизоны, но все попытки проникнуть в глубь Кавказских гор были тщетны. В 1730–1740-х гг. могущественный властитель Ирана Надир-шах совершил ряд завоевательных походов в Среднюю Азию, Индию, Закавказье. Только в горах Дагестана он потерпел неудачу.

Постоянным противником России на Кавказе была Турция, которая также стремилась укрепить здесь свое господство. Потерпев поражение в войне с Россией (1828–1829 гг.), Турция по Адрианопольскому договору 1829 г. была вынуждена отказаться от открытых притязаний на Кавказ. Царское правительство решило покорить горцев силой оружия. Николай I требовал от своих военачальников «усмирения навсегда горских народов или истребления непокорных».

Стремление России закрепиться в Кавказском регионе (Дагестан, Чечня, Адыгея) привело к многолетней войне (1817–1864 гг.). Для подавления выступления горских народов царское правительство организовывало карательные экспедиции, направляло регулярные воинские части и развертывало широкомасштабные военные действия. Местное население подвергалось жесточайшим репрессиям, уничтожались посевы, отбирались земля и скот, разрушались аулы. Генерал А. П. Ермолов, посланный в 1819 г. для подавления восставших горцев, разбил их у селения Леваши. При этом, как отмечал сам А. П. Ермолов, он сравнял с землей целые аулы и уничтожил «прекрасные городки». В 1822 г. по приказу казачьего атамана Власова было уничтожено 17 черкесских аулов и конфискованы тысячи голов скота.

В конце 1820-х гг. российское правительство столкнулось на территории Кавказа с особенно ожесточенным и организованным сопротивлением. Гази-Магомед, провозглашенный мусульманским духовенством в 1829 г. имамом (высшим духовным лицом) Дагестана и Чечни, объединил отдельные стихийные выступления горцев в

массовое движение под флагом мюридизма (религиозно-политического учения), главной идеей которого является объединение всех мусульман для истребления врагов и равенство верующих перед Богом. Он использовал эти лозунги, призывая к газавату (священной войне против неверных) и направляя горские народы на борьбу с царизмом. Началась тяжелая война горцев за свою независимость. К 1830-м гг. Северный и Западный Кавказ формально уже числился в подданстве российского императора.

Но в действительности владычество царской России в ряде районов Кавказа было чисто номинальным. В Дагестане, Чечне и некоторых других местах шла тяжелая борьба между царскими войсками и горскими народами. Чтобы привлечь на свою сторону ханов, князей и беков (горскую знать), российское правительство не только оставило неприкосновенными все их права, но и наделило новыми привилегиями. Им присваивались звания генералов и офицеров, назначались жалования, пенсии, в широких размерах раздавались земли с крестьянами.

В 1834 г. имамом Дагестана и Чечни был провозглашен Шамиль – волевой, энергичный, храбрый и способный военачальник, который в течение 25 лет возглавлял движение за газават. Он повел решительную борьбу против местной феодальной знати, перешедшей на сторону царизма. С этого времени начинается новый этап борьбы горцев. Шамиль умело использовал их массовые выступления; разрозненные стихийные выступления он направил в русло борьбы за независимость. Одержав несколько побед над царскими войсками, он установил свой контроль над Дагестаном и Чечней. Среди многоплеменного населения Северного Кавказа Шамиль создал своеобразное централизованное государство – имамат. Он осуществил ряд военно-административных и социально-экономических реформ: разделил страну на наибства, организовал армию, создал государственную казну, уничтожил ряд привилегий ханов и беков.

Однако ни Шамиль, ни имамат не ставили задачи ликвидировать социальное неравенство, а поэтому проводимые мероприятия не облегчили положение истощенного продолжительной войной населения. Новая знать, на которую опирался Шамиль, не думала проводить в жизнь лозунг «равенства всех мусульман», выдвинутый в первые годы этого движения. Наоборот, укрепившись в имамате в качестве правящей верхушки, она использовала власть в целях личного обогащения и беспощадно эксплуатировала народ.

Произвол «новых феодалов», ограбление разоренного длительной неравной борьбой с российским царизмом горского населения, отсутствие в политике Шамиля установки на облегчение тяжелого положения народа – все это ускоряло дифференциацию сил внутри движения, ослабляло его и вело к поражению. Не спасла от разгрома и попытка Шамиля воспользоваться помощью Англии и отсталой, разлагавшейся Турции. Эти страны руками горцев пытались ослабить Россию, оттеснить ее от Кавказа и прибрать к рукам этот край с его природными богатствами и выгодным географическим положением.

Широкие массы горцев стали отходить от этого движения и покидать Шамиля. В 1859 г. Шамиль с небольшим отрядом укрылся в ауле Гуниб, расположенном среди отвесных скал. После упорного сопротивления русским войскам Шамиль сдался. На Западном Кавказе горцы продолжали сопротивляться еще пять лет, но и там вынуждены были сложить оружие, подавленные численным превосходством царских войск. В 1864 г. окончательно прекратили сопротивление народности и племена Северо-Западного Кавказа. Народы Кавказа были включены в состав Российской империи.

РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНГРИИ 1848–1849 гг. И ПОДАВЛЕНИЕ ЕЕ АВСТРИЕЙ И РОССИЕЙ

В конце 1840-х гг. в Европе разразился очередной революционный кризис (революции охватили Францию, Италию, Австрию, Бельгию, Венгрию). Венгрия являлась частью огромной Австрийской империи, где правила династия Габсбургов. В ней жили австрийцы, венгры, чехи, сербы, хорваты, итальянцы, поляки, словенцы, украинцы, румыны. В лоскутной Австрийской империи, составленной из земель, завоеванных или унаследованных в разное время Габсбургами, сохранялся абсолютистский имперский строй, а для народов, ее населяющих, она являлась подлинной «тюрьмой народов».

Австрийское правительство в лице канцлера К. Меттерниха проводило политику «разделяй и властвуй», разжигая национальную рознь и направляя одни народы на другие, рассчитывая таким путем сохранить и укрепить свою власть. Различные нации этой империи поднимались на борьбу, а в Венгрии раньше, чем в других землях Габсбургской монархии, проявилось стремление к независимости. Австрийское правительство препятствовало развитию в

Венгрии собственной промышленности, но все же и здесь начали появляться мануфактуры, а затем и фабрики. Постепенно образовывались и набирали силу свои предприниматели-буржуа. Именно они и венгерские дворяне возглавили и приняли самое действенное участие в революционных событиях 1848–1849 гг.

13 марта 1848 г. вспыхнула революция в Вене, а уже 15 марта восстание началось и в Будапеште. Вскоре было образовано первое самостоятельное венгерское правительство, во главе которого встал Лайош Кошут (адвокат и политический деятель). Он разработал и напечатал политическую программу революции, получившую название «12 пунктов». В ней провозглашалось самоуправление страны, свобода печати, отмена цензуры, уничтожение барщины. Деятельное участие в революции принял Шандор Петефи (национальный поэт Венгрии), который написал «Национальную песню», ставшую революционным гимном венгров.

Революционное правительство издало законы об отмене барщины и уничтожении крепостничества, но феодальные повинности не были отменены полностью, а крестьяне, не имевшие земли, так и не получили ее. В условиях аграрной страны, какой в то время была Венгрия, земельный вопрос был основным. Однако он так и не был решен, что и сыграло роковую роль в судьбе революции, способствовало ее поражению. Кроме того, новое венгерское правительство выступало за независимость венгров, но оно враждебно относилось к национальной независимости славянских народов – сербов, хорватов, словаков, земли которых входили в то время в состав Венгрии. Правительство Венгрии до последних дней революции отказывалось признать равноправие всех населяющих Венгрию национальностей и даже посылало войска на подавление национально-освободительного движения словаков и сербов.

После разгрома революции в Вене (1 ноября 1848 г.) австрийские войска двинулись на Будапешт. Л. Кошут выдвинул лозунг «Отечество в опасности!» и ускорил формирование армии гонведов (защитников родины). Австрийские войска все же овладели Будапештом, а столицей революции стал г. Дебрецен, где формировалась венгерская армия.

На помощь Габсбургской монархии пришел российский император Николай I, который в июне 1849 г. направил в Венгрию более чем 100-тысячную армию под командованием генерала И. Ф. Паскевича. «Не вмешался бы, ежели бы своя рубаха не была ближе к телу», – писал ему Николай I, добавляя, что венгерские революционеры «являются врагами всемирного порядка и спокойствия».

Объединенные русско-австрийские войска разгромили революционную Венгрию. В августе 1849 г. у г. Вилагош значительная часть венгерских гонведов сложила оружие. Волна кровавых репрессий прошла по всей стране. На поле боя, в возрасте 25 лет, погиб певец венгерской революции Ш. Петефи.

Вторжение царской армии в Венгрию было не по душе части российского офицерства. В воспоминаниях участников этого военного похода ясно выказывается сочувствие восставшим венграм. Например, офицер Н. Богословский писал, что во время венгерской кампании «между нами и неприятелями нашими проглядывали радушные отношения». Другой участник событий отмечал, что ощущал уважение и симпатию к венграм столь же сильные, насколько сильно было его отвращение к австрийскому военному командованию. В Венгрии день 15 марта, т. е. день начала революции 1848–1849 гг., считается национальным праздником. После подавления венгерской революции за Российской империей закрепилось название «жандарма Европы».

РОССИЙСКАЯ КОЛОНИЯ РОСС В КАЛИФОРНИИ И ЕЕ ЛИКВИДАЦИЯ В 1841 г.

Территория Северной Америки во второй четверти XIX в. являлась сложным узлом политических противоречий между государствами Европы – Англией, Испанией, Россией, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки, с другой. Основывая крепость и селение Росс в Калифорнии (владении Испании) в 1812 г., Российско-американская компания (РАК) рассчитывала создать прочную продовольственную базу для своих владений в Америке. Одна из наиболее важных и острых проблем, с которой пришлось столкнуться российским поселенцам в Америке, – это вопрос о снабжении колоний необходимыми товарами: продовольствием, одеждой, оружием, морскими снастями и т. д. Сухопутный же путь через бездорожную и малонаселенную Сибирь был исключительно труден и сложен и, кроме того, требовал колоссальных затрат. При этом речь шла не только о выращивании в селении Росс и его окрестностях пшеницы, фруктов, овощей, разведении крупного и мелкого рогатого скота, но и об установлении торговых связей с испанской Калифорнией.

Главным инициатором проекта укрепления российского влияния в Калифорнии в 1824–1825 гг. выступил мичман Д. И. Завали-

шин, который посетил российские колонии в Америке на фрегате «Крейсер». Прибыв в Калифорнию, он в полной мере оценил огромные потенциальные возможности этого края. «Превосходный порт залива Сан-Франциско, благоприятный климат и богатая почва», по его мнению, представляют «главную цену Калифорнии». В то же время он обратил внимание правления РАК на слабость колонии Росс, невыгодность ее местоположения, а также нерешительность компании, которая поощряла притязания как испанцев, так и североамериканцев.

Значительное внимание в его планах отводилось развитию в Калифорнии интенсивного земледелия, для чего предполагалось переселить в колонию Росс крестьянские семейства, предварительно выкупив их «из крепостного состояния, преимущественно в малоземельных местах и у бедных помещиков». По его предложению, принятому директоратом правления РАК, «поселенцам предполагалось предоставить полную свободу от повинностей и обязательных занятий в убеждении, что они и без того будут заниматься преимущественно земледелием». При этом имелось в виду, что поселенцам будут предоставлены необходимые инвентарь и земельные участки.

Однако сам принцип заселения новой колонии освобожденными от крепостной зависимости крестьянами противоречил общей системе политики российского правительства в крестьянском вопросе. Более того, восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади способствовало тому, что этот проект расширения колонии Росс не был реализован. Колония Росс представляла собой небольшую деревянную крепость, в которой находились «дом для начальника, контора, казармы, двухэтажный магазин и некоторые другие здания».

Последняя попытка укрепить и расширить российские владения в Калифорнии относится к середине 1830-х гг., когда заинтересованный в установлении дружественных отношений с Россией губернатор Верхней Калифорнии Х. Фигероа от имени мексиканского правительства завязал переписку с правителем российской Америки Ф. П. Врангелем и содействовал его посещению Мексики в качестве уполномоченного РАК. В ходе переговоров в Мексике в 1836 г. Ф. П. Врангелю удалось наметить пути расширения деловых связей РАК с Калифорнией. Он получил заверение от правительства Мексики о взаимной активизации торговых отношений, закрепив их официальным соглашением. Однако правительство Николая I в то время не было склонно идти на официальное признание республи-

канского правительства Мексики, и эти переговоры не получили дальнейшего развития.

Положение небольшой колонии в Калифорнии становилось все более затруднительным. Так, если в 1820-х гг. содержание колонии Росс обходилось РАК в среднем в 45 тыс. руб., то в 1837 г. расходы возросли до 72 тыс. руб. При этом охота на пушного зверя (бобров) постоянно сокращалась из-за активной конкуренции со стороны североамериканских охотников и купцов, а земледелие не приносило желаемых результатов (близость к океану делала почву непригодной для земледелия). Поэтому руководство РАК постепенно склонялось к мысли о ликвидации убыточной колонии в Калифорнии, в то же время рассчитывая получить в перспективе какие-то приобретения и выгоды.

Значительное влияние на судьбу крепости и селения Росс оказало заключение соглашения в 1839 г. между РАК и компанией Гудзонова залива, по которому последняя получила в аренду на 10 лет прибрежную полосу российских владений. В качестве платы за аренду компания должна была ежегодно передавать РАК 2 тыс. шкур выдр и, что особенно важно, брала на себя обязательство продавать необходимое для российских владений в Америке продовольствие: пшеницу, муку, сало и т. д. Получив в результате этого соглашения новый источник снабжения продовольствием, главное правление РАК в том же 1839 г. обратилось к российскому правительству с ходатайством об упразднении колонии в Калифорнии. Руководство РАК отмечало, что основной задачей колонии Росс являлось обеспечение других российских владений продовольствием, но в связи с крушением этой надежды оно считает необходимым упразднить селение Росс.

После получения официального согласия из Петербурга РАК приступила к ликвидации своей колонии в Калифорнии. В сентябре 1841 г. последний комендант крепости Росс А. Г. Ротчев договорился с Д. Суттером (американцем швейцарского происхождения) о продаже российской колонии в Калифорнии всего за 30 тыс. долл. с рассрочкой на четыре года. Впрочем, даже эта сумма РАК так никогда и не была уплачена. Можно было только сожалеть по поводу слишком поспешной ликвидации российской крепости в Калифорнии. Однако удержать колонию Росс в руках РАК после открытия в 1848 г. в ней золота и присоединения Калифорнии к США вряд ли было реальным делом. На момент отъезда (31 декабря 1841 г.) в г. Ситка все население крепости Росс насчитывало 218 человек.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853–1856 гг. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ. ПАРИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

Крымская война была вызвана новым обострением «восточного вопроса» в результате соперничества европейских держав в борьбе за преобладающее влияние на Ближнем Востоке. Эта война, в ходе которой основные боевые действия развернулись на Крымском полуострове, получила в России название «Крымской», в европейскую же историю она вошла как «Восточная». Турецкая империя в это время находилась в состоянии глубокого экономического и политического упадка, и никакая жестокость не обеспечивала господства турецких феодалов над покоренными народами.

К началу 1850-х гг. Англия и Франция, пользуясь слабостью империи, добились значительных успехов в закабалении Турции и превратили ее в орудие своей политики. Николай I не мог примириться с мыслью, что наследством «больного человека», как он называл империю турецкого султана, завладеют западные державы и, самое главное, что Россия лишится прохода через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. После подавления Венгерской революции 1849 г. Николай I решил, что наступил вполне благоприятный момент для того, чтобы разгромить Турцию и окончательно утвердить свое влияние на Балканском полуострове и в проливах. Однако вставшие на путь капиталистического развития страны Западной Европы не хотели допустить этого, так как каждая из них стремилась прибрать Турцию к своим рукам.

Противостояние Петербурга Парижу и Лондону в «восточном вопросе» продолжалось несколько десятилетий и к середине XIX в. поставило великие державы на грань войны. Николай I и его окружение недооценили то, что в результате стремительного промышленного развития чрезвычайно возросла военная мощь Англии и Франции. Эти державы стали опасными противниками для России.

Поводом к войне явилось обострение распрей между католическим и православным духовенством из-за «святых мест» в Палестине, которая входила тогда в состав Османской империи. Французский император Наполеон III демонстративно поддержал католиков. Николай I принял сторону православных. В феврале 1853 г. он отправил к турецкому султану чрезвычайным послом князя А. С. Меншикова, который ультимативно потребовал, чтобы все православное население Турецкой империи было поставлено под особое покровительство российского императора, т. е. чтобы было

признано право царского правительства вмешиваться во внутренние дела Турции. Поддерживаемый Англией и Францией, которые заключили соглашение о совместных действиях против России, турецкий султан отверг российский ультиматум и в октябре 1853 г. объявил России войну.

Военные действия развернулись вначале на двух сухопутных театрах – Дунайском и Кавказском. Однако попытки турецких войск переправиться через р. Дунай и овладеть Бухарестом на Дунайском фронте, а также захватить Тифлис и отбросить русские войска за реки Терек и Кубань на Кавказском фронте закончились полным провалом. Российский Черноморский флот после нескольких боев с турецкими кораблями блокировал их в портах. В ноябре 1853 г. российская эскадра под командованием выдающегося флотоводца вице-адмирала П. С. Нахимова напала на черноморский порт Турции Синоп и потопила здесь весь турецкий флот. Командующий турецким флотом Осман-паша вместе со своим штабом был взят в плен. Синопская победа российского Черноморского флота явилась для Англии и Франции удобным предлогом для открытого вмешательства в русско-турецкую войну. В декабре 1853 г. английская и французская эскадры вошли в Черное море. В марте 1854 г. Англия и Франция официально объявили войну России. Начиная военные действия, английские и французские правящие круги замышляли не только уничтожить российский Черноморский флот, который мешал установлению их господства в бассейне Черного моря, но и расчленить Россию, отторгнуть у нее Кавказ, Крым, Прибалтику, Польшу и ряд других областей.

Феодально-абсолютистская Россия оказалась плохо подготовленной к войне с Англией и Францией. И в хозяйственном, и в финансовом, и в техническом, и в военном отношениях она отставала от передовых капиталистических стран, с которыми ей пришлось воевать. Российская армия состояла из крепостных крестьян, служивших 25 лет почти без перерыва. Ее вооружение было отсталым. В то время как союзные армии уже имели нарезные винтовки и пушки, которые стреляли на значительном расстоянии, в российских войсках преобладали гладкоствольные ружья, пушки, заряжаемые с дула. Крым и Кавказ не были связаны с промышленными центрами страны ни железными, ни шоссейными дорогами. Солдаты, направлявшиеся для пополнения действующих частей, совершали пешком многокилометровые переходы, а оружие и боеприпасы перевозились на волах по плохим проселочным дорогам. Военные флоты Англии, Франции и Турции в 1852 г. уже располагали

281 кораблем с паровым двигателем, а у России на флотах было всего 24 парохода. При этом следует отметить, что союзники имели паровые линейные корабли, среди которых были и винтовые, в российском же флоте насчитывалось лишь несколько пароходов-фрегатов, а винтовых кораблей и вовсе не было.

С момента вступления Англии и Франции в войну одной из важнейших задач, поставленных перед союзным флотом, было осуществление ряда демонстративных действий, имеющих цель дезориентировать российское командование. Стремясь заставить его разбросать свои сухопутные и морские силы, союзный флот предпринял ряд атак на пункты, находящиеся друг от друга на значительном расстоянии. Так, в апреле 1854 г. союзники бомбардировали Одессу, в июле – Соловецкий монастырь в Белом море, в августе – Колу Архангельской губернии. Однако все эти военные операции не только не принесли им успеха, но закончились позорным провалом. Та же участь постигла англичан у Петропавловска-на-Камчатке, где несколько сот российских солдат и матросов сбросили английский десант в море.

Осенью 1854 г. союзники начали готовить свои основные силы к высадке в Крыму в целях захвата главной базы Черноморского флота – Севастополя. «Лишь только я высажусь в Крыму и Бог пошлет нам несколько часов штилю, – конечно: я владею Севастополем и Крымом», – заявлял французский главнокомандующий маршал Сент-Арно. Российское правительство возложило оборону Крыма на 37-тысячную армию под командованием А. С. Меншикова. В сентябре 1854 г. англо-французский флот высадил в Евпатории 62-тысячную армию, которая двинулась к Севастополю. Вскоре на р. Альма российские войска сделали неудачную попытку остановить противника. Обе стороны понесли большие потери (союзники – до 4 тыс. человек, российская армия – около 6 тыс.). «Еще одна такая победа – и у Англии не будет армии!», – воскликнул герцог Кембриджский, наблюдавший за ходом боя. Российская армия отступила в район Бахчисарая. Дорога на Севастополь была открыта соединенным войскам французов, англичан и турок.

Севастополь был плохо защищен с суши. Расположенный по берегам большой бухты протяженностью свыше 7 км, город состоял из двух обособленных частей: северной и южной. На южной стороне располагались старые и недостроенные укрепления со 145 орудиями. Северную сторону города защищало с суши построенное еще в начале XIX в. одно укрепление с 30 орудиями. Гораздо лучше Севастополь был подготовлен к обороне с моря. Вход в бухту при-

крывали восемь береговых батарей с 610 орудиями. Город не имел достаточных запасов оружия, боеприпасов, медикаментов и даже продовольствия.

Войска союзников, приблизившись к Севастополю, сосредоточили главные силы на подступах к южной стороне. Российским командованием было принято решение затопить часть Черноморского флота при входе в Севастопольскую бухту, чтобы не допустить прорыва в порт флота противника. В сентябре 1854 г. здесь затопили пять старых линейных кораблей и два фрегата, с которых предварительно были сняты орудия, а экипажи переведены в ряды защитников города. В том же месяце английские войска заняли Балаклаву, а французские – позиции на Федюнинских высотах. Постепенно союзническая армия вплотную подошла к городу, гарнизон которого в то время состоял из 22 тыс. солдат, матросов и офицеров.

С 17 октября 1854 г. началась 349-дневная героическая оборона Севастополя. Вдохновителями и организаторами ее стали начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В. А. Корнилов и вице-адмирал П. С. Нахимов. Все трудоспособное население вышло на строительство укреплений. Непосредственное руководство оборонными работами осуществлял талантливый инженер-фортификатор Э. И. Тотлебен. Севастополь очень скоро был опоясан бастионами, на которых установили снятые с кораблей орудия. На южной стороне города было построено семь бастионов и другие укрепления с 341 орудием, в результате город превратился в сильную крепость. Северная сторона оставалась не осажденной противником, что позволяло гарнизону города поддерживать связь с тылом, получать подкрепление, продовольствие, боеприпасы, вывозить раненых. С октября 1854 г. союзники начали бомбардировку города с суши и моря. В первый день интенсивного обстрела был смертельно ранен вице-адмирал В. А. Корнилов. Однако, понеся ощутимые потери, флот союзников вынужден был отступить, и противник перешел к длительной осаде Севастополя.

Российская армия под командованием А. С. Меншикова пыталась оказать помощь севастопольцам, периодически атакуя войска противника. Так, уже 25 октября 1854 г. в долине между Севастополем и Балаклавой произошло сражение. В этом сражении легкая английская кавалерия, в которой служили представители самых аристократических фамилий Англии, потеряла около 1,5 тыс. человек. Но успех русских солдат не был развит из-за нерешительно-

сти А. С. Меншикова. Балаклавская операция не изменила положения осажденного города.

Тем временем обстановка в районе Севастополя становилась все напряженнее. После гибели В. А. Корнилова оборону возглавил П. С. Нахимов – герой Синопа, любимец всего Черноморского флота. Союзники готовились к новому штурму города. Российское командование попыталось опередить противника и 5 ноября 1854 г. отдало распоряжение войскам под Инкерманом неожиданно атаковать союзников. Однако из-за нерешительности командования и противоречивости его приказов вражеским войскам удалось избежать разгрома. Современники справедливо отмечали, что Инкерманскую битву выиграли солдаты и проиграли генералы. Российская армия давно уже не имела такой неудачи. Но и для армии союзников Инкерман, как говорили французские генералы, был «скорее удачной битвой, чем победой». Потери союзников составили более 5 тыс. солдат, 270 офицеров и 9 генералов. Англо-французские войска вынуждены были отказаться от намечавшегося штурма Севастополя и продолжали осаду города. Война приобретала затяжной характер.

Ощутимый удар союзникам нанесла буря 2 ноября 1854 г. (в результате ее погибла часть их флота), а также эпидемия холеры и дизентерии, охватившая их войска. В конце 1854 г. в войсках союзников в Крыму насчитывалось около 55 тыс. человек, но в декабре 1854 – январе 1855 гг. они получили большие подкрепления: 30 тыс. французских солдат и офицеров, 10 тыс. английских и 35 тыс. турецких.

Защитники Севастополя наносили противнику ощутимые удары, осуществляя вылазки в расположение вражеских войск. Они выводили из строя живую силу и технику, разрушали траншеи, захватывали пленных. За храбрость десятилетний защитник пятого бастиона Коля Пищенко был награжден боевым орденом. Прославился своим мужеством П. М. Кошка, который участвовал в восемнадцати вылазках в расположение вражеских войск. Он захватил десять «языков» и был награжден Георгиевским крестом.

Во время обороны Севастополя значительное распространение получила подземная минная война. Минными работами руководил талантливый инженер штабс-капитан А. В. Мельников. Военное искусство его саперов и рабочих команд сводило на нет попытки союзников разрушить оборонную систему города.

По прибытии в середине ноября 1854 г. в Севастополь знаменитого врача-хирурга Н. И. Пирогова коренным образом была пере-

строена медицинская служба. С его именем связано возникновение военно-полевой хирургии. Огромной любовью среди защитников Севастополя пользовалась первая в России сестра милосердия Даша Александрова, названная Севастопольской.

Основные бои развернулись за ключевую позицию севастопольцев – Малахов курган. Под руководством П. С. Нахимова, В. И. Истомина, Э. И. Тотлебена перед линией бастионов сооружалась система передовых укреплений. В истории войн еще такого не было, чтобы осажденный город под интенсивным огнем противника строил выдвинутые вперед укрепления. Союзники не ограничивались осадой Севастополя, они осуществили ряд десантных операций. Так, 21 сентября 1854 г. англо-французские войска высадили десантный отряд в Ялте. Город военного гарнизона не имел. В течение нескольких дней Ялта подвергалась грабежу и разбою. 24 мая 1855 г. союзническая эскадра в составе 54 кораблей подошла к Керчи. Взорвав пороховые погреба, батареи и городские склады, небольшой российский гарнизон оставил Керчь.

Главные события продолжали разворачиваться в районе Севастополя. Здесь были сосредоточены основные силы союзников, готовившихся к очередному штурму города. Начиная с 6 июня 1855 г. около 600 орудий противника днем и ночью обстреливали позиции защитников Севастополя. 10 июля на Малаховом кургане был смертельно ранен П. С. Нахимов. (Его просили уйти в укрытие. Обычно в таких случаях он отвечал, как бы отмахиваясь: «Не всякая пуля в лоб». А в этот раз произнес задумчиво: «Как, однако, ловко стреляют». И тут же упал, смертельно раненный в голову.)

Положение Севастополя с каждым днем ухудшалось. Российское правительство не могло обеспечить его защитников необходимым количеством вооружения, боеприпасов, продовольствия. Не хватало пороха, а боеприпасов было так мало, что командование издало приказ: на пятьдесят выстрелов противника отвечать пятью. Отрицательно сказывалось на всей военной компании, в частности на обороне Севастополя, бездорожье. Оно тормозило доставку защитникам города боеприпасов и продовольствия, задерживало прибытие пополнений. Ряды защитников Севастополя таяли.

После упорных боев в мае – июне 1855 г. на некоторое время в районе Севастополя установилось затишье. Союзники готовились к новому штурму города. Генерал М. Д. Горчаков, сменивший А. С. Меншикова на посту главнокомандующего российской армией в Крыму, после длительных колебаний и проволочек сделал по-

пытку перейти в наступление против англо-французских войск, но 16 августа 1855 г. потерпел поражение в районе р. Черная.

17 августа 1855 г. противник начал подготовку к новому штурму Севастополя массированной бомбардировкой, продолжавшейся до 5 сентября. Всего было выпущено около 200 тыс. снарядов. В результате этого обстрела город был почти полностью разрушен, в нем не осталось почти ни одного целого дома. 5 сентября 1855 г. союзники начали генеральное наступление, направив главный удар на Малахов курган. Но защитники отбили атаку.

8 сентября 60-тысячное союзническое войско начало штурм кургана и города. Ценой больших потерь врагу удалось захватить Малахов курган, что и решило исход обороны Севастополя. 9 сентября защитники города, уничтожив батареи, пороховые погреба и потопив часть оставшихся кораблей, переправились из южных укреплений на северную сторону. 11 сентября 1855 г. были потоплены последние корабли Черноморского флота. В этот же день Александр II, вступивший на престол, отдал приказ о прекращении обороны Севастополя. Однако оборона северной стороны города продолжалась до перемирия, подписанного в феврале 1856 г., т. е. еще 174 дня после того, как была оставлена южная сторона. Итогом этой обороны явилось то, что наступательная сила союзников была безнадежно подорвана. «Мы ожидали легких побед, – отмечала английская газета “Таймс”, – а нашли сопротивление, превосходящее все доселе известное в истории». Но были надломлены и силы России, и она как побежденная страна была вынуждена подписать мир в Париже.

Согласно подписанному 30 марта 1856 г. в Париже мирному договору Россия возвращала Турции крепость Карс, получив взамен Херсонесский полуостров с Севастополем и Балаклавой, Евпаторию, Керчь, Кинбурн и другие города, занятые союзниками, а также отказывалась от «покровительства» православных подданных Турецкой империи, т. е. фактически признавала право вмешательства во внутренние дела Турции только за Англией и Францией. Она согласилась на установление коллективного протектората всех великих держав над Молдовой, Валахией и Сербией, признавая право Англии, Франции и Австрии вмешиваться во внутренние дела этих стран.

Кроме того, Россия дала согласие на установление «свободы плавания» в устье р. Дунай и уступила Молдове южную часть Бессарабии, прилегавшую к этой реке, т. е. на деле передавала низовья р. Дунай под контроль все тех же Англии, Франции и Австрии. И наконец, согласилась на «нейтрализацию» Черного моря,

обязуясь совместно с Турцией не восстанавливать здесь военного флота, арсеналов и укреплений. Не должны были восстанавливаться российские укрепления и на Аландских островах в Балтийском море.

Крымская война причинила серьезный политический и экономический ущерб царской России, а самое главное – ее южные границы становились открытыми. Эта война и заключенный по ее итогам Парижский мир явились переломным этапом в истории международных отношений в Европе. Их основным следствием было то, что Российская империя лишилась роли могущественного военного государства на европейском континенте. Более того, Россия утратила свои позиции и на Балканах, так как Англия, Австрия, Франция по Парижскому миру стали гарантами безопасности и автономии для Сербии и Дунайских княжеств. Сложилась новая система в международных отношениях, которая стала именоваться Крымской.

Глава 10
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В результате церковной реформы Петра I Русская православная церковь (РПЦ) оказалась в полном подчинении светской власти и управление ею превратилось в часть государственного аппарата по духовным делам. Глубокое взаимопроникновение в отношениях церкви и государства – универсальный процесс, в той или иной форме имевший место во всех странах. Но в Российской империи он характеризовался рядом отличительных особенностей, вытекавших из своеобразия религиозной системы православия и политической организации общества. Одной их них являлось создание в 1721 г. Святейшего Правительствующего Синода (далее – Св. Синод), ставшего высшим органом управления православной церковью.

Св. Синод состоял из 6–7 высших духовных чинов (петербургского, московского, киевского митрополитов – «первоприсутствующих» в Св. Синоде), а также 3–4 епархиальных архиереев, периодически в него вызываемых. Во второй половине XIX в. в состав Св. Синода входили три митрополита (новгородский, московский, киевский), экзарх Грузии, четыре архиепископа (например, в 1879 г. это были архиепископы тверской, полоцкий, могилевский, литовский) и по одному епископу, протопресвитеру, протоиерею. Однако практически все дела в Св. Синоде вершил обер-прокурор. Он назначался непосредственно императором из светских лиц и был лично перед ним ответственный. Обер-прокурор имел права министра (по духовным делам), представлял царю периодические доклады и годовые отчеты по своему ведомству.

Обер-прокурор и Св. Синод имели свои отдельные канцелярии. Причем канцелярия Св. Синода подчинялась канцелярии обер-прокурора, где были сосредоточены наиболее важные вопросы по делам церкви. При Св. Синоде создавались комитеты и комиссии, которые ведали системой духовного образования, монастырями, церковным имуществом, православными миссиями за рубежом, решали кадровые вопросы. При Св. Синоде находилась духовная цензура, контролировавшая не только всю духовную, но и светскую литературу, если в ней затрагивались вопросы церкви и веры.

Вся территория империи делилась на епархии. В 1800 г. в Российской империи было 37 православных епархий, в 1850 г. – 55, в 1900 г. – 62, в 1914 г. – 67. По своему статусу епархии подразделялись на три категории – митрополии, архиепископии, епископства. Для каждой епархии было определено свое место-ступень в общем штате. Деление не учитывало ни время создания епархии, ни размер территории, которую она занимала, ни количество верующих. В основу были положены главным образом политические мотивы. В результате архипастыри занимали свое место в церковной иерархии не в соответствии со временем служения в епископском сане, а по тем степеням, которые давались их епархиям. Это, разумеется, вызывало их недовольство. В 1867 г. указом Александра II такое деление было упразднено. Новые штаты (1868 г.) приравняли все епархии по своему статусу к митрополиям. Архиереи получили право занимать место по старшинству.

Главу епархий назначал император (из трех предлагаемых Св. Синодом кандидатов). Епархиальный архиерей считался «главным учителем веры в пределах своей епархии». При нем находилась консистория – епархиальное управление. Она ведала назначением и смещением священно- и церковнослужителей, осуществляла надзор за ведением церковного хозяйства, проводила в жизнь распоряжения Св. Синода. Консистория находилась в двойном подчинении – Св. Синода и епархиального архиерея.

Вне епархий находилось духовенство придворное, военное и при российских посольствах за рубежом. Во главе придворного духовенства стоял духовник царя, носивший титул протопресвитера московского Благовещенского собора. Военное духовенство возглавлял обер-священник армии и флота (он имел титул протопресвитера). Придворный и военный протопресвитеры имели ранг и прерогативы епархиального архиерея.

Епархии делились на более мелкие церковные единицы – благочиния во главе с благочинным. Первичной церковно-административной единицей являлся приход. Обычно в составе прихода насчитывалось от 1 до 2 тыс. прихожан. Приходское духовенство (причт) состояло из священно- и церковнослужителей. Павел I отменил сохранявшееся за церковными приходами право выбирать себе приходского священника. Эта должность стала передаваться только по наследству. Численность приходского (белого) духовенства в Российской империи составляла: в 1825 г. – 102 тыс. человек, 1860 г. – 118,8 тыс., 1914 г. – 112,6 тыс. человек.

В первой половине XIX в. в структуре РПЦ произошли изменения за счет присоединения новых территорий. Ко времени присоединения Грузии к России местная автокефальная церковь находилась в состоянии глубокого упадка. Указами 1811 и 1814 гг. она была введена в состав РПЦ на правах экзархата (церковной автономии). В 1817 г. экзархом Грузии был поставлен митрополит Рязанский Феофилакт (Русанов). Ряд епархий был преобразован путем слияния и укрупнения.

Административно-территориальная структура управления РПЦ была положена в основу преобразований тех конфессий, которые находились на присоединенной к Российской империи территории Великого княжества Литовского (ВКЛ). В конце XVIII в. на этой территории с общим количеством населения 3850 тыс. человек около 39 % составляли униаты, 38 % – римо-католики, 10 % – иудеи, 6,5 % – православные, около 4 % – староверы, более – 2,5 % протестанты, мусульмане и караимы.

Царское правительство разрешило деятельность всех конфессий. Но вместо господствовавшего в Речи Посполитой римо-католичества оно стремилось утвердить господствующее в Российской империи православие. Политика правительства, направленная на вмешательство светской власти в дела церкви в целях преобразования церковной структуры в разновидность государственного аппарата, стала распространяться и на территорию бывшего ВКЛ. Происходило это путем приближения границ епархий к границам губерний, подчинения церковных структур духовным правлениям и консисториям и т. д. Православные и староверы были подчинены Св. Синоду, а все остальные конфессии – Департаменту духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

После первого раздела Речи Посполитой на территории восточной части Беларуси продолжали свою деятельность Полоцкое уни-

атское архиепископство и Могилевская (Белорусская) православная епархия. Поскольку римско-католические приходы этой территории входили в состав Виленского бискупства (его центр оставался за пределами Российской империи), то для них в 1773 г. была создана Белорусская римско-католическая епархия с центром в Могилеве, а в 1782 г. – Могилевская архиепархия.

С присоединением в 1793 г. новых территорий была основана Минская православная епархия. После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. создаются Инфлянтская (вместо Виленской) и Пинская римско-католические епархии. В 1798 г. вместо них на территории Минщины, Виленщины и Гродненщины были учреждены новые – Минская и Виленская римско-католические епархии. В том же году на территории Минской и Литовской губерний было образовано Брестское униатское епископство. В 1810 г. территориальная структура униатской церкви приобрела следующий вид: митрополия с центром в Вильно, архиепископия – в Полоцке, епископия – в Бресте.

Предпринимались попытки осуществления церковной структурной реорганизации и в отношении мусульманских религиозных организаций на территории бывшего ВКЛ. Результатом активной внешней политики Российского государства стало вовлечение в сферу его влияния значительной территории, населенной мусульманами. Основными регионами распространения ислама в Российской империи являлись Северный Кавказ, Крым, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. При Екатерине II было создано Оренбургское духовное собрание по заведованию лицами магометанской веры (правопреемником его в настоящее время является Центральное Духовное управление мусульман России и европейских стран СНГ). Аналогичные духовные правления появились также в Крыму и Закавказье.

После второго и третьего разделов Речи Посполитой мусульманское население Российской империи пополнилось татарами ВКЛ, исповедующими ислам суннитского толка. В 1794 г. Екатерина II обещала: «Не только оставляем их (татар. – *Авт.*) в свободе отправлять свое богослужение и при всем том, что в Литве они имеют, но желаем обеспечить их состояние». Вопрос о подчинении татар-мусульман бывшего ВКЛ высшему конфессиональному органу Российской империи решался несколько раз. В 1803 г. татары западных губерний отказались подчиниться Оренбургскому муфтию. Отказ они обосновывали особенностью своего положения, да-

рованного им польскими королями, когда вопрос о конфессиональном подчинении вовсе не ставился. На некоторое время их оставили в покое. Но в 1831 г. в связи с изменением конфессиональной политики после восстания 1830–1831 гг. татары-мусульмане западных областей были подчинены Таврическому магометанскому духовному правлению. Правда, мусульмане этого региона никогда не имели там своего представителя и крайне редко обращались со своими проблемами. В 1891 г. в результате преобразований в Таврическом магометанском духовном правлении было решено «изъять татар западных губерний по духовным делам из ведения означенного правления и подчинить их мулл общему гражданскому управлению». Однако, рассмотрев вопрос более детально, они все же были оставлены в его подчинении.

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Конфессиональная политика в целом, как и в отношении римско-католической церкви в частности, проводимая в Российской империи в первой половине XIX в., менялась в соответствии с изменениями внутриполитического курса. Начальный период царствования Александа I характеризуется в российской историографии как время либеральных преобразований. Это сказалось и на его конфессиональной политике, для которой была присуща религиозная терпимость. Прекратились гонения на старообрядцев, сектантов, довольно широкой свободой пользовались римско-католическая и протестантская конфессии, нехристианские религии – ислам, буддизм и др.

Свою специфику имела конфессиональная политика на присоединенной территории ВКЛ. Вхождение этой территории в состав Российской империи, где «первенствующей и господствующей» была православная церковь, законодательно изменило статус церквей (православной и католической). Теперь католическая церковь оказалась в положении «терпимой», уступив прежнее свое доминирующее место православной. Однако сам процесс изменения реального статуса церквей затянулся практически до середины XIX в. Это было связано как с небольшим количеством православных верующих в крае, так и с невозможностью царского правительства в то время оказать серьезную материальную поддержку православной церкви.

Тем не менее, не имея возможностей быстро укрепить само православие, правительство прилагало усилия, чтобы добиться желаемого результата за счет ослабления конкурирующих конфессий – римско-католической и униатской. Так, с присоединением земель Екатерина II объявила всем конфессиям о «ничем неограниченной свободе в публичном отправлении их веры». Но уже с первых указов видны попытки царского правительства оторвать «римских обоего звания» (под которыми подразумевались римо-католики и униаты) от духовного влияния Папы Римского и генералов орденов, находившихся за пределами империи. Вместе с тем, испытывая необходимость иметь в крае поддержку со стороны магнатов и шляхты (главным образом католиков по вероисповеданию), правительство начало наступление на более незащищенную униатскую конфессию.

Уже первые переходы в православие (равно как и в католичество) униатских верующих свидетельствовали об особом направлении в конфессиональной политике правительства: попытке выработать правовое регулирование межконфессиональных отношений. И хотя возникали эти переходы, на первый взгляд, стихийно, в ответ на проводимую миссионерскую деятельность среди униатского населения православного и католического духовенства [в этом деле особенно усердствовали руководители епархий: православные архиепископы Георгий (Конисский) и Виктор (Садковский), римско-католический С. Богуш-Сестренцевич], в основе их лежали правительственные распоряжения и указы. Другой вопрос: как и в каких целях эти распоряжения и указы воспринимались и использовались конкретными людьми? Имела место также определенная «мягкость», или, вернее, гибкость, в проведении конфессиональной политики в тот период. Это проявилось в отношении ордена иезуитов.

Монашеский орден «Общество Иисуса» был основан в 1534 г. (утвержден Папой Римским Павлом III в 1549 г.) для борьбы с Реформацией. Орден иезуитов занял ведущее место в традиционной политике Ватикана, направленной на проникновение в страны Восточной Европы и Азии. На территории России первые иезуиты появились в начале XVIII в. Но указом Петра I от 18 апреля 1719 г. они были изгнаны из государства. После разделов Речи Посполитой иезуиты вновь оказались в пределах Российской империи. Более того, когда в 1773 г. последовала булла Папы Римского Климента XIV о ликвидации ордена, Екатерина II сохранила его на

территории восточной части Беларуси, отошедшей к Российской империи. В 1780 г. в Полоцке был основан новициат, а в 1782 г. иезуиты получили право выбирать генерального викария (и. о. генерала ордена). В 1780 г. Павел I направил послание Папе Римскому с просьбой признать «Общество Иисуса» в России, что вскоре и было сделано.

Политика Александра I также способствовала дальнейшему усилению влияния ордена, миссии которого действовали по всей территории империи, не исключая и Сибирь. В 1814 г. Белорусская иезуитская провинция в Российской империи насчитывала 342 члена и 20 орденских домов. Свои школы они освободили от контроля властей и подчинили их Полоцкому коллегиуму (с 1812 г. – Полоцкая иезуитская академия). Но вскоре последовало падение. В 1816 г. иезуиты были высланы из Петербурга и Москвы. В 1820 г. их, «как забывших священный долг не только благодарности, но подданнической присяги и потому недостойных пользоваться покровительством российских законов», выслали из Российской империи.

1830-е гг. характеризуются изменением политики властей и в отношении римско-католической церкви. Участие католического духовенства и монахов в восстании 1830–1831 гг. повлекло за собой закрытие ряда католических монастырей. Монахи 199 монастырей, закрытых в западных губерниях, были переведены в другие монастыри того же ордена. Имущество передано в распоряжение римско-католического епархиального руководства. Процесс закрытия римско-католических монастырей продолжался и в 1840–1850-х гг.

Одновременно было обращено внимание на выполнение ранее намеченных мер по ограничению деятельности римско-католического приходского духовенства. Николай I подтвердил указы: от 14 июля 1819 г. (согласно ему здания костелов разрешалось строить только в тех местах, где количество прихожан было не менее 400 душ мужского пола); от 8 октября 1831 г. (в костелы, построенные без разрешения властей, не назначались священники); от 10 июня 1830 г. и 11 июля 1836 г. (монахам и католическому духовенству запрещалось нанимать в услужение православных); 1831, 1832 и 1835 гг. (католическое духовенство не могло переезжать с места на место без разрешения духовного руководства).

Ликвидация униатской церкви, закрытие ряда римско-католических монастырей и надзор за духовенством этой конфессии, секуляризация церковных имений в 1842 г. ослабляли влияние римско-католической церкви на территории бывшего ВКЛ. В то же время увеличение количества православных верующих за счет

бывших униатов к середине XIX в. изменило конфессиональную ситуацию здесь в пользу православия. Так, на территории белорусско-литовских губерний вместо одной Белорусской (Могилевской) православной епархии со 130 церквами в 1772 г. в 1841 г. действовали четыре – Минская, Могилевская, Полоцкая и Литовская с 3094 церквами. И все же в этот период, несмотря на свое «господствующее положение», православная церковь не пользовалась большим влиянием в белорусско-литовских губерниях. Ее верующими по-прежнему оставались крепостные крестьяне – бедные и неграмотные. Небольшое количество русских чиновников и бедной шляхты не могло оказать существенной поддержки (ни материальной, ни общественной) «своей» конфессии.

Религиозная специфика территории бывшего ВКЛ заключалась и в том, что все католическое, мусульманское, кальвинистское, а также часть униатского и православного духовенства принадлежали к дворянскому сословию и пользовались его правами. Среди высшего католического и униатского духовенства были представители магнатов и крупной шляхты. Остальная часть приходского униатского, православного и лютеранского духовенства принадлежала к духовному сословию, которое окончательно сформировалось как привилегированное и довольно закрытое. Последнее в первую очередь касалось православных и униатских священников, так как свои приходы они получали в наследство от отца к сыну или благодаря брачному союзу с дочерью священника.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Присоединение в конце XVIII в. новых территорий, характерной чертой которых было наличие поликонфессиональности, поставило власти Российской империи перед проблемой регулирования межконфессиональных отношений. Наиболее важными моментами из всего спектра межконфессиональных отношений были смена вероисповедания и смешанные браки, а что касалось взаимоотношений христиан с иудеями – это так называемые «ритуальные убийства». Подобные вопросы требовали постоянного правительственного вмешательства, законодательного регулирования.

В 1780-х гг. правительство Российской империи разрешило православным священникам занимать места в униатских приходах, что было использовано для обращения униатов в православие.

Данное явление наблюдалось особенно в тех приходах, владельцами которых стали русские помещики. В 1794 г. Екатерина II издала указ о ликвидации преград для возвращения униатов в православную веру. В результате в 1795 г. в Могилевской православной епархии к православию было присоединено 105 униатских церквей с 34 священниками и со 120 тыс. прихожан. В Минской епархии в 1795–1796 гг. православными стали 124 униатские церкви, 39 каплиц, 15 священников и около 85 тыс. прихожан.

Передача духовной власти над униатской церковью в руки римско-католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича привела к массовым переходам униатов в католичество. Этому содействовали и помещики-католики. В 1803 г. в Полоцкой униатской епархии перешло в католичество около 100 тыс. (по другим сведениям около 200 тыс.) униатов, в Диссенском и Вилейском уездах Минской губернии – около 20 тыс. и т. д. Рескриптом от 4 июля 1803 г. Александр I запретил переходы в католичество. Но многочисленные повторы этих запретов свидетельствовали об их небольшой эффективности. После ликвидации униатской церкви почти два десятилетия шла «разборка» бывших униатов между римско-католической и православной церквами.

Зачастую причиной переходов из одного вероисповедания в другое становились смешанные браки. В ВКЛ христианам разных конфессий разрешалось заключать браки. Законодательно это было оформлено решениями Варшавского сейма 1768 г. и трактатом 1775 г. между Речью Посполитой и Российской империей. Что касалось детей от таких браков, то мальчики должны были воспитываться в вере отца, а девочки – в вере матери. Браки православных или протестантов с римо-католиками заключались священнослужителями того исповедания, к которому принадлежала невеста. Представители шляхты имели право заключать брачные контракты, определяющие конфессиональную принадлежность будущих детей в соответствии с волеизъявлением сторон. В Российской империи межконфессиональные (смешанные) браки были разрешены Св. Синодом в 1721 г. При этом законодательством предусматривалось, чтобы святое таинство брака православных с христианами иных конфессий происходило в православных храмах и совершалось православными священниками.

После присоединения территории ВКЛ к Российской империи в смешанные браки стали вступать русские чиновники, которые прибывали на службу в новые губернии. Однако, находясь под

влиянием матерей (католичек или униаток), дети от этих браков воспитывались чаще всего в вере матери. В 1777 г. последовал указ, разрешавший православным вступать в смешанные браки только в соответствии с решением Св. Синода (1721 г.), согласно которому дети от таких браков должны были воспитываться исключительно в православной вере. Тем не менее на протяжении всей первой половины XIX в. на территории бывшего ВКЛ продолжали заключать браки, руководствуясь решениями Варшавского сейма 1768 г. и договором 1775 г. между Речью Посполитой и Российской империей.

Получив новую, мало знакомую для себя религиозную группу населения – иудеев, – правительство Российской империи на первых порах старалось не вмешиваться в их внутреннюю жизнь, предоставив вершить религиозные дела кагалам. Однако нейтральное отношение к религиозным делам евреев продолжалось недолго. Уже в конце XVIII в. власти столкнулись с так называемыми «ритуальными убийствами». В 1799 г. по «Сенненскому делу» проходили четыре еврея, которые обвинялись в убийстве христианки. Помощь в проведении расследования оказывал принявший христианство еврей Костинский. Он сделал выписки из религиозного кодекса «Шулхан-Арух», которые были использованы в судебном следствии. В материалах следствия, ссылаясь на еврейское сочинение «Изыфлев», отмечалось, что евреи «кладут в свою мацу кровь христианскую».

В начале XIX в. в Витебской губернии возникли еще два судебных дела по обвинению евреев в убийстве христиан в ритуальных целях. Результаты следствия об их виновности были посланы в Петербург, где эти обвинения назвали нелепыми и бездоказательными. Расследование истории возникновения подобных обвинений установило, что еще указами Сигизмунда II Августа (от 9 августа 1564 г. и 20 мая 1566 г.) запрещалось обвинять евреев в такого рода убийствах без всяких на то оснований. Никаких доказательств об использовании христианской крови для изготовления опресников евреями не было найдено и Римом в 1763 г. Исходя из этого Александр I приказал объявить, чтобы впредь евреев не обвиняли в убийстве христианских детей без всяких улик, основываясь лишь на предрассудках. Но подобные обвинения продолжались всю первую половину XIX в.

В связи с «Саратовским делом» (1852–1853 гг.) при Министерстве внутренних дел была учреждена авторитетная комиссия для

изучения изъятых у подследственных книг и манускриптов. Рассмотрев книги и манускрипты, комиссия пришла к заключению, что они не содержат в себе ничего, что свидетельствовало бы об использовании евреями христианской крови в ритуальных целях.

ЛИКВИДАЦИЯ УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ

В конце 1827 – начале 1828 г. появился проект ликвидации униатской церкви. Основными его идеями были следующие: отрыв униатов от влияния римо-католичества путем упразднения части базилианских монастырей, образование отдельной греко-униатской духовной коллегии, открытие новых духовных учебных учреждений для подготовки юношей в православных традициях. Была предусмотрена также ликвидация зависимости униатского духовенства от помещиков-католиков, которые, являясь ктиторами, оказывали не только материальную помощь церкви, но и влияли на выбор кандидатуры униатского священника.

Идеи начали претворяться в жизнь. В апреле 1828 г. была основана отдельная от римско-католической греко-униатская коллегия. Одновременно вместо четырех униатских епархий были образованы две – Белорусская и Литовская. Сокращая количество униатских епархий, одновременно принимались меры по увеличению православных. В 1833 г. на территории Беларуси была открыта третья православная епархия (после Могилевской и Минской) – Полоцкая. Возглавил ее епископ Смарагд (Крыжановский), личность весьма неординарная. В исторической литературе даются довольно противоречивые характеристики его деятельности на этом посту. В течение 1833–1835 гг. его усилиями к православию было присоединено более 120 тыс. униатов. Это вызывало не только недовольство со стороны униатских епископов, но и опасения правительства, которое боялось волнений униатского духовенства и верующих в Витебской губернии, где очень сильным и влиятельным оставалось римо-католичество.

Правительство взяло под контроль образование униатского духовенства. Было запрещено отправлять юношей на учебу в Рим и Вильно (в Главную католическую семинарию при Виленском университете). Находившиеся там студенты были отозваны. Но выполнить решение об открытии греко-униатской академии в Полоцке не удалось по причине нехватки средств, помещений и студентов. По хода-

тайству греко-униатской коллегии нескольким юношам было разрешено учиться в Петербургской православной духовной академии.

С целью противостоять римско-католическому влиянию греко-униатская коллегия в 1830 г. приняла решение о произнесении проповедей и об обучении Закону Божьему на местном диалекте. «Проповедовать слово Божие на невнятном для него (народа. – *Авт.*) языке есть дело недостойное христианского учителя и бесполезное для слушателей», – говорилось в документе.

За участие базилианских монахов в восстании 1830–1831 гг. в Российской империи были упразднены 2/3 базилианских монастырей. Одновременно ликвидировалась власть провинциалов ордена. Правительство позволило монахам упраздненных монастырей, которые были крещены по римско-католическому обряду, вернуться в католичество. В результате до 1836 г. из ордена вышло около 200 базилиан, что ослабило впоследствии сопротивление духовенства политике правительства по ликвидации униатской церкви.

Не осталось без внимания и белое униатское духовенство. С 1831 г. ему было запрещено назначать униатских священников в римско-католические костелы, а также совершать в костелах богослужения. В церквах разрешалось восстанавливать иконостасы, упразднять органы и скамейки, вводить православные служебники московского издания 1831 г.

Следующим шагом в направлении ликвидации униатской церкви и присоединения ее верующих к православию было образование в 1836 г. Секретного комитета по униатским делам. Министр внутренних дел Д. Н. Блудов, обосновывая на заседании этого комитета идею ликвидации унии, отметил, что необходимо униатов преобразовать «из полуполяков – римских католиков в верных сынов нашей церкви и России».

После смерти в 1838 г. униатского митрополита И. И. Булгака, который был последним препятствием в деле ликвидации унии, греко-униатскую коллегию возглавил литовский епископ И. Семашко. Он, равно как и епископы Василий Лужинский и Антоний Зубко, поддержал идею ликвидации униатства. 22 и 28 декабря 1838 г. на заседании Секретного комитета были приняты важные решения: греко-униатские епископы обязывались подготовить церковный акт, признававший происхождение униатской церкви от православной и содержащий просьбу о воссоединении. Акт и прошение должно было подписать все высшее униатское духовенство, после чего передать их на утверждение Св. Синоду и императору.

12 февраля 1839 г. в Полоцке в присутствии высшего униатского духовенства был подписан Соборный акт с просьбой о присоединении униатской церкви к православной. Постановление Св. Синода «О принятии Греко-униатской церкви в полное и совершенное общение святых православно-кафолических Восточныя церкви и в нераздельный состав церкви Всероссийской» было утверждено Николаем I. Всего более 1,5 млн униатов Беларуси, Литвы и Правобережной Украины «воссоединились» с православием.

Некоторая часть бывших униатов в 1840–1850-х гг. предпринимала попытки перейти в римо-католичество, но большинство верующих вместе с духовенством довольно спокойно приняло перевод в православие. Правда, еще довольно долго сохранялись некоторые униатские традиции. Так, бывшее униатское духовенство имело жен-католичек, брило бороды, носило облачение католического, а не православного священника, пользовалось польским языком в богослужении. И это вполне понятно. Ведь многие священнослужители, как и их прихожане, не знали молитв на церковно-славянском языке, что, впрочем, их мало беспокоило. Потому еще довольно длительное время православие в белорусско-литовских губерниях имело свой специфический характер, отличаясь от православия центральных регионов Российской империи.

УЖЕСТОЧЕНИЕ МЕР ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЦАМ

В 1820–1830-х гг. РПЦ и светская власть столкнулись с заметно возросшим «отпадением от православия в раскол». Даже в Москве широко распространились богатые старообрядческие общины. Из московской старообрядческой среды вышли известные предприниматели – Морозовы, Гучковы, Рахмановы, Рябушинские, Солдатенковы, – являвшие цвет «купеческой Москвы». Старообрядческие согласия привлекали к себе своим трудолюбием, строгостью нравов, начитанностью. Старообрядцы бережно хранили древние иконы и рукописи духовного содержания. Будучи знатоками Священного Писания, в религиозных спорах они обычно побеждали «никониан».

Наступление на старообрядцев возобновилось в последние годы царствования Александра I в связи с усилением реакционного политического курса. Указом 1822 г. старообрядцам запрещалось возводить новые и ремонтировать старые молитвенные дома. Этот

запрет был позже подтвержден и указами Николая I. При нем было издано свыше 500 разного рода постановлений и указов, касающихся старообрядцев. Николай I считал переход «в раскол» опасным не только с религиозной, но и с политической точки зрения, так как в некоторой степени он подготавливал умы к осознанию возможности неповиновения властям и давал этому оправдание.

В 1825, 1831, 1853 гг. создавались секретные комитеты по выработке эффективных мер борьбы с «расколом». В 1837 г. в 20 губерниях, наиболее «зараженных расколом», были учреждены «раскольничьи комитеты» под руководством губернаторов. Такие комитеты были созданы в Перми, Петрозаводске, Тамбове, Тобольске, Чернигове, Вятке, Витебске, Могилеве, Иркутске, Костроме, Ярославле и т. д. По официальным отчетам за 25 лет борьбы с «расколом» было возвращено в православие свыше 2,3 млн человек. Правда, в подавляющем большинстве они продолжали придерживаться старой веры. Преследуемые откупались взятками, а чиновники рассматривали эти дела как одну из наиболее прибыльных статей своего дохода. В результате старообрядчество не только не искоренялось, но даже укреплялось и распространялось. Политика прямых гонений на старообрядцев не принесла властям желаемого успеха.

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Существовали внутренняя и внешняя миссии. Первая заключалась в ведении деятельности среди населения христианских конфессий, проживавших на территории империи: старообрядцев, римо-католиков, протестантов и др.; вторая – среди нехристианского населения, причем как в России, так и за рубежом. Именно второе направление миссионерской деятельности получило развитие в первой половине XIX в. Действовали Пермская, Самарская, Оренбургская, Казанская, Алтайская, Иркутская, Забайкальская, Обдорская, Сургутская, Енисейская, Якутская, Камчатская миссии, которые ставили своей задачей христианизацию народов Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Для осуществления миссии на местных языках в 15 духовных семинариях империи было введено изучение «инородческих языков». Помимо своих основных обязанностей миссионеры должны были заниматься врачеванием местного населения, обустройством их быта.

История сохранила примеры настоящего подвижничества православных миссионеров. К примеру, в 1824 г. «самоедскую» миссию (среди эскимосов и ненцев заполярной части Архангельской губернии) возглавил архимандрит Сийского монастыря Вениамин Смирнов. Он не только изучил эскимосский язык и проводил на нем богослужения и проповеди, но и составил грамматику этого языка, перевел на него Евангелие, Деяния и Послания Апостолов, Православный катехизис. Миссионер осуществлял также и этнографическое изучение края.

Православная миссия в Китае была основана еще в 1715 г. Кроме того, она выполняла еще функции дипломатического и торгового представительства России при дворе китайских императоров. Выдающимся миссионером XIX в. в Китае был ученый-синолог (глава миссии с 1807 г.) Никита Бичурин (в монашестве Иакинф). Он получил широкую известность в научных кругах как автор многих исследований и переводов по истории, филологии, философии Китая, Тибета и Монголии. Свою библиотеку редких китайских книг ученый передал в дар Казанской духовной академии.

В 1847 г. была основана Русская духовная миссия в Палестине (находилась в Иерусалиме). Правда, она занималась не столько миссионерской, сколько благотворительной деятельностью.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ВАТИКАНА

Присоединение к Российской империи территории, значительная часть населения которой исповедовала римо-католичество, вызвало необходимость структурной организации этой церкви. Решение подобного вопроса могло быть достигнуто лишь при согласовании действий с апостольской столицей. Тем не менее первые структурные преобразования римско-католической церкви Екатерина II произвела без согласования с Римом. И лишь в 1798 г. в результате длительных переговоров папского нунция с Павлом I, которые касались урегулирования вопросов, связанных с созданием Белорусской римско-католической епархии и преобразованием ее в Могилевскую архиепархию, была издана булла Пия VI «Maximus undique». Папа Римский признал Могилевскую архиепархию, придав ей статус митрополии и подчинив всех католиков латинского обряда, проживавших на землях Российской империи.

Однако в начале XIX в. ситуация изменилась. Указом Александра I от 22 апреля 1804 г. дипломатические отношения России с Римом были прерваны. И только после наполеоновских войн общие взгляды на принципы восстановления в Европе прав европейских монархов снова привели их к сближению. В июле 1816 г. между Российской империей и апостольской столицей впервые установились постоянные дипломатические отношения. Эти связи развивались и укреплялись, несмотря на серьезные расхождения в вопросах положения римско-католической церкви в России.

В 1845 г. российский император Николай I, будучи проездом в Риме, посетил Ватикан и встретился с Папой Римским Григорием XVI. Папа говорил о притеснении католиков в Российской империи и просил о расширении их прав. Николаю I в то время для решения проблем европейской дипломатии необходимо было лояльное отношение Ватикана. Он поручил рассмотреть данный вопрос специально созданному Секретному комитету. Комитет счел возможным пойти навстречу Ватикану, но сообразуясь с законами Российской империи. В 1847 г. между Россией и Ватиканом был заключен конкордат.

Согласно конкордату на территории Российской империи дополнительно к шести существовавшим римско-католическим епархиям (Виленской, Тельшевской, Минской, Луцко-Житомирской, Каменец-Подольской и архиепархии Могилевской) создавалась седьмая – Херсонская (Тираспольская). Были уточнены и границы всех семи епархий. К Могилевской архиепархии, помимо Великого княжества Финляндского, были отнесены также все остальные территории империи, не вошедшие в вышеупомянутые епархии. В Петербурге открывалась римско-католическая духовная академия. Согласован был и порядок удовлетворения духовных потребностей армяно-католиков в пределах Российской империи. Конкордат вызвал недовольство со стороны православного духовенства, которое усмотрело в нем усиление влияния римско-католической церкви в западных и южных губерниях.

БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

При покровительстве Александра I в 1812 г. в Российской империи развернуло свою деятельность Библейское общество. Председателем русского отделения Библейского общества был поставлен фаво-

рит царя князь А. Голицын, который одновременно (с 1803 г.) занимал пост обер-прокурора Св. Синода. Российское общество было связано с Британским Библейским обществом, которое было основано в 1804 г. в качестве общехристианской миссионерской организации для распространения Библии в переводе на различные языки мира.

Библейское общество развернуло свою деятельность во многих губерниях Российской империи. Оно ставило своей задачей издание книг Священного Писания на языках народов империи и распространение их по недорогой цене и даже бесплатно. Средства для деятельности общество получало от взносов своих членов и частных пожертвований. За время своей деятельности Библейское общество издало 876 экземпляров Библии и ее частей на 40 языках.

Однако деятельность Библейского общества вызывала недовольство со стороны многих христианских организаций. Против деятельности общества в Европе выступила католическая церковь. Она была противником переводов Библии с латинского на европейские языки, чтобы «устранить возможность сомнений в ее авторитете». Противниками Библейского общества были и некоторые протестантские миссионеры. Они выдвигали следующие аргументы: «Для грубых племен нужен наставник, а не Библия».

Деятельность Библейского общества задевала и прерогативы РПЦ, которая рассматривала его как вмешательство в церковные дела империи. Православные иерархи указывали и на участие в нем представителей инославных конфессий – римских католиков и протестантов. Да и сама мысль о распространении Библии среди простого народа казалась им неприемлемой. По их мнению, малообразованному народу вполне было достаточно соблюдения обрядового благочестия. Перевод Библии на русский и другие языки рассматривался как «профанация святыни», чуть ли не «вредное вольнодумство» и «измена православию». На отделения Библейского общества посыпались доносы, их обвиняли даже в связях с тайными обществами в целях «потрясения религии и престола». Неодобрение у православных духовных лиц вызывало и учреждение в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения под управлением светского лица – А. Голицына.

В начале 1824 г. возникло громкое дело из-за издания немецким пастором Иоганном Госнером книги «Дух жизни и учение Христа в Новом Завете». И. Госнера, который был связан с Библейским обществом, обвинили во многих грехах, в том числе и в призыве народа к возмущению «против православия и престола». Книга была запре-

щена, а И. Госнер выслан из России. Этим обстоятельством воспользовались архимандрит Фотий и А. А. Аракчеев, который убедил царя в необходимости упразднения Министерства духовных дел и народного просвещения, а заодно и в запрете деятельности Библейского общества. Официально Библейское общество было закрыто указом Николая I от 12 апреля 1826 г., а все его имущество передано Св. Синоду.

Однако смысл деятельности Библейского общества в России в скором времени нашел новое организационное воплощение. В 1831 г. протестантам в России разрешили учредить свое Евангелическое общество, а в 1869 г. было образовано «Общество распространения Священного Писания в России», которое просуществовало вплоть до 1917 г.

Глава 11
УКРАИНА ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО. СТРУКТУРА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

В результате второго (1793 г.) и третьего (1795 г.) разделов Речи Посполитой в состав Российского государства вошли Киевщина, Брацлавщина, Волынь. Таким образом, к концу XVIII в. около 9/10 общей площади украинских земель оказалось под властью империи Романовых. В 1796 г. были проведены изменения в административном устройстве Украины: Левобережье вошло в состав Малороссийской губернии, Слобожанщина – Слободско-Украинской (в 1835 г. переименована в Харьковскую), Правобережная Украина – Киевской, Волынской и Подольской губерний. В начале XIX в. Малороссийская губерния стала Малороссийским генерал-губернаторством с Черниговской и Полтавской губерниями. Южная Украина и Крым в 1802 г. были поделены на три губернии: Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. После присоединения в 1812 г. Бессарабии было создано Новороссийско-Бессарабское генерал-губернаторство. В феврале 1832 г. после подавления польского восстания 1830–1831 гг. царское правительство создало Киевское генерал-губернаторство, в состав которого вошли Киевская, Подольская и Волынская губернии. Таким образом, к 1832 г. все девять украинских губерний были включены в состав генерал-губернаторств. Возглавляли их генерал-губернаторы, которые имели практически неограниченную власть и опирались в своих действиях непосредственно на военную силу.

В конце XVIII в. население украинских земель, инкорпорированных в состав Российской империи, характеризовалось безус-

ловным преобладанием местных жителей. На Левобережье украинцы составляли 98 %, Слобожанщине – 86 %, Правобережье – 88 %, в Южной Украине – 72 %. В девяти украинских губерниях в 1811 г. проживало 8,7 млн человек, в 1863 г. – 13,6 млн. Всего же в течение XIX в. население Украины в границах Российской империи увеличилось втрое (с 7,7 до 23,4 млн человек). Следует учитывать, что такую значительную динамику вызвал не только природный прирост, но и миграция других этнических групп. Миграционная политика царизма стала одним из рычагов интеграции Украины в состав империи.

В результате переселенческих движений в Украину и из нее к концу XIX в. удельный вес украинцев уменьшился с 90 до 80 %, а удельный вес русских вырос до 12 %. Что касается других национальных меньшинств, то на Правобережье наиболее многочисленными, как и ранее, были поляки. Хотя их удельный вес на Правобережье упал с 10 % в начале XIX в. до 5 % в конце века, они продолжали преобладать (60 %) в составе дворянства. К концу XIX в. евреи составляли 8 % всего населения и 33 % – городского населения Украины. Показатели в Правобережной Украине, которая в соответствии с российским законодательством входила в «черту оседлости», были еще более высокими: 12,5 % и 80 % соответственно.

Российское правительство различными льготами и привилегиями поощряло заселение украинских земель представителями других национальностей, прежде всего сербами, немцами, греками, болгарами. Численность немцев в указанный период достигала 1 млн человек. Крымских татар насчитывалось до 500 тыс. человек. Приблизительно такой же была численность молдаван. К началу XX в. в Украине проживало около 200 тыс. болгар, 140 тыс. греков, 50 тыс. армян, 38 тыс. чехов, 13 тыс. словаков. Встречались представители английской, французской, итальянской и других западноевропейских наций.

Украинская нация формировалась и развивалась преимущественно как нация крестьянская. По своему статусу крестьянство разных регионов было неоднородным. Основными его группами в дореформенный период были помещичьи и государственные крестьяне. В 1783 г. был издан указ о запрещении крестьянам переходить с того места, на котором их застала ревизия. Указ 1783 г. лишил крестьян права перехода, но все же не вводил крепостничество в том виде, в котором оно существовало в российских губерниях. Помещик не получал права на личность крестьянина, не мог про-

дать его без земли. Необходимо отметить, что указ не достиг своей цели в полной мере: хотя уже не существовало Запорожской Сечи, но оставались запорожские степи, вошедшие в состав Екатеринославского наместничества. Правитель наместничества Г. А. Потемкин приказал не возвращать беглецов. Только в декабре 1796 г. Павел I запретил крестьянам Екатеринославского и Вознесенского наместничеств и Таврической области переходить с места на место. К концу 1850-х гг. во владении помещиков находилось 5,4 млн крестьян, что составляло около 40 % населения Украины, входившего в состав Российской империи.

В 1785 г. Екатерина II распространила на Украину права российского дворянства. Для украинской шляхты и казацкой старшины крайне важно было подтвердить свои права, влиться в состав дворянского сословия, что гарантировало ее привилегированное положение. Претендентам на дворянство необходимо было доказать либо свое происхождение от шляхетских родов Речи Посполитой, либо службу предков в рядах казацкой старшины, либо предоставить 12 свидетелей «благородного образа жизни». В последней стадии вопрос о принадлежности к дворянскому сословию решался в Герольдии Сената. Польское шляхетство Правобережной Украины в абсолютном большинстве сохранило все свои права.

По-разному складывалась ситуация с доказательством дворянских прав в среде казацкой старшины южных и северных полков Левобережной Украины. В южных полках старшина в большинстве случаев не имела «шляхетских» предков. Именно здесь большое количество старшины не только сотенной, но и полковой не получило дворянства. Лучше обстояли дела в северных полках: там многие представители казацкой старшины имели предками белорусских шляхтичей из Могилевского и Мозырьского поветов бывшего ВКЛ. К 1835 г. основная масса дел о принадлежности к дворянскому сословию была рассмотрена и завершена. Борьба за признание прав на дворянство привела к неожиданным последствиям: люди, которые искали доказательства своих дворянских прав, вынуждены были изучать летописи, хроники, универсалы. В Левобережной Украине появились коллекционеры древних актов и документов, такие как А. Чепа, В. Полетика, Н. Маркович. В основном это были безупречные по происхождению дворяне, крупные помещики, которые ставили своей целью помогать по возможности большему кругу современников в доказательстве своих дворянских прав.

Основная масса украинского казачества не получила дворянских прав и представляла собой отдельное сословие, которое заняло место между дворянством и крестьянством. Казаки имели свои особые права, закрепленные законами Российской империи. Такое положение сохранялось на протяжении всего XIX столетия. Только после Октябрьского переворота 1917 г. казачество было ликвидировано, а его права и привилегии окончательно отменены. Казаки в основном не сливались с крестьянством, жили отдельными поселениями и редко заключали браки с крестьянами, но не все они сохранили свои права. Тяжелые войны, принудительные работы на строительстве каналов и крепостей, уменьшение земельных владений в результате их раздела между наследниками приводили к тому, что многие представители казачества разорялись. Они вынуждены были переходить на земли помещиков, выполнять различные повинности, в том числе и барщину. В то же время казаки продолжали считать себя свободными и уходили от помещика при первой возможности. В свою очередь, помещики считали их своими крестьянами и не признавали никаких «особых» прав. Именно по этому вопросу шла упорная борьба между помещиками и казаками вплоть до отмены крепостного права.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Основой экономики оставалось сельское хозяйство, которое сохраняло экстенсивный характер. В помещичьих и крестьянских хозяйствах преобладало трехполье, практически при отсутствии удобрения почвы. Степная Украина (Новороссия) в первой половине XIX в. была еще слабо заселена. Екатерина II, Павел I и Александр I передали в частные руки в Новороссии тысячи десятин земли. Помещики, а также казна переселяли крестьян на новые места целыми деревнями. В результате к 1819 г. население степной Украины достигло 3 млн человек. Между помещиками здесь шла настоящая борьба за рабочие руки. Правительство Александра I, вняв голосу дворянства, заинтересованного в новых доходных имениях, приняло меры, затруднявшие переселение иностранных колонистов в степную Украину. В силу недостатка рабочих рук и наличия огромных пастбищ помещики степных районов вынуждены были заниматься в первую очередь скотоводством.

Часть помещиков, особенно на юге Украины, вводила новые способы обработки земли, приобретала современный инвентарь.

Прежде всего, это касалось поместий, где выращивали сахарную свеклу. Особенно резко выросла площадь сахарных плантаций в Правобережной Украине, составив к 1860 г. 33 тыс. десятин. Одновременно помещичьи хозяйства увеличивали посевы технических культур, которые шли на внутренний и внешний рынок. В Полтавской и Черниговской губерниях такими культурами были конопля и табак, в Екатеринославской и Херсонской – лен. Увеличивалось производство и продажа зерна, в первую очередь пшеницы. Наиболее активно торговое зерновое хозяйство развивалось в новороссийских губерниях: Херсонской, Екатеринославской и Таврической. За ними шли правобережные губернии – Киевская, Волынская, Подольская.

Вместе с товарным земледелием помещики развивали и товарное животноводство. Разводили в основном коней, крупный рогатый скот, овец, особенно тонкорунных. Тонкорунное овцеводство более всего было развито в Новороссии и Крыму. Украина обеспечивала шерстью не только свои и российские фабрики, но и вывозила ее в большом количестве на Запад.

Развивавшаяся европейская промышленность предъявляла все больший спрос на зерновые, а также сельскохозяйственное сырье. Обстановка начала XIX в. оказалась благоприятной для украинских помещиков. Континентальная блокада задела их мало, так как хлебный экспорт с территории Украины направлялся в первую очередь не в Англию, а в Грецию, Италию, Австрию и Францию. Вывоз товаров из Одессы упал в годы русско-турецкой войны (1806–1812 гг.) и вновь стал расти после ее окончания.

В 1820-х гг. в Украине наблюдался аграрный кризис и падение цен на сельскохозяйственные продукты. Хлебные законы в Англии, восстание в Греции (1821–1828 гг.), русско-турецкая война (1828–1829 гг.) и конкуренция американского сельского хозяйства создали условия, затруднявшие экспорт хлеба за границу. В черноморских портах цены на пшеницу с 1822 по 1828 г. упали более чем в 2 раза. В поисках выхода из кризиса помещики Левобережья и Слободской Украины стали активно заниматься винокурением. Правительство, испугавшись уменьшения доходов казны, запретило в 1819 г. свободную продажу вина, чем вызвало недовольство украинских владельцев винокурен (тем более что на Правобережье право пропинации, т. е. монополии на продажу вина, было оставлено за помещиками). Правда, в 1827 г. правительство отказалось от монополии и перешло к откупной системе, что в известной степени компенсировало потери землевладельцев.

С конца 1830-х гг. вновь расширяются возможности сбыта сельскохозяйственных продуктов. Неурожай в Западной Европе (1846–1847 гг.) и отмена хлебных законов в Англии создали благоприятную конъюнктуру для украинского помещичьего хозяйства. В Одессе цены на хлеб выросли в 2 раза. Вывоз зерновых продуктов через черноморско-азовские порты увеличился в 2,5 раза. В 1847 г. было вывезено более 5,5 млн четвертей зерна. Для доставки к портам такого его количества понадобилось около 300 тыс. пар волов. Их обязаны были дать крепостные крестьяне, для которых подводная повинность оказалась крайне тяжелым бременем. Необходимость перехода к железнодорожному транспорту стала очевидной для большинства местных помещиков. В 1857 г. было учреждено Общество Южной железной дороги, в числе акционеров которого находилась вся местная земледельческая знать. На заседаниях общества обсуждался проект строительства железной дороги Харьков – Феодосия.

К концу 1850-х гг. во владении помещиков находилось 5,4 млн крестьян, что составляло около 40 % всего населения Украины, входившей в состав Российской империи. Главной обязанностью крестьян была барщина: на Левобережье она составляла в основном 3–4 дня в неделю на одно крестьянское хозяйство, а на Правобережье – шесть дней. На юге Украины, где не хватало рабочих рук, барщина составляла не более двух дней в неделю. К барщине добавлялись и другие повинности: крестьяне возили дрова из леса, прокладывали и ремонтировали дороги, мосты, давали помещику кур, гусей, овец и т. д. В 1830-х гг. увеличилось число так называемых «месячников» – крестьян, которые не имели своего хозяйства и получали от помещика содержание. К середине 1840-х гг. в Левобережной Украине численность «месячников» достигала 25 % от общей численности крепостных. Более свободным было положение крестьян, которые перешли на оброк. Оброчные крестьяне занимались ремеслом, прислуживали в гостиницах, были извозчиками, слугами и т. д.

Восстание 1830–1831 гг., охватившее территорию Правобережья, заставило царское правительство внимательнее взглянуть на положение местного крестьянства. В 1838 г. на должность киевского генерал-губернатора был назначен генерал Д. Г. Бибиков, человек умный и энергичный. С целью лишить так называемую польскую шляхту твердой основы в крае он считал необходимым облегчить положение украинцев-крепостных. Д. Г. Бибиков обратил внимание на многочисленную мелкую шляхту, которая особенно

сильно угнетала крестьян, выступая посредником между помещиками и их крепостными в роли управляющих, арендаторов, и которая во время восстания составила основной контингент повстанцев. Д. Г. Бибиков энергично взялся за осуществление ревизии прав на дворянство шляхты Правобережной Украины. На протяжении 1840–1845 гг. особая комиссия исключила из дворянского сословия 64 тыс. шляхтичей, приписав их к податным сословиям.

Далее генерал-губернатор обратил внимание на казенных крестьян. К этой группе относились крестьяне, которые жили в имениях, конфискованных у римско-католических монастырей или у помещиков, замешанных в восстании 1830–1831 гг. Названные имения обычно отдавались в аренду, в основном шляхтичам и евреям. Арендаторы старались выжать из имений как можно больше дохода и жестоко обращались с крестьянами. Д. Г. Бибиков провел реформу, которая переводила крестьян в положение так называемых «оброчных». Крестьяне были обложены определенным налогом в пользу казны, а в остальном могли вести хозяйство по собственному усмотрению. Реформа значительно расширяла их хозяйственную самостоятельность и улучшала экономическое положение.

Еще одним важным шагом было проведение на территории Правобережной Украины в 1847 г. «инвентарной» реформы. В соответствии с «инвентарными правилами» земля, которой пользовались крестьяне, считалась в их вечном пользовании. Барщина устанавливалась в размере трех дней для мужчин и одного дня для женщин с «тяглого» хозяйства, т. е. такого хозяйства, в котором были кони или волы. Если в хозяйстве их не было, то барщина составляла два дня для мужчин и один – для женщин. Все другие виды повинностей отменялись. Барщинные повинности распределялись по месяцам года и нельзя их было переносить с зимних месяцев на летние. Ограничивалось и самовольство помещиков относительно браков крестьян, сдачи в рекруты, ссылки в Сибирь. Разумеется, «инвентарные правила» не привели к ликвидации крепостничества, но они в определенной мере охраняли личность крестьянина от бесконтрольной власти помещиков.

Однако то, что сделал для улучшения положения крестьян Д. Г. Бибиков – «фельдфебель царя, капрал Гаврилович Безрукий», как называл его Т. Г. Шевченко, – свел на нет его преемник на должности генерал-губернатора (с 1852 г.) князь И. И. Васильчиков, человек культурный и либеральный. При нем были изданы «дополнения» к «инвентарным правилам», которые фактически парализовали их действие.

Один из важнейших показателей разложения феодально-крепостнической системы в первой половине XIX в. – дальнейшее развитие промышленного производства. Промышленность была представлена в основном мастерскими феодального типа. Своеобразными островками среди них являлись немногочисленные мануфактуры, появившиеся в предыдущем столетии. Большинство из них имело примитивную технику и крепостных крестьян в качестве рабочей силы. Но с появлением в промышленности купеческого капитала возникли мануфактуры нового типа. На новых предприятиях существовало разделение труда, использовалась наемная рабочая сила. Благоприятные условия для купеческих вложений существовали в суконной отрасли, где преобладало мелкотоварное производство. Такие мануфактуры открыли иноземцы Гааге и Шмидт, а также местный купец Берштайн на Волыни, Карбет на Киевщине и др. Всего в 1820-х гг. в Украине насчитывалось 18 капиталистических суконных мануфактур.

Новый этап в развитии суконной отрасли в Украине начался с 1830-х гг. В этот период сформировались два ее главных центра – в Дунаевцах на Подолье и в Клинцах на Черниговщине. Но если в Дунаевцах предприятия принадлежали в основном иностранным колонистам и были мелкими, то в Клинцах хозяевами были как украинские, так и российские предприниматели. Именно здесь началась техническая революция в украинской суконной промышленности. Первая паровая машина на 24 л. с. появилась на мануфактуре Д. А. Зубова и Я. В. Степунина в 1841 г. Широкое использование машин в отрасли наблюдалось в 1850-х гг., что сразу отразилось на повышении производительности труда. Если численность работников на мануфактурах в Клинцах с 1834 по 1860 г. увеличилась в 4 раза, то производство сукна за тот же период возросло в 5 раз. В целом начиная со второй половины 1840-х гг. вотчинные мануфактуры начали сдавать свои позиции в отрасли. Накануне отмены крепостного права купеческие мануфактуры производили уже около 53 % всего сукна.

Купеческий капитал проникал и в такую традиционно помещичью отрасль производства, как сахароварение. Торговая фирма «К. М. Яхненко и Ф. С. Симиренко» в 1840-х гг. открыла три крупных завода по производству сахара в селах Ташлык, Русская поляна и Городище Черкасского уезда Киевской губернии. Производственные процессы на этих предприятиях велись на основе паровых машин. Численность купеческих сахарных заводов продолжала расти на протяжении всей первой половины XIX в., однако к 1861 г. они

составляли только 3,1 % всех сахарных заводов Украины. Всего к середине XIX в. их было около 200. Все они размещались в Левобережной и Правобережной Украине. Особое место в развитии этой отрасли принадлежало Киевской губернии.

Промышленный капитал быстро подчинял себе те отрасли производства, которые не представляли особого интереса для помещиков: мыловарни, свечные мастерские, предприятия по производству масла, кирпича и т. д. Они не требовали больших денежных вложений и были доступны владельцам небольших капиталов из числа зажиточных мещан и мелких торговцев. Постепенно эти отрасли укрупнялись и превращались в небольшие мануфактуры с использованием вольнонаемной рабочей силы. К 1850-м гг. среди них выделялись кожевенные мануфактуры в Киеве, Сумах, Чернигове, кирпичные предприятия Г. Барского, М. Бубнова, И. Романовского в Киеве.

Иная картина складывалась в производстве стеклянных изделий. В начале XIX в. большинство предприятий по производству стекла на территории Украины находилось в руках помещиков. Последние использовали на вспомогательных работах собственных крестьян, а на основных – вольнонаемных мастеров. На предприятиях по производству стекла существовало разделение труда, характерное для мануфактурного производства. К 1815 г. насчитывались 174 стекольных предприятия. Располагались они главным образом в Черниговской, Волынской и Подольской губерниях.

Производство спиртных напитков практически полностью находилось в руках помещиков. Относительная простота производства, его высокая прибыльность стимулировали рост числа винокуренных предприятий в помещичьих имениях. Численность винокурен на протяжении 1844–1860 гг. возросла с 1,5 до 2,5 тыс. В основном это были небольшие предприятия, на которых работало не более 10 человек из числа помещичьих крестьян, производившие до 5 тыс. ведер продукции в год. С 1820-х гг. на крупных винокуренных предприятиях помещики стали использовать паровые перегонные аппараты, вводить разделение труда, что придавало им характер предприятий мануфактурного типа. Но это были, скорее, исключения из общего правила.

В дореформенный период в Украине существовала металлургическая и каменноугольная промышленность. Если первая из них, базируясь на традиционных способах производства и болотной руде Полесья, приходила в упадок, то добыча угля приобретала промышленный характер. К 1860 г. Донбасс вышел на второе место в Российской империи по добыче угля. Здесь началась плавка

железа из железных руд, что было новым явлением в украинской металлургии. В 1800 г. на Луганском литейном заводе впервые был произведен чугун из местной руды и на местном угле. Тем не менее производство железа на территории Украины в первой половине XIX в. развивалось медленно, и потребность в нем по-прежнему удовлетворяли российские заводы (тульские и уральские).

В связи с ростом спроса на машины с 1830-х гг. зарождается украинское машиностроение. Первое предприятие основал в Екатеринославле купец А. Заславский. Машиностроительные предприятия размещались в основном в Киевской, Екатеринославской, Херсонской и Волынской губерниях. Они поставляли на рынок молотилки, веялки, паровые котлы, гидравлические прессы, оборудование для сахарных и стекольных производств. К 1861 г. насчитывалось около 20 машиностроительных предприятий, но они не могли удовлетворить своей продукцией потребности края. Значительная часть машин завозилась в Украину из-за границы.

В целом по сравнению с Россией экономическое развитие Украины происходило медленнее. Причиной этого была политика царского правительства, которое считало Украину рынком сбыта для российской промышленности и не допускало свободного роста ее производительных сил.

Развитие промышленности и сельского хозяйства обусловило дальнейшее углубление общественного разделения труда, хозяйственную специализацию отдельных районов Российской империи, в том числе Украины. Это способствовало дальнейшему расширению внутреннего рынка, развитию внутренней и внешней торговли. Численность лавок на протяжении 1825–1861 гг. возросла с 3,6 до 15,0 тыс. Практически в той же пропорции увеличился и товарооборот. Основной торговый оборот осуществлялся через сеть ярмарок и базаров, которых в конце 1850-х гг. в Украине насчитывалось около 12 тыс. (из них около 1800 крупных и средних). В первой половине XIX в. Украина превратилась в один из центров ярмарочной торговли Восточной Европы. Только в 1858 г. на ее территории состоялись 1953 ярмарки, что составило 40 % от их общей численности в Российской империи. Большую известность в купеческой среде приобрели Контрактовая ярмарка в Киеве, Крещенская и Успенская в Харькове, Ильинская в Ромнах, Онуфриевская в Бердичеве. Из Украины в Россию вывозились зерно, сало, табак, мед, поташ, сахар, спиртные напитки, а также сырье для российской промышленности – шерсть, пенька, сырые шкуры. Все это возвращалось назад в виде готовых тканей, одежды и обуви. Фак-

тически российское правительство превращало Украину в сырьевой придаток России.

Особую роль в ярмарочной торговле играли купцы, численность которых на протяжении 1816–1859 гг. увеличилась с 18,2 до 104 тыс. Выросли также суммы сосредоточенных в их руках капиталов. Купечество Украины по национальному составу было неоднородным, большинство составляли русские. Вместе с тем все больший вес приобретали украинские фамилии: Яхненко, Симиренко и др.

Формировался украинский национальный рынок. Причем в его создании большую роль играли не только купцы, но и чумаки (категория населения, занимавшаяся перевозом соли, рыбы и других товаров из Крыма в Украину в XVI–XIX вв.). Наблюдалась тенденция превращения зажиточных чумаков в своего рода предпринимателей, которые не только перевозили большие партии товаров, но также создавали предприятия, открывали свои магазины. Чумацким промыслом занимались в основном государственные крестьяне Харьковской, Черниговской, Полтавской и Киевской губерний. Только в последней из них в 1850-х гг. насчитывалось около 17,5 тыс. чумаков. На санях они перевозили зерно, соль, сухофрукты, сушеную и вяленую рыбу, изделия из дерева, посуду, разные специи.

Менее важное значение в развитии национального рынка имели водные способы транспортировки товаров. Но и тут в первой половине XIX в. наблюдались существенные изменения. Наряду с традиционными парусными судами и плотами стали использоваться пароходы. Первое паровое судно было построено в 1823 г. в имении князя М. С. Воронцова в Киевской губернии. В 1835 г. между Кременчугом и Могилевом стали ходить два парохода венского купца В. Розинга. К концу 1850-х гг. Днепр был уже фактически разделен на сферы влияния пароходных компаний. В нижнем течении Днепра действовали «Общество Днепро-Бугского пароходства» и «Российское общество пароходства и торговли», а выше порогов – «Общество пароходства по Днепру и его притокам». В 1859 г. им принадлежало 17 пароходов.

На украинских верфях было положено начало созданию морского пароходства. В 1828 г. николаевские судостроители спустили на воду деревянный пароход «Одесса» с паровым двигателем в 60 л. с. Он соединил Одессу с крымскими городами, а прибывший в 1831 г. из Петербурга пароход «Нева» – с Константинополем. Постепенно количество судов на этих двух линиях увеличилось, чему

в значительной степени способствовала политика царского правительства, которое давало пароходным обществам различные льготы и субсидии. Во время Крымской войны большинство пароходов было уничтожено. Большую роль в восстановлении торгового пароходства по Черному морю и рекам его бассейна сыграло «Российское общество пароходства и торговли». Через порты Черного моря проходила почти половина всего общероссийского хлебного экспорта. Среди них выделялась Одесса: с 1804 по 1817 г. ее торговые обороты увеличились с 5 до 17 млн руб. Рост хлебного экспорта определил быстрое развитие Херсона, Таганрога, Николаева.

КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В первой половине XIX в. наблюдалось обострение отношений между помещиками и крестьянами. Большинство крестьян надеялись на мирное разрешение конфликтов с помещиками и с этой целью обращались с жалобами в разные органы власти. Особенно сильно крестьяне верили в справедливость императора, который может в один миг изменить положение к лучшему, если только узнает об их бедах и обидах. Часто, ожидая справедливого разрешения вопроса, крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности. Причем это могло продолжаться довольно долго. Так, крепостные с. Подвысокое Уманского уезда Киевской губернии на протяжении 1811–1826 гг. не отрабатывали барщину на местного помещика. Случались и поджоги помещичьих имений. Не добившись справедливости, наиболее решительные крестьяне искали выход из своего тяжелого положения в побегах, которые, однако, утратили свой массовый характер.

Наиболее активной формой борьбы были крестьянские восстания, которые в это время становились все более частыми. Были случаи, когда восстание охватывало одновременно десятки населенных пунктов. Так, в 1819 г. на юге Украины, протестуя против создания военных поселений, восстало 250 сел и около 20 тыс. крестьян. Наиболее мощные восстания происходили в Киевской, Волынской и особенно Подольской губерниях. На Подолье предводителем восстания стал Устим Кармалюк, который почти 25 лет руководил восставшими. Четыре раза его приговаривали к каторжным работам в Сибири, но каждый раз ему удавалось бежать и возвращаться на Подолье. В 1835 г. У. Кармалюк попал в засаду в с. Шляхово (на территории современной Хмельницкой области) и был убит. К суду было привлечено более 2700 восставших.

Последствием колебаний правительственной политики по крестьянскому вопросу было общее недовольство и крестьян, и помещиков. Только в первые годы проведения «инвентарной реформы» на Правобережье вспыхнуло 55 бунтов. Но наиболее мощное восстание произошло весной 1855 г. Оно охватило восемь уездов Киевщины (почти половина губернии). Российское правительство во время Крымской войны, весной 1855 г., издало Манифест, в котором призывало крестьян вступать добровольцами в армию, обещая за это облегчение их положения. Крестьяне поняли, что сам царь призывает их записываться в казаки. Они перестали выполнять барщину, создавали казацкие отряды и требовали от священников приводить их к присяге. Священников, которые пробовали объяснить настоящий смысл Манифеста, били за то, что они «прячут волю». Для прекращения беспорядков были посланы войска. Крестьяне пытались сопротивляться, но были сломлены, и начались жестокие репрессии. Тысячи крестьян были подвергнуты телесным наказаниям, а сотни их отправлены в Сибирь. В историографии восстание получило название «Киевской казачины».

Не успели затихнуть волнения 1855 г., как поднялось сельское население Екатеринославщины и Херсонщины. Под влиянием слухов о призыве царского правительства переселяться в Крым масса людей весной 1856 г. двинулась «в Таврию за волей». Около 75 тыс. человек целыми селами снялись с насиженных мест и направились на юг страны в поисках лучшей участи. По дороге переселенцы вступали в столкновения с отрядами полиции и военными командами. Только после нескольких кровопролитных столкновений регулярные войска остановили крестьянские массы и заставили их вернуться назад.

На борьбу за свои права поднимались и рабочие промышленных предприятий. Они обращались с жалобами к властям на тяжелые условия труда, поджигали мастерские, отказывались выполнять те или иные работы. Выступления рабочих произошли в типографии Киево-Печерской лавры (1805 г.), на Луганском литейном заводе (1817–1835 гг.), Машевской суконной мануфактуре (1823 г.). Только с помощью воинских команд предпринимателям удавалось прекратить стихийные выступления рабочих.

Кризис крепостнических отношений сопровождался качественными изменениями в обществе. Они состояли, прежде всего, в появлении новых слоев населения, которые не вписывались в традиционную структуру феодального общества. Среди них важное место принадлежало буржуазии. Одним из основных источников ее фор-

мирования оставалось купечество. Показательным в этом плане является жизненный путь представителей таких знаменитых украинских купеческих фамилий, как Яхненко и Симиренко. Крепостные из Черкассовщины Федор Симиренко и братья Яхненко сначала разбогатели на мелкой торговле, затем выкупились на волю и, объединив свои капиталы, организовали оптовую торговлю хлебом, скотом, промышленными товарами. В начале 1840-х гг. была основана фирма «Братья Яхненко и Симиренко», которая занималась производством и сбытом сахара, а позднее построила машиностроительный завод. Стоимость недвижимого имущества фирмы составляла около 4 млн руб.

Обстоятельства заставляли помещиков также вставать на буржуазный путь хозяйствования. Под влиянием товарно-денежных отношений они вынуждены были отказываться от непродуктивного труда крепостных и нанимать рабочих. Достаточно часто помещики-капиталисты нанимали на работу собственных крестьян, совмещая таким образом черты крепостника и буржуа. В таком же положении находились и те помещики, которые за соответствующую плату отпускали своих крепостных на заработки.

В ряды буржуазии вливались и представители крестьянства. Так, в 1856 г. в Бердичевском уезде Киевской губернии им принадлежали 34 винокуренных предприятия, 36 кирпичных и 2 сахарных завода, 7 пивоварен и ряд мелких предприятий, на которых использовался вольнонаемный труд. Аналогичные явления наблюдались и в других местностях.

По своему национальному составу молодая украинская буржуазия была очень пестрой. К ней принадлежали украинцы, русские, евреи, поляки, армяне, греки и представители других национальностей.

Продолжалось формирование и украинского рабочего класса. Его основным социальным источником выступало крестьянство. Значительная часть крестьян не порывала окончательно со своим хозяйством, а становилась сезонными рабочими. Таких людей становилось все больше. В конце 1850-х гг. их насчитывалось около 200 тыс. чел. В первой половине XIX в. основная масса сельскохозяйственных рабочих направлялась на юг Украины, где появились большие рынки рабочей силы. В Березовце Херсонской губернии летом собиралось до 2 тыс., а в Каховке – до 40 тыс. желающих наняться на сельскохозяйственные работы. На заработки уходили также в Бессарабию, Крым, на Кубань.

С развитием промышленности росла численность и промышленных рабочих. Наиболее быстрые темпы были характерны для

сахарной и табачной промышленности Киевщины и Левобережной Украины. Здесь в 1859 г. было сконцентрировано около 78 % рабочих кадров. С конца XVIII в. до 1861 г. численность рабочих увеличилась с 10 до 115 тыс. Кроме того, около 25 тыс. трудились в ремесленных мастерских и около 70 тыс. – на водном транспорте. Причем неуклонно росло количество вольнонаемных работников. К 1861 г. их численность составляла 54 % от общего количества работающих.

Первая половина XIX в. – это время достаточно быстрого формирования украинской интеллигенции. Само понятие «интеллигенция» приобрело современное содержание где-то во второй четверти XIX в. Так стали называть образованных людей, занимавшихся интеллектуальной деятельностью, результаты которой становились товаром или имели духовную либо материальную ценность: писателей, художников, артистов, преподавателей, врачей, инженеров и т. д. К этой группе не относили государственных чиновников, хотя многие из них имели хорошее образование.

Высокообразованных специалистов выпускали два местных университета: Харьковский (основан в 1805 г.) и Киевский (основан в 1834 г.). На протяжении первой половины XIX в. их закончили 2800 и 1500 выпускников соответственно. Среди студентов преобладали выходцы из дворян. Значительную роль играли также Волынский (1818 г.) и Ришельевский в Одессе (1817 г.) лицеи, Нежинская гимназия (1820 г.). Выпускников гимназий насчитывалось около 2 тыс. человек.

Одной из элитарных групп украинской интеллигенции были преподаватели высших учебных заведений. Их место в социальной структуре общества определяли Табель о рангах 1722 г. и другие законодательные акты. В соответствии с ними ректор был действительным статским советником (IV класс), профессор – статским советником (V класс). Власти не доверяли национальным кадрам и при формировании педагогического контингента отдавали предпочтение выпускникам петербургских и московских вузов или иноземцам. Если в XVII–XVIII вв. выходцы из Украины оказывали значительное влияние на развитие российской культуры, то теперь ситуация кардинально изменилась. Инициатор создания Харьковского университета Василий Каразин закончил Горный институт в Петербурге, а первый ректор Киевского университета Михаил Максимович – Московский университет. Многочисленный отряд интеллигенции составляли учителя средних и начальных учебных заведений. В 1834 г. на территории Украины под вла-

стью Российской империи в начальных школах Министерства народного просвещения работало 1459 учителей. Хуже всего школы были укомплектованы педагогическими кадрами в Волынской и Подольской губерниях.

Незначительной прослойкой являлась техническая интеллигенция, которую составляли главным образом инженеры сахарной, винокуренной и других отраслей промышленности. Большинство инженерной интеллигенции готовили российские вузы, что не могло не отразиться на ее отношении к украинской культуре. Наряду с образованными инженерами встречались и талантливые механики-самоучки. Среди них был механик А. Варфоломеев, который в 1850-х гг. изобрел паровую машину, ничем не уступавшую зарубежным аналогам.

Большую часть медицинских работников поставляли в Украину учебные заведения Москвы, Петербурга, а также городов Западной Европы. Первым стал готовить медиков с высшим образованием Харьковский университет. Профессия врача была такой популярной, что в некоторые годы половина студентов университета училась на медицинском факультете. Только за 1835–1863 гг. из университета вышло 717 врачей. С 1830-х гг. основным центром подготовки медицинских кадров стал Киевский университет. Уровень подготовки местных врачей был хуже, чем у выпускников западноевропейских учебных заведений.

Лучшие силы украинской интеллигенции находились в оппозиции самодержавному режиму и критиковали его. В начале XIX в. в деятельности украинской интеллигенции еще наблюдалось стремление восстановить место и роль в обществе казацкой старшины. Однако с течением времени интеллигенция все больше проникалась интересами не отдельных слоев населения, а всего общества. Несмотря на малочисленность и разобщенность украинской интеллигенции первой половины XIX в., она оказала значительное влияние на подъем национального самосознания украинского народа.

НАЧАЛО УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Среди глубоких экономических и социальных изменений украинское общество искало новые формы своей организации. Уже нельзя было опереться на собственную государственную власть и армию. Новые организационные основы необходимо было искать под

иноземной властью. Раздел Украины на две отдельные территории, российскую и австрийскую, делал невозможным создание одного национального центра. Первые проявления украинского национального движения появились на Левобережье, так как именно тут сохранилось собственное образованное сословие, которое выдвинуло из своей среды пионеров национального возрождения.

Наследники украинской старшины вначале надеялись восстановить автономию Гетманщины. Первым шагом в этом направлении должно было стать восстановление украинской армии, причем иногда казалось, что это вполне возможно. Так, в 1812 г. Александр I дал разрешение на создание нескольких полков украинских казаков, причем обещал сохранить их после войны как постоянное войско.

Еще одна надежда на восстановление автономии на территории Левобережной Украины была связана с деятельностью малороссийского генерал-губернатора князя Н. Г. Репнина. Он был назначен на этот пост в 1816 г. Н. Г. Репнин был женат на внучке последнего гетмана К. Разумовского. Вокруг его резиденции в Полтаве сосредоточились лучшие культурные силы украинского дворянства. Н. Г. Репнин мечтал о восстановлении прав украинского казачества. В 1822 г. за его счет Д. Н. Бантыш-Каменский издал «Историю Малой России» в двух томах. Современники считали Н. Г. Репнина возможным кандидатом на гетманскую булаву. Во время польского восстания 1830–1831 гг. генерал-губернатор Н. Г. Репнин по царскому поручению организовал 8 тыс. добровольцев, а дворянство на собственные средства вооружило их.

Но после поражения этого восстания князь Н. Г. Репнин в 1834 г. был освобожден от должности генерал-губернатора. Малороссийское генерал-губернаторство было ликвидировано, вместо него остались две губернии: Черниговская и Полтавская. Было запрещено употребление названия «Малороссия».

Уже упоминалось о попытке создать народное ополчение в 1855 г., закончившейся Киевским восстанием. Однако российское правительство использовало названные формирования для решения стоявших перед ним проблем и не собиралось восстанавливать самостоятельные вооруженные формирования на территории Украины.

Для борьбы с политикой русификации края образованное дворянство пыталось опереться на исследования по истории Украины. Его представители с увлечением собирали летописи, документы, архивные материалы и пытались на их основании показать значи-

мость украинского прошлого. Одними из первых таких энтузиастов были В. Ломиковский, А. Мартос, В. Берлинский. Редко кто из образованных людей того времени не пробовал своих сил в исследовании прошлого, и работу в данном направлении они считали своей патриотической обязанностью.

Самым значительным историческим произведением той эпохи является «История руссов». До сих пор не удалось точно установить имя ее автора, хотя высказывались разные предположения (Г. и В. Полетики, Г. Конисский, А. Безбородко). Неизвестна и точная дата написания произведения (сначала считалось, что это конец XVIII в., позже – первая четверть XIX в.). Собственно, «История руссов» – это не история, а блестящий политический памфлет. В ней представлены десятки вымышленных персонажей, событий и дипломатические переговоры. В произведении использован своеобразный прием: наиболее важные мысли вложены в уста врагов Украины, например крымского хана. Автор считает, что на протяжении всей своей истории Украина была независимым государством и в отношения с другими государствами вступала только на основе равноправия. В княжескую эпоху Украина была могущественной державой, силу которой подорвали татары. Чтобы защититься от наступления орды, она объединилась с Литвою, а позднее – с Польшей. В защиту вольностей своего народа Б. Хмельницкий поднял войну против Речи Посполитой, а затем объединился с Москвою. Но этот союз был заключен на основе равноправия и свободы. Когда цари начали отнимать права Украины, И. Мазепа поднял новое восстание. «История руссов» оказала огромное воздействие на умы: под ее влиянием выросли Т. Г. Шевченко, Д. Н. Бантыш-Каменский, М. Маркович. На «Истории руссов» воспитывалось национальное самосознание целого поколения украинцев.

Постепенно на смену дворянству в деле по национальному возрождению пришла новая социальная группа – демократическая интеллигенция. Это было время, когда на украинских землях начали действовать первые университеты – в Харькове, Киеве, лицеи – в Нежине, Кременчуге, Одессе и целый ряд средних школ. Достаточно много молодежи обучалось в российских университетах, некоторые получали образование в Западной Европе. Главная идея, с которой выступило новое поколение, заключалась в том, чтобы в своих политических и культурных устремлениях опираться на народ. Молодые энтузиасты-романтики знакомились с народной жизнью, путешествуя по родному краю.

Но этих первых исследователей народной жизни мало интересовало экономическое и социальное положение крестьянства – они обращали внимание только на народную словесность. Песни, легенды, сказки они считали бесценной сокровищницей, сохранившей традиции прошлого, вечные истины национального миропонимания, которые могли послужить материалом для строительства новой жизни. С настоящим азартом собирали они образцы народного творчества. Тогда еще были живы настоящие кобзари, такие как А. Шут и О. Вересай, которые знали стародавние песни и думы. Славился край и талантливыми рассказчиками, поэтому любители народного творчества возвращались из своих путешествий с богатым урожаем. Так появились сборники народных песен и дум Н. Цертелева, М. Максимовича, И. Срезневского, П. Лукашевича, П. Кулиша. Для поколения их современников это было открытием нового мира.

Революционные идеи в Украину принесли участники антинаполеоновских походов; оказывала влияние и контрабандная литература, поступавшая с Запада. Под воздействием западных идей в Украине появилось и распространилось масонство. Наиболее многочисленная масонская ложа «Любовь к истине» была основана в Полтаве в 1818 г. Ее членами были И. Котляревский, В. Тарновский, П. Лукашевич. В то же время в Киеве появилась ложа «Объединенных славян», в которую входили в основном польские помещики и российская интеллигенция. Существовали также ложи в Житомире, Кременце, Рафаловке, Вишневке на Волыни.

Среди военных Украины действовала российская организация «Союз благоденствия», известная под названием «Южное общество». Она имела филиалы в Каменце и Василькове на Киевщине, в Тульчине на Подолье. Позднее к этой организации присоединилось «Общество соединенных славян», центр которого находился в Новгороде-Волынском. Эти организации ставили перед собой цель свергнуть абсолютизм путем военного переворота и установить республику. Национальным вопросам они не придавали первостепенного значения. Организатор и теоретик этого движения П. И. Пестель выступал как сторонник государственной централизации, осуждал федерализм, а население Украины считал «истинными россиянами». «Общество соединенных славян», хотя и ставило своей целью создание федерации славянских республик, не упоминало ни про украинцев, ни про белорусов. В декабре 1825 г. члены этих обществ приняли участие в восстании в Петербурге. К восста-

нию присоединился также Черниговский полк, который стоял в Василькове, но другие воинские части движение не поддержали, поэтому восстание было быстро подавлено. Таким образом, первые революционные организации в Украине не вышли за пределы армии и практически не имели влияния на украинское общество. Польское восстание 1830–1831 гг. также не нашло сторонников на Левобережье.

Другая ситуация в развитии идей национального возрождения складывалась в Правобережной Украине. В первой трети XIX в. Правобережная Украина со своим польским или ополяченным дворянством не принимала участия в этом движении. Наоборот, она была местом возрождения польской национальной идеи. Восстание 1830–1831 гг. нашло значительную поддержку на Правобережье, главным образом на Волыни. Подавление польского восстания имело серьезные последствия для Украины. Российское правительство вынуждено было изменить свое отношение к правобережным губерниям. Принимались решительные меры для ослабления в крае «польского элемента» и поддержки русского. Кременецкий лицей и все польские средние школы были закрыты. Большинство их преобразованы в российские гимназии. Учителя-поляки либо увольнялись со своих должностей, либо переводились на службу в великороссийские губернии. В 1834 г. в Киеве был открыт университет Святого Владимира в целях русификации местных шляхтичей. За школой пришла очередь церкви. В большинстве своем католические монастыри закрывались. В 1839 г. на территории украинских и белорусских земель была ликвидирована униатская церковь.

Мероприятия царского правительства не остановили развитие польского национального движения. В Правобережной Украине в 1838 г. была раскрыта деятельность тайной организации «Союз польского народа», основателем которой был Ш. Конарский, а значительную часть членов составляли студенты Киевского университета. Союз принял программу основанной в 1834 г. в Швейцарии организации «Молодая Польша». Целью общества была подготовка нового восстания местной шляхты, но уже с активным участием крестьян. Деятельность союза была прекращена полицией, а Ш. Конарского казнили в Вильно. 191 студент был исключен из университета, часть из них отдана в солдаты. Киевский университет, который задумывался правительством как главная крепость в проведении политики русификации, проявил себя как

новый центр революционной мысли. Именно здесь появилась и первая тайная организация.

В начале 1840-х гг. в Киеве группа студентов и молодых профессоров создала нелегальный кружок, члены которого считали необходимым бороться против крепостничества и за национальное освобождение украинского народа. Среди них были историк Н. Костомаров, историк права Н. Гулак, этнограф и писатель П. Кулиш, этнограф П. Маркович и др. Моральным авторитетом этого неоформленного общества стал Т. Г. Шевченко, получивший в 1846 г. должность учителя рисования при Киевском университете. В то время он был уже в зените славы как выдающийся художник, а еще более как поэт. Еще одна причина популярности Т. Г. Шевченко заключалась в том, что в эпоху господства романтизма он как раз являлся тем героем, о котором мечтала молодежь – был крепостным (ему пришлось многое вынести в своей жизни), а также выходцем из массы простого украинского народа, выросшим под влиянием песен и сказок про казачество и гайдамаков.

В 1846 г. кружок киевской молодежи оформился в общество, которое получило название «Кирилло-Мефодиевское братство». Само название «братство» и выбор своими покровителями святых братьев-просветителей указывали на его характер. В братстве не было представителей аристократии, члены его были писателями, учеными, детьми средних и мелких дворян, чиновниками. Такой состав членов, естественно, отразился на его идеологии. Братство ставило своей целью перестройку общества на основах христианских заповедей, мечтало о ликвидации крепостничества, сословий, распространении образования и объединении всех славян в одну федерацию, в которой бы каждый народ сохранил свою свободу. Киев должен был стать столицей федерации и местом для сбора общего сейма.

Программа братства была сформулирована в Уставе общества и работе Н. Костомарова «Книга бытия народа украинского». Безусловно, это произведение было создано под влиянием знаменитых «Книг польского народа и пилигримства польского» А. Мицкевича. Работа Н. Костомарова проникнута тем же мессианизмом, что и у А. Мицкевича, с той лишь разницей, что у Н. Костомарова мессианская роль в освобождении всех славянских народов отводится Украине вместо Польши. Работа Н. Костомарова отличается также большим радикализмом: она написана в чисто республиканском

духе. «Кирилло-Мефодиевское братство» просуществовало совсем недолго, оно не успело развернуть активной практической деятельности. Уже в начале 1847 г. по доносу одного из студентов университета члены общества были арестованы. Большая их часть выслана в разные города Европейской России. Самая тяжелая участь выпала на долю Т. Г. Шевченко: его отдали в солдаты и выслали в Оренбург без права писать и рисовать. Только через десять лет после смерти Николая I члены общества смогли вернуться к литературной и научной деятельности. Несмотря на такое короткое существование, значение «Кирилло-Мефодиевского братства» было огромным. Можно сказать, что его идеи и программа надолго обозначили основные цели украинского национального возрождения.

Глава 12

ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Неоднократное перекраивание великими державами карты Восточной Европы в конце XVIII в. внесло изменения в государственную принадлежность западноукраинских земель. В результате первого (1772 г.) раздела Речи Посполитой Галиция, а в соответствии с Константинопольской австро-турецкой конвенцией (1775 г.) и Буковина вошли в состав многонациональной Австрийской империи, под властью которой в составе Угорского королевства еще с XVIII в. находилось Закарпатье. Так Габсбурги стали властителями значительной части Украины площадью около 60 тыс. км^2 и населением в 2,5 млн человек.

Галиция вместе с частью польских земель была выделена в отдельный коронный край – «Королевство Галиции и Лондомерии» с центром во Львове. Восточная граница нового австрийского края прошла по р. Збруч, ставшей более чем на полстолетия символом расчлененности украинского народа между двумя империями. Во главе Галиции стоял губернатор, назначенный Веной. Буковина с центром в Черновцах сначала была подчинена высшим военным инстанциям, с 1787 по 1849 г. на правах отдельного округа входила в состав Галиции, а на протяжении 1849–1918 гг. имела статус отдельного коронного края. Закарпатье находилось в составе Пожонского наместничества, составляя четыре его жупа: Березский, Мараморский, Угочанский и Ужанский. Только на непродолжительный период после «весны народов» оно было выделено в отдельный

автономный Ужгородский округ. Таким образом, даже в границах одного государства западноукраинские земли оставались административно разделенными.

Этнический состав населения был довольно пестрым. Основную его массу составляли украинцы: в Восточной Галиции – 71 % от общей численности населения, в Северной Буковине – 58,6 %, в Закарпатье – 69,7 %. Наряду с украинцами на этих территориях жили поляки (Восточная Галиция – 22,7 %), румыны (Буковина – 31,4 %), венгры (Закарпатье – 20 %), а также евреи (Восточная Галиция и Буковина – около 13 %), немцы, чехи, словаки и др. В результате целого ряда причин, прежде всего ассимиляторских усилий господствующей верхушки, относительная численность украинцев в общей массе населения постепенно уменьшалась, соответственно возрастал удельный вес поляков в Восточной Галиции, румын – в Северной Буковине, венгров – в Закарпатье.

Абсолютное большинство населения (в Галиции – 88 %, в Закарпатье – 85 %) проживало в селах и лишь незначительная часть в немногочисленных городах. Основная часть населения была занята в сельском хозяйстве. Удельный вес населения, работавшего в промышленном производстве, был крайне невысоким. В Галиции даже к началу XX в. оно составляло менее 6 %, на Буковине – 11 %, в Закарпатье – 10 %. Что касается собственно украинского населения, то здесь соотношение между городскими и сельскими жителями было еще более непропорциональным: около 90 % его проживало в деревне и было занято сельским хозяйством. В городах украинцы по численности находились на третьем месте после евреев и поляков в Восточной Галиции, после евреев и немцев – на Буковине, евреев и венгров – в Закарпатье.

РЕФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Вхождение западноукраинских земель в состав империи Габсбургов вызвало новую ситуацию в их политическом, социальном и культурном развитии. Хронологически оно совпало с началом реформ просвещенного абсолютизма, осуществленных Марией Терезой и Иосифом II в 1770–1780-х гг. Главной целью реформ было приспособление абсолютной монархии к развивающейся системе рыночных отношений и новым тенденциям общественной жизни. Достигнуть этого предусматривалось путем усиления государст-

венной централизации и подчинения правящей династии всех сторон жизни государства и общества. В период реформ дворянство было отстранено от управления местной администрацией, одновременно выросла роль государственных чиновников. Была упорядочена система учета и контроля, проведены первые статистические переписи земельных владений и населения, ликвидированы внутренние таможенные сборы. В области экономики проводилась политика протекционизма, поощрялось развитие промышленности и торговли.

Для роста продуктивности сельского хозяйства и увеличения численности населения была реформирована система аграрных отношений. Император Иосиф II патентом от 5 апреля 1782 г. ликвидировал личную зависимость крестьян от помещиков и дал им элементарные гражданские права: возможность жениться без согласия пана, менять место жительства, передавать свое имущество по наследству, выбирать профессию. Патент от 16 июня 1786 г. ограничил барщину тремя днями в неделю. В 1787 г. был составлен первый земельный кадастр. Одновременно все земли, находившиеся в пользовании крестьян (рустикальные), были отделены от помещичьих (доминикальных), помещикам запрещалось самовольно распоряжаться ими. Вершиной реформаторской деятельности Иосифа II стал патент от 10 февраля 1789 г., который провозглашал отмену барщины и замену ее чиншем, размер которого зависел от прибыльности сельского хозяйства. Крестьянину, согласно этому патенту, оставалось 70 % его доходов, 12,2 % шли на государственные налоги, а 17,6 % – на чинш помещику. Для Галиции устанавливалась уменьшенная норма государственного налога – 8,3 %.

Важное место среди реформ периода «просвещенного абсолютизма» на западноукраинских землях заняла церковная реформа. В начале 1770-х гг. греко-католическая церковь на территории Галиции находилась в состоянии глубокого кризиса. До 1777 г. греко-католические священники вынуждены были даже отбывать барщину. Представители местной католической иерархии, пользуясь покровительством галицких помещиков, принуждали греко-католиков переходить в латинский обряд. Церковная реформа, осуществлявшаяся на протяжении второй половины 1770 – начале 1780-х гг., предусматривала: 1) уравнение прав католической, протестантской и греко-католической церквей и обеспечение верующим всех вероисповеданий одинаковых возможностей при поступлении в университеты и на государственную службу; 2) подчинение церкви государству и придание священникам ста-

туса государственных служащих с соответствующим содержанием; 3) запрещение представителям римско-католической церкви перетягивать греко-католиков в латинский обряд.

Значительные изменения произошли в системе образования. Впервые школьное образование было переведено на государственное содержание. В соответствии с реформой 1774 г. в местечках и крупных селах создавались начальные «тривиальные» школы, в окружных центрах – «главные», в центрах провинций – «нормальные», в которых велась также подготовка учителей. В 1784 г. во Львове был открыт университет (при нем с 1787 по 1809 г. действовал Русский институт, где на философском и богословском факультетах обучались русины-украинцы).

Все эти реформаторские мероприятия способствовали общественному прогрессу. Но централизаторские тенденции и бюрократический способ проведения реформ вызвали обострение общественно-политических противоречий в стране. Реформы натолкнулись на противодействие разных сил, в результате чего часть их (прежде всего, в сфере аграрных отношений, например патент 1789 г.) была отменена самим Иосифом II и его преемниками. Отход от реформаторского курса продолжался почти до середины XIX в. Единственным институтом, который сохранил приобретения эпохи реформ и даже усилил свои позиции после открытия в 1808 г. Галицкой митрополии, была греко-католическая церковь.

Революционное движение в 1848 г. (так называемая «весна народов») охватило всю Европу, в том числе и Австрийскую империю. Венский кабинет, для того чтобы взять под контроль сложившуюся внутриполитическую ситуацию, вынужден был начать новый виток реформ. Императорским указом от 17 апреля 1848 г. крестьяне Галиции были освобождены от барщины и других повинностей в пользу помещиков. 1 июля 1848 г. действие патента было распространено на Буковину, 2 марта 1853 г. – на Закарпатье. Основой реформы стал выкуп крестьянских земель государством. Сумму выкупа крестьяне должны были возвратить на протяжении 40 лет начиная с 1858 г. Помещики освобождались от всех обязанностей по отношению к своим бывшим подданным, в частности от обязанности защищать их в судах, помогать в неурожайные годы. Отмена барщины окончательно ликвидировала юридическую зависимость крестьянина от помещика. Только в Восточной Галиции возникло 375 тыс. свободных крестьянских хозяйств. Крестьяне стали собственниками земли, которая находилась в их пользовании. В результате крестьянство превратилось в самостоятельную

общественную силу, а впоследствии – и в важного участника политической жизни.

Вместе с тем при проведении реформы не были упорядочены права на владения лесами и выгонными землями. Помещики запрещали крестьянам пользоваться этими угодьями, что вызывало разорение крестьянских хозяйств и становилось причиной возмущения западноукраинского крестьянства. Весной и летом 1849 г. массовые выступления, в ходе которых крестьяне самовольно захватывали помещичьи земли, охватили около 100 сел Восточной Галиции. Для прекращения стихийных беспорядков шляхта использовала полицию и войска. Крестьяне вынуждены были вести бесконечные судебные тяжбы за право пользования лесом и пастбищами. «Справедливость» же императорского суда состояла в том, что из 32 тыс. исков, касающихся лесов и пастбищ, крестьяне проиграли более 30 тыс. В соответствии с положениями аграрной реформы 1848 г. за помещиками сохранились некоторые феодальные привилегии, в том числе монопольное право на владение мельницами, а также так называемое право пропинации – монополии на винокурение и продажу спиртных напитков, что являлось еще одной причиной для недовольства крестьянских масс.

Революция 1848 г. положила начало демократическим реформам в общественной жизни. 25 апреля 1848 г. Австрия была провозглашена конституционной монархией, в которой законодательная власть принадлежала совместно императору и парламенту; декларировались демократические свободы. Был разработан проект, который предусматривал преобразование Австрийской монархии в федерацию свободных и равноправных наций. Однако в условиях спада революции правительство свернуло реформаторскую деятельность.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В Галиции и Закарпатье преобладало крупное помещичье землевладение. К началу XIX в. на западноукраинских землях большинство помещичьих хозяйств применяло экстенсивные методы хозяйствования. Только часть крупных латифундистов из низинных земледельческих районов, втягиваясь в процесс рыночных преобразований, начала постепенно использовать вольнонаемный труд и приспосабливать сельскохозяйственное производство к условиям внутреннего и внешнего рынка. Важными элементами это-

го процесса стало увеличение посевов овса, льна, конопли, картофеля, а на Буковине и в Закарпатье – кукурузы. С распространением этих культур трехполье сменилось пяти-, шестипольным севооборотом с полной ликвидацией паровых полей. Аналогичные изменения происходили и в скотоводстве. В богатых помещичьих имениях Галиции получило развитие тонкорунное овцеводство, ориентированное на западноевропейский рынок.

Несмотря на ряд реформ, которые осуществило австрийское правительство, положение местных крестьян оставалось крайне тяжелым. Усиливалась антифеодальная борьба, она выражалась в разных формах: судебных исках, бегстве, поджогах, отказе от уплаты налогов, невыполнении распоряжений представителей помещичьей организации. Своеобразной формой протеста было движение опришков, которое получило распространение в Прикарпатье (в Коломийском, Станиславском, Стрыйском округах). Крестьяне Прикарпатья вооружались и убегали в труднодоступные районы Карпат. Опришки нападали на помещичьи и государственные имения, захватывали и уничтожали имущество, сжигали имения, расправлялись с феодалами и их администрацией. Наиболее массовой формой антифеодальной борьбы на территории Западной Украины был отказ от выполнения феодальных повинностей. Крестьяне выходили на отработку барщины поздно, работали плохо, не сдавали вовремя продуктовый и денежный оброки, отказывались от выполнения разного рода дополнительных работ.

Больше всего крестьянских выступлений произошло на протяжении 1815–1826 гг. В Галиции они охватили множество сел Комарновщины (1819–1822 гг.), Сколивщины (1824–1826 гг.). Наиболее массовым было выступление крестьян летом 1838 г.: открытый отказ крестьян от выполнения барщины более одного дня в неделю прозвучал в 339 населенных пунктах Галиции. Яркой страницей в истории антифеодальной борьбы украинского народа стало восстание 1843–1844 гг. в Северной Буковине под руководством Лукьяна Кобылицы.

Кульминационной точкой крестьянского движения накануне революции 1848–1849 гг. явились антифеодальные выступления 1846–1848 гг. на территории Восточной Галиции. К концу 1846 г. восстание охватило и территорию Западной Галиции. Это был удар, от которого крепостническая система уже не смогла оправиться. Восстание было подавлено, однако оно стало одной из решающих предпосылок отмены барщины не только в Галиции, но и во всей Австрии.

Первая половина XIX в. стала для западной части Украины последним этапом разложения феодально-крепостнической системы. Галиция, Буковина и Закарпатье были самыми отсталыми австрийскими провинциями, их промышленное развитие оставалось на мануфактурной стадии. Первые паровые машины в Галиции появились только в 1843 г. К 1830–1840-м гг. на западноукраинских землях действовало около 250 мануфактур. Среди них имели место мануфактуры по металлообработке, производству стекла, керамики, обработке шкур, выработке соли, производству ликероводочных изделий и др. Однако преобладали по-прежнему винокуренные предприятия и предприятия по производству полотна. Причем последние имели характер рассеянных мануфактур. Роль городских мануфактур с использованием наемной рабочей силы была незначительной. Большинство городов и местечек оставались промышленно неразвитыми, имели аграрный характер. К середине XIX в. наиболее крупными городами Галиции были Львов (68 тыс. населения), Черновцы (18 тыс.), Тернополь (16 тыс.); Закарпатья – Ужгород и Мукачево (не более 7 тыс. населения). Города являлись административными и торгово-ремесленными центрами.

В первой половине XIX в. основной формой организации торговли продолжали оставаться ярмарки и еженедельные торги, которые проходили в 59 городах и 142 других населенных пунктах. Возрастало значение ежедневной торговли, которую вели около 2 тыс. постоянно действующих торговых заведений, из них около 150 – во Львове.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В результате реформ и других правительственных мероприятий конца XVIII в. (создание фонда для поддержки сельских священников, основание в 1774 г. духовной семинарии для униатов в Вене, открытие в 1787 г. при Львовском университете так называемого «Русского института») украинская национальная интеллигенция получила более широкий доступ к образованию. Новое поколение восприняло идеи просвещения, затем попало под влияние идей романтизма (прежде всего, посредством влияния немецкой литературы).

В жизни украинского общества в конце XVIII – начале XIX в. ведущее место занимало духовенство. Это объяснялось не только тем фактом, что оно являлось наиболее образованным сословием

того времени. Духовенство представляло собой достаточно консолидированную группу с давними традициями: многие семьи священников служили в одних и тех же местах на протяжении столетий и были глубоко связаны с жизнью своих приходов. Местные и провинциальные съезды епископов также объединяли духовное сословие. Духовенство резко выступало против попыток перетягивания униатов в католичество и в результате оказывалось на острие борьбы против латинизации во всех сферах жизни общества.

Первая волна национального возрождения в Галиции связана с деятельностью Перемышльского культурно-просветительного кружка, который в 1820–1830-х гг. сформировался вокруг Галицкого митрополита Михаила Левицкого. Участники кружка проявили большой интерес к отечественной истории, жизни народа, его языку и устному народному творчеству, немало сделали для развития украинских школ. Активный член кружка Иван Могильницкий стал автором первой в Галиции «Грамматики» и научного трактата «Ведомости о русском языке», в котором доказывал самостоятельность украинского («русского», по определению автора) языка.

В 1830–1840-х гг. центром национального движения стал Львов, где с 1833 по 1837 г. действовал кружок романтиков «Русская троица». Основатели кружка – М. Шашкевич, И. Вагилевич, Я. Головацкий – в то время были студентами Львовского университета. Они глубоко переживали расчлененность Украины, считали своей главной целью «поднять дух народный», что можно было осуществить только с помощью печатного слова на родном языке. В 1837 г. вышел в свет сборник их литературных работ «Русалка Днестровая». Это была первая народная книжка как по форме (живой народный язык, «гражданский» шрифт), так и по содержанию (поэтизация подвигов казачества, возвеличивание национально-освободительной борьбы). Несмотря на то что «Русалка Днестровая» была запрещена цензурой, она получила широкое распространение среди образованных кругов населения. В дальнейшем судьбы пионеров национального украинского возрождения сложились по-разному. Только М. Шашкевич остался верен своим убеждениям, он умер в 32 года в нищете, занимая должность сельского священника. Его же товарищи разочаровались в своих взглядах: И. Вагилевич перешел в польский лагерь, Я. Головацкий – в русский.

В 1848 г. в большинстве европейских стран произошли революционные потрясения. Неотрывной составной частью этих революю-

ций были освободительные движения европейских народов за достижение национальной свободы. Центром украинского национального движения стала Восточная Галиция. 2 мая 1848 г. во Львове была основана первая украинская политическая организация – Главная Русская Рада, которая взяла на себя роль представителя интересов украинского населения перед венским правительством. Рада состояла из 30 постоянных членов. Это были представители светской интеллигенции, высшего и низшего духовенства. Возглавил ее перемышльский епископ Григорий Яхимович. Главной Русской Раде подчинялись так называемые малые рады (около 50), которые территориально совпадали с церковными административными единицами. Характерно, что старое церковное деление было положено в основу новой политической организации. Каждая провинциальная рада имела в Главной Русской Раде своего референта (представителя), который вел с ней переписку, сообщал новую информацию, получал уведомления. В целом связь центра с провинцией была организована достаточно хорошо именно благодаря использованию устоявшейся церковной организации. Печатным органом Главной Русской Рады стала «Заря Галицкая» – первая в Галиции газета на украинском языке. По инициативе рады за национальную символику галицких украинцев было принято сине-желтое знамя и герб с изображением золотого льва на синем поле. Она также создала на добровольческой основе Батальон русских стрельцов, который разместился в Закарпатье.

В качестве важнейшей политической задачи Главная Русская Рада выдвинула раздел Галиции на две отдельные административные части: украинскую и польскую. Петицию по этому вопросу подписали около 200 тыс. человек. Свои политические планы рада проводила в постоянной борьбе с польской Радой Народовой. Последняя имела значительное влияние среди населения и стремилась превратить Галицию в провинцию с господством польского элемента в управлении. В борьбе с «польской угрозой» Главная Русская Рада пыталась опереться на сотрудничество с династией Габсбургов. В 1848 г. правящие круги Австрийской империи согласились на преподавание на украинском языке в галицких начальных школах, а также на введение этого языка в качестве обязательного предмета в гимназиях. В начале 1849 г. была открыта кафедра украинского языка во Львовском университете. Ее первым профессором стал Я. Головацкий. Однако основное требование Главной Русской Рады – раздел Галиции на две отдельные административные части – австрийское правительство отвергло.

Составной частью борьбы за демократические преобразования в крае стало оживление культурно-просветительского движения. В октябре 1848 г. во Львове состоялся первый съезд украинских деятелей культуры и науки «Собор русских ученых». В соответствии с решением съезда было организовано общество «Галицко-Русская Матица» для просветительской и литературно-издательской деятельности. Главной задачей общества стало издание учебников для школ и книг для народа на украинском языке.

10 июля 1848 г. приступил к работе первый состав австрийского парламента. Из 383 депутатов Галицию представляли 96 депутатов, в том числе 39 украинцев (27 крестьян, 9 священников, один помещик, один учитель гимназии и бывший наместник Галиции Ф. Стадион). Украинские представители выдвинули требование о разделе Галиции на две административные части, которое было подкреплено сбором 15 тыс. подписей. Депутаты-крестьяне требовали в первую очередь уменьшения выкупных платежей.

В условиях спада революции 7 марта 1849 г. парламент был распущен. В царствование императора Франца Иосифа I наступила эпоха неоабсолютизма, которая характеризовалась восстановлением неограниченной власти императора и сведением к минимуму реформаторской деятельности. Аграрное законодательство было подтверждено лишь частично. Общественные права и свободы ограничивались, была восстановлена цензура. В системе образования преимущество вновь отдавалось немецкому языку. Обучение на национальных языках допускалось только в начальной школе. Начиная с 1849 г. практически вся администрация в Галиции оказалась в руках поляков. Новый наместник Галиции граф А. Голуховский, опасаясь, что Батальон русских стрельцов может стать основой украинских вооруженных сил, распустил его. Добровольцы-стрельцы насильно были включены в состав регулярной австрийской армии. Значительная часть галицкой интеллигенции склонялась к мысли о невозможности самостоятельно отстаивать национальные интересы, а также к тому, что в этой борьбе необходимо опереться на помощь России, которая только и может объединить все славянские народы. Представители этого направления в общественной жизни стали называться «старорусскими», «твердыми русинами», а позднее (во второй половине XIX в.) – «москвофилами».

Глава 13
КУЛЬТУРА РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Уже во второй половине XVIII в. под влиянием западноевропейского Просвещения в России были предприняты попытки реформы образования. Заметную роль в этом играл И. И. Бецкой, который считал, что «корень всему злу и добру – воспитание». Замысел его проекта сводился к воспитанию «новой породы людей» в закрытых учреждениях, изолированных от «развращающего» влияния «подлых» (простых) людей. Заслугой И. И. Бецкого была инициатива создания новых образовательных учреждений: училища при Академии художеств, коммерческого училища, Смольного института благородных девиц и др. Для непривилегированной части общества указом 1786 г. в городах открывались малые (уездные) с двухлетним и главные (губернские) с пятилетним курсами училища. К концу XVIII в. в России насчитывалось 315 малых и главных училищ с 18 тыс. учащихся. В 1782 г. в Петербурге было открыто училище, которое выполняло функцию учительской семинарии. Вместе с тем к 1797 г. число грамотного сельского населения не превышало 2,7 %, городского – 9,2 %.

Формирование системы народного образования продолжалось и в царствование Александра I. Реорганизация была поручена Министерству народного просвещения, созданному в августе 1802 г. Ему передавались все учебные заведения, кроме военных, духовных, а также женских институтов, оставленных в ведении матери Александра I императрицы Марии Федоровны. Были разработаны «Предварительные правила народного просвещения», на основе которых после определенных доработок в 1804 г. утверждены «Ус-

тав университетов Российской империи» и «Устав учебных заведений, подведомственных университетам».

Территория России была разделена на шесть учебных округов: Московский, Дерптский, Виленский, Петербургский, Казанский, Харьковский. Во главе каждого округа стоял попечитель, который контролировал от лица Министерства народного просвещения деятельность всех учебных заведений.

Система образования делилась на четыре разряда: приходские училища (бывшие малые училища), уездные училища, гимназии (бывшие главные народные училища) и университеты. Устанавливалась четкая схема административного управления учебными заведениями и преемственность всех уровней образования, вводился бессословный принцип комплектования единой школы. Программы стали более разнообразными, а формы обучения – более прогрессивными.

Приходские училища по Уставу 1804 г. являлись первой ступенью обучения. Их основная задача – в течение одного года дать детям «низших сословий» религиозное воспитание и навыки счета, письма и чтения, подготовить их к поступлению в уездное училище. В 1825 г. в 686 уездных городах России действовало 1095 приходских училищ.

Уездные училища с двух-, трехлетним сроком обучения создавались в уездных и губернских городах. Они предназначались для детей ремесленников, мелких торговцев и чиновников. В программу обучения входили Закон Божий, грамматика, арифметика, геометрия, всеобщая и русская география, начала физики, естествознание, основы права («должности человека и гражданина»). По Уставу 1804 г. предполагалось открыть 405 училищ с ежегодным содержанием от правительства (выделялось от 1250 до 1600 руб. на каждое). За 1804–1825 гг. было открыто 337 уездных училищ, где обучалось почти 30 тыс. детей.

Четырехклассные гимназии в губернских городах предназначались для дворянских детей, но не запрещалось поступление в них детей других сословий. Учителей для гимназий готовил Петербургский педагогический институт. Учитель обязан был стимулировать «охоту и привязанность к наукам», «упражнять память» и «чрезмерный труд» в обучении. Классные надзиратели должны были следить за поведением гимназистов в урочное и внеурочное время. К концу царствования Александра I по стране действовало 48 гимназий, где обучалось почти 5,5 тыс. детей. На каждую гимназию выделялось ежегодно от 5200 до 6250 руб.

В 1820-х гг. были созданы также учебные заведения, которые занимали промежуточную позицию между гимназией и университетом: Демидовское высших наук училище в Ярославле, Гимназия высших наук в Нежине, Коммерческое училище в Таганроге, Ришельевский лицей в Одессе.

В начале XIX в. в России действовали три университета – Виленский, Дерптский и Московский. В 1804 г. был открыт Казанский, в 1805 г. – Харьковский, в 1819 г. – Петербургский университеты.

По Уставу 1804 г. руководство высшими учебными заведениями возлагалось на выборные ученые советы, которые одновременно должны были курировать гимназии, входящие в учебный округ, принимать участие в решении учебных и методических вопросов. Университеты получали право создавать научные общества, открывать библиотеки и типографии.

Обучение студентов в основном было организовано на четырех факультетах: философско-юридическом, физических и математических наук, медицинском и словесных наук. В Дерптском университете был создан также профессорский институт для подготовки вузовских кадров, в Московском – факультет нравственных и политических наук, в Казанском – кафедра восточных языков.

Финансовое обеспечение в значительной степени было возложено на дворянство и местные власти. Собранных «по подписке» средств, часто в принудительном порядке, было недостаточно, поэтому общей проблемой для университетов оставалась слабая материально-техническая база. Остро ощущался также недостаток профессиональных профессорско-преподавательских кадров. За поведением студентов следили надзиратели и помощники профессоров – адъюнкты.

Все женские учебные заведения делились по сословному принципу на три разряда: 1) для дворянских детей – Смольный, Патриотический, Екатерининский, Павловский губернские институты благородных девиц; 2) для детей третьего сословия – мещанские институты и отделения в губернских и уездных городах; 3) для детей низших сословий – сиротские и воспитательные дома, дома трудолюбия. В 1845 г. при IV отделении императорской канцелярии был создан Главный совет женских учебных заведений, члены которого разработали специальную программу женского образования – «Наставления для образования воспитанниц». Основным для женских учебных заведений было религи-

озно-нравственное воспитание «честных и добродетельных жен, хороших и сведущих хозяек, попечительных нянек… и, в случае нужды, надежных и исправных прислужниц, искусных во всех женских рукоделиях».

В дворянской среде по-прежнему предпочтение отдавалось частным закрытым учебным заведениям: пансионам, лицеям и кадетским корпусам. Частные пансионы делились на три категории: для детей дворян (обучение по программе гимназии); для детей купечества (по программе уездных училищ); для детей мещан и зажиточных крестьян (по программе приходских училищ). Обучение в них было платным: от 500 до 2000 рублей в год – для пансионов первой категории; 150–200 рублей – для пансионов второй и третьей категорий.

Среди дворян особой популярностью пользовались военные учебные заведения. Первый Сухопутный шляхетский кадетский корпус был основан еще в 1732 г., позднее открылись два кадетских корпуса в Петербурге и один – в Гродно. В начале XIX в. в Петербурге начали работу Пажеский корпус, Школа колонновожатых штабных офицеров и Дворянский полк. На пожертвования дворянства в течение 1800–1805 гг. было открыто 10 новых военных училищ. Для координации их работы в 1805 г. был учрежден «Совет о военных училищах» (позднее Главное управление военно-учебных заведений), принят Устав кадетских корпусов, который предписывал в течение семи лет обучения дать воспитанникам объем знаний гимназического уровня.

Одним из самых привилегированных закрытых учебных заведений считался Царскосельский лицей, не имевший аналогов в России по общей атмосфере духа и организации учебного процесса. Это учебное заведение для высокоодаренных детей было создано в 1808 г. по инициативе М. М. Сперанского.

Первыми выпускниками лицея стали знаменитые люди России: поэты А. С. Пушкин и А. А. Дельвиг; мореплаватель Ф. Ф. Матюшкин; дипломат князь А. М. Горчаков; гвардейский офицер, позднее декабрист и ссыльнопоселенец И. И. Пущин; участник восстания декабристов, поэт и педагог В. К. Кюхельбекер; сенатор, директор Императорской публичной библиотеки М. А. Корф.

С 1820-х гг. государственная политика в сфере образования стала приобретать консервативные черты. Реставрация монархических режимов в странах Западной Европы и создание Священного союза, усиление антиправительственных настроений в самой Рос-

сии обусловили отказ императора Александра I от прежних либеральных взглядов.

В университетах начались массовые увольнения неблагонадежных профессоров, ужесточился контроль за поведением студентов. Были случаи, когда провинившимся вешали на шею табличку с надписью «грешник». Изменилось содержание университетского образования: философские науки предлагалось излагать в духе апостольских посланий, политические науки – на основе Ветхого Завета, были изъяты из учебного процесса многие естественнонаучные дисциплины. В 1835 г. новый «Общий устав университетов» значительно ограничил их права. Деятельность ученых советов контролировалась попечителем учебного округа; отменена выборность профессоров и деканов; были созданы кафедры богословия, церковной истории и церковного законоведения; ограничены возможности обучения для казеннокоштных студентов из недворянских сословий. Внедрялись меры полицейского характера: контроль за чтением лекций, строгая дисциплина, единая форма одежды.

Однако, несмотря на все ограничения, университеты России продолжали свою деятельность. За 1833–1852 гг. количество студентов в российских университетах выросло с 2725 до 3758 человек. Постепенно возобновлялась научная работа, появились новые лаборатории, увеличились библиотечные фонды. К середине XIX в. в Московском университете были созданы Музей естественных наук, Клинический институт с собственной глазной клиникой, ботанический сад с оранжереями, Повивальный институт с родильным госпиталем, открыты обсерватория и библиотека. Формировался штат высокопрофессиональных преподавателей. Особой популярностью у московских студентов пользовались лекции профессора кафедры всеобщей истории Т. Н. Грановского, у петербуржцев – курсы профессоров истории К. И. Германа и К. И. Арсеньева, декана математического отделения профессора Д. С. Чижова и других ученых.

Систему высшего образования начали пополнять учебные заведения нового типа. В Петербурге были открыты Горный институт, Институт инженеров путей сообщения, Технологический и Строительный институты. К 1860-м гг. в России действовало 14 высших учебных заведений.

Существенные изменения произошли также в системе начального и среднего образования. Если в начале XIX в. приоритетным

было общее образование, то теперь школа, прежде всего, способствовала формированию нравственности, основанной на религиозных чувствах.

В утвержденном в 1828 г. Уставе учебных заведений целью обучения считалось «при нравственном образовании доставлять юношеству средства к приобретению нужнейших по состоянию каждого познаний». Типы школ сохранялись, но каждая из них становилась сословно-обособленной. Церковно-приходские одноклассные училища предназначались для детей «самых низших сословий». Уездные трехклассные училища создавались для детей купцов, ремесленников и других городских обывателей. В гимназиях, которые имели уже семь классов, получали образование главным образом дети дворян, чиновников, богатых купцов. Постановление правительства еще раз подтверждало, что крепостные крестьяне не должны допускаться в гимназии и университеты, они могли обучаться только в школах, где «предметы не выше тех, кои преподаются в училищах уездных».

Все эти меры правительства были направлены на укрепление сословных различий. В одном из циркуляров попечителям учебных округов министр народного просвещения С. С. Уваров (с 1833 г.) подчеркивал, что «при возрастающем повсюду стремлении к образованию наступило время печись о том, чтобы чрезмерным стремлением к высшим предметам учения не поколебать некоторым образом порядок гражданских сословий».

Однако жизнь вносила коррективы в принципы сословности образования. С развитием экономики, требующей грамотных, образованных людей, возрастал авторитет знаний и необходимость их приобретения. В 1830-х гг. появились ведомственные школы Министерства финансов, Министерства государственных имуществ, Военного, Духовного ведомств и др. В 1840–1850-х гг. было создано около 3 тыс. волостных училищ Министерства государственных имуществ. Это была наиболее многочисленная сельская школа в дореформенной России.

Устав 1828 г. ликвидировал преемственность между уездными училищами и гимназиями. Гимназии были изъяты из ведения университетов и переданы в непосредственное подчинение попечителям округов, а в отдельных случаях – в ведение генерал-губернаторов. В 1845 и 1852 гг. дважды повышалась плата за обучение в гимназиях «не столько для усиления экономических сумм учебных заведений, сколько для удержания стремления юношества к образованию в пределах соразмерности с гражданским бытом разнородных сосло-

вий». Псковская гимназия была закрыта по личному указанию Николая I, так как в ней обучалось недостаточно дворянских детей.

Другой чертой школьной политики во второй четверти XIX в. являлось стремление к практической подготовке учащихся. В гимназиях было введено разделение на классы с дополнительным изучением классических языков для подготовки учащихся к поступлению в университеты и реальные классы (ремесленные, чертежные, бухгалтерские и т. д.). Постепенно формировалась сеть средних специальных учебных заведений. Были открыты земледельческие школы в Украине, навигационные – в Астрахани и Архангельске, фабрично-заводские, технические и коммерческие училища – в Москве и Петербурге. Специальные учебные заведения находились в подчинении разных ведомств и министерств, что окончательно ликвидировало систему единой организации народного образования, принятую в 1804 г. Количество учащихся средних учебных заведений (гимназий, пансионов, училищ) составляло примерно 379 тыс. человек. Менее 20 % учащихся гимназий были недворянского происхождения. Недостаточным был уровень грамотности среди детей безземельных дворян, мелких и средних чиновников, младших офицеров.

В определенной мере задачи просвещения населения решались при помощи книгоиздательской деятельности и книжной торговли. Книги и периодическая печать являлись основным источником информации и научных знаний. Еще в 1783 г. была ликвидирована государственная монополия на книгоиздательскую деятельность, начали появляться первые частные типографии. В 1801 г. был отменен запрет на ввоз книг из-за границы, через год была ликвидирована предварительная цензура, возобновлена деятельность «вольных» типографий. Основными центрами книгоиздательской деятельности стали Москва и Петербург. Из 1304 книг, напечатанных в 1801–1805 гг., 1224 вышли в столичных типографиях.

Публикацией книг занимались представители разных сословий. В начале XIX в. открыл типографию и книжную лавку известный в Москве библиофил дворянин П. П. Бекетов. Из более чем 100 изданий, напечатанных на его средства, особой популярностью пользовались иллюстрированные альбомы «Пантеон Российских авторов» (портреты писателей с их краткими биографиями, составленными Н. М. Карамзиным) и «Собрание портретов знаменитых россиян».

Заметный вклад в популяризацию отечественной истории внес граф Н. П. Румянцев. В молодости он был одним из членов Негласного комитета Александра I, позднее – министром иностранных дел, председателем Государственного совета. Вокруг Н. П. Румянцева сложился кружок единомышленников: лингвисты П. М. Строев и А. Х. Востоков, географ И. Ф. Крузенштерн, историк, академик Ф. И. Круг и другие представители «малого (как говорил сам Н. П. Румянцев), но избранного общества людей образованных». Он был близко знаком и с митрополитом Новгородским Евгением (Болховитиновым).

В результате совместных усилий по поиску памятников истории Древней Руси как в самой России, так и за границей удалось систематизировать и издать «Собрание славянских памятников, находящихся вне России», а также «Софийский временник», составленный из архивов и коллекций монастырских библиотек. Н. П. Румянцев на собственные средства в 1818 г. опубликовал «Древние российские стихотворения», в 1821 г. – «Памятники российской словесности», в 1824 г. – «Белорусский архив древних грамот».

Книжный рынок расширялся благодаря деятельности коммерческих издательств и типографий, численность которых постоянно росла. В 1813 г. в Петербурге было открыто 18 типографий, а в 1825 г. там их уже действовало 22. Наиболее известными являлись петербургское издательство В. А. Плавильщикова, книжные лавки И. В. Сленина и семьи Глазуновых, типография А. Ф. Смирдина.

Количество книг по стране постоянно увеличивалось. Если в 1801–1805 гг. были изданы 1304 книги, то в конце 1850-х гг. – около 2 тыс. книг. Книги распространялись не только через крупные магазины, но и через букинистические лавки, на «толкучих» рынках, где на книжных «развалах» любители чтения могли найти необходимое издание. В 1830-х гг. в России насчитывалось более 100 пунктов продажи книг.

В дореформенной России заметно вырос интерес к периодическим изданиям. В начале XIX в. появилось несколько журналов универсального содержания: «Московский вестник», «Атеней», «Соревнователь просвещения», «Телескоп», «Мнемозина», «Вестник Европы», «Московский телеграф». В 1820-х гг. распространялись литературно-художественные альманахи, с 1837 г. стала выходить газета «Губернские ведомости», издавались журналы педагогической направленности. В журнале «Патриот» А. Е. Измайлова, который выходил с 1804 г., были специальные разделы по педаго-

гике. Стремился пробудить в читателях «любовь к Богу, Государю, Отечеству и ближнему» журнал «Друг юношества», выходивший в Москве в 1807–1815 гг. Одним из первых провинциальных журналов, в котором уделялось внимание педагогике и просвещению, был журнал «Радуга», вышедший в Ревеле в 1832 г. Воспитание и обучение являлись основными темами журнала «Библиотека для воспитания», издаваемого Петербургским педагогическим обществом.

В дальнейшем воспитание и образование в России стали центральными проблемами в таких периодических изданиях, как «Учитель. Журнал для наставников и родителей» (СПб., 1861–1870 гг.), газета «Голос» А. А. Краевского, имевшая к 1870-м гг. более 20 тыс. подписчиков; журналы «Детский сад» (для воспитателей), «Народная школа» (для педагогов), «Семья и школа». К середине XIX в. насчитывалось до 230 наименований периодических изданий. В одном из официальных документов конца 1840-х гг. подчеркивалось, что «газеты читаются всеми местными чиновниками и на Гостином дворе, и в трактирах, и в лакейских, рассыпаясь таким образом между сотнями тысяч читателей».

Спрос на книгу и периодические издания повлек за собой открытие первых публичных библиотек в некоторых губернских и уездных городах. Как правило, они возникали благодаря местной инициативе, без правительственной поддержки. В 1830-х гг. в стране насчитывалось примерно 40 публичных библиотек, ставших культурными и просветительными центрами в провинции.

В середине 1840-х гг. было положено начало городской почте; наряду с письмами стала осуществляться пересылка газет. В 1857 г. в России начали выпускаться почтовые марки, причем первая марка в Западной Европе появилась в Англии в 1840 г. Культурно-просветительские функции выполняли также музеи. В атмосфере патриотического подъема, вызванного событиями Отечественной войны 1812 г., возникла идея создания в России национального музея. Этот проект был реализован только с созданием Исторического музея в Москве уже в пореформенное время.

В 1852 г. был открыт для публики Эрмитаж, существовавший со второй половины XVIII в. как дворцовый музей. Достаточно широкое развитие получили художественные выставки. Помимо академических выставок, начало которых относится ко второй половине XVII в., с 1820-х гг. стали проводиться выставки Общества поощрения художеств в Петербурге, с 1830-х гг. – выставки Москов-

ского училища живописи, ваяния и зодчества. С 1829 г. в Петербурге и Москве устраивались всероссийские промышленные выставки. В 1846 г. была организована первая сельскохозяйственная выставка.

НАУКА И ТЕХНИКА

Социально-экономические процессы дореформенного времени оказывали благоприятное влияние на развитие науки. В результате экспедиций русских путешественников были сделаны важнейшие географические открытия. В 1819–1821 гг. в ходе научной экспедиции М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена была открыта Антарктида. Ученые исследовали острова Тихого, Ледовитого океанов, Аляску, нижнее течение Амура. В 1845 г. создано Русское географическое общество, одно из старейших географических обществ мира.

Подъем естественных наук выдвинул плеяду ученых, которые сделали ряд открытий мирового значения. Н. И. Лобачевский в 1826 г. создал гиперболическую геометрию, которая отличалась от старой, открытой древнегреческим математиком Эвклидом еще в III в. до н. э. Современники называли Н. И. Лобачевского «Коперником геометрии». Мировую известность получили работы математиков В. Я. Буняковского и М. В. Остроградского. Академик В. Я. Струве открыл на небе почти 3 тыс. звезд и основал в 1839 г. Пулковскую обсерваторию, которую уже в середине XIX в. называли «астрономической столицей мира».

Развитию технической мысли способствовал рост промышленности. В области электротехники физик, академик Петербургской академии наук В. В. Петров, демонстрировавший в 1802 г. явление вольтовой дуги, выдвинул идею о ее практическом применении для сварки и плавления металлов. П. Л. Шиллинг сконструировал в 1832 г. в Петербурге первую линию электромагнитного телеграфа. Б. С. Якоби успешно работал в области создания электродвигателя. В 1839 г. он соединил подземным кабелем столицу с Царским Селом, а лодка с его двигателем прошла испытание на Неве. В мастерской Б. С. Якоби использовалось еще одно открытие – гальванопластика. По его методу создавались медные барельефы для Исаакиевского собора в Петербурге. Выдающимся металлургом был П. П. Аносов. Сделанные им открытия положили начало металлургии высококачественной литой стали. Он раскрыл утерянный сек-

рет изготовления булатной стали. В 1830-х гг. на Нижнетагильском металлургическом заводе крепостными механиками Е. А. и М. Е. Черепановыми была построена паровая железная дорога. Уже в 1837 г. первые составы пошли по железной дороге Петербург – Царское Село. В 1815 г. появились первые пароходы на Неве, а в 1817–1821 гг. – на Волге и Каме. Развитию текстильной, в первую очередь хлопчатобумажной, промышленности содействовали успехи в химии. С именами профессоров Казанского университета Н. Н. Зинина и А. М. Бутлерова связано создание российской химической школы.

С 1832 г. в Академии наук присуждались Демидовские премии за научные изобретения и фундаментальные работы в различных областях знаний. Фонд этой премии был учрежден одним из крупнейших русских промышленников П. Н. Демидовым.

Многие открытия и исследования русских ученых были, к сожалению, незаслуженно забыты или вовсе не востребованы властью. Примером может служить научная деятельность Н. Я. Бичурина, известного специалиста по истории Востока. За 1805–1821 гг. молодой ученый издал 17 томов «Общего обозрения Великой Цинской империи», перевел китайские тексты по медицине, истории религии, экономике, составил 9-томный китайско-русский и 4-томный маньчжурско-китайский словари. Его исследование «Описание Пекина» с приложениями было переведено на французский язык и стало основным источником информации о столице Поднебесной для западноевропейских китаистов. Исследования Н. Я. Бичурина раскрывали совершенно незнакомый русскому человеку мир Востока, поэтому охотно публиковались в самых популярных российских журналах: «Московский телеграф», «Сын отечества», «Русский вестник», «Отечественные записки» и др.

Научная деятельность Н. Я. Бичурина была удивительно плодотворной и разносторонней, однако его позиция «лицом к Востоку» вызывала в большей мере критику и интриги со стороны официальной церкви и многих российских ученых. В настоящее время его главная работа «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851 г.) является буквально настольной книгой для специалистов по истории и культуре народов от Японии до Китая и от Гималаев до Амура. Она неоднократно переиздавалась и переведена на многие иностранные языки.

Заметно вырос интерес к истории. «Никогда изучение русской истории не имело такого серьезного характера, какой приняло оно в последнее время, – писал В. Г. Белинский. – Мы вопрошаем и

допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем».

В 1803 г. по поручению Александра I Н. М. Карамзин приступил к работе по написанию истории России. По распоряжению императора он стал получать пенсион как государственный служащий. В 1816–1824 гг. вышли в свет 11 томов «Истории государства Российского». Заключительный 12-й том появился уже после его смерти в 1828 г. В основе исторической концепции, с которой автор подошел к изучению русской истории, было убеждение, что органически присущей России формой правления является самодержавие. «Самодержавие основало и воскресило Россию, – писал Н. М. Карамзин, – с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть». «История государства Российского» была высоко оценена современниками и потомками. Меньше чем за месяц был раскуплен весь тираж первых томов в 3 тыс. экземпляров. По тем временам это было неординарным событием. П. А. Вяземский по этому поводу выразил свои чувства следующим образом: «Карамзин – наш Кутузов 1812 года. Он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в 12-м году». А. С. Пушкин в своей «Автобиографической прозе» отметил, что «История государства Российского» есть создание не только великого писателя, но и подвиг честного гражданина».

Современником Н. М. Карамзина был историк Густав Эверс, главной работой которого стало исследование «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии». Автор поставил своей целью изучение не событий русской истории, а внутреннего развития человеческого общества. Теория родового быта, разработанная Г. Эверсом, оказала огромное влияние на развитие русской историографии в XIX в., была поддержана К. Д. Кавелиным и С. М. Соловьевым. Направление русской историографии, в основе которого было исследование жизни народа, а не государства, разрабатывал издатель и редактор журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевой. В противовес концепции развития государства как основы русского исторического процесса он в своей работе «История русского народа» стремился обнаружить и показать органическое развитие народного начала в истории России. Шесть его томов вышли в свет в Петербурге в конце 1820 – начале 1830-х гг.

Значительный вклад в развитие русской исторической мысли сделал М. П. Погодин. Сын крепостного крестьянина, он сумел по-

ступить и блестяще окончить Московский университет, в 26 лет стал профессором этого университета, а в 41 год – академиком. Предметом его научных изысканий была древняя русская и славянская история. В основе исторических взглядов М. П. Погодина было признание самобытности русского исторического процесса. По его мнению, в русской истории в отличие от западноевропейской полностью отсутствует внутренняя борьба. Будучи представителем «теории официальной народности», он считал, что источником внутренней борьбы, характерной для стран Запада, являются завоевания, которых в России, по его мысли, не было, поскольку русское государство основано не на насилии, а путем добровольного призвания варягов. Главную задачу исторической науки М. П. Погодин сформулировал в работе «Взгляд на русскую историю», где он заявил, что история должна быть «охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия».

К середине XIX в. русская историография сделала важный шаг в своем развитии благодаря научной деятельности С. М. Соловьева. После защиты докторской диссертации в 1847 г. С. М. Соловьев начал работать над «Историей России с древнейших времен». Первый том вышел в свет в 1851 г., последний, 29-й, – в 1879 г., уже после смерти автора. В 29-м томе С. М. Соловьев успел довести свое повествование до 1774 г. В основе научной концепции было понимание хода истории как органичного развития общества. В предисловии к первому тому «Истории России с древнейших времен» он писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их».

Яркую характеристику С. М. Соловьеву дал его ученик, выдающийся русский историк В. О. Ключевский. В своей статье «Памяти Соловьева» он писал: «Это был ученый со строгой, хорошо воспитанной мыслью... Он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему».

В середине XIX в. в историографии появилось новое течение, которое вошло в историю под названием «государственной» или «юридической школы». Его создателями являются историки права Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин. Исходной идеей этого направления было признание за государством ведущей роли в историческом процессе. К. Д. Кавелин считал, что государство явилось высшей формой общественного бытия, завершающим этапом истории России. По мнению Б. Н. Чичерина, народы Запада в процессе закономерного развития сами строили свое государство, а в России этот процесс осуществлялся силой власти.

Прошлое и будущее России стало предметом активных дискуссий не только среди профессиональных историков, но также в широких общественных кругах. Обсуждение таких проблем, как роль народа в судьбе страны, примеры западноевропейского политического и социального устройства, стимулировало появление в России различных течений общественной мысли. «Брожение умов» заставило правительство искать пути усиления идеологического влияния на общество. В середине 1830-х гг. вырабатываются «коренные начала» официальной идеологии – самодержавие, православие, народность, которые должны были составить нравственную основу воспитания. Положения теории «официальной народности» пропагандировались в учебниках, лекциях, публицистике, литературе.

Одним из первых подверг критике официальную идеологию П. Я. Чаадаев. Его «Философическое письмо», опубликованное в 1836 г. в журнале «Телескоп», по словам А. И. Герцена, «потрясло всю мыслящую Россию». В отличие от официальных политиков и идеологов (А. Х. Бенкендорфа, С. С. Уварова) П. Я. Чаадаев нигилистически оценивал историю России, пессимистически смотрел на ее настоящее, а будущее видел только в приобщении к европейской цивилизации на основе католической религии. «Письмо» П. Я. Чаадаева заставляло задумываться над вопросами, которые он поставил.

Формирующиеся в 1830–1840-х гг. течения общественной мысли – западничество, славянофильство, утопический социализм, – различаясь по степени радикализма, исходили из неизбежности социальных преобразований для дальнейшего движения общества вперед. Из тайных организаций обсуждение животрепещущих вопросов переносилось в более широкую среду интеллигенции, университетского студенчества, на страницы журналов. Одним из «условий общественной жизни», как писал «Современник», становились публичные лекции в университетах; своеобразными общественно-культурными центрами были литературные салоны в столичных и некоторых провинциальных городах. В одном из таких широко известных салонов – в доме А. П. Елагиной в Москве – происходили знаменитые споры славянофилов и западников о путях развития России. К западничеству принадлежали историки и правоведы Т. Н. Грановский и С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин, публицисты В. П. Боткин, П. В. Анненков и др. Вместе с западниками в идейных спорах со славянофилами выступали В. Г. Белинский и А. И. Герцен, выработавшие в этих дискуссиях свою революционную концепцию.

Западники были сторонниками конституционной монархии, буржуазных преобразований в России, которые могли осуществиться, по их мнению, путем реформ. Славянофилы (А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы, П. В. и И. В. Киреевские, Ю. Ф. Самарин и др.) выступали в отличие от западников за принципиально иной путь развития России, нежели западноевропейский. В основе его лежали самобытные нравственно-религиозные начала допетровской Руси, к возрождению которых призывали славянофилы. Существенно важными для развития национального самосознания были идеи славянофилов о национальном характере культуры, некритическом отношении к иностранным влияниям (А. С. Хомяков «О возможности русской художественной школы», 1847 г.).

Огромный резонанс в 1840-х гг. имел спор западников и славянофилов о сельской крестьянской общине, ее происхождении и судьбе. Западники считали общину помехой для развития России. Славянофилы видели в ней воплощение национальной идеи, подчеркивая ее этническую сторону. Позже к славянофилам присоединился А. И. Герцен, развивая идеи крестьянского социализма. Идеи московской интеллигенции начали распространяться по России. Огромное значение имели университетские и публичные лекции Т. Н. Грановского. Много значила журналистская деятельность В. Г. Белинского в «Отечественных записках», а потом в «Современнике». В общественном сознании продолжали жить взгляды на просвещение как средство обновления и улучшения жизни. В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю утверждал, что «Россия видит свое спасение в успехах цивилизации, просвещения, гуманности».

Революция 1848 г. в Европе резко усилила охранительные тенденции в политике Николая I. Произошло ужесточение цензуры, замерла журнально-литературная жизнь. В университетах за студентами и профессорами велась слежка. Споры единомышленников и «друзей-врагов» изживали себя. «Все это произошло от того, – писал славянофил Ю. Ф. Самарин, – что мысль, доведенная до известной степени развития, должна перейти в дело, осуществиться... Одно дело может связать надежно». Люди умирали, оказывались за границей, уединялись в деревне, кое-кто пытался сотрудничать с правительством. Концом эпохи стала Крымская война и поражение России. Александр II понял необходимость серьезных реформ, которые и положили начало новому периоду в истории русского общества.

ЛИТЕРАТУРА И ЖУРНАЛИСТИКА

Литература первой половины XIX в. – одно из наиболее ярких явлений в истории российской культуры, ее «золотой век». В литературном творчестве сконцентрировались все проблемы духовной жизни общества, обнаружились идейные противоречия дореформенной России.

Литературная деятельность в условиях царского режима была небезопасной для писателей, которые на страницах своих произведений поднимали «проклятые вопросы» российской действительности. Многие полагали, что они могут влиять на положение в стране своей личной позицией и при помощи созданных ими произведений.

Характерной особенностью литературной жизни первой половины XIX в. стало усиление влияния журналистики. Журналы становились центрами художественной критики и полемики, они первыми публиковали литературные новинки и информацию о культурной жизни России и Западной Европы. Литературные журналы выступали пропагандистами определенных идейных направлений: просветительские задачи являлись основными для «Журнала российской словесности», «Северного вестника», «Цветника»; самобытность и борьба с западноевропейским влиянием («галломанией») стали основными принципами в позиции редколлегии журнала «Русский вестник».

В первое 10-летие XIX в. заслуженной популярностью у читателей пользовался журнал «Вестник Европы». Редактор Н. М. Карамзин стремился ознакомить свою аудиторию с общественной и культурной жизнью Европы, публиковал информацию из иностранных изданий, сочинения известных европейских ученых и писателей. Деятельность редколлегии «Вестника Европы» помогла, по словам В. Г. Белинского, «размножить» читателей во всех слоях общества.

Своей популярностью журнал во многом был обязан авторитету Н. М. Карамзина. Именно он развернул на страницах журнала полемику о языках. В 1803 г. Н. М. Карамзин выступил за реформу литературного языка, сформулировав ее следующим образом: «Писать, как говорят, и говорить, как пишут». Он предложил упростить литературный язык, освободить его от тяжеловесных и малопонятных слов и выражений, узаконить в русской лексике ставшие уже привычными иностранные слова (аудитория, оратор, эпоха, катастрофа и т. д.), был противником широкого использования

народного разговорного языка, называл его языком «низких понятий». Основным оппонентом Н. М. Карамзина выступил адмирал А. С. Шишков. Он являлся членом Академии наук, принимал участие в составлении словаря русского языка. По его мнению, писатели должны сохранять чистоту слов, образованных от славянского корня.

Полемика из сугубо специфической в дальнейшем превратилась в идеологическую. Оформились две крайние позиции, «весь пишущий и читающий люд на Руси разделился на две партии: шишковистов и карамзинистов» (В. Г. Белинский). Последователи взглядов А. С. Шишкова объединились в кружок «Беседа любителей русского слова». Члены кружка считали, что новый слог порождает вольнодумство, распространение идей французской революции в обществе.

Сторонники реформы языка группировались в «Дружеском литературном обществе» при Московском университете и «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» (А. Х. Востоков, И. П. Пнин, И. М. Борн). Благодаря усилиям и при поддержке будущего митрополита Московского Филарета (Дроздова) в 1818 г. был опубликован Новый Завет на «живом» наречии, что выглядело убедительной победой реформаторов.

Убежденные приверженцы нового литературного языка много и успешно трудились в области пародии, сатиры («Дом сумасшедших» А. Ф. Воейкова) и эпиграммы (А. Е. Измайлов). Карамзинисты в 1815 г. создали литературное общество «Арзамас», членом которого был А. С. Пушкин, сумевший в своем творчестве соединить и высшие достижения архаики, и лучшее, что было у реформаторов. Этот сплав старого и нового превратил эпоху 1810–1830-х гг. в «золотой век» русской литературы.

На смену классицизму с его риторикой и «высоким штилем» в литературу постепенно входило новое течение – сентиментализм. На передний план выдвинулись вопросы личной жизни, культ искренних чувств и бескорыстной дружбы. Образцом для писателей-сентименталистов стало «Сентиментальное путешествие» англичанина Л. Стерна. Произведения в жанре «путешествий» на некоторое время стали наиболее распространенными в русской прозе. Наиболее известные из них – «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Путешествие по Крыму и Бессарабии» А. П. Сумарокова, «Путешествие в полуденную Россию» А. Е. Измайлова. Популярность этих произведений объяснялась интересом к духовному миру обыкновенного «маленького» чело-

века, повышенным нравственным акцентом, утверждением равенства людей независимо от их социального положения.

Типичным примером сентиментальной литературы были произведения Н. М. Карамзина («Бедная Лиза», «Юлия», «Записки путешественника»). У писателя нашлось немало подражателей: лирически-чувственные сюжеты о любви представителей разных сословий активно разрабатывали А. Е. Измайлов («Прекрасная Татьяна»), П. Ю. Львов («Даша – деревенская девушка») и другие писатели.

Однако новые моральные и этические понятия расходились с реальной жизнью. Основным критерием по-прежнему оставались положение в обществе, знатность и богатство. Отечественная война 1812 г. радикальным образом изменила тональность русской литературы, которая стала развиваться в русле нового художественного течения – романтизма. Многие писатели стали участниками военных действий. Прославился своими дерзкими рейдами в тыл французской армии кавалергард Д. В. Давыдов, он же автор сатирических басен «Голова и ноги», «Орлица», «Турухтан и Тетерев». Под впечатлением войны Д. В. Давыдов написал «Дневник партизанских действий». Много внимания уделял литературным увлечениям кадровый гвардейский подполковник Ф. Н. Глинка. Его патриотические стихи («Военная песня», «Не слышно шума городского») были популярны у представителей разных сословий. Военный опыт приобрели поэты К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский.

Патриотизм и гордость за собственный народ были сутью литературного романтизма. Тема отечественной истории и народа стала преобладающей в прозе и поэзии. В отличие от писателей-сентименталистов, которые воспевали «тихую чувствительность и томление сердца», романтики предпочитали изображение бурных страстей, патетики и действия. Они стремились обнаружить контрастность внешнего облика и духовного мира человека. Разочарование в действительности вызывало у одних писателей стремление к интимным переживаниям, у других – жажду борьбы, подвига, готовность к самопожертвованию. Так возникли два вида романтизма: консервативный и радикальный.

Консервативный романтизм нашел выражение в поэзии В. А. Жуковского. Большое место в его творчестве занимали образы родной природы, лирического пейзажа (элегия «Вечер»). Наиболее популярны были баллады В. А. Жуковского («Людмила», «Громобой», «Светлана»). Изображение чудесного и таинственного, доставляющего «сладостно-страшное удовольствие» (В. Г. Белинский), определило

необычайный успех его ранних произведений. В сотнях списков распространялась поэма В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», написанная в годы Отечественной войны 1812 г. В поздний период своего творчества поэт много занимался переводами от Гомера до Ч. Байрона, создал новые баллады и сказки («Ундина», «Сказка о царе Берендее», «Спящая красавица»), но былого успеха уже не было. Его взгляды были далеки от радикальных, он осуждал насилие, не понимал декабристов. После 1825 г. в его произведениях все больше слышно меланхолических настроений, основная тема – преступление и наказание.

Представителями революционного романтизма стали в России декабристы. Они решительно осуждали уход литераторов от насущных проблем жизни, от борьбы против всякой несправедливости. К. Ф. Рылеев так говорил о поэзии В. А. Жуковского: «Мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность растлили многих и много зла наделали».

Декабристы стремились использовать художественное творчество, во-первых, для развития национально-самобытной культуры, свободной от подражания чужим образцам, а во-вторых, для пропаганды антикрепостнических и антисамодержавных идей. К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, А. И. Одоевский, В. К. Кюхельбекер, Ф. Н. Глинка, П. А. Катенин, В. Ф. Раевский возглавили литературное движение, опираясь на писателей, идейно близких к ним, среди которых были А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов, поэты К. Н. Батюшков, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, Н. И. Гнедич и др.

Радикальные настроения проникли в «Вольное общество любителей российской словесности» («Ученой республикой» называли его участники). В 1819 г. это общество возглавил Ф. Н. Глинка. Состав его был многолюдным (около 250 членов) и разнородным: от декабристов и литераторов, идейно близких к ним, до консервативно настроенных Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, М. А. Корфа. Активными членами общества были декабристы К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, основавшие альманах «Полярная звезда».

В поэзии К. Ф. Рылеева были сильны обличительные мотивы. В 1820 г. появилось его стихотворение «К временщику», эпиграмма на графа А. А. Аракчеева, в начале 1820-х гг. – цикл стихов «Думы», напоминающих о подвигах древнерусских князей Олега, Святослава, Дмитрия Донского и др. Героическому прошлому России К. Ф. Рылеев посвятил более поздние поэмы: «Войнаровский», «Наливайко», «Богдан Хмельницкий».

Романтические мотивы были свойственны раннему периоду творчества А. С. Пушкина (поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Братья-разбойники»). Влияние декабристских идей отразилось в его оде «Вольность», отрывок из которой был напечатан в альманахе «Полярная звезда». За вольнолюбивые настроения поэт в 1820 г. был выслан из Петербурга, началась его южная ссылка.

Революционный романтизм российских писателей после выступления декабристов в 1825 г. на Сенатской площади быстро рассеялся. В просвещении и литературе, официально признанных основными очагами крамолы, начались ограничения и запреты. В 1826 г. был принят новый цензурный устав, запретивший печатать произведения, в которых содержался хоть малейший намек на критику правительства и церкви. Общий контроль был поручен III отделению. С 1828 г. право цензуры распространилось на Министерства внутренних и иностранных дел, Министерство путей сообщения и другие правительственные ведомства.

Начинался один из самых мрачных периодов в истории русской литературы XIX в. В результате жесткой цензурной политики в 1830-х гг. были закрыты популярные среди прогрессивной интеллигенции журналы «Европеец», «Московский телескоп», «Телескоп», «Литературная газета». В журналистике «правили бал» верные правительственному лагерю Ф. В. Булгарин и Д. Н. Блудов. Отказался от прежних либеральных взглядов идеолог «теории официальной народности» С. С. Уваров. Появились откровенно проправительственные издания: газета Ф. В. Булгарина «Северная пчела», «Библиотека для чтения», «Сын Отечества». Наиболее прогрессивным из разрешенных в те годы изданий можно считать журнал «Московский телеграф» Н. А. Полевого. Тематика его была самой разнообразной: от статей просветительского характера до публикаций по экономике, истории, праву.

Традиции «Литературной газеты» продолжил журнал «Современник», первый номер которого вышел в свет в 1835 г. во многом благодаря усилиям А. С. Пушкина. Диапазон публикаций был достаточно широким: новинки литературы, исторические и научные статьи, воспоминания, информация о культурной жизни Петербурга. В издании журнала принимали участие В. Ф. Одоевский, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь. После смерти А. С. Пушкина в 1837 г. редакторами «Современника» в разные годы были П. А. Плетнев, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев и другие известные в то время литераторы.

Именно на страницах журнала «Современник» развернулась дискуссия о роли литературы в общественной жизни. В 1830-х гг. были еще довольно сильны позиции писателей-романтиков. Но в их произведениях уже отсутствовал прежний революционный пафос, а преобладали мотивы разочарования, пессимистические настроения, попытки отстраниться от реальной действительности в воображаемом идеальном мире, славном прошлом. Наиболее ярко эти настроения проявились в творчестве М. Ю. Лермонтова («Мцыри», «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Маскарад», «Последний сын вольности» и др.). Скепсис и разочарование, осознание себя лишним человеком в обществе, стремление вырваться из обыденной жизни отличали романтических героев М. Ю. Лермонтова.

Характерные черты эпохи нашли свое выражение в раннем периоде творчества Н. В. Гоголя. Романтические представления о народной жизни, поэтические картины природы стали основными темами повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Майская ночь, или Утопленница», сборников «Миргород» и «Арабески».

Популярной у писателей-романтиков была историческая тема. Через опыт прошлых веков они пытались найти путь к созданию справедливого гражданского общества. М. Н. Загоскин в романах «Юрий Милославский» и «Рославлев» развивал идею борьбы добра и зла. О драматических событиях, основанных на достоверных источниках, повествовал И. И. Лажечников в романах «Ледяной дом», «Басурман», «Последний Новик».

Распространенным жанром в 1830-х гг. стала так называемая «светская повесть», возникшая в процессе становления романтической прозы. Жизнь общества, изображение пагубного воздействия светских предрассудков на личность незаурядного героя, зависимость частной жизни человека от господствующего уклада нашли свое воплощение в повестях и рассказах В. Ф. Одоевского, О. М. Сомова, А. А. Бестужева (Марлинского), Н. Ф. Павлова, Н. А. Полевого, В. А. Сологуба, И. И. Панаева.

Авторами светских повестей становились и писательницы, которые, стремясь придать своим произведениям большую достоверность и даже определенную «документальность», широко использовали эпистолярную форму и дневниковые записи. Это позволяло им глубже передать внутренние переживания действующих лиц, искренность и непосредственность их чувств. В повестях и рассказах отразилась борьба в защиту прав женщин, протест против порядков, которые не давали возможности участвовать в общественн-

ной жизни на равных условиях с мужчинами. Популярны в то время были произведения графини Е. П. Ростопчиной, которую современники назвали русской Жорж Санд. Ее повести «Счастливая женщина» и «Палаццо Форли» печатались в журнале «Московитянин», издавали коммерческие издательства. Начали печатать свои стихи и прозу поэтессы А. П. Бунина, А. А. Волкова, чуть позже З. А. Волконская, Н. С. Теплова, Е. Б. Кульман, А. И. Готовцева и К. К. Павлова.

Во многом благодаря женщинам в писательской среде сформировалась традиция литературных салонов, в которых обсуждали последние повести, музицировали, читали стихи, блистали своими интеллектуальными способностями представители дворянской интеллигенции и «высшего света».

Наиболее известным в Москве был салон З. А. Волконской, которая, имея европейское образование, смогла создать на своих вечерах атмосферу культа высокого и прекрасного искусства. Частыми гостями в ее доме были П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг. А. С. Пушкин посвятил княгине З. А. Волконской свою поэму «Цыганы».

В Петербурге одним из самых интересных был салон А. И. Оленина, который сыграл значительную роль в развитии русской культуры XIX в. В 1808 г. он был назначен директором императорской библиотеки, а в 1820-х гг. возглавлял Академию художеств и Публичную библиотеку в Петербурге. В его доме многие писатели впервые читали свои литературные произведения: И. А. Крылов знакомил гостей со своими новыми баснями, В. А. Озеров в первый раз читал свою трагедию «Эдип в Афинах», поэты Н. И. Гнедич, К. Н. Батюшков и другие – свои стихи. По воспоминаниям С. С. Уварова, в дом А. И. Оленина «обыкновенно приводились все литературные новости, вновь появившиеся стихи, известия о театрах, о книгах – словом все, что могло питать любопытство людей, более или менее движимых любовью к просвещению».

Центрами дворянской культуры были салоны Е. М. Хитровой, урожденной Кутузовой; князя В. Ф. Одоевского, человека универсальных интересов и энциклопедических знаний; так называемые «среды» Н. В. Кукольника. Кроме великосветских салонов в Петербурге и губернских городах (в Харькове, Казани) появились салоны, где круг гостей в основном составляла разночинная интеллигенция. Демократическими по духу были встречи на квартире И. И. Панаева известных в Петербурге людей – В. П. Боткина, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева, Н. М. Языкова. Любили бывать у

радушного хозяина Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский, Д. В. Григорович. Н. А. Некрасов читал у И. И. Панаева очерк «Петербургские угли», Ф. М. Достоевский – роман «Бедные люди». Именно в этой среде впервые появилась идея создания журнала «Современник», а также началось формирование нового реалистического направления в русской литературе – «натуральной школы».

В целом салоны были сугубо дворянским явлением культурной жизни. Они носили сословно-замкнутый характер и не имели сколько-нибудь существенного влияния на реальное положение дел в просвещении населения, на культурное развитие масс. В конце 1850-х гг. время дворянских салонов подошло к концу, пора утонченной культуры и аристократов духа и мысли уходила в прошлое. Выразителями новой эпохи становились разночинцы, которые создавали иные по форме организации и объединения.

Гораздо раньше перемены в общественном климате страны проявились в самом литературном процессе. Уже с конца 1820-х гг. в литературе стали заметны реалистические тенденции, началось формирование одного из самых плодотворных и значительных в художественной культуре России направлений – реализма. Целью многих писателей стало не просто осуждение отрицательных явлений действительности, не ее «живописание», а трезвый, даже критический анализ всех сторон жизни человека и общества.

По мере развития нового направления менялись и методы художественного изображения. Вместо «высокого героя», идеальных образов романтической литературы появились произведения о «низкой действительности», повседневном быте, «маленьком человеке» с его слабостями и желаниями.

Расцвет реалистической литературы начался с творчества И. А. Крылова и А. С. Грибоедова. Свойственный басням эзоповский (иносказательный) язык позволял И. А. Крылову высказывать оппозиционные взгляды при вполне понятной осторожности. Он высмеивал дворянство, чиновничество, духовенство, рисуя их в образах мелких и крупных хищников – лисиц, волков, тигров, медведей. Нередко И. А. Крылов направлял острие сатиры и против самого «царя зверей» – льва. Он умело сочетал в своих баснях меткие индивидуальные характеристики с широкими художественными обобщениями. Первые литературные опыты А. С. Грибоедова – это комедии 1817–1818 гг. «Студент», «Молодые супруги», «Своя семья», в которых уже проявился талант реалиста-сатирика. Над комедией «Горе от ума» А. С. Грибоедов начал работать в

1821–1822 гг. и окончил ее в 1824 г. Героя комедии Чацкого современники прямо называли декабристом. В образе Фамусова был осмеян самодержавный произвол, в образе Скалозуба – аракчеевская военщина, а Молчалин стал нарицательным обозначением рабского молчания и послушания. Не зря А. И. Герцен расценил появление «Горя от ума» как событие, имеющее «значение государственного переворота». Цензура запретила не только ставить комедию на сцене, но и печатать ее. Она расходилась по стране в списках (впервые напечатана полностью лишь в 1862 г.).

Завершил победу реализма в русской литературе А. С. Пушкин. Ему принадлежит слава основоположника современной литературы и языка. «Он у нас – начало всех начал», – сказал о нем А. М. Горький. А. С. Пушкин создал классические образцы литературы всех жанров, существующих и поныне: лирику и роман, повесть и трагедию, рассказ и поэму, сказку и публицистику, очерк и путевые записки, рецензию и эпиграмму. Творчество первого поэта России повлияло на развитие всех видов искусств: музыки, живописи, театра, скульптуры. На его сюжеты композиторами М. И. Глинкой, П. И. Чайковским, М. П. Мусоргским, Н. А. Римским-Корсаковым, С. В. Рахманиновым написано более 10 опер.

«Энциклопедией русской жизни», как выразился В. Г. Белинский, первым реалистическим романом в мировой литературе стало стихотворное произведение «Евгений Онегин» (1823–1831 гг.). А. С. Пушкин окончательно закрепил это направление в так называемом «болдинском цикле» произведений: «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «История села Горюхина». Трагическая смерть А. С. Пушкина в 1837 г., воспринятая как общенациональная трагедия, обнаружила истинный масштаб его гения. Писатель и философ В. Ф. Одоевский общенациональную скорбь выразил в четырех словах: «Солнце русской поэзии закатилось». М. Ю. Лермонтов через несколько дней после трагической дуэли Ж. Дантеса и А. С. Пушкина написал стихотворение «Смерть поэта». В. Г. Белинский в цикле «Статей о Пушкине» описал всю русскую литературу как предысторию появления А. С. Пушкина.

В конце 1830-х гг. традиции реализма в литературе развивали писатели «натуральной школы». Идейным вдохновителем стал В. Г. Белинский, который возглавил в 1839 г. литературно-критический отдел журнала «Отечественные записки». Девизом своей литературно-критической деятельности он провозгласил социальность. В сборнике «Физиология Петербурга», изданном в 1845 г., писатели В. И. Даль, Д. В. Григорович, И. И. Панаев обратились к

проблеме бедственного положения жителей петербургских трущоб, «где каждый дом населен самыми разнообразными людьми, а на улицах можно встретить и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем под мышкой чиновника» (Белинский Г. В. Письмо В. П. Боткину).

Социальные проблемы стали предметом анализа в творчестве А. И. Герцена («Кто виноват» и «Сорока воровка»), Ф. М. Достоевского («Бедные люди», «Двойник»), И. А. Гончарова («Обыкновенная история»), В. А. Сологуба («Тарантас»), И. С. Тургенева («Записки охотника»), Д. В. Григоровича («Антон-Горемыка»). После публикации «Ревизора» и «Мертвых душ» лидером «натуральной школы» стал Н. В. Гоголь. Сам он определил смысл «Ревизора» и «Мертвых душ» следующим образом: «Нельзя устремить общество к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости».

С конца 1840-х гг. началась творческая деятельность А. Н. Островского. Его комедию «Свои люди – сочтемся» знатоки сравнивали по идейному замыслу с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя. Подобно тому, как Н. В. Гоголь изобличил помещичий мир, так А. Н. Островский начал критиковать «темное царство» российских купцов. Комедия «Свои люди – сочтемся» была запрещена, а сам драматург уволен со службы в коммерческом суде и отдан под негласный надзор полиции как политически неблагонадежный.

Несмотря на цензурный гнет и репрессии со стороны властей, к середине XIX в. в русской литературе доминировал критический реализм с выраженным обличительным, антикрепостническим и антисамодержавным прицелом. Этот феномен культурной жизни России существенно повлиял на политическое сознание русского общества, что позволяет считать его одним из факторов, заставивших царизм пойти на отмену крепостного права.

ЖИВОПИСЬ И АРХИТЕКТУРА

Культурная жизнь России в первой половине XIX в. отмечена интенсивным развитием изобразительного искусства. Возникший в русской живописи еще в XVIII в. классицизм провозгласил образцом для подражания античное искусство. Со второй четверти XIX в. он трансформировался в академизм, который являлся «правительственным направлением» в изобразительном искусстве. Представителями академизма были Ф. А. Бруни, И. П. Мартос, Ф. И. Толстой.

Четверть века ректором Академии художеств являлся Ф. А. Бруни, «генерал от живописи», как прозвали его современники. Картина Ф. А. Бруни «Медный змий» – типичное для академической живописи. Здесь налицо и библейский сюжет, и мистическое настроение, многоплановость, многофигурность и помпезность. Рисунок технически безупречен, виртуозен, но безжизнен; это «рисунок для рисунка». В картине много красок, но мало чувства. «Красивые, но холодные произведения», – так охарактеризовал полотна представителей классического академизма художник А. Г. Венецианов.

Лучшие произведения живописи первой половины XIX в. связаны со становлением романтизма в русской художественной культуре. В состоянии внутреннего подъема изображал свои модели О. И. Кипренский (портрет Е. В. Давыдова). В 1820 г. художник создал один из лучших портретов А. С. Пушкина. Самоценность человека, естественность его частной, домашней жизни утверждал в своих портретах В. А. Тропинин, выходец из крепостных крестьян, один из основателей московской школы живописи (портреты П. А. Булахова, А. С. Пушкина). Лирически преображенным становился окружающий мир в творчестве А. Г. Венецианова («Захарка», «На пашне. Весна», «Гумно», «Крестьянка», «Лето» и др.). Он одним из первых русских художников начал писать с натуры на открытом воздухе. Свои лучшие произведения А. Г. Венецианов создал в своем имении Сафонково в Тверской губернии.

Романтизм подготовил почву для становления русской пейзажной школы. Воссоздание различных состояний природы характерны для итальянских видов С. Ф. Щедрина (цикл «Террасы в Сорренто») и М. И. Лебедева («В парке Гиджи»). Героика и пафос, драматические эффекты присущи морским пейзажам и батальным картинам И. К. Айвазовского («Чесменский бой», «Девятый вал»).

В первой половине XIX в. русское изобразительное искусство окончательно оформилось как одна из крупнейших европейских художественных школ. Однако при всем богатстве и разнообразии индивидуальностей в центре художественного процесса стояло творчество трех крупнейших художников этой эпохи: П. А. Федотова, К. П. Брюллова, А. А. Иванова. Картины П. А. Федотова («Сватовство майора», «Свежий кавалер», «Вдовушка», «Игроки», «Анкор, еще анкор!») открыли социально-критический период в развитии русского искусства. Его герои – простые люди, живущие скудно и однообразно, с обыденными чувствами и ничем не выдающейся судьбой. Блестящее мастерство К. П. Брюллова равно сказалось и в парадных портретах («Всадница» портрет Джованни-

ны Пачини), и в камерных портретных образах (портрет М. Ланчи), и в главном произведении мастера – «Последний день Помпеи». Вызовом академической форме и идейным основам классицизма стала работа К. П. Брюллова «Итальянский полдень».

Исторический перелом судьбы всего человечества – тема картины А. А. Иванова «Явление Христа народу», которую он писал с 1837 по 1857 г. Огромные размеры соответствовали масштабу воспроизведенного события – явления Мессии, с которого начинается духовное возрождение общества. Как выдающийся пейзажист А. А. Иванов выступил в многочисленных эскизах к своей главной картине («Ветка», «Аппиева дорога при закате солнца»), как художник-философ и реформатор русской религиозной живописи – в акварельных «Библейских эскизах».

Творчество крупнейших мастеров первой половины XIX в. способствовало значительному изменению социального статуса изобразительного искусства. Регулярные художественные выставки в залах Академии художеств, специальные публичные демонстрации наиболее значительных произведений («Последний день Помпеи», «Явление Христа народу», «Медный змий») становились заметными фактами духовной жизни общества. Демократизации художественного процесса, более широкому распространению изобразительного искусства в различных социальных слоях способствовало становление новых, альтернативных Академии художеств центров художественного образования: первой в России провинциальной частной художественной школы, основанной в 1802 г. в Арзамасе живописцем А. В. Ступиным, так называемой «венециановской школы» в д. Сафонково Тверской губернии. В 1843 г. было создано Московское училище живописи и ваяния (с 1866 г. – Московское училище живописи, ваяния и зодчества), в 1821 г. основано Общество поощрения художников в Петербурге (в 1857 г. открыты рисовальные классы).

В архитектуре в первой четверти XIX в. продолжал удерживать свои позиции классический стиль, который иногда называют александровским классицизмом, связывая его с именем императора Александра I. Главной его особенностью стали простота и даже аскетизм. Ни одно здание в Петербурге не могло быть построено без личного «апробирования» чертежей самим императором, который прекрасно разбирался в архитектуре и строительстве.

В его царствование была построена значительная часть выдающихся памятников архитектуры Петербурга. Наряду с постройка-

ми А. Н. Воронихина – Горным институтом и Казанским собором – крупнейшими памятниками александровского классицизма являются ансамбль стрелки Васильевского острова со зданием Биржи и Ростральными колоннами по проекту Тома де Томона, а также Главное Адмиралтейство по проекту А. Д. Захарова. С возведением этих грандиозных ансамблей центр города получил законченный образ. Его «главным проспектом» стала сама Нева, а центральной площадью – ее наиболее широкое течение в том месте, где река разделяется на два рукава, между Петропавловской крепостью, Зимним дворцом, зданием Биржи и Адмиралтейством. Впервые в петербургской архитектуре возник ансамбль такого широкого пространственного звучания. Серое петербургское небо, золоченые шпили Петропавловской крепости и Адмиралтейства, горизонтали набережных, вертикали Ростральных колонн, колоннады Биржи – все это соединилось в небывалую по размаху композицию.

В строго лаконичных формах ампира, зрелой фазы классицизма, решены монументальные ансамбли К. И. Росси – Михайловской площади с Михайловским дворцом, южной части Дворцовой площади со зданием Главного штаба, Александринской площади со зданием театра, Театральной улицы и площади Чернышева Моста, Сенатской площади со зданиями Сената и Синода. Формирование центра города завершилось сооружением мощного купольного храма – Исаакиевского собора (архитектор А. А. Монферран).

На иных градостроительных принципах формировалась Москва. Она застраивалась после пожара 1812 г. небольшими особняками с уютными интерьерами. Регулярность планировки, расположение крупных зданий и ансамблей (дом Луниных, здание Опекунского совета, усадьба Усачевых-Найденовых, все – архитектор Д. И. Жилярди; ансамбль Театральной площади, Триумфальные ворота, комплекс 1-й Градской больницы, все – архитектор О. И. Бове; здание Провиантских складов – архитектор В. П. Стасов) были подчинены общей живописной свободе пространственной структуры города.

К середине XIX в. архитектура классицизма вступает в полосу кризиса. На смену позднему классицизму постепенно приходит строительство в «исторических стилях», которое широко использовало формы и отдельные детали русского и западноевропейского средневекового зодчества, архитектуры Возрождения и барокко. В русле этих тенденций находился и разработанный К. А. Тоном «русско-византийский» стиль. Этот стиль развивался в противо-

стоянии классицизму как иностранному искусству, объясняется стремлением найти оригинальные национальные истоки архитектуры в той мешанине стилей, которая захлестнула Европу и Россию к середине XIX в.

Однако на практике он превратился в надуманную, поверхностную стилизацию и эклектику, искусственное соединение элементов византийской, киевской, владимирской архитектуры. В сравнении с подлинной древнерусской архитектурой произведения стилизаторов, что всегда бывает в подобных случаях, отличались педантичностью композиционных решений, излишней дробностью в прорисовке деталей. Для так называемого «русско-византийского» стиля было характерно частое использование шатровых форм как «истинно русских» в отличие от «византинизма» крестово-купольной системы. По поводу широкого распространения «русско-византийского» стиля А. И. Герцен писал: «Без веры и без особых обстоятельств трудно было создать что-нибудь живое; все новые церкви дышали натяжкой, лицемерием, анахронизмом, как пятиглавые судки с луковками вместо пробок, на индовизантийский манер, которые строит Николай с Тоном».

Апофеозом «русско-византийского» стиля стало строительство Храма Христа Спасителя в Москве в 1832 г., посвященного подвигу русского народа в войне с Наполеоном. Художественное противоречие этого проекта состояло в том, что истинно народная идея облекалась в искусственно созданные формы. Стиль Храма Христа Спасителя стал ярким выражением «Православия» – первой части знаменитой триады графа С. С. Уварова. Вторая часть – «Самодержавие» – нашла свое выражение в Большом Кремлевском дворце (1839–1849, архитектор К. А. Тон), третья – «Народность» – в последующих произведениях и археологических изысканиях К. А. Тона. Высочайшим указом 1841 г. «образцовые проекты» храмов, созданные К. А. Тоном, были рекомендованы в качестве примеров «подлинно национальной архитектуры».

В монументальной скульптуре нормативность искупалась ясностью образов и героическим пафосом (памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому в Москве, скульптор И. П. Мартос), триумфальным звучанием архитектурных ансамблей (группа «Похищение Прозерпины» перед портиком Горного института в Петербурге, скульптор В. И. Демут-Малиновский; рельеф «Восстановление флота в России» на фасаде здания Адмиралтейства в Петербурге, скульптор И. И. Теребенев).

К середине XIX в. искусство монументально-декоративной скульптуры приходит, как и архитектура, в некоторый упадок, хотя и в этот период в Петербурге создавались яркие произведения (группы укротителей коней на Аничковом мосту, скульптор П. К. Клодт; памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли перед Казанским собором, скульптор Б. И. Орловский; атланты портика Нового Эрмитажа, скульптор А. И. Теребенев). В станковой скульптуре первой половины XIX в. сосуществовали несколько направлений – гражданственно-героическое, по духу близкое монументальной пластике («Русский Сцевола», скульптор В. И. Демут-Малиновский), интимно-лирическое («Венера», скульптор И. П. Витали) и жанрово-повествовательное («Парень, играющий в бабки», скульптор Н. С. Пименов).

ТЕАТР И МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Несмотря на монополию императорских театров, начало которой было положено в 1803 г., и цензуру, влиявшую на репертуар, театр играл все более заметную роль в общественно-культурной жизни. Центром театральной культуры в Москве был Малый театр. В 1824 г. произошло окончательное разделение труппы бывшего Петровского театра на драматическую и балетную. Драматические спектакли были перенесены в здание, построенное архитектором О. И. Бове и получившее название Малый театр. Большой театр с 1825 г. предназначался только для оперных и балетных спектаклей. В Петербурге имелось несколько театров, наиболее известный из них – Александринский, открытый в 1832 г. исторической драмой М. В. Крюковского «Князь Пожарский». В отличие от московского Малого театра, где были сильны демократические традиции, театр северной столицы Российской империи носил официально-парадный характер.

Управление театрами было поручено Дирекции императорских театров, которая контролировала финансовые вопросы, репертуар театров, а также формировала состав труппы. Со второй четверти XIX в. императорские театры перешли в ведение Министерства двора, а цензуру осуществляло III отделение. Чиновники, часто далекие от искусства, определяли работу драматургов и актеров. Актеры заключали с дирекцией контракт на три года, по которому они обязаны были выполнять все условия. В глазах «высшего све-

та» артист императорского театра являлся «лицедеем», «комедиантом» и мало отличался от крепостного актера. В 1827 г. появилось правительственное распоряжение, по которому чиновников, решивших поступить в актеры, лишали всех чинов и званий. Власть опекала театр как зрелищное место для избранных и старалась оградить его от всякой «крамолы», не только политической, но и художественной. Царь и двор не признавали за театрами иного назначения, кроме того, которое В. О. Ключевский определил словами: «Театр – школа барских чувств, эстетическая кондитерская».

В начале XIX в. в театре еще были сильны традиции классицизма. Ставились преимущественно трагедии на антично-мифологические и исторические темы: «Эдип в Афинах», «Дмитрий Донской» В. А. Озерова, «Всеобщее ополчение» С. И. Висковатова. Высокопарная драматургия определяла и стиль игры актеров. Он отличался условностью мизансцен, певучей декламацией и трагедийной жестикуляцией. Большой известностью пользовалась «школа» князя А. А. Шаховского, который сыграл особую роль в истории русского театра начала XIX в. Драматург, театральный критик, хозяин известного в Петербурге салона, князь А. А. Шаховский был фанатиком своей профессии. Он мечтал создать школу исполнения высокой трагедии, подготовил таких талантливых актеров, как В. А. Каратыгин, Е. С. Семенова. Однако классицистическая манера игры становилась все более непонятной и зрителям, и актерам. Театр уводил зрителей от таинства душ человеческих к внешним эффектам, от реальной жизни к «чистому искусству».

Уже в некоторых трагедиях В. А. Озерова («Фингал», «Поликсена») с 1810-х гг. начали проявляться черты сентиментализма, попытки раскрыть душевный мир человека, его переживания, психологию. Самым ярким представителем нового направления в театре стал драматург и актер П. А. Плавильщиков – автор пьес «Бобыль» и «Сиделец», исполнитель ролей Эдипа в трагедии «Эдип в Афинах» В. А. Озерова и Правдина в «Недоросле» Д. И. Фонвизина. Большое влияние на формирование сценического сентиментализма оказали теоретические статьи на страницах «Московского журнала» и «Вестника Европы» Н. М. Карамзина.

С 1820-х гг. сентиментализм сменился романтизмом, который больше соответствовал настроению русского общества после победы над Наполеоном. Его классическим выражением стала трагедия Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», ос-

новной идеей которой была преданность престолу и церкви. Плодовитым драматургом-романтиком был Н. А. Полевой, издатель журнала «Московский телеграф». В пьесах «Иголкин», «Дедушка русского флота», драме «Параша-Сибирячка» прославлялись самодержавие и официально понимаемая народность. Они отличались верноподданническим духом, но были лишены исторической достоверности. Лучшими актерами романтической школы были В. А. Каратыгин и П. С. Мочалов. В. А. Каратыгина считали первым актером петербургской сцены, зрителей привлекало трагическое амплуа артиста. Звездой московского драматического театра был П. С. Мочалов. Ему в равной степени удавались и роли западноевропейской классики (образ Гамлета в трагедии У. Шекспира), и роли в пьесах Н. В. Кукольника и Н. А. Полевого.

С драматургии А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, особенно А. Н. Островского началось утверждение реалистической драмы в театральном репертуаре. Реформатором актерского искусства, основоположником реализма на русской сцене был актер М. С. Щепкин. «Он создал правду на русской сцене, – писал о нем А. И. Герцен, – он первым стал нетеатрален в театре». Господствовавшей тогда театрализации чувств, слов и движений М. С. Щепкин противопоставил на сцене натуральность, жизненное правдоподобие создаваемого образа. «Быть, а не казаться» – такой, по его мнению, должна быть игра актера.

Первая четверть XIX в. – переходный период, для которого характерна борьба различных стилистических направлений в музыке. Появились новые композиторы: С. И. Давыдов, С. А. Дегтярев, Д. Н. Кашин, А. Н. Титов, А. А. Алябьев и А. Н. Верстовский. Сатирическая и бытовая тематика уже не привлекала их внимания. Возник жанр «волшебной оперы», первым образцом которой стала «Дунайская русалка» Ф. Кауэра и К. Ф. Генслера. Был поставлен ряд спектаклей, соединявших элементы танца, пения и речи. Такие музыкальные спектакли положили начало жанру дивертисмента, лучшим из них стал «Семик, или Гулянье в Марьиной роще», поставленный в 1815 г.

В оперном театре важное место занимали жанры, промежуточные между музыкальным и драматическим спектаклями: мелодрама (например, «Андромеда и Персей» А. Н. Титова), музыкальные трагедии (музыка О. А. Козловского к трагедиям А. А. Шаховского «Дебора», «Царь Эдип» и др.), водевиль, расцвет которого связан с творчеством А. Н. Верстовского и А. А. Алябьева. А. Н. Верстовский более тридцати лет был на директорских постах при московских им-

ператорских театрах. В его композиторском творчестве романтическая фантастика соседствовала с идеализацией допетровской Руси. Широкое признание принесла ему в 1835 г. опера «Аскольдова могила» (по роману М. Н. Загоскина), основные достоинства которой – занимательный сюжет и выразительная мелодия, основанная на интонациях городских народных песен. Получила успех в 1812 г. в Москве оратория «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы», написанная крепостным музыкантом графа П. Б. Шереметева С. А. Дегтяревым. На волне патриотического подъема, связанного с войной 1812 г., была создана опера К. А. Кавоса «Иван Сусанин». Популярность А. А. Алябьеву принесли песни и романсы. Композитора привлекали лирика А. А. Дельвига (на его стихи написан знаменитый «Соловей»), гражданская тематика (песни и романсы, связанные с воспоминаниями о войне 1812 г., образами Кавказа и т. д.). В 1830–1840-х гг. стали известными А. Е. Варламов и А. Л. Гурилев, обратившиеся к образам и интонациям русской народной песни.

Широкое развитие получило домашнее любительское музицирование, вышли популярные сборники русских народных песен в обработке А. А. Алябьева, А. Е. Варламова, А. Л. Гурилева. Итогом многолетней работы по изучению русской песни явился сборник Д. Н. Кашина «Русские народные песни», опубликованный в 1833–1834 гг. С 1842 г. издатель М. И. Бернард выпускал ежемесячный нотный журнал «Нувеллист». Центрами любительского музицирования были кружки и салоны, среди них выделялись салоны В. Ф. Одоевского, М. Ю. Виельгорского и А. Ф. Львова, где предпочтение отдавали классической музыке. С домашним музицированием было связано камерно-инструментальное творчество российских композиторов: фортепианные пьесы А. Л. Гурилева, И. И. Геништы, И. Ф. Ласковского; «русские песни с вариациями» Г. А. Рачинского. Особой популярностью на концертах и в быту пользовалась гитара. Основателем русской гитарной школы был А. О. Сихра. Известностью пользовались его ученики С. Н. Аксенов и М. Т. Высотский.

Вторую четверть XIX в. по праву можно назвать «эпохой Глинки». М. И. Глинка в совершенстве владел всеми средствами композиторской техники, его «универсализм» проявился в жанровом разнообразии творчества. Понимание М. И. Глинкой идеи народности позволило ему, по словам В. Ф. Одоевского, «возвысить народный напев до трагедии», открыть новые стороны в русской народной песне. Произведения 1830–1840-х гг. явились образцами

для многих поколений русских композиторов. Оперы «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» во многом определили развитие оперы XIX в. «Камаринская» и «Испанские увертюры», «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде» стали образцами для русской симфонической музыки. Богатый мир чувств воплотился в вокальной лирике М. И. Глинки. Его творчество повлияло на развитие вокально-исполнительской музыкальной культуры. С партий в операх М. И. Глинки началась слава таких певцов и композиторов, как О. А. Петров, А. Я. Петрова-Воробьева, Е. А. Семенова, С. С. Гулак-Артемовский, Ф. И. Стравинский. Значительна роль композитора и в области вокальной педагогики.

Личное знакомство с М. И. Глинкой оказало глубокое воздействие на А. С. Даргомыжского. В своем творчестве композитор отразил интерес к человеческому характеру, отдельным чертам личности, манере речи. Он стремился к драматическому раскрытию образов, воплощению острых конфликтов; ему не были чужды юмор и сатира. Опера «Русалка» – психологическая драма из народной жизни, а опера «Каменный гость» соединила в себе все важнейшие достижения камерно-вокального жанра.

Особое место в театрально-музыкальном искусстве России XIX в. занимали «воксалы». Так назывались в начале века загородные увеселительные сады с танцевальными номерами и маскарадами. Первый общественный увеселительный «Воксал в Нарышкином саду» открылся весной 1793 г. в Петербурге. В зале, предназначенном для танцев, играли два оркестра – хоровой и бальный. В открытом театре шли пантомимы, выступали путешествующие актеры, мастера разных «физических, механических и других искусств», музыканты, играющие на органе и лютне, мастера верховой езды, дрессировщики львов и других зверей, «художники искусственных потешных огней».

Для представителей высшего дворянства и избранной публики в Петербурге существовали также императорский Летний сад, Аптекарский сад, сад графа А. К. Разумовского на Крестовском острове, Каменный остров с увеселительным садом в голландском стиле с беседками графа М. П. Бестужева-Рюмина. Известен был также сад гофмаршала И. П. Елагина. Здесь в праздничные дни играла музыка, выступали артисты и организовывались фейерверки.

Одним из самых популярных увеселительных садов в Петербурге середины XIX в. был Сад Минеральных Вод (позднее сад «Аркадия»). Поначалу здесь проводились только балы, но впоследствии

общество устраивало в саду и залах разные игры, буфет и музыку. Это был не столько новый по типу, сколько новый по своим масштабам увеселительный сад, рассчитанный на среднюю и мелкую буржуазию. Его организаторы сделали ставку на сравнительно широкую доступность всех зрелищ, особенно воскресных гуляний, которые собирали тысячи петербуржцев.

В 1854 г. император Николай I утвердил «Правила касательно учреждения различного рода публичных увеселений и простонародных забав в столицах». Согласно этому акту монопольное право на организацию концертов и других представлений принадлежало Дирекции императорских театров. Всякого рода представления могли даваться в столицах лишь с разрешения Дирекции и при условии отчисления 1/4 части чистого сбора. Содержание публичных частных увеселительных садов стало экономически невыгодным и большинство из них постепенно прекратили свое существование.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

1801 г.	–	Издание указа о запрещении публиковать объявления о продаже дворовых.
1801 г.	–	Отмена запрета на ввоз книг из-за границы.
1801 г.	–	Разрешение купцам, мещанам и государственным крестьянам покупать ненаселенные земли и тем самым ликвидация монополии казны и дворян на владение землей.
1801 г., 12 марта	–	Дворцовый переворот. Гибель Павла I.
1801 г., 12 сентября	–	Присоединение Восточной Грузии к России.
1801–1825 гг.	–	Царствование Александра I.
1802 г.	–	Открытие Дерптского университета.
1802–1811 гг.	–	Министерская реформа, создание министерств.
1803 г.	–	Введение монополии императорских театров в Москве и Петербурге, ликвидация частных театральных трупп.
1803 г.	–	Инициация Н. М. Карамзиным дискуссии о реформе русского языка: «Писать, как говорят, и говорить, как пишут».
1803 г.	–	Начало работы Н. М. Карамзина по написанию «Истории государства Российского» по поручению Александра I.
1803 г.	–	Создание Виленского университета на базе Главной Виленской гимназии.
1803 г., январь	–	Издание указа «Об устройстве училищ».
1803 г., 20 февраля	–	Указ о «вольных хлебопашцах».
1803–1804 гг.	–	Присоединение Мингрелии, Гурии и Имеретии к России.
1804 г.	–	Издание «Устава университетов Российской империи».
1804 г.	–	Издание «Устава учебных заведений, подведомственных университетам».
1804 г.	–	Основание Петербургского педагогического института.

1804 г. – Открытие Московского коммерческого училища.

1804 г., июль – Издание первого цензурного устава (утверждение предварительной цензуры рукописей).

1804–1805 гг. – Начало работы Казанского и Харьковского университетов на базе гимназий.

1804–1805 гг. – Проведение аграрной реформы в Лифляндии и Эстляндии.

1804–1813 гг. – Война России с Ираном. Присоединение к России Северного Азербайджана.

1805 г. – Открытие в Ярославле Демидовского лицея.

1805 г. – Третья антинаполеоновская коалиция.

1805 г. – Учреждение «Совета о военных училищах» для координации работы военных училищ в России.

1805 г., ноябрь – Сражение при Аустерлице.

1805–1807 гг. – Участие России в коалиционных войнах в союзе с Англией, Австрией и Пруссией против Франции.

1806–1807 гг. – Четвертая антинаполеоновская коалиция.

1806–1812 гг. – Война России с Турцией. Присоединение к России Бессарабии.

1807 г. – Сражение под Фридландом.

1807 г., 25 июня (7 июля) – Мирный и союзный договоры России с Францией в Тильзите.

1808 г. – Запрещение продавать крестьян на ярмарках «в розницу».

1808 г. – Эрфуртская встреча Александра I и Наполеона.

1808–1809 гг. – Война России со Швецией. Присоединение к России Финляндии.

1809 г. – Открытие Ришельевского лицея в Одессе.

1809 г. – Отмена права помещиков ссылать своих крестьян в Сибирь.

1810 г., 1 января – Учреждение Государственного совета.

1810 г. – Открытие Института инженеров путей сообщения в Петербурге.

1810–1812 гг. – Деятельность в училище колонновожатых «Юношеского собратства».

1810–1857 гг. – Создание и деятельность военных поселений в России.

1811 г. – Открытие Царскосельского лицея.

1812 г., 16(28) мая – Бухарестский мирный договор России с Турцией.

1812 г., 12 июня – Вторжение наполеоновской армии в Россию. Начало Отечественной войны.

1812 г., 22 июля – Сражение под Смоленском.

1812 г., 26 августа – Бородинское сражение.

1812 г., 12 октября – Сражение под Малоярославцем, победа русской армии.

1812 г., ноябрь – Переправа наполеоновских войск у д. Студенка.

1812 г., 25 декабря – Изгнание наполеоновских войск из России.

1812–1826 гг. – Деятельность Библейского общества, занимавшегося переводом Библии на языки народов России, ее распространением и благотворительностью.

1812–1841 гг. – Основание и жизнедеятельность российских колоний в Калифорнии. Крепость Росс.

1813 г., 4–7(16–19) октября – Сражение при Лейпциге («Битва народов»).

1813 г., 12(24) октября – Гюлистанский мирный договор с Ираном.

1813–1814 гг. – Заграничный поход русской армии.

1813–1825 гг. – Антикрепостническое движение под руководством Устима Кармалюка на Подолье.

1814 г. – Открытие Публичной библиотеки в Петербурге.

1814 г. – Появление преддекабристской организации «Орден русских рыцарей».

1814 г. – Создание в Одессе группой греческих эмигрантов-патриотов тайного общества «Филики Этерия» («Союз друзей»).

1814–1815 гг. – Существование в Петербурге Семеновской и Священной артелей.

1814 г., сентябрь – 1815 г., июнь – Венский конгресс держав-победительниц над Наполеоном.

1815 г. – Создание литературного общества «Арзамас».

1815 г., сентябрь – Создание Священного союза монархов России, Австрии и Пруссии.

1816–1817 гг. – Деятельность первой тайной декабристской организации «Союз спасения».

1816–1822 гг. – Выход в свет 11 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

1817–1864 гг. – Кавказская война. Присоединение Дагестана и Чечни к России.

1818 г. – Установка в Москве на Красной площади памятника К. Минину и Д. Пожарскому (скульптор И. П. Мартос).

1818–1821 гг. – Декабристская организация «Союз благоденствия».

1819 г. – Восстание военных поселян в Чугуеве.

1819 г. – Преобразование Петербургского педагогического института в университет.

1819 г. – Создание «Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения».

1819 г.	–	Создание по инициативе С. П. Трубецкого литературного общества «Зеленая лампа».
1819 г.	–	Учреждение Главного инженерного училища.
1819–1821 гг.	–	Открытие Антарктиды в ходе научной экспедиции М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена, исследование островов Тихого и Ледовитого океанов, Аляски, устья Амура.
1820 г.	–	Открытие Главного инженерного училища (Инженерного замка).
1820 г.	–	Первая (южная) ссылка А. С. Пушкина.
1820 г.	–	Создание художником О. И. Кипренским, по оценкам современников, одного из лучших прижизненных портретов А. С. Пушкина.
1821 г.	–	Открытие в Петербурге Общества поощрения художников.
1821–1824 гг.	–	Создание А. С. Грибоедовым комедии «Горе от ума», которую современники, в том числе А. И. Герцен, сравнили с «государственным переворотом».
1821–1825 гг.	–	Деятельность Северного и Южного обществ декабристов.
1821–1830 гг.	–	Борьба Греции против турецкого владычества. Провозглашение независимости Греции.
1822 г.	–	Издание в Москве «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского.
1823–1825 гг.	–	Декабристская организация «Общество соединенных славян».
1824 г.	–	Окончательное разделение труппы бывшего Петровского театра на драматическую и балетную (позднее – Малый и Большой театры).
1825 г., 19 ноября	–	Кончина в Таганроге императора Александра I.
1825 г., 14 декабря	–	Восстание декабристов в Петербурге.
1825 г., 29 декабря – 1826 г., 3 января	–	Восстание Черниговского полка.
1825–1855 гг.	–	Царствование Николая I.
1826 г., 23 марта (4 апреля)	–	Петербургский протокол между Россией и Англией.
1826 г., 14 мая	–	Создание Комитета устройства учебных заведений.
1826 г., 10 июня	–	Принятие цензурного устава.
1826 г., 3 июля	–	Учреждение высшей политической полиции – III отделения Собственной е. и. в. канцелярии.
1826 г., 6 декабря	–	Образование Секретного комитета 6 декабря.
1826–1828 гг.	–	Война России с Ираном.
1826–1833 гг.	–	Кодификация законов.

1827 г., 19 августа – Запрещение принятия крепостных крестьян в высшие учебные заведения.

1827 г., 8 (20) октября – Наваринское сражение англо-франко-русской эскадры с турецко-египетским флотом у берегов Пелопоннеса (Мореи).

1828 г. – Издание 12-го, заключительного, тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

1828 г., 10(22) февраля – Туркманчайский мирный договор России с Ираном. Присоединение к России Эриванского и Нахичеванского ханств.

1828 г., ноябрь – Открытие Технологического института в Петербурге.

1828 г., декабрь – Издание нового устава для низших и средних учебных заведений.

1828–1829 гг. – Русско-турецкая война.

1829 г., 2(14) сентября – Адрианопольский мирный договор с Турцией. Присоединение к России дельты Дуная и Черноморского побережья Кавказа.

1830 г. – Издание первого «Полного собрания законов Российской империи» в 45 томах вместе с указателями.

1830 г., 22 января (3 февраля) – Провозглашение Греции независимым государством.

1830 г., ноябрь – 1831 г., октябрь – Польское восстание.

1831 г., 11–22 июля – Восстание в Новгородских военных поселениях, в частности в Старой Руссе.

1832 г. – Закрытие Виленского университета в связи с польским восстанием 1830–1831 гг.

1832 г. – Издание «Свода законов Российской империи» в 15 томах.

1832 г. – Начало деятельности в Петербурге Александринского театра.

1832 г., 10 февраля – Манифест о создании сословия потомственных и личных «почетных» граждан.

1832–1840 гг. – Кружок Н. В. Станкевича.

1832–1865 гг. – Присуждение в Академии наук Демидовских премий за научные изобретения и фундаментальные исследования в различных областях знаний.

1832–1889 гг. – Строительство Храма Христа Спасителя в Москве, посвященного подвигу народа в Отечественной войне 1812 г.

1833 г. – Завершение К. П. Брюлловым работы над картиной «Последний день Помпеи».

1833 г., 26 июня (8 июля)	–	ЗаключениеУнкяр-Искелесийского союзного договора между Россией и Турцией о военной помощи сроком на восемь лет.
1833–1837 гг.	–	Деятельность во Львове кружка «Русская троица».
1834 г.	–	Открытие университета Святого Владимира в Киеве.
1835 г.	–	Издание первого номера журнала «Современник».
1835 г., июнь	–	Утверждение «Положения об учебных округах».
1835 г., 26 июля	–	Утверждение «Общего устава императорских российских университетов», ограничившего права и полномочия университетов.
1836 г.	–	Публикация в журнале «Телескоп» «Философического письма» П. Я. Чаадаева, которое, по словам А. И. Герцена, «потрясло всю мыслящую Россию».
1837 г.	–	Издание «Русской троицей» альманаха «Русалка Днестровая».
1837 г., 30 октября	–	Открытие железной дороги Петербург – Царское Село.
1837 г., 27 декабря	–	Образование Министерства государственных имуществ во главе с П. Д. Киселевым.
1837–1841 гг.	–	Реформа управления государственными крестьянами П. Д. Киселева.
1837–1857 гг.	–	Создание А. А. Ивановым картины «Явление Христа народу» – символа духовного возрождения общества.
1838 г.	–	Издание «Свода военных постановлений».
1838 г.	–	Раскрытие в Российской империи деятельности тайной организации «Союз польского народа», значительную часть членов которой составляли студенты Киевского университета.
1839 г., 25 марта	–	Указ «О слиянии греко-униатской церкви с православием».
1839 г., август	–	Открытие академиком В. Я. Струве Пулковской академии, которую уже к середине XIX в. называли «астрономической столицей мира».
1839–1843 гг.	–	Денежная реформа Е. Ф. Канкрина.
1842 г., 2 апреля	–	Указ «Об обязанных крестьянах».
1843 г.	–	Открытие в Москве Училища живописи и ваяния (с 1866 г. – Московское училище живописи, ваяния и зодчества).
1844 г., декабрь	–	Образование Кавказского наместничества с центром в Тифлисе.

1845 г. – Издание писателями В. И. Далем, Д. В. Григоровичем и И. И. Панаевым сборника «Физиология Петербурга» – первого опыта писателей «натуральной школы» о жизни обитателей петербургских трущоб.

1845 г. – Издание указа о порядке приобретения дворянского звания.

1845 г. – Создание при IV отделении Собственной е. и. в. канцелярии Совета женских учебных заведений и разработка программы женского образования – «Наставления для образования воспитанниц».

1845 г. – Создание Русского географического общества.

1845–1849 гг. – Деятельность тайного кружка М. В. Буташевича-Петрашевского.

1846–1847 гг. – Деятельность «Кирилло-Мефодиевского братства».

1847–1848 гг. – Введение в действие в Правобережной Украине «инвентарных правил».

1848 г., 2 апреля – Учреждение особого цензурного комитета под председательством Д. П. Бутурлина.

1848 г., 17 апреля – Освобождение крестьян Галиции от барщины и других повинностей в пользу помещиков.

1848 г., 25 апреля – Провозглашение Австрийской империи конституционной монархией.

1848 г., май – Основание во Львове первой украинской политической организации – Главной Русской Рады.

1848 г., октябрь – Создание во Львове культурно-просветительского общества «Галицко-Русская Матица».

1848–1849 гг. – Революция в Венгрии. Интервенция царской России и Австрии в Венгрию.

1851 г. – Открытие железной дороги Москва – Петербург.

1853–1856 гг. – Крымская война.

1854 г., сентябрь – 1855 г., август – Оборона Севастополя (349 дней).

1855, 18 февраля – Кончина императора Николая I.

1856 г., 30 марта – Заключение Парижского мирного договора.

ЛИТЕРАТУРА

Арш, Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 / Г. Л. Арш. М., 1976.

Багалий, Д. Нарис історії України / Д. Багалий. Київ, 1994.

Блиев, М. М. Кавказская война. 1817–1864 гг. / М. М. Блиев, В. В. Дегоев. М., 1994.

Болховитинов, Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867 / Н. Н. Болховитинов. М., 1990.

Бролский, Н. Л. Ранние славянофилы. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и А. С. Аксаковы / Н. Л. Бролский. М., 1910.

Верига, В. Нариси з історії України (кінець XVIII – початок XX ст.) / В. Верига. Київ, 1996.

Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.

Георгиев, В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 – начале 40-х годов XIX в. / В. А. Георгиев. М., 1975.

Гордин, Я. А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 г. / Я. А. Гордин. Л., 1989.

Грицак, Я. Нарис історії України. Формування модерної українскої нації XIX–XX століття / Я. Грицак. Київ, 1996.

Грушевский, М. Иллюстрированная история Украины / М. Грушевский. Киев, 1996.

Гуржй, О. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільскому господарстві України першой половини XIX ст. / О. Гуржй. Київ, 1954.

Декабристы. Биографический справочник / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988.

Додолев, М. А. Россия и Испания. 1808–1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения / М. А. Додолев. М., 1984.

Дорошенко, Д. Нарисі історії України / Д. Дорошенко: в 2 т. Т.2. Київ, 1991.

Достян, И. С. Россия и Балканский вопрос / И. С. Достян. М., 1972.

Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева. Т. 1–2 / Н. М. Дружинин. М.; Л., 1946, 1958.

Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. 4-е изд. М., 1997.

Ефименко, О. Історія України та ii народу / О. Ефименко. Київ, 1992.

Зайончковский, А. М. Восточная война. 1853–1856: в 2 т. Т. 1–2 / А. М. Зайончковский. СПб., 2002.

Зайончковский, П. А. Кирилло-Мефодиевское общество / П. А. Зайончковский. М., 1959.

Золотарев, В. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье / В. А. Золотарев, И. А. Козлов. М., 1989.

Иванов-Разумник (*Иванов, Р. В.*). История русской общественной мысли. Т. 1–3 / Иванов-Разумник (Р. В. Иванов). М., 1997.

Иова, Н. Ф. Южные декабристы и греческое освободительное движение / Н. Ф. Иова. Кишинев, 1963.

История внешней политики России: в 3 т. Т. 1. Первая половина XIX в. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1996–1998.

История Отечества: учеб. пособие / под ред. Е. П. Иванова. Псков, 1994.

История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX века. М., 2000.

История России XVIII–XIX веков / авт.-сост. Л. В. Милов, Н. И. Цимбаев; под ред. Л. В. Милова. М, 2006.

История России XIX – начала XX в.: учебник для ист. фак. ун-тов / под ред. В. А. Федорова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

История России XIX – начала XX в.: учебник / авт.-сост. В. А. Георгиев [и др.]; отв. ред. В. А. Федоров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

История России. XIX век: учебник для студентов высш. учеб. заведений. Ч. 1 / под ред. В. Г. Тюкавкина. М., 2001.

История России с древнейших времен до 1861 г.: учебник для вузов / под ред. Н. И. Павленко. М., 2000.

История Русской Америки. 1732–1867: в 3 т. Т. 3. Русская Америка: От зенита к закату. 1825–1867. М., 1999.

Історія України: навчальний посібник / за ред. Б. Д. Лановика. 2-ге вид., перероб. Київ, 1999.

Історія України: нове бачання / загальна ред. В. А. Смолія. Київ, 2000.

Кессельбреннер, Г. Л. Российские дипломаты XVI–XIX вв.: в 3 т. Т. 3 / Г. Л. Кессельбреннер. М., 1996.

Киняпина, Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. / Н. С. Киняпина. М., 1994.

Киняпина, Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. XVIII в. – 80-е годы XIX в. / Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. М., 1974.

Киняпина, Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности. 20–50-е гг. XIX в. / Н. С. Киняпина. М., 1968.

Киянская, О. И. Южное общество декабристов: Люди и события: Очерки истории тайных обществ 1820-х годов / О. И. Киянская. М., 2005.

Ковальчак, Г. І. Економічний розвиток західноукраінских земель / Г. І. Ковальчак. Київ, 1983.

Ковальчено, И. Д. Русское крестьянство в первой половине XIX века / И. Д. Ковальчено. М., 1967.

Когут, З. Коріння ідентичности: Студіі з ранньомодерноі та модерноі історіі Украіни / З. Когут. Київ, 2004.

Когут, З. Російский централізм і українська автономія. Ліквідація Гетманщини (1760–1830) / З. Когут. Київ, 1996.

Корнилов, А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. М., 1993.

Крип'якевич, І. Історія України / І. Крип'якевич. Львів, 1992.

Кугутяк, М. Галичина: старінки історії. Нарис суспільно-політичного руху (XIX ст. – 1939) / М. Кугутяк. Івано-Франківськ, 1993.

Лазанская, Т. И. Государственные крестьяне Украины в период кризиса феодально-крепостнической системы / Т. И. Лазанская. Киев, 1989.

Ланда, С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816–1825 / С. С. Ланда. М., 1975.

Левандовский, А. А. Т. Н. Грановский в русском общественном движении / А. А. Левандовский. М., 1989.

Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб., 1994.

Межова, К. Г. Об источниках формирования вольнолюбивых идей декабристов / К. Г. Межова // История СССР. 1989. № 5. С. 37–46.

Мироненко, С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. М., 1989.

Мироненко, С. В. 14 декабря 1825 года. Восстания могло не быть / С. В. Мироненко // Отечественная история. 2002. № 3. С. 57–66.

Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XIX в.): Генезис личности, семьи, гражданского общества, демократии и правового государства. Т. 1–2 / Б. Н. Миронов. СПб., 1999.

Нечкина, М. В. Грибоедов и декабристы / М. В. Нечкина. 3-е изд. М., 1977.

Нечкина, М. В. Движение декабристов. Т. 1–2 / М. В. Нечкина. М., 1955.

Окунь, С. Б. Декабристы / С. Б. Окунь. М., 1972.

Окунь, С. В. Российско-американская компания / С. В. Окунь. М., 2001.

Очерки экономической истории России первой половины XIX в.: сб. ст. / под ред. М. К. Рожковой. М., 1959.

Пантин, И. К. Революционная традиция в России: 1783–1883 / И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос. М., 1986.

Петров, В. П. Русские в истории Америки / В. П. Петров. М., 1991.

Плимак, Е. Г. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ) / Е. Г. Плимак, И. К. Пантин. М., 2000.

Познанский, В. В. Очерки истории русской культуры первой половины XIX в. / В. В. Познанский. М., 1976.

Полиевктов, М. А. Николай I. Биография и обзор царствования / М. А. Полиевктов. М., 1918.

Полонська-Василенко, Н. Історія України. Т. 2 / Н. Полонська-Василенко. Київ, 1995.

Предтеченский, А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. / А. В. Предтеченский. М.; Л., 1957.

Пушкарев, С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. М., 2001.

Рахматуллин, М. Сенатская площадь, 14 декабря 1825 года / М. Рахматуллин // Встречи с историей / сост. И. Л. Андреев. М., 1987.

Российская дипломатия в портретах / под ред. А. В. Игнатьева, И. С. Рыбаченок, Г. А. Санина. М., 1992.

Российские реформаторы XIX – начала XX в.: сб. ст. М., 1995.

Российские самодержцы. 1801–1917 гг.: сб. ст. М., 1993.

Россия и Балканы: Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.

Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.

Смолич, К. И. История русской церкви. 1700–1917. Ч. 1–2 / К. И. Смолич. М., 1996–1997.

Соловьев, С. М. Император Александр I. Политика. Дипломатия / С. М. Соловьев // Соч. Кн. XVII. М., 1996.

Тарле, Е. В. Крымская война. Т. 1–2 / Е. В. Тарле. М., 2005.

Тарле, Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год / Е. В. Тарле. М., 1943.

Татищев, С. С. Внешняя политика императора Николая I / С. С. Татищев. СПб., 1887.

Троицкий, Н. А. Россия в XIX в. Курс лекций: учеб. пособие по спец. «История» / Н. А. Троицкий. М., 1997.

Троицкий, Н. А. 1812. Великий год России / Н. А. Троицкий. М., 1988.

Федоров, В. А. Декабристы и их время / В. А. Федоров. М., 1992.

Федоров, В. А. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев / В. А. Федоров. М., 1997.

Федоров, В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. / В. А. Федоров. М., 1974.

Федорова, С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. / С. Г. Федорова. М., 1971.

Федосов, И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки) / И. А. Федосов. М., 1958.

Цимбаев, Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н. И. Цимбаев. М., 1986.

Шепелев, Л. Е. Чиновничий мир России: XVIII–XX вв. / Л. Е. Шепелев. СПб., 1999.

Шип, Н. А. Интеллигенция на Украине (XIX в.): Историко-социологический очерк / Н. А. Шип. Киев, 1991.

Шпаро, О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829) / О. Б. Шпаро. М., 1965.

Шульгин, В. С. Культура России в IX–XX вв. / В. С. Шульгин, Л. В. Кошман, М. Р. Зезина. М., 1996.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава 1. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Территория, административное деление страны. Население дореформенной России 9
Социальная структура. Положение сословий 13
Тенденции развития сельского хозяйства 24
Развитие промышленности. Начало промышленного переворота 30
Транспортная система 37
Торговля, денежное обращение, финансы 39

Глава 2. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В 1801–1812 гг.

Дворцовый переворот 1801 г. «Дней Александровых прекрасное начало» 42
Политика правительства по крестьянскому вопросу 45
Преобразования народного просвещения и цензурная реформа 47
Министерская реформа 50
М. М. Сперанский и его план государственного преобразования России 52
Записка «О древней и новой России» Н. М. Карамзина 56

Глава 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1801–1812 гг.

Основные внешнеполитические приоритеты Александра I 58
Участие России в антинаполеоновских коалициях 61
Тильзитские договоренности 64
Русско-шведская война 1808–1809 гг. Присоединение Финляндии 66
Русско-французские отношения в 1808–1812 гг. 68
Восточный вопрос во внешней политике России в начале XIX в. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. 71

Глава 4. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ 1813–1814 гг.

Международные отношения накануне нашествия Наполеона в Россию. Подготовка сторон к войне 74
Начальный этап Отечественной войны 1812 г. 87
Бородинское сражение. Оставление Москвы 95
Разгром наполеоновской армии 102
Военная кампания 1813–1814 гг. 108
Венский конгресс. Формирование новой европейской политической системы 112

Глава 5. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1815–1825 гг.

Общая характеристика политической ситуации и внутренней политики 116
Крестьянский вопрос во внутренней политике 117
Попытки конституциирования. Польская конституция 1815 г. 119
Проект Н. Н. Новосильцева 122
Аракчеевщина 123
Политика в области просвещения и культуры 125
Военные поселения 129
Расстановка сил на международной арене во время формирования «венской» системы 133

Европейская политика России в эпоху революций
1810–1820-х гг. и конгрессов Священного союза 139
Россия и восточный кризис 1820-х гг. 142

Глава 6. ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Формирование идеологии декабристов 149
Первые декабристские организации 154
Южное и Северное общества декабристов 161
Восстание декабристов 173
Следствие и суд над декабристами 180

Глава 7. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Самодержавие Николая I 183
Усиление репрессивных мероприятий 186
Кодификация законов 188
Укрепление сословных позиций дворянства 190
Крестьянский вопрос 192
Денежная реформа Е. Ф. Канкрина 196
Политика Николая I в области просвещения и печати 197

Глава 8. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Условия, тенденции и особенности развития общественной мысли России в николаевскую эпоху 205
Кружки конца 1820 – начала 1830-х гг. 207
Феномен историософии П. Я. Чаадаева 213
Охранительное направление русской общественно-политической мысли. Генерация и эксплуатация «теории официальной народности» 216
Либерально-оппозиционное идейное направление. Славянофилы и западники 220
Радикальное направление общественно-политической мысли эпохи «апогея самодержавия» 228

Глава 9. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Основные направления внешней политики 246
Русско-иранская война 1826–1828 гг. Туркманчайский мирный договор 247
«Греческий вопрос». Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Адрианопольский мир 249
Война на Кавказе и присоединение Дагестана и Чечни к России 252
Революция в Венгрии 1848–1849 гг. и подавление ее Австрией и Россией 254
Российская колония Росс в Калифорнии и ее ликвидация в 1841 г. 256
Крымская война 1853–1856 гг. Оборона Севастополя. Парижский мирный договор 259

Глава 10. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Церковное управление 267
Политика в отношении римско-католической церкви 271
Правовое регулирование межконфессиональных отношений ... 274
Ликвидация униатской церкви 277
Ужесточение мер по отношению к старообрядцам 279
Миссионерская деятельность Русской православной церкви 280
Взаимоотношения России и Ватикана 281
Библейское общество в России 282

Глава 11. УКРАИНА ПОД ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Административное устройство. Структура народонаселения 285
Социально-экономическое развитие 288
Кризис крепостнической системы 296
Начало украинского национального возрождения 300

Глава 12. ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Административно-территориальное устройство. Демографическая ситуация 307
Реформирование народного хозяйства и общественного устройства 308
Экономическое развитие 311
Национальное возрождение 313

Глава 13. КУЛЬТУРА РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Народное просвещение 317
Наука и техника 326
Литература и журналистика 332
Живопись и архитектура 341
Театр и музыкальное искусство 346

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ 352

ЛИТЕРАТУРА 359

На первой сторонке обложки:

герб России первой половины 19 в.; внутренний вид Кремля (1838 г.); памятник М. Б. Барклаю де Толли у Казанского собора (скульпт. Б. Орловский).

На четвертой сторонке обложки:

Нарвские ворота в честь победы русского оружия в войне с наполеоновской армией (1827–1834 гг.; арх. В. Стасов); портрет М. И. Кутузова (худ. Р. Волков); Бородинское сражение (худ. К. Мотте, 1820-е гг.).

Учебное издание

Яновский Олег Антонович
Сергеенкова Вера Васильевна
Блашков Юрий Андреевич и др.

ИСТОРИЯ РОССИИ И УКРАИНЫ (XIX – начало XX в.)

Пособие для студентов исторического факультета специальности 1-21 03 01 «История (по направлениям)»

В двух частях

Часть 1

Редактор *Р. Г. Блошко*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Корректор *В. И. Богданович*
Компьютерная верстка *Е. В. Заиченко*

Подписано в печать 25.06.2008. Формат 60 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 22,82.
Тираж 500 экз. Зак. 786.

Белорусский государственный университет.
ЛИ № 02330/0056804 от 02.03.2004.
220030, Минск, проспект Независимости, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0056850 от 30.04.2004.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.